

А. Ю. Митрофанов

**ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО
И ЕГО КОДИФИКАЦИЯ
В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(IV–XI в.)**

А. Ю. Митрофанов

**ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО
И ЕГО КОДИФИКАЦИЯ
В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ
(IV–XI ВВ.)**

Крутицкое Патриаршее подворье
Общество любителей церковной истории
Москва
2010

A. Y. Mitrofanoff

**DROIT DE L'ÉGLISE
ET SA CODIFICATION
DANS LE HAUT MOYEN ÂGE
(IV-V SIÈCLES)**

ISSN 1728-0168

Ответственный редактор:
доктор исторических наук, профессор
Г. Е. Лебедева

Рецензенты:
доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник РНБ
А. И. Киселева
доктор исторических наук,
ведущий научный сотрудник ИИ РАН
А. А. Герд
кандидат филологических наук, доцент
С. Ю. Крицкая

© Все права на текст книги сохранены за автором.
Митрофанов Андрей Юрьевич, 2011
Оригинал-макет, оформление — Общество любителей церковной истории, 2011

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Автор предлагаемого читателям исследования — Андрей Юрьевич Митрофанов уже знаком читателям нашей серии по книге «История церковных соборов в Италии IV — V вв.», изданной в 2006 году, за которую он был удостоен премии имени митрополита Макария (Булгакова). Его новая книга не менее интересна и актуальна, так как посвящена она истории становления церковно-канонического права в период с IV до XI века.

Говоря об актуальности избранной автором темы нельзя не обратить внимание на тот факт, что с начала XX столетия на протяжении почти двух десятилетий в Российской Православной Церкви развивалось движение за церковные преобразования, в рамках которого чрезвычайно возрос интерес к каноническому праву. Каноническое право стало восприниматься не просто как свод мертвых законов, или как собрание застывших юридических памятников, но как источник права в Церкви, на основании которого должны быть проведены назревшие церковные реформы. Произошло своеобразное «пробуждение» канонического сознания в Церкви. Каноны стали не просто изучать, но на смену сухому юридизму в отношении к канонам, как к сугубо церковно-историческим памятникам определенной эпохи, пришло стремление использовать их как руководство к действию.¹

Вместе с тем, в результате полемики по различным вопросам церковного устройства некоторые представители русской богословской науки пришли к выводу, что использование канонов в церковной практике затруднено из-за неясности многих из них, противоречивости, а также из-за возможности «жонглирования» канонами. Русские канонисты начала прошлого века осознавали, что использование канонов необходимо с учетом их «исторического прошлого», т. е. с разбором, детальным изучением тех условий, в которых они создавались.

¹ См. об этом подробнее: *Борщ И.* Русская наука церковного права в первой половине XX века: поиск методологии. М. 2008.

Среди богословов начала прошлого столетия определилось двоякое отношение к канонам. С одной стороны представители ультра-консервативного направления (например, преосвященный Антоний Храповицкий) фактически придавали канонам догматическое значение, полагая, что выступавший против канонов — выступает, таким образом, против православия.² С другой стороны обозначилась иная точка зрения, согласно которой большинство канонических правил создавались, как писал профессор Н. Д. Кузнецов или «ввиду замеченных беспорядков в церковной жизни, или под влиянием чисто местных и временных причин, а вовсе не как начертание каких-либо основных норм церковной жизни, вытекающих из самого существа Церкви и необходимых для всех времен и народов».³

Действительно, Господь наш Иисус Христос в Евангелии дал нам лишь общие, вечные основания для устройства Церкви на земле, но не дал частных правил относительно ее организации. Исходя из нормы евангельского учения, Церковь постепенно вырабатывала свои правила внутренней организации применительно к обстоятельствам современности и местным условиям жизни. К тому же, как верно отмечает автор настоящего исследования, «Церковь заимствовала административную структуру управления, организованную по образцу имперской административной структуры». Причем вмешательство гражданской власти в дело церковного законодательства носило порой весьма существенный характер.

Известно, например, что император Юстиниан I в 6 и 137 своих новеллах указывает, как надо хиротонисать епископов, пресвитеров и диаконов, в 83 новелле определяет подсудность клира — епископату. Император Лев VI Мудрый своими определениями «разъяснял» когда следует крестить младенца и можно ли приобщать женщину, находящуюся в периоде очищения. Он же установил церковное празднование памяти святых Григория Богослова, Василия Великого, Иоанна Златоуста и некоторых других святых

² См., например, отзыв Антония (Храповицкого) в кн. «Отзывы епархиальных архиереев по вопросу III церковной реформе». М., 2004.

³ Кузнецов Н.Д. Преобразования в Русской Церкви. М., 1906. С. 98.

(новелла 88). В ряде случаев такое вмешательство государственной власти приводило к тому, что императорские постановления фактически отменяли правила Вселенских Соборов и даже Апостольские правила. Упомянутый император Лев Мудрый вопреки 31 и 59 правилам VI Вселенского Собора дозволил крещение на дому, вопреки 6, 20 и 81 Апостольским правилам, подвергающим клириков за вмешательство в мирские дела извержению из сана, определил виновных в этом подвергать на первый раз покаянию.⁴ Все эти факты дали основания известному церковному канонисту XX в. профессору Н. Суворову в своем курсе церковного права утверждать, что «Церковное право не есть право божественное, оно есть человеческое право, по отношению к которому монарх имеет значение верховного правообразующего фактора»⁵.

С другой стороны некоторые правила церковные фактически предполагают введение церковного наказания за нарушения сложившегося общественно-государственного порядка, например, отношений раба и господина. Так, например, 40 правило св. Василия Великого указывает, что рабыня, «против воли господина своего, предавшая себя мужу, блудодействует». Если же господин даст свое разрешение на это сожительство, то рабыня признается «вступившей в законное супружество».⁶

Сформировавшийся в начальные века христианской истории канонический кодекс в его целом составе нельзя рассматривать как свод действующих до сего дня правил. Действительно, значительная часть древних вселенских правил либо не действует в современной Церкви, либо — видоизменена до неузнаваемости. Приведем в качестве примера 37 Апостольское правило, предписывающее собирать Соборы Епископов дважды в год (в четвертую неделю Пятидесятницы и в 20 день октября) «для рассуждения друг с другом о догматах благочестия» и разрешения

⁴ См. об этом подробнее: *Попов Николай, профессор-протоиерей*. Император Лев VI Мудрый и его царствование в церковно-историческом отношении. М., 2008.

⁵ *Суворов Н.* Курс церковного права. Ярославль, 1889. С. 11.

⁶ *Каноны или Книга правил святых Апостол, святых Соборов Вселенских и Поместных и святых отец*. Монреаль, 1974. С. 251.

«случающихся церковных прекословий».⁷ Есть правила, вызывавшие острые споры (например, 34 Апостольское правило, которое, на наш взгляд, не основательно применяли к каноническому обоснованию идеи патриаршества, тогда как это правило имеет отношение к митрополичьим округам). Есть правила, противоречащие одно другому.⁸ Все это произошло не из-за злого человеческого умысла, а в силу того, что самые канонические нормы фактически конкретизировались,⁹ изменялись исторические условия существования Церкви (например, крушение рабовладельческого строя превращает в анахронизм упомянутое нами выше 40 правило св. Василия Великого) и т.д.

Между тем второе правило VI Вселенского (Трульского) Собора (691 — 692) и первое правило VII Вселенского Собора требуют непоколебимо содержать существующие канонические нормы. В отношении такого подхода в русской богословской науке высказывались идеи о том, что эти правила нельзя воспринимать «буквально и механически». Об изменяемости канонов говорил, например, такой авторитетный иерарх как митрополит Московский Филарет (Дроздов). В своем толковании второго правила Трульского Собора епископ Никодим (Милаш) не исключает возможности дальнейшей законодательной деятельности Церкви, которая вполне возможна, при соблюдении, однако, верности основным принципам, выраженным «в общецерковном каноне».

«Если бы все каноны были для нас обязательными, — говорил профессор протоиерей Николай Попов, — вся русская Церковь оказалась бы в самом печальном положении. Епископы были бы отлучены и извергнуты из сана, например, за перемену кафедры, на которую первоначально поставлены (21 правило Антиохийского Собора и 15 правило I Вселенского Собора), за несобирание

⁷ Каноны... С. 25.

⁸ 29 правило IV Вселенского Собора говорит о том, что «низведение епископа на пресвитерскую степень есть святотатство» (Каноны... С. 59), а 20 правило VI Вселенского Собора гласит, что епископ, замеченный всенародно учить в граде, ему не принадлежащему (т.е. в чужой епархии) «да совершает дела пресвитерства» (Каноны... С. 72).

⁹ Ср., например, 85 Апостольское правило и 2 правило VI Вселенского Собора.

соборов (6 правило VII Вселенского Собора), за оставление нуждающихся клириков без помощи (59 Апостольское правило), за ночлег в женском монастыре (VI Вселенского Собора 47 правило). Все прочие клирики были бы извергнуты за пост в субботу даже св. Четырдесятницы, кроме великой субботы (64 Апостольское правило и 55 правило VI Вселенского Собора), за совершение крещения вне храма (59 правило VI Вселенского Собора), за какой-либо подарок (например, «на чай») тем, кто не принадлежит к православным христианам (22 правило Карафагенского Собора), или же за рашение и заплетание волос на голове (96 правило VI Вселенского Собора). Наконец, почти все миряне были бы отлучены от общения церковного за преждевременный выход из храма (9 Апостольское правило), за непосещение его в три воскресных дня подряд (80 правило VI Вселенского Собора), за лечение у еврея или за мытье в бане с евреями (11 правило VI Вселенского Собора). Кто оказался бы свободным от тяжелых прещений, хотя бы только за указанные нарушения канонов?..». И далее протоиерей Н. Г. Попов указывает на пределы изменяемости канонов, утверждая, что в канолах есть неизменяемый («догматический») элемент и изменяемый («Исторический» или «дисциплинарный»).¹⁰

Итак, даже самый беглый и краткий обзор различных (порою противоположных) точек зрения указывает нам на существование в современной Церкви серьезной канонической проблемы — проблемы кодификации церковного права. Современная исследовательница церковного права И. Борщ говорит даже о необходимости «преодоления общепризнанного канонического кризиса, который вызван тем, что каноническое предание не актуализировано, реально не приносит пользы, не служит тому, чему должно служить. [...] Для возрождения Церкви необходимо преодоление разрывов в предании, для чего требуется как восстановление преемственности, так и творческое развитие. И в области

¹⁰ *Попов Николай*, протоиерей. Изменяемость канонов в отношении к церковным преобразованиям. // Вестник Св. Синода Православной Российской Церкви. 1925. №2. С. 8

канонического предания и канонической мысли важно увидеть традицию, а если она прерывается, то увидеть то место, где развитие прекратилось, где образовались неразрешимые препятствия и разрывы».¹¹ Разрешению этих проблем, безусловно, поможет церковная история, наука, которая, говоря словами Преосвященного Александра (Семенова-Тянь-Шанского) «никогда не есть только прошлое, но и настоящее и будущее».

Как создавалось и кодифицировалось церковное право в период раннего средневековья? Каковы основные периоды становления этого права? Какие именно обстоятельства оказывали влияние на формирование корпуса канонического права? Как и когда была предпринята попытка создания единого канонического корпуса для Римской и Константинопольской Церквей? Ответы на эти и многие другие животрепещущие и интересные вопросы читатель найдет в предлагаемой его вниманию книге А. Ю. Митрофанова.

Для нас важно заметить, что работа А. Ю. Митрофанова, построена на привлечении огромного круга исторических источников. Ее отличает глубокое знание автором предмета своего исследования, а также то немаловажное обстоятельство, что, как член Православной Церкви, А. Ю. Митрофанов стремится взглянуть на церковную историю, как говорил протоиерей Николай Афанасьев, «не через «тусклое стекло», налагаемое на Церковь чуждыми ей преданиями человеческими, а стоя лицом к лицу с нею», или, иначе говоря, любя ее, стремясь услышать в истории ее подлинный голос.

Священник Илья Соловьев

¹¹ Борщ И. Указ. соч. С. 20.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Церковное право представляется чрезвычайно важной сферой юридического, исторического и богословского знания. Еще св. Феодор Студит приравнивал каноны к догматам, поскольку в идеале предназначение канонов (церковных правил), состоит в выражении догматического содержания веры в практической повседневной жизни христианина. Вместе с тем, христианская Церковь с первых веков своей истории провозглашала устами апостола Павла, что оправдание, т. е. вечное спасение не может быть даровано соблюдением религиозного закона. Легализация христианской Церкви в начале IV в. означала скорую христианизацию древнеримского общества, т. е. всего цивилизованного мира. Этот процесс означал превращение Церкви в активную социальную силу. Последнее обстоятельство стимулировало адаптацию институтов классического римского права церковной организацией. Именно каноническое право стало в итоге мощным цивилизаторским фактором в Средние века, при помощи которого на просторах Европы и Ближнего Востока распространялось Евангелие, христианские общины и принципы общественной жизни, унаследованные от античной цивилизации. Наряду с этим, культурное и этническое размежевание греков, составлявших большинство населения Восточной Римской империи, и романского населения бывшей ее западной части отразилось на отношениях поместных церквей, на их правовой эволюции и, увы, даже на развитии богословской мысли.

Настоящий труд представляет собой попытку обзора и исследования основных этапов кодификации церковного права в период IV–XI вв. Разумеется, изучению раннесредневекового церковного права можно посвятить всю жизнь. Поэтому в настоящей работе мы останавливались прежде всего на самых главных канонических сборниках, наиболее ярко отражающих эволюцию церковной организации на латинском Западе и византийском Востоке.

Главной темой настоящей книги можно считать изучение формирования Корпуса канонического права Римской церкви и достаточно общее сравнение его методологических принципов с аналогичными принципами византийского Номоканона. С целью адекватного раскрытия настоящей темы, мы предлагаем читателю анализ рукописной традиции и критическое издание документальной базы кодекса канонов Римской церкви конца V в., впервые открытого священником-ораторианцем Паскалем Квеснеллом в 1675 г. Исследовав списки указанного кодекса, мы остановились на критическом издании его титулов, а также тех его документов, которые формировали ядро архива Римской церкви в конце IV в. Решение подобной задачи представляется особенно значимым в силу определенного обстоятельства. «Квеснеллово собрание», появившееся почти за век до первого дошедшего до нас византийского «Номоканона L титулов», было последний раз издано полностью по крайне ограниченному числу рукописей в середине XVIII в. При этом современные методы текстологических исследований и сравнений списков памятника применялись учеными лишь при издании отдельных его фрагментов, как правило в составе других более крупных источников (издания К.Х. Турнера, Ш. Мунье). В настоящей работе мы останавливаемся на проблеме влияния «Квеснеллова собрания» на последующую традицию церковного права Римской церкви вплоть до «Собрания канонов» Ансельма Луканского (XI в.). Особое внимание в работе уделено принципам формирования основных латинских канонических сборников VII–XI вв., главным образом «Испанского Собрания» и «Собрания канонов» Ансельма. Сеем надеяться, что настоящий труд поможет благорасположенному читателю разобраться в принципах кодификации церковного права в раннее Средневековье и хотя бы отчасти приблизиться к разгадке подлинных причин Великой схизмы 1054 г.

*Лувен, 12 августа 2010 г.,
День Святого Иоанна Воина*

*Lex imperatorum non est
supra legem Dei uel subtus¹*

ВВЕДЕНИЕ

Ранневизантийская эпоха, охватывающая период с IV по VI в., стала во многом определяющей для становления и первоначального развития отношений Церкви и позднеимперского государства. При этом Восточно-Римская империя превращалась в специфическое ранневизантийское государство, отличавшееся во многом от традиционной древнеримской общественной организации. Именно в указанное время формировались и определялись будущие принципы и парадигмы церковно-государственных отношений, которые затем повлияли на становление этих отношений в раннесредневековых варварских королевствах.

Начиная с 313 г., когда был подписан Медиоланский эдикт, а точнее даже раньше, с момента издания Никомедийского эдикта Галерия о веротерпимости, римская императорская власть встала на путь христианизации. Римское общество, постепенно воцерковляясь, вовлекало в этот процесс высшие сословия империи: патрициев, всадников, куриалов. Эти сословия в лице представителей государственной элиты в свою очередь проявляли стремление активно утверждать свой авторитет в вопросах веры, тем самым подчеркивая свой особый статус в религиозной жизни подданных. Со своей стороны и Церковь, перестав быть недозволенной религиозной коллегией (*collegium illicitum*), постепенно осознавала свою новую историческую роль господствующей религиозной организации и старалась выработать главные принципы

¹ Collectionis minoris in margine 13; Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thaner, Oeniponte 1906/1915 (Репринтное воспроизведение: Thaner Fr. Anselm II. Bischof von Lucca, etc., Aalen, 1965.). P. 38, n. 1.

отношений с государством, еще вчера языческим. Эти принципы были основаны на столпах евангельской истины и церковного предания, которые должны были определять основы кодифицированного церковного, канонического, права. Логика отношений Церкви и государства, проявившаяся в ранневизантийскую эпоху, в определенном смысле повлияла на средневековую правовую теорию. Если согласиться с Н.Д. Фюстель де Куланжем и признать решающее значение римской правовой системы и древних имперских институций в процессе формирования средневекового общества, — в таком случае можно с уверенностью утверждать: характерная для средневековья борьба Церкви и государства, Wormский конкордат, Булла «*Unam Sanctam*» и Флорентийская уния были бы невозможны без той традиции церковного права, которая зарождалась именно в ранневизантийскую эпоху. Становление римской универсалистской экклесиологии на латинском Западе, которая имела определяющее значение для развития западного средневекового общества, внутреннее развитие христианской Церкви в указанный период — представляются также чрезвычайно важными и актуальными проблемами. Вышеупомянутые проблемы могут быть разрешены только в контексте изучения церковно-юридических источников.

Своеобразным зеркалом, в котором отражались как внутренняя динамика развития Кафолической церкви, так и церковно-государственные отношения в раннее Средневековье, стала каноническая, правовая, литература. Под этим термином мы подразумеваем на страницах представленного сочинения именно сборники канонов, принятых соборами, папских декретов, канонических посланий и церковных законов, изданных императорской властью. Вышеупомянутые документы сформировали в последующей византийской юридической традиции «Номоканон» — т. е. «Законоправило» или «Кормчую». В латинской юридической традиции подобные документы объединялись в рамках «*Collectio*» — т. е. «Собрания канонов». Эта каноническая, правовая, литература

имела решающее значение для развития всей средневековой системы права, в том числе и светского. Развитие и рецепция церковного права также в определенной степени отражают процесс эволюции церковно-государственных отношений. В связи с этим периодизация церковной истории и церковно-государственных отношений как в позднеантичную (ранневизантийскую) эпоху (IV–VI вв.), так и в раннее Средневековье (V–XI вв.) в целом, оказывается непосредственно связанной с основными этапами развития канонической или, в более широком смысле, церковно-юридической литературы.

Промежуток времени, отделяющий окончание гонений императора Максимиана и Диоклетиана против христиан в 305 г. и I Никейский собор 325 г., следует признать *procul omni dubio*² первым этапом становления отношений между Церковью и государством. В этот период христианская Церковь обрела свободу благодаря двум уже упоминавшимся выше эдиктам о веротерпимости: Никомедийскому эдикту Галерия 311 г. и Медиоланскому эдикту Константина 313 г. В этот период поместные христианские общины уже проявляли выдающиеся способности к самоорганизации. Самоорганизация поместных церквей проявляла себя уже тогда, когда административный строй «имперского образца», а именно деление на митрополичьи округа и епархии (диоцезы), еще не был усвоен христианами, только что вышедшими из духовной и мировоззренческой брани с языческим государством. Эльвирский собор 305 г., I Арльский собор 314 г. или Анкирский собор 314 г. дают примеры подобной самоорганизации, которая предполагала решение задач церковно-административного порядка без привлечения светских чиновников. Впрочем, поместные соборы, разбиравшие важнейшие богословские вопросы, стали нормой еще в III в. Яркими примерами таких собраний епископов могут служить Карфагенский и Римский соборы, разбиравшие проблему

² Вне всякого сомнения (лат.).

сакраментальных границ Церкви, или Антохийский собор, осудивший Павла Самосатского. Наконец, I Никейский собор 325 г. стал первым зримым административным проявлением церковной соборности, т. е. способности к универсальной самоорганизации уже при помощи государства. Государственная власть демонстрировала свою заинтересованность в церковном мире в связи с учением Ария и стремилась в лице Константина оказывать Церкви всемерное покровительство. Этот собор привел к тому, что Церковь заимствовала административную структуру управления, организованную по образцу имперской.

Второй этап становления отношений Церкви и государства был более драматичным по накалу религиозных и политических страстей (325–381 г.). Этот этап начался после I Никейского собора и продолжался вплоть до Константинопольского собора 381 г., ставшего Вторым Вселенским. Для него характерно вмешательство императорской власти в вероучительные споры, бушевавшие в христианском обществе в связи с арианством, а также дальнейшее увеличение количества христиан в Римской империи. Церковь становилась авторитетнее с каждым десятилетием несмотря на кратковременную языческую реакцию при Юлиане Отступнике. Именно в этот период христианская Церковь формулировала триадологическое учение, отстаивая перед лицом императоров Констанция и Валента, настроенных проариански, идеалы религиозной свободы. Завершение указанного периода было связано не только с Константинопольским и Аквилейским соборами 381 г., положившими конец арианской смуте, но и в не меньшей степени с изданием Константинопольского эдикта императора Феодосия I. Константинопольский эдикт предписывал всем подданным Римской империи придерживаться «православной и кафолической веры», которой придерживались Римский епископ Дамас и Александрийский епископ Петр. Таким образом, христианство стало *de iure* государственной религией Римской империи.

Третий этап становления церковно-государственных отношений и формирования церковного права в Римской империи связан с развитием христологических споров, которые происходили на фоне соперничества ряда поместных церквей за первенство в Церкви и нашествия германцев (381–476 гг.). В этот период помимо формирования христологической доктрины происходил чрезвычайно важный процесс институционального развития клира, усложнения церковной иерархии, который нашел отражение прежде всего в императорском законодательстве в отношении клира и церковных привилегий. В этот период был издан «Кодекс Феодосия», в котором последняя 16-я книга всецело была посвящена Церкви и ее правовому статусу. Как известно, «Кодекс Феодосия» существенно повлиял на отношение между варварской королевской властью и Церковью в вестготской Испании благодаря рецепции римского права, произведенной в рамках «Бревиария Алариха». Тогда же были созданы первые целостные и структурированные сборники церковного права в различных поместных церквях: *Collectio Quesnelliana* и *Collectio Prisca* в Римской церкви, *Codex canonum ecclesiae africanae* и *Epitome canonum Fulgentii Ferrandi* в Карфагенской церкви, *Statuta ecclesiae antiqua* в Массилийской церкви Нарбоннской Галлии.³ Завершился этот период первым масштабным церковным расколом между Римом и Константинополем так называемой «Акакиевской схизмой», вызванной промонофизитским «Энотиконом» императора Зинона, а также окончательным падением Западной Римской Империи в 476 г.

Четвертый этап становления взаимных отношений Церкви и государства был связан с качественно иными историческими условиями (476–800 гг.). С этой точки зрения можно признать данный период наиболее сложным и продолжительным как в смысле формирования отношений Церкви и ранневизантийского

³ Квеснеллово собрание, Собрание Prisca, Кодекс канонов Африканской церкви, Эпитома канонов Фульгенция Ферранда, Древние Статуты Церкви.

государства (на пространствах бывшей Западной Римской Империи формирования отношений Церкви и варварских королевств), так и в смысле постепенного взаимного культурного и богословского отчуждения латинян и греков, развивавшегося внутри христианской Церкви. Это взаимное отчуждение затрагивало отношения между Римской церковью как религиозным и культурным центром латинского Запада и Константинопольской церковью как церковью имперской, также претендовавшей на роль духовного центра в рамках имперской ойкумены. Именно в это время примирением Рима и Константинополя завершилась «Акакиевская схизма» (518 г.). Император Юстиниан предпринял попытку восстановления Римской империи в ее былых масштабах, а также предложил Церкви в своей VI Новелле универсальный принцип отношений на основе «симфонии», имевший четкое правовое и философское обоснование. Неслучайно принципы шестой новеллы многократно повторялись и перетолковывались в последующих памятниках церковного права как Константинопольской, так и Римской церкви. В связи с этим достаточно вспомнить хотя бы «Эпанагогу», «Синагогу» Иоанна Схоластика или «Собрание канонов», приписываемое Ансельму Луканскому. Действительно, на протяжении второй половины XIX и XX в. византинисты, принадлежавшие к самым разным научным школам и направлениям, предлагали многочисленные объяснения того, в чем же заключался идеал отношений Церкви и государства, контуры которого были намечены в VI Новелле. В связи с этим достаточно вспомнить труды таких выдающихся исследователей, как Ф.А. Курганов, А.А. Васильев, Б.А. Успенский, Ж. Паргуар, Ш. Диль, Ж. Дагрон, Дж. Каталано. Эти труды стали своеобразными научными комментариями как к VI Новелле, так и ко всему корпусу юстиниановского церковного законодательства. Однако идеал «симфонии властей», обозначенный в VI Новелле императора Юстиниана со всей остротой, так и не получил своего воплощения несмотря на длительную традицию изучения церковного византийского

права юстиниановской и предюстиниановской эпохи. Проблема «симфонии властей» как с точки зрения ее практического воплощения в жизнь, так и с точки зрения правильного понимания ее внутреннего содержания продолжает волновать современных исследователей. Подобная актуальность, на первый взгляд, казалось бы, «избитой» темы несомненно объясняется глубокими богословскими и философскими вопросами, которые лежат в основе «симфонии». Как очень точно отметил А.В. Карташев, идеал «симфонии» стал попыткой подчинить греко-римское правовое сознание реальности Боговоплощения, к богословскому выражению которой стремилась Церковь в эпоху Халкидонского собора.⁴ С другой стороны, В.С. Соловьев воспринимал «симфонию» всего лишь как реминисценцию языческого мировоззрения древней эллинистической эпохи. По мнению В.С. Соловьева, Юстиниан подсознательно никогда не забывал о том времени, когда диadoхи объединяли в своем лице политическую и духовную власть, доставшуюся им в наследство от покоренных восточных народов, оставляя жрецам повседневное совершение языческих богослужений и всецело сакрализируя свой собственный политический статус. Согласно В.С. Соловьеву в «симфоническом» идеале не было ничего специфически христианского, но он таил в себе грядущую опасность изоляции Церкви от общества, лишение Церкви каких бы то ни было инструментов влияния на общество для изменения повседневной жизни в соответствии с евангельскими идеалами. Церковь была обречена в Византии на благочестивый плен в монастырских и соборных стенах, за пределами которых началась жизнь, вполне языческая по своим внутренним интенциям и устремлениям. По мнению мыслителя, подобный «византизм», изолирующий христианское свидетельство от общественной жизни, способствующий пагубному отождествлению вселенского

⁴ *Карташев А.В.* Воссоздание святой Руси. Париж, 1956. С. 71–75; О симфонии Церкви и общества. С. 123–131.

с национальным, сыграл свою дурную роль и в российской исторической жизни.⁵

Примером древней Византии
Мы научиться не хотим
И все твердят льстецы России
Ты третий Рим, ты третий Рим.
Смириться в трепете и страхе
Кто мог любви завет забыть
И третий Рим лежит во прахе
А уж четвертому не быть.⁶

К этим пророческим словам В.С. Соловьева, написанным им в 1894 г., особенно важно прислушиваться тогда, когда идеал «симфонии» начинает восприниматься в качестве отвлеченной и как бы «универсальной» схемы отношений Церкви и государства, оторванной от конкретного культурно-исторического контекста и ткани византийской истории. О подобной опасности, порожденной «симфоническим» идеалом уже в византийской исторической жизни, писал столетие спустя протопресвитер Александр Шмеман, рассуждая об отношениях Церкви и византийской власти в постиконоборческую эпоху. Согласно замечанию протопресвитера Александра Шмемана, византийский василевс, как будто бы став до конца православным после «Торжества Православия» в 843 г., получал от Церкви санкцию распоряжаться по своему усмотрению всеми сторонами жизни Церкви, которые не касались непосредственно вероучения.⁷ В связи с этим представляется очевидным, что адекватная оценка «симфонии» возможна лишь в контексте анализа эпохи Юстиниана, так же как и предшествовавшего времени, которое и породило в конечном

⁵ *Solovieff V. La Russie et l'Eglise Universelle. Bruxelles, 1992. P. 1–140.*

⁶ Владимир Соловьев «Панмонголизм» // *Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Владимира Соловьева. М., 1913. Т. II. С. 4–12.*

⁷ *Шмеман Александр, протопресв. Исторический путь Православия. Киев, 2003. С. 280–284.*

итоге этот принцип отношений Церкви и государства. Очевидно, что возникновение «симфонии» как политического манифеста было предвосхищено стремлением властей отказаться от древнеримского коллегиального принципа организации церковной жизни (неважно, мультиколлегиального в соответствии с Никомедийским эдиктом или моноколлегиального в соответствии с Константинопольским эдиктом). Появление «симфонии» было подготовлено тем, что на уровне законодательства Церковь становилась первенствующей институцией в Восточной Римской империи. Подобное обстоятельство проявилось, в частности, в том, что новый «Кодекс Юстиниана», разделенный на 12 книг, отводил для церковного законодательства 1-ю книгу, а не последнюю, как было в «Кодексе Феодосия».

В последние несколько лет проблема «симфонии» вновь стала поводом для оживления дискуссий, связанных с историей церковно-государственных отношений в Византийской Империи. Своеобразным стимулом для подобных дискуссий стало издание в 2002 г. в Париже 16-й книги «Кодекса Феодосия», в которую, как известно, вошел весь корпус церковного законодательства императоров IV в., а также законы самого Феодосия II. Издание, осуществленное трудами французской исследовательницы греко-римского церковного права Е. Ману-Нортье, было снабжено параллельным французским переводом законов и, что более важно, пространным историко-юридическим комментарием этих законов.⁸ Значительное внимание в комментариях было уделено вопросу рецепции греко-римского церковного права последующей средневековой юридической традицией. Поскольку 16-я книга «Кодекса Феодосия» была наряду с «Сирмондиевскими конституциями» важнейшим источником для составления 1-й книги «Кодекса Юстиниана», посвященной церковному законодательству, исследование Е. Ману-Нортье вызвало бурные споры среди

⁸ Le Code Théodosien, Livre XVI et sa réception au Moyen Âge, par Élisabeth Magnou-Nortier. Paris, 2002. P. 13–90 (l'Introduction).

ученых. Эти споры касались вопроса о природе церковного законодательства ранневизантийской эпохи, о его значении для Церкви и о степени реального воплощения в жизнь того принципа церковно-государственных отношений, который, формируясь в IV–V вв., был окончательно определен Юстинианом в VI Новелле.

Плодотворным итогом, хотя и не окончательным результатом, указанных споров безусловно следует признать международный исследовательский colloquium, проходивший в Лионе на базе Лионского Католического Университета с 6 по 8 октября 2005 г. Тема colloquium была сформулирована следующим образом: «Христианская империя и Церковь в IV и V вв. Интеграция или “конкордат”? (по материалам Кодекса Феодосия)». Спустя три года материалы colloquium были изданы в Париже Институтом по изучению христианских источников под редакцией Ж.Н. Гино и Ф. Ришара. Несмотря на то что хронологические рамки исследований, предпринятых в рамках colloquium, охватывали круг источников, представленных в 16-й книге «Кодекса Феодосия», в действительности обозначенная в заглавии проблема потребовала от участников colloquium более широкомасштабного взгляда на церковно-государственные отношения в ранней Византии. Сама тема colloquium предполагала использование таких анахроничных для V столетия понятий, как «конкордат», заимствованное из юридической практики позднего Средневековья, или «интеграция», являющееся, скорее, социологическим термином XX в. Во многом благодаря этому методическому приему результатом colloquium стала широкая дискуссия, в рамках которой участники выразили различные мнения относительно характера той законодательной базы, которая в итоге обеспечила рождение в византийском правовом сознании принципа «симфонии». В ходе дискуссии внутреннее содержание и сущность симфонического принципа сосуществования Церкви и государства были противопоставлены тому, как эти принципы отражались

в повседневной законодательной практике, предшествовавшей кодификации Юстиниана. По словам участников colloquium, «Обращение Константина в 312 г. стало приятной неожиданностью, а между тем в эту эпоху (и вполне резонно) не существовало никакой модели, которая была бы образцом для христианского императора, точно так же как и со стороны Церкви не исходило никакой глубокой богословской концепции политической жизни. Отношения, выстраивавшиеся между императорской властью и Церковью благодаря этому затянувшемуся обращению властей, не были практическим применением политической программы, которой вовсе не существовало, — эти отношения были основаны на эмпирическом опыте. Материалы, непосредственно касающиеся церковно-государственных отношений, а также свидетельства об исключительных явлениях ... порожденных этими отношениями, были обобщены при помощи религиозных законов «Кодекса Феодосия», которые издавались императорами и проводились в жизнь с 312 по 438 г.»⁹.

Таким образом, 16-я книга «Кодекса Феодосия» воспринимается не столько как памятник определенной ушедшей эпохи, сколько как фундамент, возникший благодаря обобщению опыта отношений Церкви и государства и позволивший разработать основные принципы этих отношений. Как известно, почти век спустя после издания «Кодекса Феодосия» Юстиниан воздвигнет новое здание церковного права и сформулирует принцип «симфонии» властей именно на этом фундаменте. Чем же в таком случае являлся симфонический принцип? Абстрактным идеалом, мало пригодным для политической повседневности, химерой, *de facto* маскировавшей цезаропапистические устремления государственной власти, как нередко было принято считать в историографии рубежа XIX–XX вв., или же все-таки конкретным результатом,

⁹ Empire Chrétien et Église aux IV-e et V-e siècle, Intégration ou «concordat»? Le témoignage du Code Théodosien. Textes rassemblés et édités par J.-N. Guinot et F. Richard. Paris, 2008, passim.

обобщением более чем векового опыта выстраивания отношений Церкви и государства? Представляется, что второй тезис обоснован в большей степени.

Анализируя развитие ранневизантийского церковного права, а точнее римского церковного права в ранневизантийскую эпоху, современный ученый неизбежно приходит к выводу, который заключается в том, что для понимания генезиса теории «симфонии» недостаточно ссылаться на древнеримское сакральное право, как это делал Дж. Каталано. В гораздо большей степени важно понять то, насколько теория «симфонии», родившаяся в недрах ранневизантийской политической мысли, соответствовала сознанию древней Церкви, которой отводилось в рамках этой теории ключевое место. Подобная задача находит свое решение, хотя и не окончательное, в докладе Ф. Ришара, представлявшего на коллоквиуме Университет Нанси II. Ф. Ришар совершенно справедливо подчеркнул, что изначально Церковь, существуя абсолютно независимо от римского права, не требовала для себя никакой юридической санкции, которая могла бы подтвердить ее права или привилегии. В этом смысле позиция Церкви была с точки зрения права нелегитимной, с точки зрения общества — маргинальной, и вместе с тем с онтологической точки зрения свободной. Подобный принцип существования проистекал из примера, который был дан Иисусом Христом, «который никогда не вступал в переговоры с политическими или религиозными властями о праве делать то, что Он хотел, и учить так, как Он хотел». По словам историка, «Иисус был Царем, который обладал суверенной властью, и Церковь желала обосновывать свое право существовать только с Его помощью»¹⁰. Именно поэтому главной идеей Отцов Церкви и апологетов II–III вв. была идея независимости Церкви — независимости, которая не означала изолированности,

¹⁰ Ibid.

а, напротив, становилась залогом того, что Церковь, оставаясь вне императорской юрисдикции, осуществляла главную помощь империи — духовное заступничество перед истинным Богом. И неважно было, что императорская власть не ведала об этой миссии христианской Церкви, — важно было, что для христианского сознания Церковь была той альтернативой языческому обществу, от которой в духовном отношении зависело само существование этого общества. Для Ф. Ришара решающим, переломным моментом в истории отношений Церкви и империи, открывшим для Церкви ворота императорского законодательства, стал закон Константина, адресованный префекту Африки Аннулию, который был язычником. Этот закон извещал Аннулия о даровании служителям Церкви освобождения от муниципальных повинностей (*munera sordida* и *munera extraordinaria*). Именно этот закон, вошедший в «Кодекс Феодосия», а затем уже в юстиниановскую эпоху «симфонии» успешно прошедший ревизию комиссии Трибониана, по мнению Ф. Ришара означал ту революцию, которая, по словам Н.Д. Фюстель де Куланжа, стала концом античного города. Отныне «политическая власть утратила свою полноту и свое равновесие, впервые она вынуждена была признать свою неполноту в религиозном плане, ибо для исполнения функции, которую она усвоила себе до того, власть прибегала к помощи учреждения, рожденного вне ее, смысла существования которого не зависел от нее».¹¹

Указанный переворот неизбежно должен был привести к распространению влияния христианства в обществе, ибо, с одной стороны, Церковь получила в IV в. статус привилегированной религиозной коллегии, а с другой — Церковь не была связана с властью никакими религиозными обязательствами в отличие от традиционных римских культов. Упомянутый Константинопольский эдикт 381 г. «*Cunctos populos*», объявивший христианство

¹¹ Ibid. P. 90.

de facto государственной религией, открывал путь той самой интеграции Церкви и империи, который было бы наиболее уместно обозначить термином «воцерковление» императорской власти. Этот процесс усиленно происходил на протяжении всего V столетия и привел к тому, что в конечном итоге императоры Феодосий II и Маркиан, созывая в 431, 449 и 451 гг. Вселенские соборы, оказывались перед необходимостью придания догматическим постановлениям этих соборов статуса государственных законов. Теперь цезари не устанавливали религиозный «*lex*», а подчинялись соборному голосу Церкви, чадами которой являлись. Своего апогея подобное «воцерковление» византийской государственности достигло в юстиниановскую эпоху. Именно Юстиниан не только продолжил законодательную политику привилегий в отношении Церкви, но и выступил гарантом того, что православная вера, выраженная в постановлениях церковных соборов, навсегда охраняется гражданским законом. Уже сам метод комиссии Трибониана, проводившей рецепцию римского права по повелению Юстиниана, был основан на признании безусловного первенства вопросов веры над всеми другими разделами права. По словам Е. Довере, представлявшего на коллоквиуме в Лионе «Партенопейский» Университет Неаполя, начальное заглавие «Кодекса Юстиниана» «*De Summa Trinitate et de Fide Catholica*»¹² символизировало, что правительство Юстиниана продолжает политику имперского православия, которая была характерна уже для феодосиевского права. «*Praedictarum enim quattuor synodorum dogmata... sicut leges servamus*», — гласило имперское право.¹³ Неслучайно в связи с этим появление в законодательстве выражения «*catholica lex*».¹⁴

Можно с уверенностью согласиться с мнением Е. Солера, представлявшего на коллоквиуме университет Руана. Как свидетельствует

¹² «О Верховной Троице и о католической вере».

¹³ «Мы соблюдаем догматы вышеуказанных четырех синодов... как законы» (Ibid. P. 98).

¹⁴ «Католический закон».

ученый, в сознании христианина ранневизантийской эпохи термин «кафолик»¹⁵ не просто означал христианина, но идентифицировал носителя этого термина с Римским государством.¹⁶ Возвышенный стиль, свойственный многим юстиниановским новеллам, многословие, характерное для многих его законов, посвященных Церкви, лишь подчеркивали для современников важность церковных проблем и церковного устройства. Если в IV в. важнейшие императорские новеллы, касавшихся церковной жизни, в частности вошедшие в *Collectio Aeuellana* знаменитые новеллы Валентиниана I, отличались в стилистическом отношении краткостью и лаконичностью,¹⁷ то юстиниановские новеллы были не только практическими законами, не только зафиксированной письменно волей императора, но они были также программными документами, отражавшими главную идею императора Юстиниана — идею «симфонии» священства и царства, понимаемой по образцу гармонии души и тела.

Однако вышеизложенное не позволяет сделать окончательного вывода относительно того, насколько реально функционировал в общественной жизни принцип «симфонии». Многие конкретные исторические примеры, как кажется, свидетельствуют о том, что идеал «симфонии» на практике означал постепенное вторжение императорской власти во внутреннюю сферу церковной жизни. Еще в предюстиниановский период исповедовавший монофизитство император Анастасий I стал объектом обличений Римского епископа Геласия. Сам Юстиниан склонялся в конце жизни к учению автортодокетов, а его супруга Феодора, канонизированная Церковью, так же как и сам Юстиниан, открыто симпатизировала монофизитам. На основании подобных примеров, упоминая также расправу императора-монофелита Константа

¹⁵ Следуя традиции дореволюционной отечественной историографии, мы используем среднегреческую транскрипцию термина *catholicus*, рассуждая об исторических событиях до 1054 г.

¹⁶ Ibid. P. 107.

¹⁷ Ibid. P. 156–157.

над св. папой Мартином и Максимом Исповедником, Г. Бедуэль вслед за А. Ранером сделал вывод о том, что «на Востоке... Церковь без особого сопротивления полагается на всемогущество государства до самого конца Византийской империи в XV в. и даже позднее при помощи преемства, осуществленного Российской империей и “Третьим Римом”». ¹⁸ К сожалению, приходится признать подобный вывод поверхностным и в сущности неудовлетворительным для понимания того, насколько реально действующей и эффективной оказалась модель юстиниановской «симфонии». Установить степень реального воплощения «симфонической» модели отношений Церкви и государства в Византии позволяет изучение конкретных источников, связанных с историей императорских ересей в Византии, однако нельзя не признать, что Церковь и прежде всего клир оказывали колоссальное влияние на императорскую политику, по крайней мере в ранневизантийский период. Для понимания этого достаточно хотя бы вспомнить статистические сведения о количестве епископов, хореепископов и монахов, в том числе и не имевших постоянных монастырей, обобщенные еще А.А. Васильевым. Знала ли Византия доиконоборческого периода противопоставление императорской власти епископам в том смысле, в каком это противопоставление будет воспринято впоследствии на Западе? Представляется очевидным, что нет, однако влияние императорской власти на Церковь должно было быть в эту эпоху прямо пропорционально влиянию христианства на саму власть.

Дж. Л. Фальки, представлявший на коллоквиуме в Лионе Латеранский Папский университет, констатировал, что в древнеримском юридическом сознании религиозная жизнь играла служебную социальную роль. Эта роль воспринималась римлянами до такой степени гипертрофированно, что в древнеримскую эпоху «не было недостатка в людях, готовых — и это за много веков

¹⁸ Ibid. P. 71.

до Маркса! — представить римскую религию в критическом виде как инструмент оправдания власти и как средство управления народом».¹⁹ Однако в том и заключался успех христианизации империи в IV–V вв., что результатом этого процесса стало исчезновение упомянутого древнеримского «религиозного прагматизма» как реликта языческой психологии. На место прагматического *ius sacrum*, которое устанавливалось императором — Верховным жрецом, пришло каноническое право «*Catholica Lex*». Этот новый закон стал частью имперского права, однако настолько самостоятельной его частью, что именно он пережил на Западе имперские институты и стимулировал варварских королей в VI в. брать для себя за образец идеал «конфессиональной империи»²⁰ — империи, организованной в соответствии с канонами «*Catholicae et Orthodoxae fidei*». Вместе с тем, Дж. Л. Фальки противопоставил геласиевскую идею разделения духовной власти и светской и юстиниановскую идею, допускающую и поощряющую наречение патриарха, епископов и архимандритов с участием представителей власти. Нормы канонического права, предписанные 4-м канонам I Никейского собора, уступали перед систематическим характером единого церковно-имперского права, окончательно обобщенного при Юстиниане.²¹ Однако по всей вероятности ни Юстиниан, ни Трибониан, ни патриарх Епифаний не ощущали никакого подчинения Церкви светской власти, которое становится очевидным, если рассматривать проблему с позиций геласиевского противопоставления епископа и императора.

VI Новелла Юстиниана провозглашала, что «симфония» священства и царства подобна гармонии, которую в идеале представляет собой душа и тело одного человека. В данном случае образ VI Новеллы предполагает антропологическую аналогию, упрощая идеал церковно-государственных отношений, для того

¹⁹ Ibid. P. 131.

²⁰ Ibid. P. 151.

²¹ Ibid. P. 151–152.

чтобы этот идеал был максимально понятен. Этот идеал призван был стать тем, чем были, по справедливому выражению К.Л. Нетлиша, фрески на стенах церквей в эпоху Эльвирского собора: они были «библией бедных», не умевших ни читать, ни писать.²² Только через воцерковление всех сторон жизни империи, в том числе и политической жизни, возможно было реализовать юстиниановскую идею римской ойкумены как ковчега для Вселенской церкви. Согласно признанию К. Буенекаспереса, специалиста по имущественному греко-римскому праву, Кафолическую церковь и империю объединяла общность интересов. Эта общность интересов по закону предоставляла возможность православным епископам присваивать имущество еретических исповеданий.²³ Единство веры патриарха и императора в идеале должно было обрести видимое выражение в целостной политической и правовой жизни, при которой церковные каноны приобретали статус императорских законов, а император воспринимался как «епископ внешних дел» Церкви.

Безусловно, проблема «симфонии» властей в ранней Византии, так же как и проблема интеграции Церкви и империи, обсуждавшаяся на коллоквиуме в Лионе, не может быть разрешена при помощи исследования исключительно юридических источников. Итоги коллоквиума продемонстрировали это со всей очевидностью. Указанные проблемы имеют серьезную философскую основу. Можно предположить, что идеал «симфонии» властей никогда не был бы сформулирован в том виде, в каком он предстал в VI Новелле, если бы антропология византийских богословов, в частности Леонтия Византийского, в ту памятную эпоху христологических споров, не стремилась переосмыслить антропологию Аристотеля на основании учения о «воипостасности» божественной природы Христа Его человеческой природе. Император Юстиниан, живо интересовавшийся христологической

²² Ibid. P. 282.

²³ Ibid. P. 274.

проблематикой, несомненно, исходил в своей законодательной деятельности из данной философской основы. В то же время, геласиевское противопоставление Церкви как клира и светской власти, которое никак не соответствовало «симфонической» модели, должно быть признано политико-правовым отражением платоновской антропологии, выраженной наиболее явственно в диалоге «Федон», влияние которой испытывал на протяжении всей своей жизни главный богословский учитель Запада — блаженный Августин.

В то самое время, когда Константинопольская церковь оказалась подчинена «симфонической» модели отношений Церкви и государства, Римская церковь в VI в. пошла по совершенно иному пути исторического развития. Уже в конце V в. Римский папа Геласий в своих декретах однозначно сформулировал свое отношение к положению Римской кафедры в христианском мире. Согласно традиции Римской церкви ее предстоятель обладает вселенским первенством не в силу постановлений каких-либо соборов, а силу того, что он является преемником апостола Петра, которому Христос даровал ключи царства и на котором Он основал Свою Церковь. Манифест универсалистской римской эклесиологии был подготовлен предшествующим развитием римского церковного права. В условиях церковного раскола с Константинополем (Ахикиевской схизмы) при отсутствии православной государственности на большей части пространств бывшей Западной Римской империи, папа Геласий был вынужден обосновывать независимость и верховенство Римской церкви, основываясь на рецепции римского церковного права предшествующих двух столетий («геласиевский» декрет конца IV в.). Геласий, очевидно, понимал, что для первой явной манифестации эклесиологического универсализма, направленного против монофизитствующей имперской церкви в Константинополе, необходимо было создание корпуса канонического права. Этот корпус должен был базироваться исключительно на церковном предании, выраженном в документах

церковного права, утвержденных Римской церковью. Таким корпусом права, родившимся в результате рецепции римского церковного права, предпринятой Геласием в начале 490-х гг., стал канонический сборник, известный как «Квеснеллово собрание». Сам процесс рецепции римского церковного права, который привел к созданию «Квеснеллова собрания», именуется в современной историографии термином «геласиевское возрождение».

В связи с тем, что авторитет Римского епископа признавался на Западе к концу правления Геласия безоговорочно (за исключением северной Африки), в начале VI столетия в Риме была проведена новая кодификация церковного права. С целью проведения указанной кодификации Дионисий Малый осуществил знаменитый перевод канонов греческих соборов на латинский язык, приводя их в соответствие с практикой Римской церкви. В частности, Дионисий перевел лишь 50 апостольских канонов из общего числа 86, ибо «каноны апостолов» как канонический сборник восточного, сирийского, происхождения, но написанный по-гречески, никогда не пользовался авторитетом в Римской церкви. Точно так же Дионисий отринул 28-й канон Халкидонского собора, не признанный в 451 г. св. папой Львом Великим из-за того, что этот канон даровал Константинопольскому епископу равные права с епископом Рима. Авторитет Римского епископа объяснялся в 28-м каноне тем, что епископ Рима является первоиерархом древней имперской столицы. В эпоху Юстиниана последовал кратковременный этап зависимости Рима от Византии, проявившейся на Константинопольском соборе 553 г. В дальнейшем же по мере того как Константинопольская церковь все более отождествляла себя с имперской ойкуменой, Римская церковь все более подчеркивала свою независимость и апостольское происхождение. Реальность «симфонии» проявила себя в полной мере в «Синагоге» и в «LXXXVII главах» патриарха Иоанна Схоластика, а также в позиции патриарха Иоанна Постника, который принял титул Вселенского патриарха, подчеркивая универсализм

имперской церкви. В то же время св. папа Григорий Великий, приняв титул «раба рабов Божьих», реформируя и унифицируя литургическое предание Римской церкви, стремился подчеркнуть независимость и универсализм Рима. Папа приветствовал даже узурпатора Фоку, который сверг императора Маврикия, поддерживавшего идею имперской церкви. Именно тогда на рубеже VI–VII в. со всей очевидностью обозначилось будущее противостояние Рима и Константинополя как двух центров христианского мира, которое спустя четыре столетия приведет к окончательному разделению.

Если соборная деятельность и каноническое творчество в централизованной Византии было в конце VI столетия сведено к деятельности патриаршего Константинопольского Синода, (Вселенские соборы созывались теперь только раз в столетие), то на Западе, захваченном германцами, поместные церковные соборы представляли собой очень важный механизм общественного развития. Благодаря соборам и созданию новых методов церковно-юридического воздействия на жизнь общества католическое латиноязычное население влияло на германских завоевателей, исповедовавших в большинстве своем арианство (кроме франков) и находившихся на несоизмеримо более низкой ступени политического развития. В частности, соборы были единственным средством правового регулирования повседневной жизни в условиях полного упадка христианской нравственности и варварства на территории Франкского королевства в VI в., особенно в период борьбы между Австразией, Нейстрией и Бургундией. Соборы католического духовенства стали очень мощным средством противостояния с арианской вестготской знатью в Испании. Это противостояние закончилось тем, что принц Ерминингельд под влиянием супруги (франкской принцессы) принял православную веру, а его брат Рикаред окончательно покончил с арианством в своем королевстве. Таким образом, благодаря культурному синтезу римского юридического наследия и семейных традиций

германской знати подготавливалась почва для будущего объединения латинского христианского мира в рамках восстановленной Римской империи, которая могла бы быть воссоздана лишь с верховной санкции Римского папы. Нашествие лангобардов в Италию и воцарение ираклийской династии в Константинополе способствовали обособленному юридическому развитию институтов Римской и Константинопольской церкви. Если первому событию суждено было впоследствии спровоцировать союз Рима и Франкского королевства, ставший основой для возникновения империи Каролингов, то второе событие предопределило дальнейшее отчуждение между Римом и Византией, связанное с монофелитской религиозной смутой. Характеризуя развитие церковно-государственных отношений и эволюцию церковных институтов в ранне-средневековую эпоху, необходимо иметь в виду то, что эти процессы в значительной степени определялись постоянной церковной рецепцией римского права и древнего философского инструментария. Подобная рецепция не была простым копированием или техническим заимствованием эллинистического и римского культурного наследия, прежде всего юридического и философского. Указанная рецепция представляла собой творческое переосмысление этих сфер античной культуры и насыщение их новым христианским религиозным смыслом. Именно поэтому рецепция римского церковного права, как и рецепция античных философских идей, предполагала несколько этапов, осуществляясь постепенно и циклически. Рассуждая о философии, достаточно вспомнить рецепцию неоплатонической философии и учения о логосе, которое произошло еще в раннехристианском богословии евангелия от Иоанна, в сочинениях мужей апостольских. Можно упомянуть также новое восприятие уже исключительно платоновских идей Блаженным Августином²⁴ и рецепцию аристотелевской

²⁴ Трубецкой С.Н. Учение о Логосе в его истории / Сочинения. М., 1994. С. 54–594; Лосев А.Ф. Платон. М., 1993. С. 5–177; Трубецкой Е.Н. Религиозно-общественный идеал западного Христианства. СПб., 2004, *passim*;

философии отцами каппадокийцами в IV в. Процесс восприятия Церковью римского права протекал медленнее, что было связано с изменениями внешних условий исторической жизни и существования христианских общин в поздней Римской империи. Рассматривая основные стадии церковной рецепции римского права, следует отметить, что этот процесс развивался на Западе и на Востоке не равномерно, не синхронно. Процедура римского судопроизводства сформировала во многом собственно соборную процедуру. Однако римское право в качестве церковного права подверглось рецепции впервые по-настоящему лишь тогда, когда возникли первые канонические сборники, которые не только включали в свой состав соборные постановления и папские послания,²⁵ но и предлагали систематизацию церковного права. В процессе подобной систематизации, которая осуществлялась в ранневизантийскую эпоху чаще всего по хронологическому, реже по тематическому принципу, каноны соборов и декреты архиереев дополнялись, в первую очередь на Востоке, соответствующими конституциями римских императоров. Эти конституции наделяли каноническое право силой имперских законов. Новые канонические сборники, предлагавшие современникам и потомкам синтез канонического и имперского права, отражали институционализацию церковной жизни и ее динамику. В Восточной Римской империи первая подобная рецепция осуществилась в сущности лишь во второй половине VI столетия, когда патриарх Иоанн Схоластик, его хартофилаксы и нотариусы подготовили издание «Синагоги», содержащее корпус римского церковного права имперской Константинопольской кафедры. Этот сборник, исследованный В.Н. Бенешевичем, основывался на Антиохийской

Тахо-Годи А.А. Аристотель, М., 1993. С. 177–372; *Понов И.В.* Личность и учение блаженного Августина / Труды по патрологии. Сергиев Посад, 2005, passim; *Флоровский Георгий*, прот. Восточные отцы IV века. Париж, 1990. С. 57–189.

²⁵ Как, например, древнейшие канонические сборники, такие как: сирийские Апостольские Постановления, Правила Апостолов и Антиохийская синтагма, галльские *Statuta ecclesiae antiqua* или карфагенский *Codex canonum ecclesiae africanae*.

синтагме IV в., канолах первых четырех вселенских соборов, Кодексе канонов Африканской церкви, переведенном на греческий язык по приказу императора Юстиниана, а также на императорских конституциях из «Кодекса Юстиниана» и на его новеллах. В следующем столетии новый канонический сборник (первая редакция Номоканона XIV титулов 620–629 гг.) и Трульский собор 692 г. окончательно определили границы церковного права Православной Кафолической церкви в соответствии с тем, как они понимались в Византии.

В Римской церкви первая рецепция римского церковного права произошла намного раньше. Крушение имперской государственности на Западе в 476 г., а также начавшийся немного спустя церковный раскол с Константинополем из-за продолжения монофизитских споров стимулировали развитие в Риме юрисдикционного централизма. Вместе с тем, в эту эпоху оказалась востребована вызревавшая еще с первых веков истории римской христианской общины монархическая папская эkkлесиология, основанная на преемстве апостола Петра. В итоге папа Геласий предпринял в 493–494 гг. свою рецепцию римского церковного права, юридическим итогом и историческим результатом которой стало появление вышеупомянутого «Квеснеллова собрания». Этот новый сборник церковного права, являвшийся в своей исходной редакции, по справедливому мнению П. Квеснелла, К. Сильва Тарука и Ж. Годме, кодексом Кафолической церкви города Рима, опирался на Антиохийскую синтагму, корпус папских декретов и ряд императорских конституций из «Кодекса Феодосия». Учитывая, что «геласиевское» возрождение, предполагавшее правовую рецепцию, стало первым в своем роде, поскольку именно оно дало импульс для дальнейшего развития церковных институтов на латинском Западе, нам представляется в первую очередь необходимым исследовать этот исторический феномен на страницах представленной работы. Указанный феномен во многом предопределил как последующую «дионисиевскую» правовую

рецепцию на Западе, так и «каролингское» возрождение, творцы которого, в некоторой степени Алкуин в VIII столетии или в гораздо большей степени папа Николай I в IX в., ориентировались, прежде всего, на геласиевские идеи и принципы.

Новый этап развития церковно-государственных отношений в раннее Средневековье, пришедший на смену эпохе монофелитских споров, был чреват драматическими событиями. Воинствующее иконоборчество в Византии, создание империи Каролингов, получившей благословение Римского архиерея, ожесточенный конфликт папы Николая I и патриарха Фотия во многом выявили внутреннюю несовместимость римского папского универсализма и византийской пентархии. Указанные процессы нашли свое отражение в церковном праве. Если Западная церковь в лице монахов аббатства Корби обобщила опыт своего исторического и юридического развития в середине IX в. в «Псевдо-Исидоровых декреталях», Константинопольская церковь в лице патриарха Фотия выработала окончательную редакцию «Номоканона XIV титулов». Комментарии к этим сборникам церковного права в еще большей степени выражают различное понимание принципов экклесиологии на Западе и на Востоке, во многом обусловившее схизму 1054 г.

На основании вышеизложенного представляется очевидным, что целью настоящего исследования является ответ на вопрос: какова была динамика кодификации церковного права в раннее Средневековье? В чем заключался ее смысл и каков был ее характер? Влияла ли динамика этой кодификации на отношения между Римской и Константинопольской церквями, и как эта динамика отразилась в канонической или церковно-юридической литературе этого времени? Насколько этот род литературы характерен и показателен для понимания причин и внутренней логики «геласиевского» возрождения и последующих этапов эволюции церковного законодательства? Для ответа на поставленные вопросы на страницах представленного сочинения предполагается

использовать комплексную методологию, применяемую при исследовании юридической литературы, прежде всего той рубрики памятников церковного права, которая содержится в «Квеснелловом собрании», «Псевдо-Исидоровых декреталиях», «Номоканоне XIV титулов» и в «Собрании канонов» Ансельма Луканского. В частности, «Квеснеллово собрание», которое стало итогом первой серьезной рецепции церковного права, должно анализироваться с помощью особой методологии. Эта методология включает в себя не только внутреннюю и внешнюю критику привлекаемых источников, но и соотнесение юридического императива с правоприменительной практикой, отраженной, как правило, в нарративных и эпистолярных источниках, а также в источниках документального характера. Применение подобной методологии в будущем представляется возможным лишь при условии текстологической реконструкции и установления исходной редакции «Квеснеллова собрания», современной папе Геласию. Исходя из вышеизложенного, следует подчеркнуть, что предметом исследования в настоящем сочинении станет рецепция римского церковного права в ходе «геласиевского» возрождения, а также последующее развитие методологии церковного права в ранне-средневековых канонических сборниках до конца XI в. В то же время объектом нашего исследования станут памятники канонической или церковно-юридической литературы, отражающие эту рецепцию и методологию. При этом предполагается ограничить хронологические рамки исследования периодом создания тех церковно-юридических документов, которые вошли в вышеупомянутые сборники, а также периодом их рецепции. В связи с этим предполагается ограничить хронологические рамки исследования с 305 г. по 1086 г. В 305 г. произошел Эльвирский собор, который, с одной стороны, подвел черту под эпохой гонений, а с другой — сформулировал основные проблемы, которые приобретут принципиальную важность для Церкви в грядущую эпоху веротерпимости. В 494 г. Геласий успел провести собор в Риме, на котором

принял покаяние легата Мисена Куманского и еще раз осудил «Акакиевскую схизму». На соборе 494 г., с нашей точки зрения, в качестве корпуса церковного права использовалось именно «Квенселлово собрание», которое, как это уже неоднократно отмечалось выше, было итогом «геласиевской» правовой рецепции. Последовавшая в 495 г. кончина папы Геласия во многом оставила корабль Римской церкви без кормчего, что предопределило необходимость в будущем новой рецепции римского церковного права в новых, весьма смутных, исторических условиях. Спустя полвека около 550 г. завершение новой «дионисиевской» рецепции римского церковного права предопределило юридическую церковную и культурную автономию Рима от Константинополя, несмотря на попытки императора Юстиниана обеспечить единство христианской ойкумены в рамках воссозданной Римской империи. В результате этой юрисдикционной автономии и развития альтернативных экклесиологических систем, в отношениях Рима и Константинополя возникло взаимное отчуждение, выявившееся в полной мере уже в эпоху монофелитских споров. В итоге после иконоборческого кризиса Римские архиереи сделали ставку на франкских королей — вчерашних варваров в деле воссоздания единой христианской Римской империи на Западе, что означало и политический раскол доселе единой с формальной точки зрения христианской ойкумены. Если в V–VI вв. германские франкские короли были счастливы носить титулы римских консулов и проконсулов, получаемые из Константинополя, то с конца VIII в. они уже оспаривали политическое лидерство у византийского престола. Формирование «Номоканона XIV титулов» в Византии и создание «Псевдо-Исидоровых декреталий» во многом продемонстрировали различные направления в развитии церковных институций на Западе и на Востоке, о чем было сказано выше. Указанное обстоятельство привело к расколу 1054 г., произошедшему в тот период, когда как латинские, так и византийские канонисты стремились выработать научные принципы толкования

канонов и их систематизации. В 1086 г. скончался Ансельм Луканский — легат папы Григория VII и создатель «Собрания канонов», которое символизировало собой торжество римской монархической экклесиологии в Западной церкви. Указанный памятник церковного права сулил окончательное отвержение пентархии западным христианским сознанием, которое веками, не принимая этого византийского учения по сути, соглашалось с ним по форме.

Географические рамки настоящего исследования предполагается в целом ограничить пространствами, входившими в состав поздней Римской империи по состоянию на 395 г., а точнее тем ее ареалом, который и определял религиозную, культурную и политическую жизнь как в Римской империи, так и в раннее Средневековье. В этот ареал входили: Италия, Галлия, Испания, северная Африка на Западе, Греция, Фракия, Малая Азия, в меньшей степени Сирия и Египет на Востоке. Именно в этих землях созывались церковные соборы и происходили политические события, принципиально влиявшие на динамику церковно-государственных отношений в империи, а также во многом предопределившие «геласиевское» возрождение церковного права на Западе и последующее развитие церковно-юридической кодификации.

Структура предпринятого исследования предполагает поэтапное решение тех задач, которые представляют первостепенную важность для достижения цели работы — определения динамики и характера рецепции церковного права в ходе так называемого «геласиевского» возрождения и в последующие века вплоть до создания «Собрания канонов» Ансельма Луканского. В связи с этим предполагается проанализировать эволюцию римской экклесиологии в период, предшествовавший «геласиевскому» возрождению, предпринять внешнюю и внутреннюю критику «Квесселлова собрания», ставшего главным итогом «геласиевского» возрождения. После этого необходимо провести общий сравнительный анализ развития методов кодификации церковного

права в Римской и в Константинопольской церквях в раннее Средневековье. Для успешного решения поставленных задач следует признать необходимым осуществление текстологического анализа древнейших списков «Квеснеллова собрания» для установления исконной редакции памятника, современной эпохе папы Геласия. Нужно также иметь в виду и динамику церковно-государственных отношений в ранневизантийскую эпоху, которая сопровождала «геласиевское возрождение». Подобные задачи сводятся, в сущности, к разрешению трех основных научных проблем, среди которых нужно подчеркнуть развитие первенства Римского епископа в указанный период, рецепцию церковно-юридических документов в рамках «Квеснеллова собрания» и характеристику общественной роли Церкви в последующие века. Подобная критика необходима для исследования следующих главных сводов церковного права: «Номоканона XIV титулов», «Псевдо-Исидоровых декреталий» и «Собрания канонов» Ансельма Луканского. Наша задача существенно облегчается тем, что первые два церковно-юридических памятника в отличие от «Квеснеллова собрания» и от «Собрания канонов» Ансельма Луканского уже обладают серьезной и глубокой традицией научного изучения. Ввиду этого, главы представленной работы будут расположены в соответствии с указанной проблематикой.

Как уже было отмечено, источниковой базой настоящей работы является комплекс канонической или церковно-юридической литературы, формировавшийся в период с IV по XI в., т. е. в эпоху, которая предшествовала «геласиевскому возрождению» и которая увенчала этот феномен созданием корпуса церковного права на Западе и на Востоке. Специфика упомянутых источников во многом предопределяет тематико-хронологическую структуру представленного исследования, отраженную в оглавлении. Чем же характеризуются подобные источники? Ответить на этот вопрос представляется сейчас наиболее целесообразным.

ЦЕРКОВНО-ЮРИДИЧЕСКАЯ (КАНОНИЧЕСКАЯ) ЛИТЕРАТУРА ДО «ПСЕВДО-ИСИДОРОВСКОГО» ПЕРИОДА И ДИНАМИКА ЕЕ РАЗВИТИЯ (IV–VIII ВВ.)

Динамика церковно-государственных отношений и развитие церковных институтов как в период, предшествовавший «геласиевскому» возрождению, так и в последующие десятилетия, нашла свое отражение в церковно-юридической литературе своего времени.¹ Эта литература в свою очередь заложила основы канонического права и средневековой политической теории. Примечательно, что основные принципы церковной жизни, сформулированные или выработанные в условиях позднеантичного общества, сохранялись и в последующие века. Эти принципы не менялись в существе своем, сохраняя свое значение, и в эпоху развития совершенно иных общественных отношений, как феодальных, так и капиталистических. Подобное обстоятельство в полной мере опровергает главный тезис марксистской историографии об определяющем значении производственных и экономических процессов для формирования и развития правовых институций (не говоря уже о становлении религиозно-философского мировоззрения).

Корпус источников церковно-юридического происхождения представляется нам достаточно разнообразным. Если прибегнуть к методу топографической классификации, следует отметить, что первое место среди канонических сборников (собраний церковно-юридических документов), бесспорно, принадлежит сборникам римского, карфагенского и антиохийского происхождения.²

¹ Представленный анализ источниковой базы нашего исследования охватывает основу церковного права, сформировавшуюся на Западе к VIII в., т. е. за полтора столетия до того, как она была обобщена и присоединена к апокрифическим декреталиям псевдо-Исидора в середине IX в.

² *Gaudemet J. Eglise et cité, Histoire du droit canonique. Paris, 1994. P. 51–55.*

Между этими сборниками существует заметное хронологическое несоответствие. В частности, «Квеснеллово собрание» (*Collectio Quesnelliana*), «Авеллановский сборник» (*Collectio Auellana*), первые редакции «Собрания Дионисия Малого» или «Кодекс канонов Африканской церкви» создавались в различные эпохи. Древнейший сохранившийся сборник канонов Константинопольской великой церкви — «Синагога 50 титулов» Иоанна Схоластика появился лишь во второй половине VI в. Тем не менее содержание этих сборников в значительной степени совпадает и является прекрасным примером того, как проводилась рецепция древнего канонического права в Риме, Карфагене и Константинополе. Сборники местного значения, такие как галльские «Древние статуты церкви» (*Statuta ecclesiae antiqua*) или «Испанское собрание» (*Collectio Hispana*), отражают местные традиции, которые с течением времени оказались сивелированы под влиянием романизации литургического обряда и церковного управления. Хронология развития и формирования сборников церковно-юридической литературы представляется чрезвычайно важной в контексте ее изучения. Это обстоятельство связано, прежде всего, с характерной особенностью развития церковного права в «патристический» период: на первоначальном этапе формирования корпуса церковного права систематическое изложение этого права практически отсутствовало.³

Важнейшую и фундаментальную группу памятников церковно-юридической литературы составляют канонические сборники восточного антиохийского происхождения. Восточные христианские общины, говорившие и молившиеся на греческом языке, с первых веков существования христианской Церкви отличались интенсивностью богословского и церковно-юридического творчества. Особенно интенсивным это творчество стало в условиях

³ «Expositiones systematicae iuris canonici hoc tempore deficere videntur», *Erdo P. Introductio in historiam scientiae canonicae, Praenotanda ad Codicem*. Roma, 1990. P. 24.

арианской богословской смуты. Рассматривая церковную дисциплину древней Кафолической церкви, которая в значительной степени была основана в IV в. на постановлениях греко-восточных соборов, нельзя не задать следующий вопрос: каким образом происходила кодификация канонов в IV–V вв. в эллинском мире, в восточных пределах Восточной Римской империи? Ответить на этот вопрос представляется достаточно сложной задачей, особенно если учесть слова А. Куся о том, что история церковно-юридических сборников на Востоке в этот период «овеяна темным туманом».⁴ По мнению А. Штиклера, в архивах той или иной епископии должны были храниться каноны поместных соборов. По крайней мере ученый справедливо отметил, что Аврелий, епископ Карфагенский, просил у епископов Константинополя, Антиохии и Александрии список постановлений Никейского собора.⁵

Прибегнув к методу исторической реконструкции, исследователи канонического права единодушно полагают, что единый сборник канонов существовал на Востоке уже с середины IV столетия. Таким сборником-эталонем церковного права стала «Антиохийская синтагма» (*Syntagma Canonum*),⁶ составленная, как полагал Е. Шварц, по указанию антиохийского епископа Мелетия между 342 и 381 г.⁷ В «Синтагму» входили каноны важнейших соборов восточной половины Римской империи: I Никейского (I Вселенского) 325 г., Анкирского 314 г., Кесарийско-Каппадокийского 314 г., Неокесарийского 318/319 г., Гангрского 342 г. и Антиохийского 330/341 г. Эта «Антиохийская синтагма» стала краеугольным камнем всего канонического права древней Кафолической церкви. Именно она была переведена на латинский язык

⁴ «Obscuritatis caligine circumvolvitur», *Stückler A.* *Historia iuris canonici latini*. I. *Historia fontium*. Augustae taurinorum. 1950. P. 31.

⁵ *Ibid.*

⁶ *Joannou P.P.* *Discipline générale antique (IV–IX s.) / Fonti fasc. IX*, (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I. 1) *Les canons des conciles œcuméniques*, T. I; 2) *Les canons des Synodes Particuliers*. Roma, 1962, *passim*.

⁷ *Schwartz E.* *Die Kanonensammlungen der alten Reichskirche // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, kanonistische Abteilung*. 1936. P. 1–41.

во второй половине IV в. и наряду с декретами Римских архиереев легла в основу италийских церковно-юридических сборников, а затем распространилась по всему латинскому Западу. (Римская церковь приняла рецепцию «Синтагмы» несмотря на то, что между Римскими архиереями и антиохийским епископом Мелетием десятилетиями существовал раскол, который был обусловлен неприятием омоусианства большинством архиереев Малой Азии и Сирии.)

В IV в. в Малой Азии был сформирован еще один сборник церковного права, который известен под наименованием «правил Лаодикийского собора». Вышеуказанные *Canones concilii Laodicensis* первоначально не вошли в «Антиохийскую синтагму», ибо, по мнению Ж. Годме, представляли собой отдельный канонический сборник Лаодикийской церкви. Однако уже в конце IV в. эти каноны были переведены на латинский язык в составе редакции *Isidoriana-gallica* (см.: ниже) и подверглись рецепции. Вероятнее всего, «правила Лаодикийского собора» были присоединены к «Антиохийской синтагме» после завершения церковного раскола между Римом и Антиохией в 379 г., вместе с канонами Сердикского собора 343 г., переведенными на греческий язык. История дальнейшей рецепции «Антиохийской синтагмы» на Востоке достаточно туманна.

1. На основании свидетельств Палладия, митрополита Еленопонтийского, и Валериана, митрополита Ликаонийского, можно сделать вывод о том, что «Синтагма» была во всей полноте известна в Константинопольской церкви уже в конце IV в. В ее состав были тогда же включены каноны II Константинопольского собора (II Вселенского) 381 г. Впоследствии в V и VI вв. к «Синтагме» прибавили так называемые апостольские правила числом 85, каноны Эфесского собора 435 г., Халкидонского собора 451 г. и «Кодекс канонов Африканской церкви», который был переведен с латинского языка на греческий по указанию императора Юстиниана и прибавлен к «Синтагме» под

наименованием «правил Карфагенского собора».⁸ Расширенная «Антиохийская синтагма», которую правильнее называть в этот период «Константинопольской синтагмой» (*Syntagma Constantinopolitana*), стала образцом для рецепции, произведенной в Риме Дионисием Малым в начале V в. Спустя несколько десятилетий «Синтагма» легла в основу кодификации церковного права, которая была проведена по образцу имперской кодификации патриархом Иоанном Схоластиком (565–578). Иоанн Схоластик стал составителем двух пространных компендиумов канонического и имперского греко-римского права. Во второй половине XX в. богатая рукописная традиция «Синтагмы» была обстоятельно исследована профессором Мюнхенского университета П. Иоанну. Ученый опубликовал в 1962 г. критическое издание греческого текста «Синтагмы», дополненного памятниками VII–IX вв. При этом он сопроводил греческий текст латинским переводом в редакции Дионисия Малого и Анастасия Библиотекаря (правила II Никейского собора), а также собственным переводом на французский язык.⁹ При необходимости автор издания приводил также латинский перевод греко-восточных канонов в редакции *Prisca* (28 правило Халкидонского собора, отвергнутое Римом) или по «Веронскому собранию» (апостольские правила, не переведенные Дионисием Малым). В целях публикации латинского текста постановлений Трульского собора 692 г. и Константинопольских соборов патриарха Фотия, П.Иоанну предпринял авторский перевод этих документов.

В процессе подготовки критического издания П. Иоанну учитывал древнейшие рукописи «Синтагмы», а также критические издания византийских канонических сборников, подготовленные трудами В.Н. Бенешевича. Среди древнейших греческих списков

⁸ *Gaudemet J.* Op. Cit. P. 83.

⁹ *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.), *Fonti fasc. IX* (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I, II. Roma, 1962.

«Синтагмы» необходимо упомянуть: кодекс Московской Синодальной библиотеки IX–X вв. (*Mosquensis Synodalis* 398 (*Vladimirensis* 315)), Петербургский кодекс X в. (*Cod. Petropolitanus* 66), Парижский Куален IX–X вв. (*Cod. Parisinus Coislenus* 209), Ватиканский Палатинский кодекс X в. (*Cod. Vaticanus Palatinatus* 376), Ватиканский кодекс собрания Барберини XI в. (*Cod. Vaticanus Barberini* 578), Римский кодекс Валличелианской библиотеки XI в. (*Cod. Valliceliani* F 47) и Флорентийский кодекс XI в. (*Cod. Laurentianus* X 10).

2. Важнейшим из сборников Иоанна Схоластика стала *Synagoga L titularum*, которая включала дополненную «Синтагму»: т. е. 85 апостольских правил, собственно «Синтагму» из правил десяти соборов и 68 правил Василия Великого.¹⁰

3. Кроме «Синагоги» Иоанн Схоластик стал автором «Собрания 84 глав». *Collectio LXXXVII Capitulum* представляла собой сборник выдержек из светского имперского законодательства, прежде всего из Новелл императора Юстиниана, касавшегося церковных вопросов и закладывавшего основы бытия Константинопольской церкви как имперского патриархата.¹¹ Этот сборник Иоанна Схоластика был составлен уже после кончины Юстиниана. На основе указанного памятника была составлена более краткая *Collectio tripartita*, включавшая выдержки из «Кодекса Юстиниана» и его XXXIV Новеллы.

4. *Nomocanon L titularum* был составлен на основе «Синагоги» Иоанна Схоластика в конце VI в. с небольшими добавлениями.¹²

¹⁰ *Stickler A.* Op. cit. P. 70; *Voelli G., Justelli H.* Bibliotheca iuris canonici veteris, Lutetiae Parisiorum. 1661. T. II. P. 449; *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.). Fonti fasc. IX (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I, 2. Les canons des Synodes Particuliers. Roma, 1962. T. I, 2. P. 249–410; *Beneschevič V.N.* Ioannis Scholastici synagoga L titularum ceteraque eiusdem opera iuridica I: Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Abteilung NF 14. München, 1937, passim.

¹¹ *Voelli G., Justelli H.* Bibliotheca iuris canonici veteris, Lutetiae Parisiorum, 1661. T. II. P. 660.

¹² *Stickler A.* Op. cit. P. 71–72; *Voelli G., Justelli H.* Bibliotheca iuris canonici veteris. Lutetiae Parisiorum, 1661. T. II. P. 603.

Впоследствии в царствование императора Ираклия между 620–629 гг. в Константинополе был составлен новый церковно-юридический сборник: *Nomocanon XIV titulorum*.¹³

Новый «Номоканон» первоначально включал «Синтагму» в редакции Иоанна Схоластика, восемь канонических посланий различных отцов Церкви и императорские законы, касавшиеся Церкви, из *Collectio tripartita*. В царствование Юстиниана II в самом конце VII столетия к «Номоканону» были прибавлены каноны Трульского собора 692 г. (числом 102), которые обобщали дисциплину Восточной церкви, а также постановление Константинопольского собора 394 г., 12 канонов различных восточных отцов Церкви и каноны Карфагенского собора под председательством св. Киприана о крещении еретиков (которые в некоторых пунктах противоречили по содержанию постановлениям Трульского собора). Примерно в таком виде указанный сборник существовал в последующие века в Византии. Позднее в IX в. «Номоканон XIV титулов» был вновь дважды отредактирован. В его состав включили постановления II Никейского собора 787 г. и правила Константинопольских соборов патриарха Фотия. После 882 г. главный сборник церковного права великой церкви Константинополя приобрел наименование «Номоканона патриарха Фотия». ¹⁴ Именно эту редакцию «Номоканона» комментировал Федор Вальсамон, патриарх Антиохийский, в XII в. и предпочитал указанный «Номоканон» устаревшему сборнику Иоанна Схоластика. ¹⁵ В XI в. «Номоканон XIV титулов» был переведен на славянский язык и стал основой формирования древне-славянской Кормчей книги. ¹⁶ Древнейшие рукописные списки

¹³ Voelli G., Justelli H. Op. cit. T. II. P. 785.

¹⁴ Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 30–150.

¹⁵ PG 104, Coll. 975.

¹⁶ Beneschevič V.N. Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum uersionem slouenicam adiectu textu graeco e uetustissimis codicibus manuscriptis exarato. Petropoli, 1906. P. 1–837.

«Номоканона XIV титулов» были изданы В.Н. Бенешевичем. Эти рукописи будут упомянуты ниже в главе, посвященной указанному «Номоканону» и современным ему латинским каноническим собраниям.

Повсеместная рецепция «Антиохийской синтагмы» на латинском Западе в IV–V вв. стала возможной благодаря прежде всего церковно-юридическим сборникам римского происхождения. Рассматривая историческую эволюцию церковного права в Италии, следует иметь в виду, что до так называемого «геласиевского ренессанса», т. е. до конца V в. канонические сборники Римской церкви носили достаточно фрагментарный характер.

1. Древнейшим сборником церковного права, служившим Римской церкви, стал старейший латинский перевод канонов I Никейского собора 325 г., к которому затем добавили каноны Сердикского собора 343 г. Этот сборник получил наименование *Versio antiqua Romana* или *Vetus Romana*.¹⁷ В настоящий момент известны несколько латинских переводов канонов I Никейского собора, которые могут претендовать на статус древнейших. Среди них необходимо отметить три редакции италийского происхождения.

2. Первая редакция включает перевод, сохранившийся в Кодексе Ингильрама (*Cod. Ingilrami Teatini nunc Vaticanus Reginae 1997*) IX столетия, а также связанную с ним редакцию — *Isidoriana antiqua*. Указанная редакция латинского перевода канонов I Никейского собора, а также исходного латинского текста канонов Сердикского собора содержится в рукописях «Квеснеллова собрания».¹⁸ Она датируется IV в. и будет использована в середине IX в.

¹⁷ *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Église en Occident du II-e au VII-e siècle. Paris, 1985. P. 76–77; *Turner C.H.* Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1899. S I, II, P. 112–141.

Stickler A. Historia iuris canonici latini. I. Historia fontium, Augustae Taurinorum, 1950. P. 45.

¹⁸ При этом в рукописях *isidoriana antiqua* каноны I Никейского собора и Сердикского собора разделены, в то время как в списках «Квеснеллова собрания» они соединены воедино. См.: *Van der Speeten J.* Le dossier de Nicée dans la *Quenelliana* // *Sacris erudiri*, XXVIII (1985). P. 384–450.

монахами Корби при составлении «Псевдо-Исидорова собрания». В то же время латинские переводы канонов Анкирского и Неокесарийского собора, а также остальных соборов «Антиохийской синтагмы» адаптированы составителями «Квеснеллова собрания» в виде более распространенной редакции *Isidoriana uulgata*. Этот вариант латинского перевода был более распространен в V–VII вв. и был положен в основу рецепции «Испанского собрания» канонов.¹⁹

3. Вторая редакция представляет собой, как справедливо указывал А. Штиклер, другой канонический римский сборник, появившийся в начале V в. Это собрание представляло собой *Paraphrasis*, составленный Руфином Аквилейским, в который вошел латинский перевод канонов I Никейского собора. Папа Иннокентий I добавил к нему текст символа веры и приказал хранить документ в архиве Римской церкви.²⁰ Этот вариант перевода содержится, в частности, в Корбийском кодексе (*Cod. Lat. Parisinus 12097*) VI столетия, а также в списках «Церковной истории» Руфина: например в Кодексе из библиотеки Собора Парижской Богоматери (*Cod. Ecclesiae Dominae nostrae nunc Lat. Parisinus 18282*) VIII столетия и в Айнзидельнском кодексе обители Святой Марии Покровительницы Отшельников (*Cod. Einsiedlensis coenobii Heremitarum 347*) также VIII столетия. Перевод Руфина впоследствии вошел в «Эпитому Руфина» и оказал влияние на составление знаменитого «Испанского собрания» канонов.²¹

4. Третья, более поздняя, редакция перевода никейских канонов италийского происхождения датируется рубежом V–VI вв. Она была составлена на основании перевода Ингильрама и перевода Аттика, выполненного в Карфагене в 419 г. Редакция получила наименование *Collectio Prisca*. Памятник был впервые

¹⁹ Turner C.H. *Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima*. Oxonii, 1907. I, II. P. 33–34.

²⁰ Ibid. P. 45.

²¹ Turner C.H. *Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima*. Oxonii, 1904. I, II. P. 103, 154.

издан протестантским богословом Христофором Жюстелем (1580–1649).²² Древнейшим списком этой редакции является Кодекс Христофора Жюстеля VII столетия (*Oxoniensis Bodleianus e Museo 101*).²³ В рассматриваемый сборник вошли каноны таких восточных соборов, как Никейский, Сердикский (каноны которого трактовались как продолжение Никейского согласно Римской традиции), Анкирский, Неокесарийский, Гангрский и Антиохийский. В сборник вошли также каноны африканских соборов, каноны Константинопольского собора 381 г. и Халкидонского 451 г. Каноны Лаодикийского собора были отброшены составителями, а 28 канон Халкидонского собора о первенстве Константинопольского епископа приписан Константинопольскому собору.

5. Первой после Дамаса и Иннокентия I серьезной попыткой осуществить ревизию и систематическую кодификацию церковного права в Риме стала реформа папы Геласия. В результате этой реформы в 494–495 г. появилось «Квеснеллово собрание» канонов. Рукописная традиция этого сборника рассматривается нами в отдельной главе. Теперь же важно подчеркнуть, что *Collectio Quesnelliana* стало каноническим сборником, который долго провоцировал весьма бурные споры среди ученых. П. Квеснелл — первый издатель сборника — назвал его «кодексом Римской церкви», который объединял архив курии до рецепции Дионисия Малого. В XIX в. многие канонисты, в частности Ф. Маасен, оспаривали римское происхождение сборника, ссылаясь на то, что он распространился, прежде всего, в Галлии и известен преимущественно по рукописям галльского происхождения. Однако в конечном итоге крупнейшие специалисты в области истории церковного права, такие как К.Х. Турнер, П. Фурнье, Г. Ле Бра и А. Штиклер, подтвердили первоначальную гипотезу П. Квеснелла о римском

²² Voelli G., Justelli H. Bibliotheca iuris canonici veteris. Lutetiae Parisiorum, 1661, T. I, P. 282.

²³ Gaudemet J. Op. cit. P. 78–79; Stickler A. Historia iuris canonici latini... P. 45–46; Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1899–1939, passim.

происхождении памятника. В собрание вошли переводы канонов греческих соборов в редакции *Isidoriana uulgata*, за исключением канонов Халкидонского собора, которые были восприняты неизвестным составителем собрания в редакции, предложенной в *Collectio Prisca*. В *Collectio Quesnelliana* были включены также папские декреты вне всякой хронологической или логической последовательности, а также, по замечанию А. Штиклера, туда же попали документы не вполне юридического содержания, касавшиеся первого периода «Акакиевской схизмы» и пелагианства. Тем не менее «Квеснеллово собрание» стало юридическим манифестом «геласиевского» возрождения римского церковного права.

6. В Галлии рецепция латинского перевода канонов I Никейского собора и других памятников «Антиохийской синтагмы» происходила в ту же эпоху, что и в Италии. Результатом этой рецепции стало появление еще в IV в. *Interpretatio Gallica*. Этот перевод содержится в ряде рукописей, среди которых наиболее древними являются: Кельнский кодекс VII в. (*Cod. Coloniensis bibliothecae Capitularis* 212), Кодекс Дионисиевско-Адриановского сборника X в. (*Cod. Lat. Parisinus* 3838) и Кодекс «систематической» библиотеки аббатства Сен-Жермен де Пре IX в. (*Cod. Lat. Parisinus* 12444).²⁴

7. В V столетии на Иберийском полуострове был создан свой латинский перевод канонов I Никейского собора и «Антиохийской синтагмы». Этот перевод опирался как на *Interpretatio Gallica*, так и на перевод Руфина. Важнейшие рукописи этой редакции были, как и предыдущие, изучены К.Х. Турнером. Нам представляется важным указать, что Парижский кодекс 1454 (IX в.), содержащий полный текст «Квеснеллова собрания», на первых листах предлагает читателю список переводов канонов «Антиохийской синтагмы» в редакции *Gallo-Hispana*. Вышеуказанный перевод затронул каноны I Никейского собора,

²⁴ Turner C.H. *Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima*. Oxonii, 1904. I, II. P. 153.

Анкирского 314 г., Неокесарийского 314/319 г., Гангрского 343 г., Антиохийского 341 г. и Лаодикийского соборов. Как отмечал Ж. Годме, датировать Лаодикийский собор не представляется возможным, ибо велика вероятность того, что под этим названием скрывается канонический сборник Лаодикийской христианской общины, включающий каноны разных лет.²⁵ К переводу постановлений вышеупомянутых греческих соборов добавили также оригинальный латинский текст канонов Сердикского собора, ошибочно приписав их Никейскому, и каноны Карфагенского собора 419 г. В середине VII столетия этот материал, названный К.Х. Турнером *Sylloge Hispana*, был переработан и вошел в «Испанское собрание» (*Collectio Hispana*) — главный сборник церковного права Испанского вестготского королевства.²⁶ В свою очередь через указанное собрание вышеперечисленные документы были заимствованы в середине IX в. составителями «Псевдо-Исидоровых декреталий» в аббатстве Корби. Древнейшими рукописями «Испанского собрания» является Эмилианский кодекс X столетия (*Cod. Escorialensis I D I*), Алуельдский кодекс X столетия (*Cod. Escorialensis I D 2*) и Эскуриальский кодекс X–XI вв. (*Cod. Escorialensis I E 12*).²⁷

8. Рассуждая о древнейших латинских редакциях «Антиохийской синтагмы», необходимо также упомянуть еще один древний латинский перевод, сохранившийся в собрании Фрейзингского кодекса конца V в.²⁸ Этот перевод обозначается как *Interpretatio vulgata*. Он повлиял на собрание кодекса Святого Власия — сборник италийского происхождения 523 г., который стал известен благодаря одноименному Парижскому кодексу (*Cod. Lat. Parisinus* 3858). Ж. Годме полагал, что упоминаю редакцию латинского

²⁵ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 47, n. 53. P. 75, n. 1.

²⁶ *Turner C.H.* Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1904. I, II. P. 103.

²⁷ *Ibid.*

²⁸ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 78; *Maasen Fr.* Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abenlande bis zum Ausgang des Mittelalters. T. I. Graz, 1870. P. 476–478.

перевода следует именовать *Isidoriana-Gallica*, поскольку она, по его мнению, встречалась в рукописях галльского происхождения: в *Collectio Quesnelliana* и в Собрании святого Мавра. Впрочем, исследования Й. Ван дер Спеедена ставят под сомнение соотнесение текстов «Квеснеллова собрания», частично представляющих собой перевод *Isidoriana antiqua*, и редакцию *Isidoriana uulgata*.²⁹

9. Реформа церковного права, начатая Геласием и окончательно проведенная Дионисием Малым с благословения Римских архиепископов, означала новый этап в формировании будущего корпуса канонического права. Эта реформа отражала внутренние интенции Римских епископов, связанные с ролью их престола в христианском мире. В результате той правовой рецепции, которую провел Дионисий — по происхождению скиф, прекрасно владевший и латинским, и греческим языками, — появилось собрание, известное как *Collectio Dionysiana*. Этот сборник в значительной степени определил будущую эволюцию юридического сознания на средневековом Западе и существенно повлиял впоследствии на развитие правовых отношений между Римским престолом и франкскими королями во второй половине VIII в. *Collectio Dionysiana* сохранилась в трех основных редакциях. *Dionysiana prima* сохранилась в двух рукописях: Ватиканской (*Cod. Vat. Palatitantis 577*) и Кассельской (*Kassel. Cod. Theol. Quat. 1.*). Первая редакция включала в себя 50 апостольских канонов, тематический индекс и каноны Никейского, Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского, Лаодикийского, Константинопольского, Сердикского, Карфагенского 419 г. с деяниями Халкидонского собора. По мнению А. Штиклера, эта редакция возникла в период 497–500 гг. *Dionysiana secunda* была составлена позднее как предисловие к собранию папских декретов. Она содержала подробный индекс (указатель) и начиналось посланием Римского папы к Стефану, епископу Солунскому. В целом ее содержание напоминало

²⁹ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 78,

содержание первой редакции. *Dionysiana tertia* представляла собой новый сборник постановлений упомянутых греческих соборов. Эта редакция была заказана папой Гормиздом около 523 г., и при ее составлении были пропущены апостольские каноны, каноны Сердикского и Карфагенского соборов, как «не принятые вселенской полнотой». В дальнейшем под влиянием дионисиевской рецепции церковного права стали возникать местные канонические собрания, такие как *Dionysiana Bobiensis*, *Dionysio-Hadriana*, *Concordia canonum Cresconii*. Дионисиевская рецепция оказала влияние и на вестготское «Испанское собрание» (*Collectio Hispana*).³⁰ На протяжении VI в. указанные редакции «Дионисиевского собрания» наряду с предшествовавшими римскими каноническими сборниками многократно воспроизводились в новых вариантах и версиях.

10. Наиболее крупными из этих вариантов являются сборники, возникшие одновременно с реформой Дионисия Малого и обусловленные, вероятно, конкуренцией по отношению к его деятельности. Среди этих канонических сборников первое место принадлежит *Collectio Frisingensis*. Указанное собрание было составлено немного позже 495 г. В нем воспроизводились каноны греческих соборов, кроме Халкидонского, по редакции *Isidoriana antiqua* (см. выше), а также декреты Римских архиереев от Дамаса до Целестина I и письма Льва Великого, Геласия I, Симплиция вместе с актами по делу патриарха Акакия.

11. Следующим по значимости латинским сборником является *Collectio Sanblasiana*, составленная в начале VI в. при папе Гормизде. В нее вошли каноны Халкидонского, Антиохийского и Константинопольского соборов в редакции *Collectio Prisca*, каноны остальных греческих соборов в редакции *Isidorana uulgata*, каноны Сердикского собора, Африканских соборов и папские декреты в Дионисиевской редакции, а также апокрифы, возникновение

³⁰ *Stickler A.* Op. cit. P. 50.

которых относят к понтификату папы Симмаха. Среди этих апокрифов в *Collectio Sanblasiana* были включены такие документы, как *Constitutum Silvestri* и *Gesta Liberii Papae*.

12. *Collectio Vaticana* была составлена также во времена Гормизда. Этот канонический сборник объемлет максимальное количество церковно-юридических документов римского происхождения. Среди них каноны восточных соборов, представленные в редакциях *Isidoriana*, *Prisca* и *Dionysiana*, каноны африканских соборов, декреты Римских епископов от Дамаса до Геласия, а также канонический сборник галльского происхождения конца V в., известный под названием *Statuta ecclesiae antiqua*.

13. Обзор церковно-юридических документов, возникших в результате деятельности Дионисия Малого, был бы неполным, если бы мы не упомянули здесь знаменитый сборник декретов Римских архиереев, составленный Дионисием. Подобное собрание, вероятно, уже существовало и до него. По крайней мере, А. Штиклер упомянул о существовании в V в. компендиума под названием *Canones Vrbicanorum*, которые включали три декрета Иннокентия I, один декрет Зосима и два декрета Целестина I. Однако у современных исследователей не существует уверенности относительно италийского происхождения этого сборника.³¹ Дионисий Малый составил на базе архива Римской церкви полное собрание папских декретов от Сириция (384–399) до Анастасия (496–498), посвятив свой труд Юлиану, пресвитеру титула св. Анастасии. «Геласиевский ренессанс» церковно-юридической мысли привел к тому, что рецепция древнего канонического права, предпринятая Геласием и продолженная Дионисием Малым, обобщила двухвековой опыт развития церковных институций и отношений Церкви и государства. Впрочем, этот опыт постоянно усложнялся и углублялся, в силу чего уже вскоре после кончины Дионисия Малого потребовалось создание новых сборников церковного права, которые бы суммировали предшествующий

³¹ *Stickler A.* Op. cit. P. 46.

опыт, согласовывая его с новыми историческими реалиями. В частности, начиная со второй четверти VI в. в Риме появилось еще три чрезвычайно важных канонических собрания.

14. *Collectio Colbertina* восходила по мнению А. Штиклера, к временам «геласиевского ренессанса». В ней каноны соборов четко отделялись от папских декретов. Основными источниками для ее составления послужили *Sanblasiana* и *Quesnelliana*.

15. *Collectio Thessalonicensis* была составлена по приказу папы Бонифация II около 531 г. и опиралась как на материалы архива Римской церкви, так и на архив Фессалоникийской митрополии, находившейся в юрисдикции Римского епископа. В это собрание вошли послания Римских архиереев фессалоникийским митрополитам и акты Римского синода 531 г.³²

16. *Collectio Auellana* стала собранием церковно-юридических документов поистине необъятных размеров. Этот сборник включал более 200 посланий Римских архиереев, императорских актов и римских синодальных протоколов за период с 368 по 555 г. Указанное собрание сохранило многие уникальные документы, которые без него были бы утрачены. П. Пейтц считал создание этого канонического сборника результатом архиографической деятельности Дионисия Малого.³³

Следующей по значению группой церковно-юридических сборников следует признать собрания африканского происхождения. По справедливому замечанию А. Штиклера, жизнь христианских общин в северной Африке протекала в обстановке интенсивной соборной деятельности, напряженной канонической борьбы между епископатом, принадлежавшим к Кафолической церкви, и различными раскольниками, прежде всего донатистами.

³² *Stickler A.* Op. cit. P. 65; *Silva Tarouca*, *Collectio Thessalonicensis ad fidem Cod. Vat. lat. 5751 (Textus et documenta, I/23)*, Romae (Pontif. Universitas Gregoriana), 1937, passim.

³³ *Stickler A.* Op. cit. P. 65; *Peitz P. W.M.* *Dionysius Exiguus als Kanonist*, Schweizer Rundschau, 45 (1945/46), Berlin, 1960. P. 18; *Günther O.* *Epistolae Imperatorum, Pontificum, aliorum... Auellana quae dicitur Collectio*, CSEL 35, L. 2, Vindobonae, 1895/98, passim.

Среди африканских канонических сборников необходимо отметить некоторые, наиболее важные.

1. *Breviarium Hipponense* представлял собой сборник, утвержденный на III Карфагенском соборе 397 г. и включавший в первую очередь каноны Иппонского собора 393 г.

2. *Codex Apiarii causae seu Gesta de nomine Apiarii* содержал документы Карфагенского собора 25 мая 419 г.

3. *Collectio concilii Carthaginensis XVII sev Registri ecclesiae Carthaginensis excerpta* стала своеобразным итогом соборного творчества африканских церквей предшествующего времени. Этот церковно-юридический сборник, включавший 100 канонов, подвергся рецепции Дионисия Малого на Западе и рецепции Иоанна Схоластика на Востоке.³⁴ Традиционно это собрание называется также *Codex canonum ecclesiae Africanae* — под таким наименованием оно было впервые издано Христофором Жюстелем.³⁵

4. «Антиохийская синтагма» также подверглась рецепции в Африканской церкви. Эта рецепция заключалась в переводах канонического наследия, оставленного греческими соборами IV в., на латинский язык. Среди подобных переводов следует отметить: *Versio Caeciliani*, *Versio Attici*, *Versio Cyrilli* и *Corpus Orientale*.³⁶ Долгое время указанные переводы соперничали с итальянскими, галльскими и испанскими переводами, описанными выше. В 429 г. в результате вандалского нашествия и гонений со стороны завоевателей-ариан законодательная и соборная деятельность африканских церквей временно прекратилась. Спустя столетие после освобождения северной Африки войсками императора Юстиниана Кафолическая церковь в регионе была восстановлена.

³⁴ *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.) / *Fonti fasc. IX* (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I, 2. Les canons des Synodes Particuliers. Roma, 1962. P. 249–410.

³⁵ *Voelli G., Justelli H.* Bibliotheca iuris canonici veteris. Lutetiae Parisiorum, 1661. T. I, passim.

³⁶ *Stickler A.* Op. cit. P. 34–35; *Turner C.H.* Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1899–1939, passim; *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Église en Occident du II-e au VII-e siècle. Paris, 1985. P. 80–83.

Карфагенский собор 525 г., проходивший под председательством епископа Бонифация, руководствовался древними каноническими собраниями, упомянутыми в соборных актах.³⁷ Среди них были упомянуты два сборника: «Почитаемые установления древних отцов из архивного хранилища Карфагенской церкви» (*Ex scrinio huius [cathaginensis] ecclesiae antiquorum partum venerabilia constituta*) и «Книга канонов времен святого Аврелия» (*Liber canonum temporibus sancti Aurelii*)».

5. Очевидно, опираясь на эти сборники, диакон Фульгенций Ферранд по указанию епископа Бонифация составил в 546 г. новое церковно-юридическое собрание. В него вошли как постановления греческих соборов IV–V вв., переведенные на латинский язык, так и каноны африканских соборов с 348 по 523 гг. Это обширное собрание получило наименование *Breviatio canonum Fulgentii Ferrandi*.

6. Недостаточность и неполнота собрания Фульгенция потребовала проведения новой кодификации церковного права в северной Африке. На рубеже VI–VII вв. некий епископ Кресконий составил сборник под названием *Concordia Canonum Cresconii*. Собрание Крескония представляло собой систематическое согласование сборников церковного права Дионисия Малого в более, чем 300 главах. Впрочем, по мнению П. Пейтц, собрание Крескония в действительности возникло в Италии. Авторство «Крескониева собрания», по мнению ученого, принадлежало самому Дионисию, в то время как само имя Кресконий — вымышленное и собирательное.³⁸ В первой половине VII в. северная Африка подверглась арабскому нашествию. В связи с этим любые формы церковной жизни в регионе были обречены на исчезновение вместе с христианской латинской письменностью.³⁹

³⁷ *Munier Ch.* Concilia Africae. P. 345–525; Corpus Christianorum series Latina, 159. Turnholti, 1974. P. 254–282.

³⁸ *Peitz P.W.M.* Dionysius Exiguus als Kanonist, Schweizer Rundschau, 45 (1945/46). Berlin, 1960. P. 5.

³⁹ *Stückler A.* Op. cit. P. 74–75; *Gaudemet J.* Op. cit. P. 104–105.

В отличие от африканской традиции церковно-юридического творчества, оказавшейся в силу исторических обстоятельств тупиковой, галльская традиция предлагает богатейший канонический материал, который оказал значительное влияние на формирование корпуса канонического права Западной церкви. Каноническое право галльских церквей развивалось в тесной взаимосвязанности с развитием Римской церкви и расширением папского первенства на Западе. О существовании церковно-юридических сборников в Галлии уже в V в. свидетельствуют Анжерский собор 453 г., Турский собор 460 г., Ваннский собор 465 г., Агдский собор 506 г.

1. Наиболее значимым каноническим собранием, сформированным в нарбоннской Галлии, в массивской христианской общине, являются «Древние статуты церкви» (*Statuta ecclesiae antiqua*). До 1757 г. среди ученых господствовала точка зрения, основанная на сообщении «Испанского собрания» канонов и «Псевдо-Исидоровых декреталий». Согласно этой точке зрения «Статуты» были выработаны на IV Карфагенском соборе 398 г. Позднее в историографии утвердилось другое мнение, приписывавшее «Статуты» Агдскому собору 506 г. Новейшие исследования рукописной традиции памятника, проведенные, в частности, Ш. Мунье, полностью опровергают вышеуказанные мнения эрудитов. Эти исследования указывают на то, что подлинным составителем сборника был Геннадий Массивский в конце V в.⁴⁰ «Древние статуты церкви» состояли более чем из ста глав и были включены в многочисленные галльские и испанские канонические собрания.

2. Вторым важнейшим галльским церковно-юридическим сборником рассматриваемого периода следует признать *Collectio Arelatensis II* — каноническое собрание, приписываемое II Арльскому собору. По мнению ученых, этот памятник появился между 442 и 506 гг. и представлял собой обобщение нарбоннской

⁴⁰ *Munier Ch. Concilia Galliae, 314–506, Corpus Christianorum series Latina, 148. Turnholti, 1963. P. 162–188; Gaudemet J. Op. cit. P. 84.*

церковно-юридической практики предшествующего времени. Указанное собрание насчитывало 56 канонов, среди которых присутствовали постановления таких галльских соборов, как I Арльский 314 г., I Оранжский 441 г., I Везонский 442 г. Кроме того, в рассматриваемое собрание были включены особые «привилегии» Арльской церкви.⁴¹ В дальнейшем со второй половины V в. количество сборников церковного права в Галлии стало неуклонно возрастать. Характеризуя интенсивность развития церковного права Мерovingской Галлии, представляется необходимым кратко остановиться на основных сборниках этого права.

3. *Collectio Andegavensis I* представляла собой сборник канонов нескольких поместных соборов, в частности Анжерского 453 г., Турского 461 г., Ваннского 465 г. Этот памятник был составлен на основании архивов анжуйского епископа Таласия.⁴²

4. *Liber auctoritatum* объединяла декреты Римских архиереев и императорские указы. По всей вероятности, эта «Книга» была составлена в Арльской церкви между 560 и 590 гг.

5. *Collectio Corbeiensis* возникла после 524 г.

6. *Collectio Coloniensis* была сформирована после 549 г.

7. *Collectio Albigensis* включала каноны V Орлеанского собора 549 г, декреты св. папы Григория Великого и в текстологическом отношении опиралась на собрание Дионисия Малого.

8. *Collectio Laureshamensis* (Лоршского аббатства) появилась во второй четверти VI в. и включала каноны некоторых галльских соборов.

9. *Collectio Lugdunensis* была составлена между 529 г. и серединой VI в. Это собрание сохранилось в двух частях, которые представлены двумя списками: Петербургским и Берлинским кодексами (*Cod. Petropolitanus F. II, 3 u Cod. Lat. Berolini 83*). Если

⁴¹ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 84; *Stickler A.* Op. cit. P. 40–41; *Munier Ch.* Concilia Galliae. P. 314–506; Corpus Christianorum series Latina, 148. Turnholti, 1963. P. 111–130.

⁴² *Gaudemet J.* Op. cit. P. 86–87; *Munier Ch.* Concilia Galliae... P. 135; *Stickler A.* Op. cit. P. 41.

Петербургский кодекс включает каноны восточных и африканских соборов, воспроизведенные в соответствии с собранием Дионисия Малого, то Берлинский кодекс содержит постановления галльских соборов.⁴³

10. *Collectio Remensis I* датируется второй половиной VI в.

11. *Collectio S. Mauri*, арльского происхождения, опиралась на италийские сборники: «Квеснеллово собрание» и «Собрание святого Власия». По-видимому, этот сборник возник в середине — конце VI в.

12. *Collectio Pithouensis* сформировалась в западных районах Франкского королевства на рубеже VI–VII вв. Она объединяла каноны греческих и галльских соборов, а также декреты Римских архиереев. Сборник базировался в текстологическом отношении на «Собрании Дионисия Малого».

13. *Collectio Bigotiana* была образована после 573 г. и представляла собой собрание канонов греческих, африканских и галльских соборов. По-видимому, она зависела в текстологическом отношении от *Collectio Corbeiensis*.⁴⁴

14. *Collectio Diessensis I* и *Collectio S. Amandi* включали каноны галльских соборов и возникли, вероятнее всего, уже в VII в.

15. *Parva collectio codicis Corbeiensis* и *Scintilla de canones (sic) vel ordinationes episcoporum*, по мнению А. Штиклера, датируются рубежом VI–VII вв. и отражают повседневные нужды галло-франкского клира. Заглавие второго сборника, составленное с грамматической ошибкой, свидетельствует об уровне владения латинским языком в местных франкских епископских канцеляриях в эпоху Меровингов.⁴⁵

В процессе рецепции церковно-юридических памятников в предгеласиевскую и постгеласиевскую эпоху не меньшую роль играли испанские канонические сборники. Традиция испанских

⁴³ *Stickler A.* Op. cit. P. 98.

⁴⁴ *Stickler A.* Op. cit. P. 99; *Rambaud-Buhot J.* Note sur la collection canonique de Bigot (Bibl. Nat. lat. 2796) // *Revue Moyen Age.* 1946. II. P. 176–178.

⁴⁵ *Stickler A.* Op. cit. P. 99.

собраний оказалась достаточно богата и целостна, несмотря на раннее завоевание страны арианами-вестготами (в первой половине V в.). На исходе римского владычества испанские христианские общины обладали церковно-юридическими документами, сформировавшимися в центральной части империи. Так, в частности из деяний I Толедского собора 400 г. явствует, что в распоряжении испанских епископов находился сборник постановлений Никейского собора 325 г. (по-видимому *sylloge Hispana*). Позднее, уже после вестготского завоевания испанские соборы католических епископов также продолжали ссылаться на каноны греко-восточных и галльских соборов. Например, отцы I Барселонского собора 540 г. ссылались на решения Халкидонского Вселенского собора 451 г. и на галльские *Statuta ecclesiae antiqua*. Тарраконский собор 516 г. также упоминал решения галльских соборов. Собранный после обращения свевов (швабов) в православную веру I Браганский собор лузитанских епископов в 563 г. упоминал в своих деяниях о том, что новообращенные прочитали некий письменный «экземпляр», содержащий Никейский символ веры. Кроме того, отцы собора сослались на то, что в распоряжении собора находился кодекс древних канонов, изданных как вселенскими, так и поместными соборами, а также декреты Апостольского престола.⁴⁶ Испанские епископы, в частности отцы Тарраконского собора 465 г. во главе с епископом Асканием, постоянно апеллировали в Рим и в отличие от африканского епископата признавали верховный авторитет Римского архиерея. Об этом свидетельствуют декреты Сириция, Иннокентия I, Зосима, св. Льва Великого, Илария, Симплиция, Феликса III, Гормизда. По-видимому, испанские христиане знали о латинской редакции постановлений восточных греческих соборов благодаря переводам, сделанным в V в. и известным под именем *Versio Isidoriana uulgata seu gallica-hispana*.⁴⁷ Исторические условия, сложившиеся в Испании уже к середине

⁴⁶ Ibid. P. 36–38.

⁴⁷ Ibid. P. 37–38.

V столетия, в значительной степени отличались от тех, которые существовали на других территориях распадавшейся Западной Римской империи. Тем более реалии церковной жизни в Испании отличались от того уклада, который был характерен для территории, подчиненной Восточной Римской империи. В Испании утвердилась королевская династия вестготов, которые в отличие от франков исповедовали арианство и в отличие от остготов были в культурном отношении не зависимы от Восточной Римской империи. Впрочем, вестготы не дерзали обрушить против Кафолической церкви гонения, подобные тем, какие обрушили против православных в северной Африке завоеватели-вандалы. Иберийско-романское население полуострова было слишком многочисленным и влиятельным, а германские завоеватели были заинтересованы в диалоге. Тем более, вестготские короли стремились сочетать германские обычаи и традиции римского права. Неслучайно основным светским юридическим памятником в вестготском королевстве стал «Бревиарий Алариха», представлявший собой выдержки из «Кодекса Феодосия». Вскоре королевство под влиянием этого юридического памятника и проистекавшей из него правоприменительной практики очень сильно романизировалось.⁴⁸

Тем не менее в рассматриваемую нами ранневизантийскую эпоху (IV–VI вв.) испанские сборники церковно-юридических документов не играли еще той роли, которая выпадет им в будущем и будет характерна для них на протяжении раннего Средневековья. Первые самостоятельные испанские канонические сборники, из числа сохранившихся, стали появляться лишь в конце VI в.

1. Одним из первых таких сборников стали *Capitula Martini*, автором которых, по-видимому, являлся епископ Мартин Браганский. Этот сборник был официально принят II Браганским собором в 572 г. Он представлял собой краткий справочник в 84 главах, содержащий выдержки из постановлений «Антиохийской

⁴⁸ *Erdo P.* Storia della scienza del diritto canonico. Una introduzione. Roma, 1999. P. 14–15.

синтагмы» и испанских соборов. Эти «Капитулы» впоследствии широко распространились по всей Испании.

2. *Epitome Hispanica* была составлена в конце VI в. Это собрание опиралось на вышеупомянутые «Капитулы Мартина Браганского» и включало каноны греческих, африканских, галльских и испанских соборов, а также декреты Римских архиереев. Эти документы были расположены в сборнике по хронологическому принципу.⁴⁹

3. *Collectio Nouariensis* появилась примерно в это же время и объединяла каноны греческих, африканских и испанских соборов. Однако этот памятник испытывал сильное влияние италийских канонических собраний, поэтому говорить о нем как о самобытном испанском каноническом сборнике не представляется возможным.

4. Начиная с III Толедского собора 589 г., на котором по инициативе короля Рекареда произошло присоединение арианских вестготских епископов к Кафолической церкви, в истории испанских церквей начался период активной соборной и законотворческой деятельности. Эта деятельность привела к созданию уже в конце VII в. обширного собрания, известного как неоднократно упоминавшееся «Испанское собрание» (*Collectio Hispana*). Традиция приписывала его составление св. Исидору Севильскому.⁵⁰ П. Пейтц полагал, что основой для этого памятника стало собрание Дионисия Малого, посланное еще в 515 г. папой Гормиздом на Тарраконский собор.⁵¹ В *Collectio Hispana* был включен колоссальный пласт церковно-юридической литературы: каноны греческих соборов в латинской редакции *Isidoriana uulgata* вплоть до Халкидонского (Четвертого Вселенского) 451 г., каноны восьми африканских соборов, собранных с 348 по 419 г., галльские

⁴⁹ *Stickler A.* Op. cit. P. 77–78; PL 56, Coll. 286.

⁵⁰ *Martínez Díez G., Rodríguez F.* La Colección canónica Hispana. T. I–VI. Madrid, 1966–2002, passim.

⁵¹ *Peitz P. W.M.* Dionysius Exiguus als Kanonist, Schweizer Rundschau, 45 (1945/46). Berlin, 1960. P. 7.

Statuta ecclesiae antiqua, постановления десяти галльских соборов от I Арльского 314 г. до I Орлеанского 511 г., каноны испанских соборов от Эльвирского 305 г. до IV Толедского 633 г. В сборник были включены также 104 декрета Римских архиереев от Дамаса до св. Григория Великого. Позднее в состав сборника были добавлены: исповедание веры III Константинопольского (Шестого Вселенского) собора 680 г. в виде послания папы Льва II, принятого XIV Толедским собором в 684 г., каноны шести галльских соборов от Эпонского 517 г. до V Орлеанского 549 г. К канонам африканских соборов были добавлены также постановления Телептского собора 418 г., каноны новых испанских соборов от V Толедского до XVII Толедского 694 г., а также правила Эмеритского собора 666 г., III Браганского собора 675 г. и II Сарагосского собора 691 г.⁵² Собрание существовало в четырех редакциях, которые взаимодополнялись.⁵³

Церковно-юридическая литература на периферии латиноязычного ареала в ранневизантийскую эпоху (IV–VI вв.) не была особенно богатой. В частности, кельтские христианские общины в Британии и Гибернии интересовались в V–VI вв. прежде всего вопросами нравственного богословия и аскетизма. Последовавшее в V–VI столетиях англо-саксонское нашествие парализовало любую серьезную соборную деятельность в Британии, отрезав на некоторое время Гиберию от латинского христианского мира. Тем не менее представляется важным упомянуть некоторые памятники церковно-юридического содержания, возникшие в Гибернии и в Британии в V–VI вв. Рассматривая церковное право Гибернии и Британии, следует кратко упомянуть самые значимые источники.

1. *Prima synodus Patrici* (a. 450–456) выработал 34 покаянных постановления в контексте христианизации Гибернии. Памятник известен в рукописи VIII в.

⁵² *Stickler A.* Op. cit. P. 78.

⁵³ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 114.

2. *Canones Hibernenses* представляли собой 4 фрагмента, посвященных аскетическому богословию. В их число входил отрывок, носивший название «Беседа о споре гиббернского синода и Григория Насиансина о бесчисленных прегрешениях».

3. *Poenitentiale Vinniani* — этот покаянный сборник был составлен для клириков и мирян в начале VI в. Финнианом Клонардом. Его ученики — Синелл и Конгалл будут наставниками прославленного св. Коломбана.

4. *Excerpta de libro Davidis* не имели большого канонического значения.

5. *Canones poenitentiales duarum synodorum: Aquilonensis Britanniae seu de Breui et Luci Victoriae* были зафиксированы в первой половине VI в.

6. *Poenitentiale Gildae* была составлена во второй половине VI столетия.

7. *Canones Wallici* были написаны в Уэльсе на рубеже VI–VII вв.⁵⁴

Во всех вышеупомянутых сочинениях влияние римского права, традиции Восточной или Римской церквей ощущались очень слабо, если вообще ощущались. Можно с уверенностью признать, что эти документы являют собой то богословское и культурное оскудение, в котором прозябала слабо романизованная Британия и вовсе лишенная романской культуры Гибберния в период темных веков варварского завоевания.

«Антиохийская синтагма» канонов оказала существенное влияние на развитие церковного права восточных церквей, находившихся на периферии эллинского мира и отпавших от Кафолической церкви в результате христологических споров V в. Достаточно привести пример того, что вся «Синтагма», включая каноны Халкидонского собора, была переведена на сирийский

⁵⁴ *Stickler A.* Op. cit. P. 89–90; *Gaudemet J.* Op. cit. P. 120–127; *Wasserschleben F. W. H.* Die Bussordnungen der abenlandischen Kirche. Halle, 1851 (= Graz, 1958), passim.

язык около 500 г. в Иераполисе. В 410 г. трудами сирийского епископа Маруты Маиферкатского был осуществлен перевод канонов Никейского собора. К ним были добавлены еще 73 псевдоникейских канона, каноны Константинопольского собора 381 г. и постановления греческих поместных соборов из состава «Синтагмы». «Кодекс канонов Африканской церкви», переведенный на греческий язык в контексте византийской рецепции в VI в., остался неизвестен сирийским христианам. Однако в канонический сборник Ассирийской церкви попали каноны Карфагенского собора под председательством св. Киприана о крещении еретиков. Каноны Никейского собора были очень рано переведены не только на сирийский, но и на арабский язык.⁵⁵

В деятельности Никейского собора принимал участие армянский архиепископ Аристаке, который привез в свою митрополию соборные правила на греческом языке.⁵⁶ После Эфесского собора 431 г. и вскоре после того как Месроп Маштоц создал оригинальный армянский алфавит, каноны «Синтагмы» были переведены на габар.⁵⁷ На рубеже IV–V вв. «Синтагма» была переведена на коптский язык для египетских христиан, однако перевод был сделан очень беспорядочно. В частности, принцип следования канонов при переводе был нарушен. Каноны поместных соборов: Анкирского, Неокесарийского, Гангрского, Антиохийского были расположены перед канонами Никейского собора, имевшего вселенское значение, каноны Анкирского собора были соединены с канонами Неокесарийского, каноны Гангрского с канонами Антиохийского, правила Лаодикийского собора с постановлениями Сердикского. В ту эпоху копты были знакомы и с постановлениями Карфагенского собора 419 г., быть может, даже раньше, чем

⁵⁵ *Berevergii G. Συνοδικον sive Pandectae canonum. Oxonii, 1672. Т. I, II. passim.*

⁵⁶ *Stickler A. Op. cit. P. 33–34; Gelzer H., Hilgenfeld H., Guntz O. Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice, armeniace. Stutgardiae, Lipsiae, 1995. P. 198–199.*

⁵⁷ *Акопян В. Армянская книга канонов. Т. I. Эривань, 1964, passim.*

кто-либо. По свидетельству Дионисия Александрийского, в местном епископском архиве хранились послания Римских архиереев и некоторых африканских соборов, которые были впоследствии утрачены. Через коптскую редакцию «Синтагма» канонов достигла Абиссинии, однако дошедшие эфиопские переводы памятника на язык ге'эз сохранились лишь в позднейших сборниках.

Кроме канонической литературы, наполнявшей правовые сборники, весьма значимыми источниками церковного права оставались императорские законы, касавшиеся Церкви. Подобные законы сосредоточены, прежде всего, в 16-й книге «Кодекса Феодосия», в 1-й книге «Кодекса Юстиниана», в так называемых Сирмондиевских постановлениях и в Новеллах императоров Западной Римской империи первой половины V столетия. Разумеется, законы IV–V вв. были существенно дополнены в рамках юстиниановской законотворческой деятельности. Об этом свидетельствуют, в частности, сборники Новелл императора Юстиниана: *Collectio LXXXVII capitulorum* Иоанна Схоластика, *Collectio Tripartita* и сборник *Authenticum*, а также вестготский «Бревиарий Алариха», который опирался на «Кодекс Феодосия» и как бы законсервировал имперское право в отношении Церкви в том виде, в каком оно сформировалось ко второй четверти V столетия.

Принципиальным отличием имперского права от канонического в эпоху IV–V вв. является его позитивный, конституционный характер. Императорские законы, не говоря уже о пространных Новеллах императора Юстиниана, содержали позитивные предписания, выражения воли законодателя, которая устанавливала принципы отношений имперской власти с Церковью, в ограду которой эта власть уже окончательно вошла вместе с предсмертным крещением Константина. В то же время соборные постановления и каноны, так же как и декреты Римских архиереев, носили еще характер прецедентного права: соборы созывались, как правило, по конкретным поводам и разбирали конкретные казусы. Декреты Римских архиереев также носили характер персональных

посланий папы тем или иным епископам. Ориентируясь на истины веры, содержащиеся в священном Писании и в церковном Предании, полномочная церковная власть выражала соборную позицию Церкви в отношении той или иной проблемы. С этой точки зрения многочисленные попытки систематизировать соборные каноны и папские декреты, обобщить их на основании конститутивного принципа, предпринимаемые в раннее Средневековье, следует признать неудачными, ибо очень часто на практике одни каноны противоречили другим. Именно поэтому в конечном итоге и возникла необходимость согласования и комментирования канонов, а не простой их классификации. Впрочем, эта задача будет решена лишь в XII столетии трудами Грациана на латинском Западе и Вальсамона на византийском Востоке. Однако, несмотря на упомянутый прецедентный характер памятников церковного права в IV–VI вв., для них были характерны основные черты, отражавшие римское правовое сознание, ибо христианская Церковь существовала в империи, и большая часть ее паствы представляла собой граждан империи. Эти черты выражались в том, что, во-первых, для соборных постановлений, а также для папских декретов был свойствен принцип презумпции невиновности. Вину христианина, обвиненного перед собором, необходимо было доказать в присутствии обвиняемого. В частности, папа Юлий не признавал приговор Антиохийского собора, а также Медиоланского собора 355 г. против св. Афанасия Александрийского именно на том основании, что этот приговор был издан в отсутствие обвиняемого и при отсутствии защиты. Для канонического права признание обвиняемого доказательством не являлось. Поэтому в V в. распространился институт церковных экдиков или дефенсоров, которые должны были защищать интересы обвиняемых христиан перед лицом епископских и светских судов. Во-вторых, каноническое право исходило из принципа невозможности двойного наказания за одно совершенное преступление в соответствии с основами римского права, изложенными в «Институциях» Гая и Ульпиана.

«Апостольские правила», в частности, прямо фиксировали этот принцип. В-третьих, в каноническом праве господствовало общепринятое убеждение, согласно которому изданный закон не имеет обратной силы. Эта юридическая истина неоднократно подчеркивалась в постановлениях многих соборов, даже позднейших, в частности Трульского собора, произошедшего в 692 г. Отмеченные черты, свойственные церковному праву ранневизантийской эпохи, делали его разительным образом отличающимся от распространившегося начиная с VI столетия на Западе варварского обычного права. Это право было зафиксировано впоследствии, в раннее Средневековье, в таких сборниках, как Салическая, Рипуарская, Аламманская «правды», или «судебник» Лиутпранда. Характерными особенностями этого права было восприятие признания обвиняемого в качестве доказательства вины, а также пыточное следствие, ордалии и членовредительство. К сожалению, этот упадок правовой культуры коснулся и византийского светского законодательства в VIII в. и выразился в принятии «Эклоги» Льва III. Однако церковное право сохраняло принципы римской юридической культуры в темные века раннего Средневековья. В связи с этим представляется очевидным то важнейшее цивилизаторское значение, которое имела церковная юридическая система для развития правосознания европейских народов на протяжении всей ее истории. Вместе с тем, в дальнейшем имело место и обратное влияние обычного германского права на церковное правосознание. Это влияние особенно ощутимо выразилось уже в высокое Средневековье в деятельности инквизиционных трибуналов, избиравших меру пресечения и методы дознания в соответствии с обычаями, зафиксированными в современных им «Кутюмах», «Фуэрос» и «Зерцалах».

Коль скоро каноническое право IV–VI вв. носило в большей степени характер прецедентного права, чем конститутивного, закономерным представляется вопрос: какие же субъекты права издавали постановления в соответствии с правовыми прецедентами?

Как уже было отмечено, субъектами канонического права являлись церковные соборы, как вселенские, так и поместные, а также Римские архиереи, о роли которых в церковном общении будет сказано в отдельной главе. С этой точки зрения нам необходимо рассмотреть динамику соборного движения в ранневизантийскую эпоху.⁵⁸ Эта динамика во многом помогает выявить характер законотворческой деятельности этого времени. При этом, оставаясь верными принципу, выраженному монсеньором Э. Корекко, согласно которому «каноническое правоеведение — богословская дисциплина, применяющая юридический метод», будем иметь в виду то, что эволюция церковного законодательства отражала реакцию Церкви как сообщества христиан на ту или иную историческую ситуацию. Учитывая духовный авторитет, которым пользовалась Римская церковь в первые века христианской истории, и ее апостольское происхождение, нам представляется целесообразным начать рассмотрение соборной деятельности IV–VI вв. кратким обзором соборов Италии.

Италийские соборы представляли собой съезды епископов, которых объединяли два церковных центра: Рим и Медиолан. Медиоланская кафедра при св. Амвросии, вероятно, имела большую независимость от Римского епископа, чем это допускала традиция почитания апостольского происхождения Римской церкви. Впрочем, этот вопрос, по-видимому, не может быть окончательно прояснен в силу пристрастности как сторонников, так и противников подобного предположения. Отмеченная пристрастность была характерна уже для современников св. Амвросия и Дамаска. Среди италийских соборов IV–V вв. необходимо отметить следующие:

1. Римский собор 313 г., созданный папой Мильтиадом для осуждения африканских донатистов.

⁵⁸ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 44–56.; *Митрофанов А.Ю.* История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006, *passim*.

2. Римский собор 340/341 г., организованный папой Юлием для рассмотрения учения Афанасия Александрийского.

3. Римский собор, осень 341 г.; на нем папа Юлий принял в общение Афанасия.

4. Медиоланский собор 346/7 г.; в ходе заседаний западные епископы перед лицом императора Констанция защищали омианский (никейский) символ веры перед антиохийской делегацией, а также рассмотрели учение Фотина Сирмийского.

5. Римский собор 347 г., на котором папа Юлий осудил ересь Фотина Сирмийского.

6. Медиоланский собор 348 г., созванный против Фотина Сирмийского.

7. Римский собор 352/3 г., организованный св. папой Либерием для защиты св. Афанасия Александрийского.

8. Медиоланский собор 355 г., на котором император Констанций настоял на осуждении св. Афанасия Александрийского.

9. Ариминский (Римини) собор 359 г., представлявший собой попытку императора Констанция утвердить учение омиев (умеренных ариан) в качестве общеимперской церковной доктрины.

10. Римский собор 362 г., на котором св. папа Либерий разбил послание епископов-пневматомахов.

11. I Римский собор Дамаса 366 г., направленный против арианских епископов Урсакия и Валента.

12. II Римский собор Дамаса, октябрь 368 г., против антипапы Урсина и Авксентия Медиоланского (собор отказался осудить Урсина).

13. III Римский собор Дамаса 369 г. против Авксентия Медиоланского.

14. Медиоланский собор св. Амвросия 374–378 г. против ариан.

15. Римский синод 375 г. против Луция Александрийского.

16. IV Римский собор Дамаса и св. Амвросия 377 г. против Урбана Пармского.

17. V Римский собор Дамаса 378 г., издавший «томос Дамаса» — омоусианское исповедание веры.
18. Медиоланский собор 380 г. по делу Индиции.
19. Аквилейский собор, сентябрь 381 г., против ариан: Палладия и Секундиана.
20. VI Римский собор Дамаса 382 г., осудивший Флавиана Антиохийского.
21. Римский собор 386 г., собранный папой Сирицием для разрешения хозяйственных проблем Римской церкви.
22. Медиоланский собор 390 г. по делу галльской схизмы фелициан и по факту фессалоникийской резни, учиненной императором Феодосием.
23. Медиоланский собор 393 г. против ереси Ювиниана.
24. Капуанский собор 392 г., осудивший ересь Боноса Наисского, пытавшийся урегулировать антиохийский раскол, а также стремившийся реформировать покаянную дисциплину Африканской церкви.
25. Римской собор около 400 г., на котором папа Анастасий запретил африканским клирикам въезжать на территорию италийских церквей без отпускной грамоты.
26. Римский собор Иннокентия I 406 г., выступивший в поддержку св. Иоанна Златоуста.
27. Римский собор 415 г., принявший в общение антиохийского пресвитера Кассиана.
28. Римский собор 418 г., осудивший Пелагия и Целестия.
29. Равеннский собор 419 г., на котором император Гонорий утвердил Бонифация в качестве Римского епископа и отверг Евлалия.
30. Римские синоды Сикста 432–440 гг., разбиравшие хозяйственные вопросы, связанные с управлением и содержанием римских базилик.
31. Римский собор св. Льва Великого 449 г., осудивший деяния Эфесского собора того же года.

32. Медиоланский собор 451 г., поддержавший позицию св. папы Льва в монофизитском споре.

33. Римский собор Илария 465 г., разбиравший запрос Тарраконского собора предыдущего года по делу покойного епископа Нундинария.

34. I Римский собор Феликса 484 г., осудивший Акакия Константинопольского.

35. II Римский собор Феликса 485 г., осудивший Акакия и Мисена Куманского.

36. III Римский собор Феликса 487 г., осудивший практику перекрещивания раскольников, имевшую место в Африканской церкви.

37. Римский собор Геласия 495 г., принявший покаяние Мисена Куманского.

38. I Римский синод Симмаха 499 г. — начало схизмы между Симмахом и Лаврентием.

39. II Римский синод Симмаха, лето 502 г., тщетно пытавшийся прекратить раскол.

40. III Римский синод Симмаха, 23 октября 502 г., вылившийся в вооруженное столкновение сторонников Симмаха и Лаврентия.

41. IV Римский «победный» синод Симмаха 6 ноября 502 г., закончившийся торжеством Симмаха и отлучением антипапы Лаврентия.

42. Латеранский собор 649 г. — осуждение монофелитства св. папой Мартином.

43. Римский синод папы Григория младшего между 715–732 гг.

В VI столетии соборная деятельность в Италии ограничивалась преимущественно Римом. Римские епископы, в частности Гормизд, св. Григорий Великий нередко собирали синоды, которые, однако, не повлияли существенно на развитие церковно-юридической литературы. Следует отметить, что из более чем сорока италийских соборов, произошедших в предыдущие два века, лишь восемь повлияли на составление канонических сборников.

Остальные в основном имели значение для богословских споров: прежде всего арианского и монофизитского. Вместе с тем, законотворческая деятельность Римских архиереев, начиная с Дамаса и вплоть до св. Григория Великого, оставалась чрезвычайно интенсивной и разнообразной. Деяния некоторых Римских соборов⁵⁹ известны только благодаря тому, что их протоколы были включены папскими архивариусами в те или иные архиерейские декреты. На фоне активного соборного движения, развивавшегося в Италии в ранневизантийскую эпоху, соборы, созывавшиеся на Востоке, столь же интенсивно влияли на формирование канонического права в IV в., сколь Римские соборы влияли на него во второй половине V столетия. Среди восточных соборов определяющее место занимают те, постановления которых стали основой для «Антиохийской синтагмы» и были востребованы затем всей церковной полнотой. Однако представляется небесполезным еще раз осветить их перечень в связи с соборным движением на Востоке.

1. Анкирский собор 314 г. объединил от двенадцати до восемнадцати епископов Галатии, Малой Азии и Сирии.

2. Кесарийский собор 314 г. (Кесария Каппадокийская) издал несколько правил, вошедших в свод канонов Неокесарийского собора.

3. Неокесарийский собор 314/319 г. был организован в Каппадокии и состоял из семнадцати епископов Галатии, Сирии, Палестины и Армении.

4. Никейский собор 325 г. получил статус Вселенского. В заседаниях участвовало около трехсот епископов по всей Римской империи.

5. Антиохийский собор 330/341 г. объединял епископов Сирии и выступил против св. Афанасия Александрийского. В историографии не существует единого мнения относительно датировки собора.

⁵⁹ В частности, Римского собора при Иларии 465 г., Римского собора при Феликсе 487 г. или Римского собора при Геласии 495 г.

6. Гангрский собор 343 г. призвал тринадцать епископов Пафлагонии для защиты христианского брака и осуждения аскетического квазиманихейского экстремизма.

7. Сердикский собор 343 г.⁶⁰ состоял из двухсот епископов, преимущественно западных, а также иллирийских, греческих и восточных. Он выступил против арианства и утвердил права Римского архиерея быть третейским судьей в Кафолической церкви.

8. Селевкийский собор 359 г. подчеркнул открытое размежевание между омиусианами, с одной стороны, и омиями, а также аномеями — с другой.

9. Александрийский собор св. Афанасия 362 г. против пневматомахов.

10. Константинопольский собор 381 г. ста пятидесяти епископов, признанный II Вселенским.

11. Константинопольский собор 394 г. по поводу отношений Рима и Антиохии.

12. Константинопольский собор «под Дубом», около 400 г., под председательством Феофила Александрийского, низложивший св. Иоанна Златоуста.

13. Эфесский собор 431 г. против Нестория, признанный III Вселенским.

14. Халкидонский собор 451 г. против Евтихия и Диоскора, признанный IV Вселенским.

15. III Константинопольский собор 553 г. о трех главах.

16. IV Константинопольский собор 680 г. против монофелитства.

17. Трульский собор 692 г. (Пято-шестой собор).

18. II Никейский собор 787 г. против иконоборчества.

Из упомянутых наиболее значимых греко-восточных соборов почти все, кроме Селевкийского и Александрийского, а также несправедливого собора «под Дубом», издали правила, которые затем вошли в византийскую «Синтагму». При этом первые шесть

⁶⁰ Сердикский собор был собором «западным» по составу. Делопроизводство велось на двух языках: латинском и греческом.

образовали ее ядро наряду с каноническим сборником малоазийского происхождения, известным под наименованием «Правил Лаодикийского собора». В VI столетии в связи с уже упоминавшейся централизацией и бюрократизацией управления византийской церковью при императоре Юстиниане соборное движение в пределах Восточной Римской империи оказалось сведено к деятельности Константинопольского патриаршего синода. Этот Синод напоминал другой подобный орган церковной власти, существовавший при Александрийском патриархе. Единственным крупным событием соборной византийской истории в VI в. стал Константинопольский собор 553 г., признанный V Вселенским. Этот собор разбирал вопросы вероучения, в частности осудил «три главы», мнения Оригена (о предсуществовании душ и т. п.) и теопасхизм. Никаких постановлений канонического характера собор не оставил.

Постановления африканских соборов, которые формировали богатейшие церковно-юридические собрания Карфагенской церкви, составляют неисчерпаемый источник по истории развития церковно-государственных отношений, а также церковных институций в предгеласиевскую эпоху и в постгеласиевский период церковной истории. Среди них необходимо упомянуть:

1. Карфагенский собор 345/348 г., объединивший, по замечанию Ж. Годме, епископов различных африканских провинций.
2. Карфагенский собор 390 г.
3. Иппонский собор, 8 октября 393 г.
4. Карфагенский собор 13 августа 397 г., составивший «Иппонский бревиарий».
5. Карфагенский собор 28 августа 397 г., утвердивший «Иппонский бревиарий».
6. Карфагенский «проконсульский» собор 16 июня 401 г.
7. Карфагенский собор 13 сентября 401 г., создавший собор епископов всей Африки.
8. Милевский собор 27 августа 402 г. (всеафриканский).

9. Карфагенский собор 25 августа 403 г. (всеафриканский).
10. Карфагенский собор 16 июня 404 г. (всеафриканский).
11. Карфагенский собор 23 августа 405 г. (всеафриканский).
12. Карфагенский собор 13 июня 407 г. (всеафриканский).
13. Карфагенский собор 16 июня 408 г.
14. Карфагенский собор 13 октября 408 г.
15. Карфагенский собор 15 июня 409 г. (поместный).
16. Карфагенский собор 14 июня 410 г. (всеафриканский собор против донатистов).
17. Карфагенский «проконсульский» собор, лето 416 г., семидесяти епископов.
18. Милевский собор, лето 416 г., шестьдесят нумидийских епископов.
19. Телептский собор 24 февраля 418 г.
20. Карфагенский собор 1 мая 418 г. — собор всей Африки.
21. Карфагенский собор 25–30 мая 419 г.
22. Карфагенский собор 424/425 г. (всеафриканский).
23. Иппонский собор 427 г.
24. Карфагенский собор 525 г.

Приведенный перечень свидетельствует о колоссальной способности к самоорганизации, имевшей место в африканских христианских общинах, многие из которых были рассеяны в пустынных оазисах и оставались достаточно немногочисленны. Известная конкуренция, существовавшая между Римской и Карфагенской церквями, также способствует прояснению специфики законотворческой деятельности африканских христиан. Они говорили на одном языке с Римом. Мало того, именно африканский богослов — Тертуллиан и сделал латинский язык впервые языком богословия, в то время как Римская церковь по традиции еще использовала греческий язык в качестве языка церковной дисциплины⁶¹ и богослужения вплоть до папы Дамаса. Тем не менее

⁶¹ См.: «Апостольское предание» Ипполита Римского.

в области богословских воззрений африканским христианам ближе восточный радикализм мышления, чем римская уравновешенность и трезвость. Впервые это отличие ощутимо проявилось в середине III в. в полемике между св. папой Стефаном и св. Киприаном Карфагенским относительно сакраментальных границ Церкви и действительности еретического крещения. Африканская практика перекрещивания еретиков и раскольников встречала суровое осуждение Римских архиереев и в IV–V столетиях. В частности, I Арльский собор 314 г. поддержал учение Римской церкви о действительности крещения еретиков и раскольников, совершенное во имя Троицы. Капуанский собор 392 г.⁶² при поддержке папы Сириция и св. Амвросия Медиоланского выразил позицию о недопустимости перекрещивания схизматиков и еретиков, крещенных во имя Троицы, более радикальным образом. Приговор Капуанского собора был принят африканскими епископами, но практика перекрещиваний продолжалась. В связи с этим папа Феликс осудил ее вновь на Римском соборе 487 г. Апостольское происхождение Римской церкви, по-видимому, вызывало у карфагенских епископов чувство ревности, которое они стремились преодолеть, отстаивая свою независимость и апеллируя к другим апостольским кафедрам, более удаленным географически и чуждым по языку: к Александрии и Антиохии. Так, в частности Аврелий, епископ Карфагенский, просил у епископов Александрии, Антиохии и даже Константинополя прислать ему никейско-константинопольский символ веры, тем самым дистанцируясь от Рима, который одобрил деяния Константинопольского собора 381 г. и окончательную редакцию символа веры лишь через два года после завершения заседаний этого собора.

Галльские соборы, определявшие развитие церковно-юридической литературы в раннее Средневековье, также представляют

⁶² *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Roma, 1976. Т. II. P. 900, 1077–1082.

собой достаточно внушительный перечень. Впрочем, до настоящего времени дошли далеко не все документы галльских соборов.⁶³ Среди этих соборов следует вспомнить некоторые наиболее важные.⁶⁴

1. I Арльский собор 314 г., представлявший сорок шесть западных епископов.

2. Кёльнский собор 346 г.

3. Арльский собор 353 г.

4. Безьерский собор 356 г.

5. Парижский собор 360/361 г., осудивший арианство под председательством св. Илария Пиктавийского.

6. Бордосский собор 384/385 г., осудивший Присциллиана Испанского.

7. Трирский собор 386 г., санкционировавший арест и казнь Присциллиана и его сподвижников.

8. Нимский собор 396 г., объединивший «фелицианских» епископов, повинных в осуждении и смерти Присциллиана.

9. Туринский собор 398 г. под председательством епископа Симплициана против «фелицианского» раскола.

10. Риецкий собор 439 г.

11. I Оранжевый собор 441 г.

12. Везонский собор 442 г.

13. Анжерский собор 453 г.

14. II Арльский собор (каноны, по-видимому, представляют собой канонический сборник, приписанный собору).

15. Турский собор 461 г.

⁶³ При русской транслитерации наименований галльских и испанских соборов мы придерживаемся французских и кастильских, а не латинских топографических названий, в соответствии с традицией, утвердившейся во французской и испанской исторической науке. При транслитерации наименований италийских соборов мы придерживаемся латинских топографических названий, точно так же как при транслитерации наименований африканских или восточных соборов мы придерживаемся греческих топографических названий в соответствии с традицией российской историографии.

⁶⁴ *Munier Ch. Concilia Galliae, 314–506, Corpus Christianorum series Latina. 148, Turnholti, 1963, passim.; de Clercq C. Concilia Galliae, 511–695, Corpus Christianorum series Latina. 148 A, Turnholti, 1963, passim.*

16. Ваннский собор 461/491 г.
17. Агдский собор 506 г.
18. I Орлеанский собор 511 г.
19. Эпонский собор 517 г.
20. Лионский собор 518–523 г.
21. Арльский собор 524 г.
22. Карпентрарский собор 527 г.
23. Оранжевый собор 529 г.⁶⁵

Как видно из представленного перечня, галльские христианские общины осуществляли не менее интенсивную законодательную деятельность, чем африканские, с той лишь разницей, что галльские церкви никогда не оспаривали первенство и авторитет Римского престола, оставаясь верными известным словам св. Иринея Лионского. В значительной степени союз папства и франкских королей, сложившийся в VIII в. и приведший к воссозданию Римской империи Каролингами на Западе, был предопределен традиционным «романизмом» галльских церквей.⁶⁶ В VI в., как уже было отмечено выше, соборная деятельность во Франкском королевстве становится более регулярной и более провинциальной, ибо церковные соборы все более и более превращались в общественное представительство галло-романской культурной элиты — клира перед франкской военной знатью.⁶⁷

Испанские соборы в ранневизантийскую эпоху еще не стали столь знаковым символом церковной жизни на Иберийском полуострове, которым они станут после принятия вестготами католической веры. Однако испанские христианские общины уже в IV в. демонстрировали свое своеобразие, выразившееся, в частности,

⁶⁵ Последующие франкские соборы, формировавшие значительный пласт местного канонического предания, не оказали определяющего значения для кодификации церковного права в дальнейшем.

⁶⁶ Этот союз между франкской короной и Римской церковью на уровне деклараций существовал всегда, начиная от крещения Хлодвига в 494 г. и заканчивая титулом «*Rex Christianissimus*», которым обладали все французские короли со времен Капетингов и вплоть до Луи Филиппа.

⁶⁷ *Солодовников В. В.* Ранние соборы. Меровингская Галлия VI–VIII вв. М., 2004, *passim*.

в господстве на полуострове гипертрофированных аскетических идей, акцентированных в учении Присциллиана или в постановлениях Эльвирского собора. Перечень испанских соборов,⁶⁸ оказавших влияние на развитие церковно-юридической литературы, не столь обширен, как список африканских или галльских епископских ассамблей, но и он весьма показателен для понимания значения соборной жизни в ранневизантийскую эпоху.

1. Эльвирский собор 305 г. произошел в Бетике и согласно традиции оставил многочисленные канонические постановления, но, по мнению М. Меня и Ж. Годме, так называемые «каноны Эльвирского собора» представляют собой отдельный канонический сборник, появившийся не ранее начала V столетия.⁶⁹

2. I Сарагосский собор 380 г., осудивший аскетическое учение Присциллиана.⁷⁰

3. I Толедский собор 400 г., в ходе которого были воссоединены с Церковью отпавшие от общения епископы-присциллианисты во главе с архиепископом Галеции. Собор предшествовал длительному перерыву в синодальной деятельности, обусловленной вестготским нашествием и арианством первых королей.

4. II Толедский собор 515 г., созванный при короле Амаларике.

5. III Толедский собор 589 г., на котором произошло торжественное присоединение короля Рекареда и всех готов к Кафолической церкви. На соборе был прочитан символ православной веры, впервые включавший утверждение об исхождении Святого Духа от Отца и от Сына как от единого начала. Собор означал качественно новый этап в истории вестготского королевства, который логически и в общем хронологически выходит за рамки настоящей главы.⁷¹

⁶⁸ Испанские соборы от Эльвирского до II Толедского см.: *Martinez Diez G., Rodriguez F.* La Colección canonica Hispana. Madrid, 1984. T. IV. P. 233–366. — Соборы от III Толедского и далее см.: *Ibid.* Madrid, 1992. T. V. P. 49 et reliqua.

⁶⁹ *Gaudemet J.* Op. cit. P. 49, n. 67.

⁷⁰ *Rodriguez F.* Concilio I. de Zaragoza, Texto critico, I Concilio Caesaraugustano, Zaragoza, 1980. P. 9–25.

⁷¹ Последующие Толедские соборы VII столетия оставили после себя постановления, которые составляют значительную часть «Испанского собрания»

Церковные соборы, вырабатывавшие нормы канонического права наряду с декретами Римских архиереев и императорскими законами, отражали те реальные отношения между Церковью и имперской властью, которые в итоге сложились в Константиновскую эпоху. Кроме того, соборы демонстрировали степень доверия между христианами и церквями. Следует согласиться с тем, что понятие кафоличности (соборности) со времен св. Игнатия Антиохийского утвердилось в богословии в качестве наиболее глубокой характеристики сущности церковной жизни.⁷² С этой точки зрения представляется самоочевидным то, что полноценное изучение как средневековой истории в целом, так и церковной истории раннего Средневековья в частности возможно лишь с учетом анализа и адекватного понимания церковно-юридической литературы того времени. В отличие от нарративных источников, таких, например, как «Церковные истории» Евсевия Памфила, Сократа Схоластика, Созомена, Филосторгия или Евагрия или «Хроники» Сульпиция, Проспера Аквитанского, Идация или Руфина, церковно-юридическая литература максимально беспристрастна. Указанная литература сочетает в себе необходимую для любого историописания повествовательность, однако наряду с этим она является документом, отражающим как правовой императив, так и общественную реальность. Прежде чем перейти непосредственно к рассмотрению эволюции церковных институтов и состояния церковной жизни в эпоху раннего Средневековья, нам представляется необходимым остановиться на научной традиции изучения церковно-юридической литературы и ее эволюции.

канонов и «Псевдо-Исидорова собрания». Однако они отражали местную вестготскую церковную дисциплину и существенно не повлияли на развитие церковного права в постисидоровскую эпоху (после IX в.) в отличие от апокрифических «псевдо-исидоровских» папских декретов или от постановлений греко-восточных соборов. См.: *Orti V.C., Conde J.F., Gonzalez Novalin J.L., Sanchis A.M.* Historia de la Iglesia en España. Т. I. La España romana y visigoda. Madrid, 1979. P. 536–563.

⁷² *Флоровский Георгий*, прот. Соборность Церкви // Вера и Культура. Избранные труды по богословию и философии. СПб., 2002. С. 528–529.

НАУЧНАЯ ТРАДИЦИЯ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕРКОВНО-ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ

Научная традиция изучения церковно-юридической литературы в целом достаточно богата. Начало этой традиции, как, впрочем, и основы всей критической историографии, были заложены в эпоху Ренессанса гуманистами. Уже в XV столетии кардинал Николай Кузанский (1401–1464) и независимо от него Лоренцо Валла¹ (1407–1457) доказали апокрифическое происхождение «Константинова дара» — документа, аутентичность которого не вызывала сомнений даже у таких крупнейших средневековых ученых, как Петр Красс, Грациан или Вальсамон.² В это же время

¹ *Хоменцовская А.И.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. СПб., 1964. С. 57–75.

² *Петр Красс* — придворный юрист императора Генриха IV. Участник Вормского собора 1074 г. против папы Григория VII (Гильдебранта) и собора во Фроссаноре 1080 г., избравшего антипапу Климента III (Гвиберта Равеннского). В период борьбы за инвеституру написал трактат под названием «*Defensio imperatoris Henrici*». В этом трактате он отстаивал суверенитет Священной Римской империи и независимость светской власти от Римских архиереев в делах мирского управления и внешнего попечения о Церкви на основании «Кодекса Феодосия» и капитуляриев как каролингского, так и оттоновского времени. *Грациан* — магистер канонического права Болонского университета. Около 1142 г. составил знаменитый компендиум канонического права, известный как «*Concordia discordantium canonum*» или «Декрет Грациана», в котором осуществил систематическую рецепцию и согласование канонического наследия древней Церкви. «Декрет» Грациана стал основой для преподавания канонического права. В последующую эпоху «Декрет» стал объектом юридических комментариев, авторы которых создали целую правовую школу «декретистов». «Декретистами» были такие крупные средневековые юристы, как Паукапалия, Угучьо, Андреа ди Милано. В XIII в. «декретисты» состязались с другим направлением в средневековой юриспруденции, связанным со школой «декреталистов». «Декреталисты» специализировались на составлении юридических комментариев к сборникам папских декреталий, регулярно издававшимся Римскими архиереями после III Латеранского собора 1179 г. Среди крупных «декреталистов» следует упомянуть аббата Сикула, Синибальдо деи Фиески (папа Иннокентий IV), Бенедетто Каэтани (папа Бонифаций VIII). *Федор Вальсамон* — православный патриарх Антиохийский и крупнейший византийский канонист, составивший в конце XII в. пространные комментарии — схолии на «Номоканон XIV титулов». Кроме схолий — главного своего сочинения — Вальсамон оставил

была установлена апокрифичность других документов, связанных с «установлениями папы Сильвестра», и ряда «декретов», приписываемых Римским архиереям первых трех веков христианской эры. Эти апокрифы распространились в Средние века, начиная с IX в. благодаря «Псевдо-Исидоровым декреталям». Впрочем, эти документы при всей их важности никогда не имели определяющего значения ни для развития канонического права, ни для становления идеи папского первенства и авторитета вопреки последующим утверждениям протестантских богословов и антиклерикальных публицистов.

Научная критика церковно-юридической литературы стала по-настоящему востребована после начала Реформации. Мартин Лютер, уже порвавший с Римской церковью, в своих проповедях гневно обрушивался на «каноническое право», противопоставляя его как плод человеческого измышления авторитету священного Писания. Собственно, само публичное сожжение Лютером буллы Льва X на виттенбергской скотобойне стало зримым свидетельством окончания «феодосиевской» эпохи церковной истории — эпохи, начало которой положил «Константинопольский эдикт» императора Феодосия, подкрепивший христианскую веру (если вообще правомерно ставить вопрос таким образом) санкцией римского права.³ Исторический вызов Реформации побуждал Римскую церковь выработать адекватный богословский и философский ответ на него. Этот ответ был бы возможен только в том случае, если бы католическая общественная мысль обратилась к переосмыслению основ церковного устройства и к его апологии в традиционном первохристианском смысле. Подобное переосмысление и апология стали предлогом для становления и развития

«Церковные главы» — сборник новелл и постановлений византийских императоров, касающихся церковной жизни, «канонические ответы» патриарху Александрийскому Марку и некоторые другие сочинения.

³ Если «феодосиевский» период церковной истории завершился в XVI в., или в крайнем случае в 1648 г. Вестфальским миром, то «константиновский» период, бесспорно, закончился Первой Мировой войной и крушением традиционных христианских монархий.

исторической критики применительно к изучению основ канонического права Римской церкви. Развитие этой критики, появление печатных изданий древних церковно-юридических памятников, снабженных богословскими, юридическими и историческими комментариями, стимулировало дополнительный интерес к истории древней Церкви. Этот интерес распространялся в XVI в. не только на католиков, но и на протестантов. В итоге историческая наука раннего Нового времени во многом способствовала познанию богатств, связанных с историей древнего канонического права. Эти богатства, скрытые веками под сенью монастырских скрипториев, покрывшиеся пылью и плесенью в библиотечных лабиринтах, подобных тем, что описал Умберто Эко, извлекались на свет Божий и становились животрепещущими аргументами, интеллектуальным оружием в полемике между католиками и протестантами.

Первым полномасштабным печатным изданием древних памятников церковного права стала публикация постановлений соборов, произошедших в IV–V столетиях.⁴ Эта публикация была подготовлена через несколько лет после V Латеранского собора 1515 г. — последнего церковного собора эпохи Возрождения. По распоряжению французского короля Франциска I в 1523–1530 гг. каноник Ж. Мерлен выпустил в Париже, а затем в Кёльне двухтомное собрание древних канонов. В это собрание вошли правила Никейского собора 325 г., Константинопольского 381 г., Эфесского 431 г. и Халкидонского 451 г., т. е. первых четырех Вселенских соборов. Кроме того, Ж. Мерлен поместил в издании документы еще сорока четырех поместных соборов, взятые из состава «Псевдо-Исидоровского собрания». Указанный двухтомник имел массу недостатков, главный из которых очень ограниченная рукописная база издания.⁵ Однако первый шаг был сделан. Двадцать

⁴ *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. I. С. 127–136; *Митрофанов А. Ю.* История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006, *passim*.

⁵ *Merlini I.* IV Conciliorum Generalium, XLIV Conciliorum Provincialium authenticorum. Coloniae Agrippinae, 1530.

с лишним лет спустя францисканец П. Краббе (1471/1479–1553) подготовил критическое издание древних соборных актов в трех томах, вышедшее с 1538 по 1551 г. Исследователь напряженно работал в труднейших условиях в эпоху кровопролитных Шмалькальденских войн между католиками и протестантами, когда решалась судьба немецких церквей и правового устройства Священной Римской империи. Издание включало максимальное количество соборных деяний и постановлений с IV в. и вплоть до германских провинциальных синодов, современных ученому. Кроме того, П. Краббе составил превосходные для той эпохи комментарии к публикуемым документам, которые учитывали большое количество рукописей, хранившихся в различных европейских библиотеках.⁶ В конце XVI в. картузианец Л. Сурий, подводя итог изысканиям предшественников, предпринял подготовку нового критического издания соборных деяний. Труд Л. Сурия охватывал многочисленные памятники древнего церковного права, в частности документы малоизвестных итальянских или галльских поместных соборов.⁷

Однако церковно-историческая наука, метод которой находился еще на стадии своего становления, требовала новых, более критических публикаций источников канонического права. Эти публикации должны были охватить большее количество рукописей, дабы стать основой целостных исследований истории церковного законодательства. Подобная работа была тем более востребована реформой канонического права, которая осуществилась в Римской церкви в результате деятельности Тридентского собора (1545–1563). В 1583 г. папа Григорий XIII утвердил перечень книг церковного права, которые должны были составить новый целостный *Corpus Iuris canonici* Римской церкви в двух томах. Сборник был торжественно опубликован в Риме папой Сикстом V

⁶ *Crabbe P. Concilia Omnia, tam Generalia, quam Particularia. Coloniae Agrippinae, 1538–1551. T. I, II, III.*

⁷ *Surii L. Conciliorum Generalium et Provincialium Tomi I, II. Coloniae Agrippinae, 1565.*

в 1590 г.⁸ Основой первого тома «Корпуса» стало средневековое «Согласование несогласующихся канонов», или же *Decretum Gratiani*, — аналитический компендиум, составленный около 1142 г. в Болонье, который обобщал все древнее церковное право первого тысячелетия христианской эры. Во второй том вошли средневековые сборники папских декреталий, в частности: «Декреталии» Григория IX, Иннокентия IV, акты II Лионского собора 1274 г., «Шестая книга декреталий» Бонифация VIII, «Клементовские постановления» 1317 г., «Экстравагантные постановления» Иоанна XXII, «Общие экстравагантные постановления», объединявшие папские декреталии от Иоанна XXII до 1507 г., и, наконец, деяния Тридентского собора. «Корпус» впоследствии переиздавался в XVII и XVIII вв. Немецкое издание 1746 г., выполненное Г. Бохмером, следует признать с юридической точки зрения наилучшим. Эта публикация сопровождалась превосходной для той эпохи обзорной статьей, представлявшей собой описание источников древнего и средневекового церковного права.⁹ В XIX столетии «Корпус» также был переиздан дважды, в 1839 г. и 1879–1882 г.¹⁰ в Лейпциге. Последнее издание Э. Фридберга считается наиболее полным, ибо в нем сочетаются как юридические комментарии, так и прекрасный критический аппарат, позволяющий представить всю рукописную традицию и текстологию опубликованных памятников церковного права. Издание Э. Фридберга подверглось репринтному воспроизведению в Граце в 1950-е гг.

Кодификация канонического права стимулировала подготовку двух важнейших критических изданий, определявших во многом методологию ученых-эрудитов в XVII столетии. Накануне Тридцатилетней войны, когда европейское образованное общество, расколотившееся конфессионально, стремилось найти точку опоры

⁸ Corpus Juris canonici a S.P. V Sixto promulgatum. Romae, 1590. T. I, II.

⁹ Corpus Juris canonici a H. Bohemerio editum. Berolini, 1746. T. I, II.

¹⁰ Corpus Juris canonici a E. Friedberg editum. Lipsiae, 1879–1882. T. I, II (=Graz, 1955).

в историческом прошлом, церковно-исторические штудии развивались особенно плодотворно. В 1606 г. в Кёльне вышло трехтомное критическое издание древних и средневековых соборных деяний и постановлений, подготовленное каноником Кёльнского собора С. Бинием. Исследователь предпринял датировку всех публикуемых документов, пусть нередко и ошибочную. Публикация сопровождалась глубокими богословскими и историческими комментариями, которые принадлежали лучшим историкам того времени. В частности, к изданию прилагались артикулы и глоссы таких ученых-иезуитов, как Ж. Сирмонд (1559–1643) — духовник французского короля Людовика XIII, Ф. Туррес, Д. Пето, Фронтон Дужеус, кардинал Ц. Бароний (1538–1607).¹¹ Последний, признанный «отцом» церковной историографии, также опубликовал и подверг научной критике многочисленные памятники церковного права, в частности связанные с арианской смутой и борьбой за инвеституру в знаменитых «Церковных анналах». Усилиями Ц. Барония и Ж. Сирмонда в понтификат папы Павла V (1608–1612) было подготовлено известное «Римское собрание» (*Collectio Romana*), включавшее соборные постановления, декреты Римских архиереев и выдержки из императорских законов. Это издание включало также пространные комментарии, как исторические, так и текстологические. Особенно выделялись превосходные для той эпохи просопографические комментарии к деяниям Никейского собора 325 г. и Аквилейского собора 381 г.¹² Ж. Сирмонд трудился многие годы над изучением древнего наследия галльских соборов. Результатом его изысканий стало появление нового издания соборных постановлений с комментариями, выпущенного в Париже в 1627 г.¹³

Атмосфера ожесточенных религиозных войн, развернувшихся во второй половине XVI столетия во Франции и Нидерландах,

¹¹ *Binii S. Concilia Generalia et Provincialia. Coloniae Agrippinae, 1606. T. I, II, III.*

¹² *Concilia Generalia ecclesiae catholicae Pauli V P.M. Romae, 1628.*

¹³ *Sirmondi J. Concilia antiqua Galliae. Parisiis, 1627.*

требовала обоснования и легитимации сильной королевской власти как посредника в конфессиональной борьбе враждующих партий. В этих условиях научный интерес к римскому светскому праву, никогда не оскудевавший и в Средние века, вспыхнул с новой силой, ибо римское право как система утверждала легитимацию светской власти более определенно, чем средневековые обычаи и партикулярные королевские ордонансы. С этой точки зрения становится понятной та активная деятельность по изучению римского светского права, прежде всего касавшегося статуса Церкви, которая столь характерна для историко-юридической европейской мысли на рубеже XVI–XVII вв. Ярким проявлением указанной деятельности стали труды Д. Готофреда — французского юриста, который предпринял в 1583 г. издание *Corpus Iuris civilis*, составленного императором Юстинианом.¹⁴ В качестве приложения к юстиниановскому «Корпусу» Д. Готофред опубликовал некоторые памятники греко-римского, а точнее, византийского церковного права на латинском языке, в частности «апостольские правила» (полную редакцию), новеллы византийских императоров от Ираклия до Алексия Комнина, касавшиеся Церкви.¹⁵ В начале XVII столетия сын Д. Готофреда Ж. Готофред осуществил издание «Кодекса Феодосия», которое во многом сохраняет свое научное значение и поныне.¹⁶ В 1596 г. было выпущено в свет собрание памятников греко-римского права, подготовленное И. Леунклавием (1533–1593). Этот выдающийся немецкий ученый преподавал древнегреческий язык в Гейдельберге, а затем предпринял научное путешествие по Османской империи, которое стоило исследователю многих приключений. Среди опубликованных документов львиную долю занимали законодательные постановления императоров, касавшиеся Церкви, и церковно-исторические документы. В частности, И. Леунклавий поместил в свой сборник «Эклогу»,

¹⁴ *Corpus juris civilis a D. Gothogredo editum. Francofurti ad Moenum, 1583.*

¹⁵ *Gothofredi D. Authenticae sev Novellae Constitutiones... Francofurti ad Moenum, 1583.*

¹⁶ *Gothofredi J. Codex Theodosianus. Francofurti ad Moenum, 1607.*

комментарии византийских канонистов на «Синтагму» канонов и такой позднейший памятник византийского церковного права, как «Шестикнижие Арменопула» (XIV столетие).¹⁷ Сборник был напечатан во Франкфурте на Майне.

Тридцатилетняя война, вызванное ею культурное опустошение и хозяйственное разорение Германии и Италии¹⁸ привели к тому, что со второй четверти XVII в. лидирующей исторической школой становится школа французских эрудитов, вышедших из-под сводов *College de France* и Сорбонны. Интенсивность и динамика исследований древнего и средневекового церковного права, принятых во Франции в XVII — начале XVIII в., поражает своими выдающимися результатами. В середине XVII в. королевские библиографы и юристы предприняли скоропалительное издание соборных актов и постановлений, содержащихся в рукописях созданной незадолго перед этим трудами кардинала Ришелье Королевской Парижской библиотеки.¹⁹ За этим изданием стоял кардинал Мазарини, который не желал ни в чем уступать своему великому предшественнику. В результате издание выходило на протяжении нескольких лет с огромным количеством ошибок, исправлять которые пришлось уже в зрелые годы царствования Людовика XIV. Эта задача была решена французскими иезуитами:

¹⁷ См.: *Leunclavii I. Juris graeco-romani tam canonici quam civilis collectio*. Francofurti ad Moenum, 1596. Т. I, II.

¹⁸ Упадок итальянской эрудитской школы в XVII в., особенно контрастирующий с ее расцветом в предыдущее столетие, был, кроме того, обусловлен достаточно сложными местными историческими причинами. Среди этих причин можно отметить возникшую в ходе Контрреформации духовную цензуру, испанское владычество и междоусобные войны. Среди этих войн стоит упомянуть такие кровавые драмы, как война за Мантуанское наследство 1627–31 гг., вызванная прекращением старшей княжеской ветви дома Гонзаго, войны между Папским государством и графством Финале при папе Иннокентии X, конфликты, связанные с Урбинским и Феррарским наследством. Пресечение княжеских фамилий дела Ровере и д'Эсте, последующее включение указанных областей в состав Папского государства привели эти земли, прославившиеся в период двух предшествующих веков как оплот гуманизма и искусства, к культурному провинциализму и хозяйственной деградации. См.: *Прокотьев А.Ю.* Германия в эпоху религиозного раскола. СПб., 2002. С. 371.

¹⁹ См.: *Sacrorum Conciliorum Editio Regia*. Lutetiae Parisiorum, 1640–1650.

Ф. Лаббе (1607–1667) и П. Коссаром (1615–1674) в 1660-х гг. Огромное одиннадцатитомное собрание соборных деяний и канонов, лишенное пространных исторических комментариев, но снабженное превосходным текстологическим аппаратом, стало поистине памятником французской исторической школе эпохи короля-солнце.²⁰ Ф. Лаббе, изучавший с юных лет историю древних галльских соборов, опубликовал также специальную работу, посвященную их деятельности.²¹

Во Французском королевстве помимо ученых-иезуитов существовало очень сильное в интеллектуальном отношении протестантское сообщество любителей церковной истории и классической древности. Это сообщество обрело поддержку со стороны гугенотского дворянства и стремилось отстаивать свою конфессиональную позицию методами научной дискуссии. Протестантские историки традиционно старались противопоставить церковный строй и дисциплину современной им Римской церкви реконструируемому образу жизни, характерному, по их мнению, для древних христианских общин. При этом протестантским ученым была свойственна апелляция, в том числе и к памятникам древнего канонического права. Неистовое отвержение всего церковного предания, столь присущее воинствующим протестантам в XVI в., их антицерковный и антиисторический пафос нашли свой естественный выход на залитых кровью и истоптанных копытами полях Монконтура, Дре и Иври. Теперь в XVII столетии эти качества стали уделом германских фанатиков в духе Мансфельда или шотландских ковенантеров, таких как, например, Р. Камерон. Образованная часть протестантского сообщества во Франции желала приобщиться к живой атмосфере предания древней Церкви для успешной и глубокой духовной полемики с католиками. В контексте

²⁰ См.: *Labbei Ph., Cossartii G. Sacrosancta Concilia ad Regiam Editionem Exacta Lutetiae Parisiorum*, 1661–1672, Т. I–XI.

²¹ См.: *Labbei Ph. Galliae Synodorum conciliorumque brevis et accurate historia*. Parisiis, 1661.

подобных устремлений надлежит рассматривать появление в королевстве замечательного и первого в своем роде издания древних канонических сборников IV–VI вв., подготовленного Христофором Жюстелем (1580–1649) и выпущенного в свет в 1661 г. его сыном А. Жюстелем (1620–1693) совместно с Г. Веллем. Еще в 1615 г. Христофор Жюстель предпринял критическое издание «Собрания канонов Дионисия Малого» под наименованием *Codex canonum ecclesiae uniuersae* и «Кодекса канонов Африканской церкви». Год спустя ученый выпустил в Париже «Номоканон Патриарха Фотия с комментариями Вальсамона». Сын Христофора Жюстеля Анри — прославленный медиевист и в будущем хранитель рукописей в библиотеке Святого Иакова в Лондоне²² — собрал все труды отца и опубликовал, дополнив издание публикацией «Крескониева собрания», «Бревиария Фульгенция Ферранда», «Капитулов Мартина Браганского», «Номоканона Иоанна Схоластика», «Синописа Аристина» и сборника канонов Симеона Логофета. Издание А. Жюстеля и Г. Велля, которое сохраняло свою научную актуальность вплоть до XX столетия, было разделено на два тома. Разумеется, труд А. Жюстеля и Г. Велля не мог претендовать на исчерпывающее значение, ибо исследователи могли учесть лишь основные известные рукописи, хранившиеся в Париже, Германии и в Ватиканской библиотеке. При этом публикация была осуществлена с минимумом грамматических ошибок, что было особенно ценно в то время для печатания документов, написанных на греческом языке. Принцип рассматриваемого издания был примечателен именно тем, что составители не стали помещать в него тексты древних соборных постановлений в хронологическом порядке, а дали возможность читателю ознакомиться с целостными собраниями канонов, имевших конкретное значение и практический смысл в определенной историческую эпоху раннего Средневековья. В ходе полемики против католической

²² См.: Voelli G., Justelli H. Bibliotheca iuris canonici veteris. Lutetiae Parisiorum, 1661. T. I, II.

иерархии протестантские интеллектуалы искали средства для того, чтобы оправдать существование тех квазиерархических, зависевших от светской власти, структур, в которые неизбежно превратились многие протестантские церкви к середине XVII столетия. Многие подобные структуры в значительной степени утратили свой первоначальный пафос духовной свободы и личной ответственности перед Богом. Одним из таких средств оправдания протестантизма было обращение к опыту Православной Восточной церкви, которая, по мнению некоторых протестантских ученых, восстала против «папского рабства»²³ задолго до появления на исторической авансцене Лютера и Кальвина. Вместе с тем традиция Православной Восточной церкви могла служить для них зримым опровержением пуританского радикализма-ковенантерства, в принципе отвергавшего любую епископскую иерархию. Интерес к византийскому каноническому преданию способствовал появлению в 1672 г. под эгидой Оксфордского университета знаменательных комментариев на византийскую «Синтагму» канонов. Комментарии принадлежали англиканскому канонику, а впоследствии епископу Г. Бевереджу (1637–1708). Г. Бевередж подготовил критическое издание «Синтагмы» канонов на греческом и латинском языках. Он опубликовал также древний арабский перевод канонов I Никейского собора, присоединив к своему двухтомному исследованию подробный план — археологическую реконструкцию древней христианской базилики.²⁴ По словам епископа Никодима (Милаша), «толкования Беверегия драгоценны для православного канонического права».²⁵

²³ Выражение шведского короля Густава II Адольфа, высказанное им после высадки десанта у Штральзунда в 1630 г., в обращении к подданным Священной Римской империи.

²⁴ См.: *Beveregii G. Συνοδικων sive Pandectae canonum ss. Apostolorum et Conciliorum ab ecclesia graeca receptorum, nec non canonicarum ss. Patrum epistolarum, Oхoniі, 1672. Т. I, II.*

²⁵ См.: *Никодим (Милаш), епископ. Правила Православной церкви с толкованиями. СПб., 1911. Т. I, II.*

Однако пальма первенства в изучении источников древнего церковного права по-прежнему принадлежала католическим ученым, а точнее французским эрудитам. Эти ученые в отличие от своих протестантских коллег стремились осветить в своих трудах максимальный спектр памятников канонического права, а не только отдельные его сборники. Своеобразный итог изучению когда-либо известных соборных постановлений и соборного движения древней Церкви хотел подвести иезуит Ж. Гардуэн (1646–1729). По указанию ассамблеи французского духовенства, вышедшему в 1687 г., спустя почти три десятилетия он подготовил к выпуску новое многотомное собрание соборных актов и папских декреталий.²⁶ Работу историка при этом финансировал сам король Людовик XIV. Собрание Ж. Гардуэна имело много недостатков: некоторые соборы были неверно датированы, в томах имелись лакуны. К тому же через год после выхода в свет в 1716 г. оставшийся тираж книги был арестован по указанию Парижского парламента в связи с проявившейся вдруг яростной антигалликанской позицией Ж. Гардуэна. Аббат обвинялся, в частности, в том, что он намеренно жертвовал документами, подтверждающими автономию галликанской церкви в пользу канонических текстов, благоприятствующих ультрамонтанам. Его клеймили как агента римской курии и пытались уличить в том, что он, попросту говоря, выбрасывал из перечня соборных актов те правовые памятники, которые обосновывали независимость галликанской церкви. Хотя для Ж. Гардуэна и было характерно определенное ультрамонтанство — ему приписывали даже анекдотическую гипотезу о том, что первоначально Новый Завет был написан на латинском языке, — он все же был добросовестным ученым. Аббат смог опротестовать решение Парижского парламента перед государственным советом, и 25 апреля 1725 г. запрет на распространение издания соборных деяний был снят. Труд Ж. Гардуэна

²⁶ См.: *Harduinii J. Acta conciliorum et epistolae decretales. Parisii, 1715. T. I–XV.*

опирался на солидную историографическую традицию, сформировавшуюся во Франции к началу XVIII столетия; прежде всего аббат воспроизводил текст издания Ф. Лаббе и П. Коссара. Эта традиция давала ему возможность надеяться, что допущенные ошибки буду вскоре исправлены сорботниками. Крупнейшим исследователем канонического права и церковно-юридической литературы древней Церкви на рубеже XVII–XVIII вв. должен быть признан Э. Балюз (1630–1718) — библиотекарь Кольбера и инспектор *College de France*, по указанию Людовика XIV. Э. Балюз представлял собой классического легитимиста, для которого французская монархия как естественное продолжение монархии Карла Великого и Хлодвига была призвана стать покровителем Церкви и христианской веры. Он был прекрасным знатоком классической литературы и источников по истории древней Церкви. Свой главный церковно-исторический труд — дополнение к собранию соборных деяний Ф. Лаббе и П. Коссара — Э. Балюз посвятил именно соборам IV–VI вв. В этом сочинении историк опубликовал некоторые вновь открытые соборные постановления древней Церкви по только что изученным рукописям, снабдил их текстологическим аппаратом и составил исторические комментарии.²⁷ В частности, комментарии Э. Балюза, касающиеся соборов времен арианской смуты, особенно Медиоланского 355 г. и Ариминского 359 г., следует считать сохраняющими научное значение до сего дня. К сожалению, полноценная научная деятельность Э. Балюза была прервана неожиданной немилостью и опалой, которая обрушилась на ученого в 1708 г. в связи с публикацией им книги о происхождении династии Бурбонов.²⁸ Книга вызвала страшный гнев короля-солнце. Э. Балюз был не только лишен всех должностей и чинов в столице, но подвергся конфискации имущества и изгнанию.

²⁷ См.: *Baluzii S. Nova Collectio Conciliorum sev supplementum ad collectionem Labbei. Parisiis, 1707.*

²⁸ См.: *Baluze E. L'histoire généalogique de la maison d'Auvergne. Paris, 1708.*

В значительной степени Э. Балюз продолжал изыскания своего наставника — знаменитого парижского архиепископа Пьера де Марка. Пьер де Марка (1594–1662) происходил из дворянской семьи в Беарне. В молодости он занимал должности чиновника в южных провинциях королевства. Рано овдовев, Пьер де Марка решил посвятить себя церковному служению. Вскоре был наречен епископом Кузеранским, однако Рим был категорически против его избрания и отказал ему в верховной конфирмации. Отказ был обусловлен тем, что нареченный епископ стал автором замечательного историко-канонического сочинения, посвященного принципам отношений Церкви и государства, в котором, однако, он высказывался в пользу автономии галликанской церкви.²⁹ Этот трактат был внесен в Индекс запрещенных книг 7 августа 1642 г. По мнению епископа, Французское королевство было способно наиболее адекватно реализовать ту модель отношений Церкви и империи, которые были выработаны в эпоху первых Вселенских соборов. Сохраняя, как галликанский церковный деятель, известную независимость от римского ультрамонтанства, Пьер де Марка прямо писал о конфликтах и спорах между Римом и восточными церквями, имевшими место в древней Церкви. Вместе с тем он апеллировал к каноническому византийскому наследию как к наглядному опровержению протестантского «анархического» восприятия древней Церкви. Это наследие, по мнению ученого, свидетельствовало о том, что конфликты между Римом и восточными церквями никогда не затрагивали богословского единства Римской и Константинопольской церковью в вопросах, касающихся церковного Предания, иерархии, таинств и благочестия.³⁰ Особую известность приобрело сочинение Пьера де Марка, посвященное Константинопольскому собору 381 г. Подобное заинтересованное

²⁹ См.: *Petri De Marca. De Concordia sacerdotii et imperii*. Parisiis, 1642.

³⁰ См.: *Petri De Marca. De Constantinopolitani Patriarchatus institutione dissertatio sev exercitatio ad clarissimum Calviniani ritus virum scripta*. Amstelotami, 1669.

отношение к византийскому каноническому Преданию Православной Восточной церкви было характерно и для других римско-католических канонистов. В частности, общность основ церковного Предания Рима и Византии подчеркивали такие ученые, как августинец Х. Вольф, священник французской королевской Оратории, а затем епископ Экса Провансальского Ж. Каббасю (1604–1685) или лувенский профессор, аббат Ц.Б. Ван Эспен (1646–1728), которые составляли комментарии на византийскую «Синтагму» канонов.³¹

В итоге после опровержения некоторых галликанских постулатов Пьер де Марка был утвержден Римом и рукоположен в епископы на Рождество 1648 г. Дальнейшая его деятельность была связана с изучением древнего канонического права и юридических основ церковной организации. В качестве историка и канониста он выступал против янсенизма. Его полемика против этого духовного течения галликанской церкви способствовала его карьере. Король Людовик XIV призвал Пьера де Марка в Париж и пригласил его занять столичную архиепископскую кафедру после того, как был низложен преданный янсенистам кардинал де Рец. Однако ученый был уже в преклонном возрасте и через год скончался.

На рубеже XVII–XVIII столетий продолжались научные изыскания, преследовавшие своей целью публикацию новых ранее неизвестных церковно-юридических сборников и биографий их составителей. В частности, французский иезуит П. Пето опубликовал историографический труд под названием *Synopsis historica virorum clarorum, qui praeter Gratianum canones et decreta ecclesiastica collegerunt*, который был издан в приложении к парижскому изданию *Corpus iuris canonici* в 1687 г. и к лейпцигскому 1705 г.

³¹ См.: *Lupi Ch. Synodorum generalium ac provincialium decreta et canones, scholiis, notis ac historica actorum dissertatione illustrate*. Lovanii, 1665; *Cabassutii J. Notitia conciliorum sanctae ecclesiae, in qua elucidantur exactissime tum sacri canones, tum veteres novique ecclesiae ritus, tum praecipue partes ecclesiasticae historiae*. Lugduni, 1667.

Другой замечательный экзегет и канонист — П. Квеснелла (1634–1719), являвшийся священником французской королевской Оратории в Пор-Рояле, открыл древний италийский сборник церковного права. В этом сборнике он признал церковно-юридический кодекс Римской церкви времен св. Льва Великого и издал его вместе с творениями Римского святителя.³² К сожалению, труды П. Квеснеллы не пользовались широким авторитетом. Это было связано с тем, что философские идеи ученого как ораторианца и мыслителя, близкого по духу к янсенистам, были осуждены в догматическом постановлении папы Климента XI *Vnigenitus* 8 сентября 1713 г.³³ Сам П. Квеснелла с начала 1690-х гг. находился в изгнании в испанских Нидерландах из-за своих богословских убеждений. В Нидерландах он даже пережил кратковременное тюремное заключение в 1703 г.

Как явствует из вышеизложенного, богатая историография и интенсивное изучение церковно-юридической литературы периода древней Церкви были неразрывно связаны в XVII в. с духовными и церковно-политическими движениями, характеристическими для этой эпохи. В XVIII столетии научная традиция исследований в области истории канонического права не стала более академичной. Однако она стала более бедной по количеству ученых работ, предпринятых в эти годы. Постепенно ко второй половине XVIII в. французское образованное общество утратило широкий интерес к средневековой истории вообще и к христианским древностям в частности. Эта тенденция была связана, прежде всего, с распространением секуляризированной философии Просвещения, приверженцы которой апеллировали к античной языческой древности как к периоду расцвета культуры и цивилизации и клеймили при этом Средневековье как эпоху «готического»,

³² См.: *Quesnelli P. Sancti Leonis Magni Opera Omnia*. Lutetiae Parisiorum, 1675. T. I, II.

³³ *Denzinger H. Enchiridion symbolorum*. Fribourgii Bresgoviae, 1932. P. 391–398.

т. е. германского, варварства. В связи с этим закономерным стал своеобразный перенос центра по изучению канонического права древней Церкви из Франции в Италию.

Итальянское общество несмотря на сложные культурно-исторические проблемы, обусловленные длительным австрийским господством, сохраняло в основной своей массе верность христианским идеям и интерес к средневековому прошлому. Этот интерес проявлялся, прежде всего, в той всеобщей востребованности, которую встречали исследования крупнейших итальянских историков-медиевистов XVIII в. Среди них в первую очередь необходимо упомянуть обширные труды иезуита Л. Муратори (1672–1750),³⁴ признанного отцом итальянской историографии. Деятельность Л. Муратори была весьма разнообразной. Он публиковал источники нарративного, документального, эпиграфического характера, касавшиеся итальянской древней и средневековой истории, прежде всего, разумеется, истории церковной. Исследователь также составлял к ним научные комментарии. Своими блистательными произведениями Л. Муратори существенно восполнил лакуны, присущие многотомному труду по истории итальянских церковных диоцезов, выпущенному в предыдущем столетии цистерцианцем Ф. Угелли. Этот труд был переиздан с дополнениями в эпоху, современную Л. Муратори, благодаря стараниям венецианского ученого Н. Колети.³⁵ Девиз Л. Муратори — «ищите древнюю мать»³⁶ вдохновил многих итальянских эрудитов XVIII столетия, которые дали очень важный импульс для становления научной археологии, в частности церковной археологии. В середине века итальянские иезуиты — братья Джироламо (1702–1781) и Пьетро (1698–1769)

³⁴ См.: *Muratorius L. Rerum Italicarum Scriptores*. Modenae, 1723–1738; *Eiusd. Antiquitates Italicae Medii Aevi*, Modenae, 1738–1743; *Eiusd. Novum Thesaurum Veterum Inscriptionum*. Modenae, 1738–1743.

³⁵ См.: *Ughelli F., Piro R., Coleti N. Italia Sacra*. Venetiae, 1717–1733. Т. I–X. — В XVII в. во Франции по распоряжению кардинала Мазарини был опубликован подобный сборник, посвященный истории галльских и французских епископств: *Sammartani, Gallia Christiana*. Parisiis, 1656. Т. I–X.

³⁶ «Antiquam requirite matrem».

Баллерини составили по благословию папы Бенедикта XIV пространные критические комментарии к творениям св. Льва Великого, изданным ораторианцем П. Квеснеллом в предыдущем столетии. В частности, Баллерини тщательно изучили «Квеснеллово собрание» (*Collectio Quesnelliana*) — древнейший церковно-юридический сборник Римской церкви конца V в., открытый знаменитым ораторианцем. Указанный сборник, однако, сохранился преимущественно в рукописях галло-франкского происхождения, а посему и получил большее распространение в Средние века именно во Франции. Комментарии Баллерини были опубликованы в Венеции в 1756–1758 гг.³⁷

Во второй половине XVIII в., когда эпоха эрудитов уже клонилась к закату, архиепископ Луканский Дж. Д. Манси (1692–1769) предпринял публикацию новой полномасштабной серии, которая включала в себя все известные на тот момент соборные постановления и деяния, опираясь на французские издания Ж. Гардуэна, а также Ф. Лаббе и П. Коссара. Собрание Дж. Д. Манси выходило во Флоренции почти полвека — с 1759 по 1798 г.³⁸ Несмотря на колоссальный объем (31 том) эта серия была чрезвычайно слабой в научном отношении, ибо в ней отсутствовали серьезные текстологические комментарии, а перечень публикуемых документов содержал противоречия и ошибки. Во второй половине XX в. собрание подверглось репринтному воспроизведению в Граце. Но при всей обширности публикуемого материала труд Дж. Д. Манси существенно уступает даже таким давно устаревшим сериям соборных актов, как издание Ф. Лаббе или дополнения к нему Э. Балюза.

Общественные и политические потрясения, произошедшие на европейском континенте на рубеже XVIII–XIX вв., не могли не отразиться на состоянии исторических школ, в частности на состоянии церковной историографии. Французская революция

³⁷ См.: *Ballerini G., Ballerini P.* Disquisitiones criticae. Venetiae, 1756–1758. Т. I–III (Перепечатаны также PL 54–56).

³⁸ См.: *Mansi I. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1759–1798. Т. I–XXXI.

1789 г., последовавший вслед за ней якобинский переворот 1792 г. и массовый террор, продолжавшийся затем в течение двух лет, нанесли серьезный ущерб французской историографической традиции и культуре. Значительное количество древних, средневековых рукописей было уничтожено санкюлотами и чернью, гromившей старинные скриптории и библиотеки. Так, в частности, была уничтожена замечательная библиотека Клюнийского аббатства, были погублены многие частные коллекции, содержавшие списки памятников канонического права древней Церкви. Собрание западноевропейских рукописей Российской Национальной библиотеки в Санкт-Петербурге содержит два полноценных кодекса, представляющих собой списки *Collectio Lugdunensis* и *Collectio Dionysiana II*. Эти рукописи были спасены сотрудником российского посольства П. Дубровским в Париже в 1792 г.³⁹ В последующие годы революционная армия I-й Республики прославилась многочисленными погромами, которые она проводила в старинных монастырях и соборах на территориях, захваченных генералами Дюмурье, Клебером, Гошем. В частности, солдаты революционной армии полностью уничтожили цистерцианские аббатства Виллерс и Орваль в австрийских Нидерландах, монастырь св. Ганса в Брюгге, собор в Льеже и т. д. В этих условиях многочисленные средневековые документы исчезали бесследно, прежде всего старинные памятники церковного права, тщательно хранившиеся, как правило, в каждом монастыре или капитуле. Лишь воцарение Наполеона I способствовало восстановлению галликанской церкви и открыло для французской историографии новые перспективы.

³⁹ Ms. Lat. F. v. II. 3. — Этот уже упоминавшийся кодекс представляет собой одну из самых древних рукописей «Лионского собрания» канонов, датированную VII веком. См.: *Dobias-Rozdestvenskaya O.* Les Anciens manuscrits latins de la Bibliothèque publique de Leningrad. V–VII siècles. Leningrad, 1929. P. 43–47 (Analecta Medii Aevi, Fasciculus III).

Ms. Lat. F. v. II. 12; *Staerk A.* Les manuscrits du V au XIII siècle conservés à la Bibliothèque Imperiale de Saint-Petersbourg. Description, texts inédits, reproductions autotypiques. Saint-Petersbourg, 1910. T. I. P. 56.

Эпоха наполеоновских войн, с которой были связаны коронация Наполеона как императора папой Пием VII в 1804 г., упразднение Священной Римской империи в 1806 г., означала принципиальное изменение традиционного европейского правового строя, унаследованного от средневековой эпохи. Как известно, непосредственным культурным результатом наполеоновских войн стало глубокое переосмысление исторических ценностей, которое происходило, прежде всего, в недрах французского и немецкого образованного общества. Рационалистические секуляризированные идеалы эпохи Просвещения оказались на практике фантомами, увлечение которыми вело к страшным и кровавым потрясениям. В связи с этим европейское общество в первой четверти XIX в. отвергло указанные идеалы и устремило свой взор к истокам, к тому времени, когда современная христианская цивилизация проходила стадии своего становления. Эпоха романтизма способствовала небывалому расцвету интереса и увлечения Средневековьем. Эта устремленность к средневековой эпохе нашла свое отражение в разных сферах культуры. В исторической науке указанная тенденция привела к становлению медиэвистики как самостоятельного ее раздела. Поскольку главным духовным, культурным и социальным содержанием Средневековья было христианство, то стремление к постижению церковной истории преваляло теперь в историографии. Если ученые-эрудиты XVI–XVIII вв., занимавшиеся Средневековьем в целом и церковной историей в частности не ощущали никакого разрыва исторической преемственности между, например, эпохой Карла Великого, эпохой крестовых походов и окружающей их современностью, то крупнейшие историки XIX в. мучительно переживали разрыв этой преемственности, произошедший в известном смысле на рубеже XVIII–XIX столетий. Романтическое, возвышенное восприятие Средневековья, культивировавшееся в литературном творчестве, например в произведениях Франсуа де Шатобриана (1768–1848), Вальтера Скотта (1771–1832) и Фридриха Шиллера

(1759–1805), стимулировало поиски утраченной гармонии в исторических штудиях.

Отмеченная тенденция проявилась в возобновившемся изучении римского и средневекового права, которое предполагало в первую очередь изучение церковного права. Церковь оставалась, разумеется, наряду с царственными династиями, единственным институтом, который связывал Европу, современную эпохе романтизма, с традиционной старой Европой. В 1821 г. в Мантуе испанский медиевист Ф.А. Гонсалес издал пространный сборник древнего канонического права Испанской церкви — *Collectio Hispana*, снабдив его критическими комментариями.⁴⁰ В 1839 г. берлинский профессор Т. Брюнс предпринял критическое издание соборных канонов древней Церкви. В отличие от громоздких публикаций соборных актов эпохи эрудитов, издававшихся *in folio*, Т. Брюнс выпустил свое собрание в двух небольших томах, удобных для повседневного чтения.⁴¹ В отличие от наиболее знаменитых предшественников: П. Краббе, Ф. Лаббе, Э. Балюза или Ж. Гардуэна — Т. Брюнс отказался от исторических комментариев, пожертвовав ими ради подробного критического аппарата. Профессор предпочитал издавать каноны соборов, группируя их в соответствии с тем, как эти документы комплектовали древние церковно-юридические сборники. К сожалению, сейчас очевидно, что Т. Брюнс осуществил свой труд на основе очень ограниченного круга рукописей, а его критический аппарат совершенно не соответствует даже тем научным требованиям, которые сложились во второй половине XIX в.

Дальнейшая эволюция европейской средневековой историографии происходила на фоне усиливавшейся полемики между французской и немецкой историческими школами. Эта полемика во многом была связана с развитием национализма в общественном

⁴⁰ См.: *Gonzalez F.A. Collectio Hispana. Mantuae, 1821.*

⁴¹ См.: *Bruno Th. Canones apostolorum et conciliorum saeculorum IV–VII. Berolini, 1839. Т. I, II.*

сознании. Учитывать подобную полемику необходимо, размышляя над судьбами церковной историографической традиции в XIX столетии. Для немецких медиевистов, последователей Л. фон Ранке (1795–1886) и Т. Моммзена (1817–1903), политическая национальная история, безусловно, выступала на первый план. Отличительной чертой исторического процесса для них было противостояние и взаимодействие принципов монархии и народовластия, которые, по их мнению, являются необходимым условием для единого исторического прогресса. С этой точки зрения поздняя античность и раннее Средневековье рассматривались ими как переломный этап, означавший конец разложившейся древнеримской государственности и начало исторического пути новых германских народов. Эти народы завоевали население бывших римских провинций и вдохнули в пресыщенных древней цивилизацией аборигенов живительные и творческие силы. В системе подобных взглядов христианская Церковь воспринималась как институт, который даровал пришедшим народам новую веру и санкционировал тем самым начало становления новой культуры — средневековой культуры. История канонического права и церковно-юридической литературы становилась в этой системе вспомогательной дисциплиной, которая могла обеспечивать изучение роли Церкви в политическом развитии средневекового общества или содействовать исследованиям в области богословия и истории идей.

В то же время французским медиевистам, наиболее крупными из которых следует признать Н.Д. Фюстель де Куланжа (1830–1889) и Ж. Мишеле (1798–1874), было свойственно совсем иное восприятие исторического процесса. Для французских медиевистов период поздней античности и раннего Средневековья представлялся периодом трансформации древнего античного общества, который при всей его сложности не означал разрыва исторической преемственности и начала новой эпохи. Французская историография XIX в. рассматривала исторический процесс

целостно, в качестве, прежде всего, социальной истории. Французские медиэвисты отстаивали точку зрения, согласно которой античное общество, прежде всего общество городское, сохранило основные древнеримские правовые установления и социальные институты в Галлии, Италии и Испании, которые в видоизмененном состоянии были усвоены и германскими варварами. Эти античные общественные учреждения: частная собственность, система договора, привилегии и иммунитеты — определяли развитие средневекового уклада жизни. Неслучайно средневековые люди ощущали себя правопреемниками античной эпохи и не чувствовали никакого разрыва исторической правопреемственности с древним Римом. В связи с этим церковная история, прежде всего история церковных институций и церковного права, приобретала особое значение, ибо кто как не христианская Церковь утвердила своим гением новую веру,⁴² вдохнув новое содержание в римское правовое сознание и обеспечив дальнейшее развитие достижений античной цивилизации в средневековую эпоху.

Церковная историография эволюционировала в XIX столетии, избегая упомянутых крайностей, хотя, конечно, указанные концепции влияли и на церковно-исторические исследования. В середине столетия произошло два события, по истине знаменательных для церковно-исторических изысканий. В 1844–1856 гг. аббат Ж.П. Минь (1800–1875) предпринял публикацию «Латинской Патрологии»,⁴³ в которой он воспроизвел значительное количество старопечатных эрудитских изданий древних церковно-юридических сборников, документов и трактатов. В частности, в «Латинской Патрологии» были перепечатаны упоминавшиеся выше издания Христофора и Анри Жюстеля, П. Квеснелла, Пьетро и Джироламо Баллерини, Ф. Гонсалеса. В 1857–1866 гг.

⁴² См.: *François de Chateaubriand*. Le Génie du Christianisme.

⁴³ См.: *Migne J.P.* Patrologiae cursus completus series Latina. Parisiis, 1844–1856. Vol. 220 (=PL).

Ж. Минь издавал «Греческую Патрологию»,⁴⁴ в которой также воспроизводил эрудитские издания византийских церковно-юридических памятников, в частности тексты трудов, опубликованных И. Леунклавием, Г. Бевереджом и Х. Жюстелем. В 1855 г. во Фрайбурге вышла «История соборов», составленная епископом Роттенбургским К. Гефеле. Это сочинение представляло собой подробное изложение событий, связанных с историей соборного движения в древней Церкви. Автор опирался на весь корпус изданных соборных деяний начиная с XVI в.⁴⁵ Первые тома этой книги были посвящены соборам позднеантичного и ранневизантийского времени. В начале XX в. бенедиктинец А. Леклерк перевел сочинение К. Гефеле на французский язык, существенно дополнив его, опираясь на новейшую историографию.⁴⁶ Труд Гефеле-Леклерка был продолжен в XX в. и издается до сих пор по хронологическому принципу.

Во второй половине XIX в. первенствующим направлением в церковной средневековой историографии вновь стала критика правовых источников. Это направление обязано своим возникновением тому интересу к истории римского права, который на протяжении десятилетий доминировал в антиковедении и медиевистике благодаря трудам упоминавшегося выше Т. Моммзена. В отличие от эрудитов XVI–XVIII вв., трудившихся над рукописями под холодной сенью монастырских библиотек или в одиночестве мрачных кабинетов, среди стен, тускло освещаемых догорающей свечой, текстологическая критика второй половины XIX в. вырабатывала свою методологию на шумных студенческих семинарах, на кафедрах в процессе публичного чтения и сравнения текстов. Наибольшего успеха в этот период достигли исследователи ранневизантийского церковного права, формировавшегося в Восточной Римской империи. Указанное обстоятельство было

⁴⁴ См.: *Migne J.P. Patrologiae cursus completus series graeca*. Parisiis, 1857–1866. Vol. 161 (=PG).

⁴⁵ См.: *Hefele K. Konziliengeschichte*. Freiburg, 1855.

⁴⁶ См.: *Hefele K., Leclerque H. Histoire des conciles d'après les documents originaux*. Paris, 1907–11, passim.

обусловлено тем, что греко-римское право IV–VI вв. было в несравненно большей степени систематизировано и связано с государственной юридической системой, чем бесчисленные западные канонические сборники этой эпохи, никак еще по-настоящему не исследованные и известные широкой научной аудитории лишь по старопечатным эрудитским изданиям. В 1856 г. вышел труд немецкого историка права К.Э. Цахарие фон Лингенталя (1812–1894), посвященный истории византийского права.⁴⁷ В конце столетия его переработанное сочинение вышло под новым заглавием.⁴⁸ Ученый много путешествовал с целью изучения греческих правовых рукописей. В частности, он посетил библиотеки Санкт-Петербурга, Копенгагена, Парижа и Брюсселя. Очень важный вклад в изучение греко-римского церковного права внес также кардинал Ж.Б. Питра, который многие годы работал над публикацией и комментариями церковно-юридических византийских памятников. Сочинения Ж.Б. Питра сохраняют свое научное значение до сего дня.⁴⁹ В конце XIX в. Т. Моммзен много работал над осуществлением нового научного издания «Кодекса Феодосия», а также издания *Corpus Iuris civilis*, ибо старые издания рубежа XVI–XVII вв. Дионисия и Якова Готофреда при наличии несомненных достоинств уже никак не соответствовали всем требованиям современной исторической науки. Подготовленные Т. Моммзеном научные публикации вышли в свет после его кончины. В частности, «Кодекс Феодосия» был издан полностью в 1905 г. в Берлине вместе с «сирмондиевскими постановлениями», которые начал изучать еще Ж. Сирмонд.⁵⁰ Вскоре был опубликован и *Corpus Iuris civilis*.⁵¹

⁴⁷ См.: *Zaharie von Lingental K.E.* Innere Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Leipzig, 1856.

⁴⁸ *Eiusd.* Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Geidelberg, 1892.

⁴⁹ См.: *Pitra J.B.* Juris ecclesiastici graecorum historia et monumenta. Romae, 1864. Т. I; 1868. Т. II.

⁵⁰ См.: *Mommsen Th., Meyer P.M.* Codicis Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis. Berolini, 1905.

⁵¹ См.: *Mommsen Th. Krueger P.* Corpus Juris civilis. Berolini, 1928.

Во второй половине XIX в. перед учеными-медиевистами стояла очень важная задача по систематизации и составлению текстологического описания известных рукописей, содержащих памятники древнего и средневекового церковного права. Это, на первый взгляд неподъемное, дело необходимо было осуществить, ибо отсутствие подобного описания тормозило систематические исследования в области истории канонического права и превращало это право во вспомогательную и второстепенную отрасль римского законодательства.⁵² С поставленной задачей блистательно справился Ф. Маасен — профессор католического факультета церковного права Будапештского университета. Ф. Маасен родился в Тюбингене в благочестивой протестантской семье. В юные годы он поступил в университет и в процессе серьезных занятий римским правом и церковной историей пришел к убеждению в истинности учения Римско-католической церкви. После присоединения к римско-католическому исповеданию ученый с отличием защитил диссертацию по кафедре истории античного права, посвященную первенству Римской церкви. После этого события он был приглашен заведовать кафедрой на факультет церковного права Будапештского университета. Итогом многолетней деятельности Ф. Маасена стало исследование, посвященное истории церковно-юридической литературы. Автор задумывал выпустить два тома, но успел опубликовать лишь первый, впрочем, достаточно исчерпывающий.⁵³ Монография Ф. Маасена представляет собой описание латинских канонических рукописей, которое позволяет свободно ориентироваться в неисчерпаемом море латинских канонических сборников и их редакций, появившихся в различные периоды раннего Средневековья. И хотя некоторые тезисы автора устарели, книга в целом не утратила своего научного значения. На протяжении второй половины XIX в. продолжали появляться

⁵² Церковные каноны приобрели при Феодосии I статус государственных законов.

⁵³ См.: *Maasen Fr. Geschichte der Quellen und der Literature des canonischen Rechts im Abenlande. Vol. I (=Graz).*

критические издание латинских источников церковного права, хотя их изучение не было столь интенсивным и плодотворным, как изучение греко-римского, византийского права в этот период. В частности, немецкий историк Ф. Яффе (1819–1870) предпринял критическое издание актов и постановлений Римских архиереев до 1198 г., которое вышло в Берлине в 1851 г.⁵⁴ Знаменитый немецкий антиковед О. Зеек опубликовал в серии «Германские исторические памятники» (*Monumenta Germanica Historiae*) письма и деяния папы Симмаха, очень важные для истории Римской церкви VI столетия.⁵⁵ Т. Моммзен выпустил фрагменты сочинений Касиодора, в которых содержался богатый юридический материал по истории Римской церкви в V–VI вв.⁵⁶ Французский историк, аббат Л. Дюшен прославился «Древней Церковной историей» в нескольких томах, в рамках которой он рассматривал и становление церковного права. Кроме того, в 1886 г. в Париже Л. Дюшен издал *Liber Pontificalis* — очень важный документ, отражающий различные стороны развития Римской церкви в раннее Средневековье, в том числе и процесс становления церковно-юридической системы.⁵⁷ В самом конце XIX в. немецкий ученый О. Гентер предпринял критическое издание обширного римского церковно-юридического сборника, известного как *Collectio Auellana*.⁵⁸ Этот памятник доселе еще не публиковался, несмотря на то, что содержал значительное количество уникальных документов.

Подводя итог изучению церковно-юридических источников и канонического права в XIX в., следует отметить, что это изучение уже во второй половине столетия окончательно стало вспомогательным средством. Оно либо превращалось в раздел классической филологии и истории римского права, либо, по сути, сводилось

⁵⁴ См.: *Jaffe Ph.* Regesta pontificum romanorum ad annum 1198. Berolini, 1851.

⁵⁵ См.: *Seek O.* Symmachi Pontificis Maximi Epistolae MGH. T. VI. 1883.

⁵⁶ См.: *Mommsen Th.* Cassiodori Senatoris Variar. MGH. T. XII. 1894.

⁵⁷ См.: *Duchesne L.* Le Liber Pontificalis. Paris, 1886. T. I, II.

⁵⁸ См.: *Guenther O.* Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab A. CCCLXVII usque ad A. DLIII datae. Auellana quae dicitur collection. CSEL. Vol. 35. Vindobonae, 1895. T. I, II.

к источниковедению вне какой-либо попытки целостного осмысления эволюции канонических источников в контексте церковно-государственных отношений. В этом проявлялась известная ущербность позитивистского метода исторических исследований, исходя из которого любой письменный источник представлял серьезный интерес лишь до того момента, пока он не подвергся критическому изданию и пока вся фактологическая информация, содержащаяся в нем, не была учтена в очередной специальной монографии. Развитие церковной историографии, касающейся канонического права, в первой половине XX столетия принципиально ничем не отличалось от историографии конца минувшего века. Хотя в 1912 г. греческий историк права Г. Аливизатос предпринял попытку систематизации и осмысления византийского церковного права в эпоху императора Юстиниана,⁵⁹ эта попытка не имела серьезного продолжения. Вместе с тем, методы источниковедческого анализа и критики памятников церковного права продолжали совершенствоваться. В частности, немецкие ученые Э. Шварц и Э. Штрауб осуществили на очень высоком современном уровне критическое издание деяний вселенских соборов, ибо издание Т. Брюнса 1839 г., не говоря уже об эрудитских старопечатных многотомных сериях, не отвечало требованиям научной критики.⁶⁰

С 1899 по 1939 г. профессор экзегетики Священного Писания К.Х. Турнер под эгидой Оксфордского Университета (колледж Святой Девы Марии Винтонской, колледж Марии Магдалины) подготовил критическое издание древнейших латинских переводов «Антиохийской синтагмы» и некоторых других памятников церковного права IV–V вв., составив превосходный сложнейший критический аппарат. Эта научная публикация называлась «Древнейшие памятники права Западной церкви». Она напоминала

⁵⁹ См.: *Alivisatos G.* Die kirchliche Gesetzgebung des Kaisers Justinian I. B. 1913, passim.

⁶⁰ См.: *Schwartz E., cont. Straub E.* Acta Conciliorum Oecumenicorum. T. I. Concilium universale Ephesenum. T. II. Berlin; Leipzig, 1925–1926.

лучшие эрудитские издания по скрупулезности подбираемого материала, по основательности и неспешности работы автора, но значительно превосходила их по качеству. К.Х. Турнер во многом опирался на результаты изысканий предшествующих поколений исследователей. Однако ученый продемонстрировал собственные блестящие знания рукописной традиции таких древнейших памятников латинского церковного права, как «Квеснеллово собрание», латинские переводы Ингильрама, Цецилиана и Аттика. К.Х. Турнер исследовал практически все латинские рукописи, содержащие древнейшие памятники церковного права указанного периода.

Первые шаги в деле изучения этих рукописей молодой профессор предпринял еще на студенческой скамье благодаря чутким советам и благотворному влиянию своей матери. Именно ей он посвятил свой многотомный труд. В дальнейшем К.Х. Турнер работал под руководством аббата Л. Дюшена и других ведущих специалистов в области латинского святоотеческого наследия. В предисловии к одному из томов своего издания профессор особым образом благодарил сотрудников Императорской Публичной Библиотеки, которые выслали ученому древний латинский кодекс VII столетия из Санкт-Петербургского рукописного фонда. Этот кодекс содержал «Лионское собрание» канонов и часть «Собрания Дионисия Малого» (*Cod. Petropolitanus* F II 3). «Вначале я подозревал, — писал К.Х. Турнер, — что кодекс F II 3 может быть не чем иным, как частью Лионского кодекса, упоминавшегося Жаком Сирмондом, последующая часть которого была привезена в Берлинскую королевскую библиотеку среди кодексов Томаса Филиппса Хельтенхейма. Когда же стало ясно, что Петербургские листы содержат Дионисиевский сборник соборов и что ни в одном столь древнем кодексе не существует его полной редакции, я воспользовался особой любезностью тех, кто руководит Императорской Библиотекой, дабы драгоценный кодекс был отправлен в Бодлиенскую Библиотеку (Оксфорда. — *A. M.*) невзирая на его

ветхое состояние, невзирая на длительность пути, и хранился там пять месяцев в моем распоряжении».⁶¹

Издание К.Х. Турнера в настоящее время признано классическим и необходимым для полноценного изучения древней латинской патристики и права в ранневизантийскую эпоху.⁶² В сущности, ученый посвятил анализу латинских канонических рукописей всю свою жизнь. Первая часть собрания К.Х. Турнера вышла в свет в 1899 г. и была посвящена древним латинским переводам апостольских правил и подписей отцов I Никейского собора. Вторая часть была опубликована в 1904 г. Она охватывала различные латинские редакции предисловия к деяниям I Никейского собора, латинские переводы его символа веры, глав и канонов. Третья часть исследования появилась в 1907 г. Она содержала критическое издание латинских переводов деяний Анкирского и Неокесарийского соборов в соответствии с редакциями *Isidoriana antiqua*, *Isidoriana uulgata*, *Prisca*, *Gallica*, *Epitome Hispana* и *Dionysiana*. Таким образом К.Х. Турнер охватывал в своей книге все этапы рецепции «Антиохийской синтагмы» на латинском Западе в IV–VI вв. В 1913 г. научное сообщество с радостью встретило два очередных выпуска исследований оксфордского канониста, ставшего уже весьма знаменитым. Новые тома выносили на суд ученых результаты изысканий автора, направленных на изучение латинских редакций Томоса папы Дамаса, а также канонов Гангрского собора.

Драматические события, развернувшиеся на европейском континенте летом 1914 г., существенно затруднили исследования К.Х. Турнера. Крупнейшие рукописные собрания Германии, Австрии и России стали для него недоступны в силу объективной военной обстановки и последующих экономических трудностей.

⁶¹ См.: *Turner C. Ecclesiae Occidentalis monumenta juris antiquissima*. Oxonii, 1904. Т. I, II. P. V.

⁶² См.: *Turner C. Ecclesiae Occidentalis monumenta juris antiquissima*. Oxonii, 1899–1939. Т. I–V.

Лишь спустя семнадцать лет историк смог подготовить следующий том своей серии, находясь уже в преклонном возрасте. В 1930 г. типография Оксфордского университета напечатала этот том, который представлял собой сложнейшее критическое издание так называемого «Никео-Римского добавления», т. е. канонов Сердикского собора в различных редакциях и карфагенских «Деяний об имени Апиария» 419 г. Полгода спустя 10 октября 1930 г. ученый отошел в мир иной, оставив своим ученикам, в частности немецкому филологу и канонисту Э. Шварцу, материалы к заключительному тому серии. Указанный том увидел свет в 1939 г. Он сопровождался предисловием Э. Шварца и был посвящен критическому анализу довольно значительного корпуса памятников. Книга включала латинские переводы канонов Лаодикийского и Константинопольского соборов в различных редакциях, а также «Никео-Галльское добавление» (десяния древнейших галльских соборов IV–V вв.) и «Никео-Александрийское добавление» (латинские редакции документов Эфесского и Халкидонского соборов в собрании чтеца Феодосия). Труды К.Х. Турнера в определенном смысле продолжил Э. Шварц в своем многотомном критическом издании деяний вселенских соборов.

В 1904 г. французский историк Э. Бабют выпустил исследование, посвященное Туринскому собору 398 г., в рамках которого он предпринял критическое издание его постановлений. Собор вызывал большие споры в историографии, прежде всего относительно датировки и исторического значения канонов для развития галльского канонического права.⁶³

В конце 1930-х гг. французские ученые Фурнье и Ле Бра выпустили двухтомное исследование обзорного источниковедческого характера, в котором на основании описания латинских канонических рукописей Ф. Маасена было изложено развитие церковно-юридических сборников в Западной Европе начиная

⁶³ См.: *Babut E. Le Concile de Turin. Paris, 1904; Митрофанов А.Ю. История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006. С. 388–435.*

с эпохи Каролингов и вплоть до позднего Средневековья. К сожалению, это источниковедческое произведение во многом следует признать устаревшим.⁶⁴

Однако по-настоящему новый этап в изучении церковно-юридических источников и канонического права наступил лишь во второй половине XX в. вскоре после окончания II Мировой войны. Трагические события первой половины столетия не могли не отозваться в христианском ученом сообществе, не могли не отразиться в европейской культуре. I Мировая война (1914–1918) стала кровавым горнилом, через которое прошла Европа и в котором сгинули традиционные вековые монархии. Эта война спровоцировала стремительное распространение примитивной массовой культуры⁶⁵ и секуляризации на руинах старого во многом еще традиционного европейского общества.⁶⁶ В результате этой войны к власти в некоторых странах пришли антихристианские и античеловеческие тоталитарные режимы, основанные на социальных утопиях, торжество которых было бы еще совсем недавно непредставимо и невозможно. II Мировая война (1939–1945) принесла новые разрушения и потрясения. В связи с этими событиями многие прежние идеи, характерные для христианской философии истории и связанной с ней историографией, были переосмыслены, в частности такими выдающимися мыслителями, как Жак Маритен, Этьен Жильсон, Карл Ясперс, Николай Бердяев, Георгий Федотов, протоиерей Георгий Флоровский, протопресвитер Александр Шмеман. Для многих представителей европейской религиозной философии стало очевидно, что «христианство» (*Christianitas*) как образовавшееся в раннее Средневековье сообщество христианских народов, прекратило свое

⁶⁴ См.: *Fournier P., Le Bras G.* Histoire des collections canoniques en Occident depuis les Fausses Décrétales jusqu'au Décret de Gratien. Paris, 1931. Vol. I, II.

⁶⁵ *Ortega y Gasset J.* La rebelion de las masas / рус. издание: Ортега и Гассет Х. Восстание масс / Эстетика. Философия культуры. М., 1991. С. 309–350.

⁶⁶ *Gilson E.* Dieu et Philosophie / рус. издание: Жильсон Э. Бог и философия / Избранное: христианская философия. М., 2004. С. 631–644.

существование.⁶⁷ Осталась основанная Иисусом Христом Церковь, которая, как и в античной древности, оказалась перед необходимостью нового апостольского служения, новой миссии. Это трезвое понимание исторической реальности проявилось в полной мере после II Мировой войны и в Православной церкви в стенах Свято-Сергиевского богословского института в Париже, и в Римско-католической церкви на II Ватиканском соборе. Это понимание означало, что наследие древней Церкви, в том числе и церковно-юридическое наследие, приобретает теперь новое актуальное значение как для христианской Церкви, так и для европейской культуры.

Именно в 1950–1960-х гг. история канонического права древней Церкви, принципы отношений Церкви и государства, выработывавшиеся на рубеже античности и Средневековья, стали объектом нового пристального и динамичного изучения как в западно-европейской средневековедении в целом, так и в церковной историографии в частности. Исследования истории церковного права и церковно-государственных отношений в поздней античности и в раннее Средневековье развивались во второй половине XX в. в двух основных направлениях. Первым направлением следует признать традиционное источниковедение. К нему принадлежали столь выдающиеся историки канонического права и средневековеды, как профессор папского Салезианского института А. Штиклер, профессора Страсбургского университета Ж. Годме, Ш. Мунье, профессора Лувенского Католического университета Ж. Франсен и Р. Гризон, профессора нескольких немецких университетов П. Иоанну и П. Ландау. В 1950 г. в Турине была опубликована монография А. Штиклера на латинском языке, посвященная источниковедческому обзору и анализу церковно-юридических сборников от поздней античности до современности.⁶⁸ Этот труд

⁶⁷ *Dell’Asta A.* Una memoria sequestrata. La censura della persona e della società civile // *La Nuova Europa. Rivista internazionale di cultura: Atti del convegno «Stato, società e persona. La Russia e l’Europa di fronte alle svolte epocali del XX e XXI secolo»*. Seriate, gennaio 2009, n. 1 P. 7–17.

⁶⁸ См.: *Stickler A.* *Historia iuris canonici latini*. T. I. *Historia fontium*. Augustae Taurinorum, 1950.

был признан классическим для любого историка канонического права. Вскоре французский историк и медиевист Ж. Годме опубликовал монографию, посвященную становлению церковного права и развитию отношений между христианской Церковью и Римской империей в поздней античности.⁶⁹ Эта работа была основана на прекрасном знании источников и открывала новый этап в изучении римского церковного законодательства. В 1960-е гг. осуществлялись исследования в области критики и публикации памятников церковно-юридической литературы во многом в связи с деятельностью папской комиссии по кодификации канонического права. В 1963 г. Ш. Мунье подготовил новое критическое издание постановлений галльских соборов IV–VI вв. в латинской серии *Corpus Christianorum*, издаваемой в Бельгии.⁷⁰ Это превосходное издание стало первым в своем роде трудом после много-томных серий Ж. Сирмонда и Ф. Лаббе. К. де Клерк продолжил дело Ш. Мунье и осуществил критическое издание постановлений галльских соборов VI–VII вв. в той же серии.⁷¹ Эти издания были воспроизведены Ж. Годме без критического аппарата и снабжены историческими комментариями в 1977 и 1989 г.⁷² В 1962 г. профессор Мюнхенского университета П. Иоанну в рамках работы папской комиссии по кодификации канонического права предпринял новое изучение рукописной традиции и критическое издание византийской «Синтагмы» канонов, снабдив его ценными историческими комментариями.⁷³ Это издание остается основным для исследований в области византийского церковного права.

⁶⁹ См.: *Gaudemet J. L'Eglise dans L'Empire Romain (IV–V siècles)*. Paris, 1958; *Gaudemet J. La Formation du droit seculier et du droit de l'Eglise aux IV et V siècles*. Paris, 1957.

⁷⁰ См.: *Munier Ch. Concilia Galliae, 314–506, Corpus Christianorum series Latina*, 148. Turnholti, 1963, passim.

⁷¹ См.: *Clercq C. de. Concilia Galliae, 511–695, Corpus Christianorum series Latina*, 148 A. Turnholti, 1963.

⁷² См.: *Gaudemet J. Conciles galois du IV siècle, SCH 241*. Paris, 1977; *Gaudemet J. Les Canones des conciles merovingiens*. SCH Paris, 1989.

⁷³ См.: *Joannou P.P. Discipline générale antique (IV–IX s.)*, Fonti fasc. IX (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale) T. I, II. Roma, 1962.

П. Иоанну в своих трудах в значительной степени опирался на исследования В.Н. Бенешевича. В 1972 г. французский антиковед С. Лансель предпринял издание актов Карфагенской епископской конференции 411 г., подготовив серьезные исторические комментарии.⁷⁴ Спустя два года Ш. Мунье опубликовал критическое издание постановлений африканских соборов, основываясь на собственных многолетних исследованиях, а также на публикациях А. Жюстелля и К.Х. Турнера.⁷⁵ В 1980 г. профессор Лувенского Католического университета Р. Гризон предпринял издание актов Аквилейского собора 381 г. с историческими комментариями.⁷⁶

Постановления древних испанских соборов также стали предметом тщательного изучения начиная с 1960-х гг. В 1969 г. в Мадриде группа испанских иезуитов подготовила издание постановлений испано-романских и вестготских соборов.⁷⁷ В тоже время эти же ученые предприняли критическую публикацию «Испанского собрания» (*Collectio Hispana*), которое продолжалось до недавнего времени.⁷⁸ В 1980 г. Ф. Родригес выпустил в свет текст постановлений I Сарагосского собора 380 г. и комментарии к нему.⁷⁹

Современную интенсивность критического изучения ранне-средневековых церковно-юридических памятников как текстологического, так и кодикологического характера можно сравнить только с динамикой ученых изысканий французских эрудитов в XVII столетии. Своеобразный предварительный итог источниковедческой деятельности последних десятилетий в указанном направлении подвел Ж. Годме в своей обзорной работе, посвященной источникам церковного права на латинском Западе

⁷⁴ См.: *Lancel S.* Les Actes de la conférence de Carthage en 411. Texte et traduction de la capitulation générale et des actes de la 1re séance, SCh 194. 1972.

⁷⁵ См.: *Munier Ch.* Concilia Africae 345–525, Corpus Christianorum series Latina 259, Turnholt, 1974.

⁷⁶ См.: *Gryson R.* Scolie arienne sur le concile d'Aquilée, SCh 267. 1980.

⁷⁷ См.: *Vives J, Marin T, Martinez Diez G.* Concilios visigoticos e hispanoromanos; Barcelona, Madrid, 1969.

⁷⁸ См.: *Martinez Diez G., Rodriguez F.* La Coleccion canonica Hispana. T. I–VI. Madrid, 1966–2002.

⁷⁹ См.: *Rodriguez F.* Concilio I de Zaragoza. Zaragoza, 1980.

в II–VII вв.⁸⁰ Источники имперского законодательства, касающегося Церкви, также стали предметом вновь вспыхнувшего научного интереса в последнее десятилетие. В частности, французская исследовательница Е. Ману-Нортье в 2002 г. выпустила прекрасные комментарии историко-юридического характера к 16-й книге «Кодекса Феодосия».⁸¹

Второе направление в изучении истории канонического права и церковно-государственных отношений, развивавшееся после II Мировой войны, представлено учеными, которые рассматривают упомянутый предмет в контексте социокультурного развития раннесредневекового общества. К этому направлению, бесспорно, принадлежали Ж. Годме, А. Мандуз, Ш. Пьетри, Л. Пьетри, С. Дештефен, Ж. Дагрон, Б. Бадеван-Годме и многие другие. Их научные труды были посвящены в первую очередь персоналиям и просопографии церковно-исторических деятелей IV–VII вв., а также очеркам общественного состояния и развития отношений Церкви и государства. Одной из последних работ Ж. Годме стала монография, посвященная интеграции церковных институтов в позднеантичном полисе. Эта монография как бы подводила итог творчеству ученого.⁸² Полноценное изучение отношений Церкви и общества на рубеже античности и Средневековья невозможно без знания персоналий, т. е. живых участников тех процессов. Именно поэтому в последнее время стали чрезвычайно востребованы просопографические изыскания. В частности, А. Мандуз подготовил в 1982 г. фундаментальное просопографическое исследование, посвященное африканским христианским общинам указанного периода.⁸³ Ш. Пьетри и Л. Пьетри продолжили просопографические штудии А. Мандуза, рассматривая итальянские диоцезы и опубликовав

⁸⁰ См.: *Gaudemet J.* Les sources du droit de l'Église en Occident du II-e au VII-e siècle. Paris, 1985.

⁸¹ См.: *Magnou-Nortier E.* Le Code Théodosien et sa réception au Moyen Age. Introduction, notes et index // SC 2. Paris, 2002.

⁸² См.: *Gaudemet J.* L'Église et cité, Histoire du droit canonique. Paris, 1994.

⁸³ См.: *Mandouze A.* Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire I: Prosopographie de l'Afrique Chrétienne (303–533). Paris, 1982.

результаты своих научных трудов в 2000 г.⁸⁴ Совсем недавно, в 2008 г. вышло продолжение «христианской просопографии», предпринятое С. Дештефеном и посвященное христианским общинам Малой Азии IV–VII в. (до конца царствования императора Ираклия).⁸⁵ В определенном смысле изучению просопографии способствовал источниковедческий анализ сохранившихся подписных листов участников Никейского собора 325 г., проведенный еще К.Х. Турнером, а затем немецкими учеными Х. Гельцером, Х. Хильгенфельдом и О. Кюнтцом.⁸⁶

Ш. Пьетри является также автором прославленной двухтомной монографии, посвященной истории Римской церкви в IV–V вв., становлению ее институций и развитию отношений с империей.⁸⁷ Ж. Дагрон, напротив, предпочитал изучение истории Восточной церкви в этот период, рассматривая ее историю в широком контексте общественного развития и выискивая генезис византийского цезаропапизма уже в событиях IV–VI вв.

В 2006 г. французская исследовательница Б. Бадеван-Годме, продолжая дело своего отца Ж. Годме, выпустила замечательную монографию, которая представляет собой синтез источниковедческого и социокультурного подходов к истории канонического права и церковно-государственных отношений в Средние века.⁸⁸ Несмотря на некоторую тезисность изложения и слишком широкие хронологические рамки (IV–XII вв.), монография представляет собой обстоятельный и тщательно продуманный очерк истории средневекового канонического права, основанный на предшествующих

⁸⁴ См.: *Pietri Ch., Pietri L.* Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: II Prosopographie de l'Italie Chrétienne (313–604). Paris, 2000. T. I, II.

⁸⁵ См.: *Destephen S.* Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: III Prosopographie de Dioceses d'Asie. Paris, 2008.

⁸⁶ См.: *Gelzer H., Hilgenfeld H., Guntz O.* Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice, armeniace, Stutgardiae. Lipsiae, 1995.

⁸⁷ См.: *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Église de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Roma, 1976. T. I, II.

⁸⁸ См.: *Basdevant-Gaudemet B.* Eglise et Autorités, Etudes d'histoire de droit canonique medieval. Limoges, 2006.

статьях ученого. Можно без преувеличения сказать, что французская церковная историография на данном этапе является лидером в изучении средневековых церковных институций и церковно-государственных отношений.

В отличие от социокультурного подхода, свойственного французской школе медиевистики, и от источниковедческого, характерного для немецкой школы, итальянская историография, связанная с изучением средневекового канонического права, предлагала своеобразный систематический метод исследований. Этот метод выразился в стремлении итальянских ученых к рассмотрению памятников церковно-юридической литературы как звеньев единой юридической системы, в попытках разработать каноническую теорию. Следует признать, что главное место в итальянской правовой историографии, бесспорно, принадлежит в данный момент научным трудам кардинала П. Ерде — архиепископа Эстергомского и Будапештского. Именно он на основании изучения средневековых источников много лет развивал теорию канонического права.⁸⁹ Подобный метод присутствует также в трудах православного богослова и церковного историка архиепископа Петра (Л'Юилье). Приняв православие под влиянием лекций и научных трудов В.Н. Лосского, архиепископ Петр (Л'Юилье) во многом развивал взгляд на каноническое право, характерный для таких крупнейших русских церковных историков XX в., как протопресвитер Николай Афанасьев и протопресвитер Иоанн Мейендорф. Характеристика научных взглядов вышеуказанных ученых вынуждает нас обратиться к развитию отечественных исследований в области истории церковно-юридической литературы и церковно-государственных отношений в Средние века.

⁸⁹ См.: *Erdő P. Introductio in historiam scientiae canonicae. Praenotanda ad Codicem.* Roma, 1990.

*
* * *

Научное критическое изучение церковно-юридических источников, как, впрочем, и церковной истории в целом, началось в России достаточно поздно (как минимум на три с половиной века позже, чем в Западной Европе). В XVII столетии, в то время как во Франции или в Италии уже сформировалась мощная научная традиция церковной историографии, в России ограничивались перепечаткой старых славянских переводов «Синтагмы» канонов и различных толкований к ней. При этом издатели чаще всего воспроизводили толкования византийского происхождения, усвоенные в рамках славянской «Кормчей книги». Бесмысленность такого подхода для развития исторических и богословских знаний представляется самоочевидной. В то самое время, когда русское православное богословие в XVII в. испытывало на себе по выражению протоиерея Георгия Флоровского «латинское пленение»,⁹⁰ в России вообще не существовало никаких церковно-исторических или историко-юридических исследований. Именно этим можно объяснить отставание российского научного и правового сознания от католической и протестантской науки в этот период. «Кормчая» патриарха Иосифа, впервые напечатанная в Москве в 1650 г., совершенно не удовлетворяла требованиям, предъявляемым в то время в Италии или во Франции к публикации источников церковного права. При этом в состав «Кормчей» вошло большое количество устаревших византийских императорских новелл, не имевших никакого отношения к российской исторической жизни. В этот сборник также попали документы весьма сомнительного богословского достоинства и канонического значения, такие, например, как глава «о фрязех и прочих латинех».⁹¹ Несмотря на становление самостоятельной российской

⁹⁰ Флоровский Георгий, прот. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 44–56.

⁹¹ *Кормчая* книга сиречь Номоканон. М., 1650. С. 915–923.

историографии в XVIII столетии, которое проходило на фоне динамического развития отечественной культуры после петровских преобразований, церковно-исторической школы даже в эрудитском, «антикварном» варианте в России еще не сложилось. Вместе с тем к концу XVIII в. Православная Российская церковь испытывала острую необходимость в создании такой школы. Реформы Петра Великого в области церковного управления, подчинившие это управление императорской власти и Святейшему Синоду во главе с обер-прокурором, оказали благотворное влияние на развитие церковного образования и культуры. Кроме того, эти реформы сообщили всему каноническому строю Российской церкви регулярный бюрократический характер, который стимулировал развитие церковно-юридических институтов по образцу западноевропейских протестантских стран. Однако остро ощущавшийся недостаток отечественной богословской и церковно-правовой школы в петровскую эпоху требовал идейного и методологического восполнения. Отмеченное протоиереем Георгием Флоровским «латинское пленение» православного русского богословия парадоксальным образом связывало творческую инициативу церковной иерархии.⁹² Российская иерархия, в частности, оказалась не готова к самостоятельной дискуссии с французскими янсенистами по поводу соединения церквей, проект которого был предложен Сорбонной Петру Великому еще в 1717 г.⁹³ В связи с этим в России невольно возникала необходимость в специальных исследованиях в области истории канонического права, которые открыли бы глаза российскому обществу на подлинное положение Российской церкви и ее значение. К тому же широкое распространение в российском обществе исторических знаний

⁹² *Флоровский Георгий*, прот. Пути русского богословия. Париж, 1988. С. 57–128.

⁹³ *Успенский Б.А., Шиихин А.Б.* Тредиаковский и янсенисты // Символ 23 (1990). Париж, С. 105–178 (о проекте Сорбонны относительно соединения церквей, а также о реакции Петра Великого и российской иерархии на этот проект см.: С. 114–120).

и классической образованности, начавшееся во второй половине XVIII столетия, подогрели и стимулировали интерес к древней церковной истории и праву.

На рубеже XVIII–XIX вв. плачевное состояние канонического и исторического сознания, а равно и церковной дисциплины, в восточных поместных Православных церквях уже не соответствовало общему уровню российской церковной культуры. В течение XVIII в. этот уровень значительно улучшился благодаря распространению образования и знания латинского языка среди представителей духовенства и высших сословий. В качестве примера этого несоответствия служит известный казус, связанный с принятием в Православную церковь инославных. В 1798 г. греческие канонисты, составлявшие новый свод канонического права — «Пидалион» или же греческую «Кормчую», объявили о необходимости принимать всех инославных через перекрещивание, назвав, в частности, латинское крещение «простым мытьем», а римо-католиков «не крещеными».⁹⁴ В этом утверждении греки опирались на орос Константинопольского патриарха Кирилла III 1756 г., подписанный также патриархами Александрийским и Иерусалимским.⁹⁵ Богословская несостоятельность и ущербность подобного воззрения были, конечно же, связаны с низким уровнем богословского сознания и исторической культуры составителей ороса 1756 г. По-видимому, опасаясь римско-католических миссионеров в Османской империи и не имея возможности состязаться с ними на равных, авторы ороса прибегли к вышеупомянутому постановлению в полемических целях. При этом они явно ориентировались на постановление Карфагенского собора 256 г. в отношении древних еретиков — постановление,

⁹⁴ *Епископ Никодим (Милаш)*. Правила Православной церкви с толкованиями. Т. I. С. 360–362 (uersio PDF) // http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/rules1.pdf.

⁹⁵ *Епископ Никодим (Милаш)*. Правила Православной церкви с толкованиями. Loc. cit. (uersio PDF) // http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/rules1.pdf.

не признанное в итоге Церковью. Константинопольский орос 1756 г. в указанном пункте противоречил принципам принятия в Православную церковь инославных, которые были провозглашены Трульским собором в 692 г. при императоре Юстиниане II. Кроме того, орос не соответствовал Преданию древней Церкви, выраженному св. Стефаном Римским в полемике против св. Киприана Карфагенского, а также I Арльским собором 314 г., Карфагенским собором 348 г., I Оранжевым собором и Эпонским собором.

Примечательно, что появление утверждений, подобных Константинопольскому оросу 1756 г., было уже невозможно в Православной Российской церкви по целому ряду духовных и культурных благотворных преобразований. Российская церковь в соответствии с древними каноническими принципами вернулась с 1718 г.⁹⁶ к принятию третьим чином, т. е. через покаяние тех инославных, которые обладали в своих церквях апостольским преемством, иерархией и литургически правильно совершаемыми таинствами (римо-католики, нехалкидониты).⁹⁷ Спустя почти

⁹⁶ Статья 30 Устава Духовной Консistorии. — См. также *Калашиников С.В.* Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1901 включительно). СПб., 1902. С. 344.

⁹⁷ Исторический парадокс заключается в том, что «киприановское» учение о сакраментальных границах Церкви, фактически отвергнутое и Римской, и Константинопольской церквями на вселенском уровне (св. папа Стефан в III в., Трульский «Пято-шестой» собор 692 г.), в разные времена кратковременно воскресало не только на католическом Западе в лице Ансельма Луканского, но и на православном Востоке. В частности, после разделения 1054 г. в Константинопольской церкви раздавались отдельные голоса, отрицавшие благодатность таинств Римской церкви, примером чего служат мнения патриарха Михаила Анхиала или Никона Черногорца. Эти взгляды не принимались ведущими византийскими канонистами: Антиохийским патриархом Феодором Вальсамоном, Дмитрием Хоматианом, архиепископом Охридским, Иоанном, епископом Китрским. Первый советовал православному патриарху Александрийскому Марку допускать до причащения крестоносцев, взятых в плен мусульманами, только после «отречения от заблуждений» и исповедания православной веры (по-видимому, Вальсамон имел в виду произнесение Символа Веры без *filioque*), не требуя, однако, повторения над ними таинств крещения и миропомазания. Другие два канониста (Димитрий и Иоанн) шли еще дальше и разрешали хоронить умерших латинян в православных церквях, признавая тем самым их христианский статус,

столетие, в царствование императора Александра II Святейший Правительствующий Синод пошел еще дальше в деле восстановления церковного единства, разрешив допускать к причащению

а следовательно, и таинства Римской церкви, к которой принадлежали умершие. Накануне Флорентийской унии в Византии господствовала мысль о необходимости уврачевания церковного раскола между греками и латинянами. И только после неудачи и провала Флорентийской унии и завоевания Византии турками Константинопольская церковь под влиянием внешних неблагоприятных исторических обстоятельств частично перешла на «киприановскую» позицию по отношению к Римской церкви, постановив принимать католиков через миропомазание (собор 1484 г.). Эта практика сохранялась в Константинопольской церкви вплоть до 1756 г., когда патриарх Кирилл III, опасавшийся влияния римских миссионеров и униатов, определением Синода распорядился перекрещивать католиков. К концу XVIII в. перекрещивания стали нормой у греков, а в «Пидалионе» — греческой кормчей книге — латинское крещение кощунственно именовалось «не крещением, а простым мытьем». Подобные, с точки зрения древней Церкви кощунственные решения были продиктованы также влиянием протестантизма на греческое богословие в XVII–XVIII вв. Это протестантское влияние предполагало «конфессионализацию» экклесиологии, т. е. в конечном итоге оно прививало грекам, жившим под турками в условиях культурной изоляции, крайне своеобразное восприятие раскола между греками и латинянами. Исходя из этого восприятия раскол осмыслялся не как рана на земном теле Церкви, нуждающаяся в уврачевании, а как справедливое историческое отвержение членами «истинного» исповедания членом исповедания «ложного».

Однако в это же самое время Православная Российская церковь стала первой православной поместной церковью, которая вернулась к святоотеческому учению древней Церкви, к правилам Трулльского собора и св. папы Стефана при рассмотрении вопроса о принятии инославных. Впервые в 1718 г., а окончательно с 1757 г. определением Святейшего Правительствующего Синода было решено принимать католиков, так же как и армян и сирийцев, через покаяние «третьим чином», причем священников принимали в сущем сане, а лютеран и кальвинистов принимали через миропомазание. Тем самым Российская церковь окончательно утверждала в православном мире признание таинств Римской церкви, возвращаясь к принципам древней Церкви. В пользу признания всех таинств Римской церкви и протестантского крещения высказывался такой крупнейший русский богослов, как св. митрополит Филарет (Дроздов). Дальнейшая практика Православной Российской церкви также свидетельствует о признании благодатности таинств церкви Римской. С середины XIX в. у целого ряда русских богословов наметилась противоположная тенденция к оправданию греческой практики перекрещиваний при помощи вводимого *ad hoc* мнения, будто бы русская практика принятия в сущем сане отличается от греческой только по форме. А.С. Хомяков, митрополит Антоний (Храповицкий), митрополит Сергей (Страгородский), архиепископ Илларион (Троицкий) (последний только в дореволюционных работах) стремились интерпретировать российскую практику принятия католиков или армян в сущем сане при помощи такой новой богословской категории, как допускаемое по икономии «восполнение». Имелось в виду «восполнение» благодати, будто бы отсутствовавшей при совершении священнодействий в отделении от Православной церкви, через вхождение в ее каноническую ограду. М. Жюжи связывал возникновение подобной точки зрения

греко-католиков в случае отсутствия греко-католических храмов, не требуя от них при этом даже формального присоединения к Православной церкви через покаяние.⁹⁸

Вышеуказанные меры были связаны как с отсутствием в Российской церкви той эпохи культурно-исторических комплексов перед инославными, так и с высоким уровнем богословского образования и канонической культуры высшей церковной иерархии, которого удалось достичь к началу XIX столетия в России. Благодаря стараниям митрополита Платона (Левшина) (1737–1812) —

с игнорированием этими богословами общего как для Римско-католической, так и для Православной Российской церкви учения о совершении таинств *ex opere operato*, что было связано с сильным влиянием немецкого протестантского богословия (*Jugie M. Theologia dogmatica christianorum Orientalium ab Ecclesia Catholica dissidentium. Parisiis, 1930. Т. III. P. 41–42*). Хотя указанная точка зрения, восходящая к А.С. Хомякову, в самом деле напоминала некоторые протестантские воззрения, адепты которых отделяли sacramентальное действие священника от действия благодати Божьей, все же происходила она из протестантизма опосредованно. Бесспорно, что теория «восполнения» была основана прежде всего на представлении о духе, почерпнутом из спиритуалистической философии Шеллинга, и конечно же на философских взглядах самого А.С. Хомякова.

Крупнейшие русские богословы XX в., в частности протоиерей Георгий Флоровский, А.В. Карташев, протоиерей Николай Афанасьев и протопресвитер Иоанн Мейендорф, полностью опровергли теорию «восполнения» как не соответствующую Преданию и богословию древней Церкви. В действительности, сторонники теории «восполнения» совершенно искусственно отделяют действие духа от sacramентального действия священника. При этом реальная освящающая сила таинства опосредуется юридическим вхождением в правильную юрисдикцию, по словам А.В. Карташева «превращается в математический зачет». Как справедливо отмечал тот же автор, учение древней Церкви периода первых Вселенских соборов обязывает нас признавать благодатность всех таинств, которые совершаются во временно отделенных, схизматических и даже в еретических церквях, если они сохранили апостольское преемство и обеспечивают надлежащее литургическое совершение этих таинств. Официальная богословская позиция Римской церкви была идентичной и всегда предполагала признание таинств отделенных церквей, если они также сохранили апостольское преемство, иерархию и правильное совершение таинств. «...nullus pontifex sacramenta excommunicati irrita esse censuerit. Romani pontifices baptismum ab haeretico, imo a Iudaeo et ethnico collatum semper validum censuerit. Item si quis presbyter in haeresin aut schisma lapsus fuisset, ut ut excommunicatus, eucharistiam valide potuisse conficere nemo unquam negavit» (PL 160, Coll. 217).

⁹⁸ Определение Святейшего Синода от 25 января — 21 июня 1867 г.; Циркулярный указ Святейшего Синода от 25 февраля 1870 г. — См. также: *Калашиников С.В.* Алфавитный указатель действующих и руководственных канонических постановлений, указов, определений и распоряжений Святейшего Правительствующего Синода (1721–1901 включительно). СПб., 1902. С. 175.

образованнейшего иерарха своего времени — в 1776 г. было введено преподавание церковного права в Московской Духовной академии. В 1798 г. распоряжением Святейшего Синода преподавание церковного права стало обязательным и в других духовных академиях. Первоначально этот курс предполагал комментарии к содержанию «Кормчей книги» на латинском языке. С 1814 г. была введена особая программа систематического преподавания канонического права, сочиненная ректором Санкт-Петербургской Духовной академии архимандритом Филаретом (Дроздовым) (1783–1867). В 1835 г. церковное право было введено в качестве обязательного раздела богословского курса на юридических факультетах Императорских университетов. «Общий устав Императорских Российских Университетов», высочайше утвержденный 18 июня 1863 г., предусматривал создание на юридических факультетах кафедр церковного законоведения. Результаты подобных изменений в системе образования проявились уже к середине XIX столетия. С середины века в России началось динамическое развитие исторической школы по изучению церковного права, в результате которого отечественная историко-правовая школа за несколько десятилетий превратилась из группы интеллектуалов-энтузиастов в исследовательский центр передового европейского уровня. Первым историко-каноническим исследованием в России, посвященным церковно-юридическим памятникам IV–V вв., стала книга архимандрита Иоанна (Соколова), известная как «Опыт курса церковного законоведения» и опубликованная в Санкт-Петербурге в 1851 г. Эта работа еще представляла собой толкования на «Книгу Правил»,⁹⁹ однако уже выполненные на современном научном уровне. Последующие отечественные исследователи истории канонического права, которые осуществляли свои научные труды в контексте истории древней Церкви, очень быстро превзошли этот первый опыт.

⁹⁹ Книга Правил — церковнославянский перевод «Синтагмы» канонов.

Одним из таких исследователей стал Михаил Иванович Горчаков (1838–1910), преподававший курс церковного права на юридическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета.¹⁰⁰ Окончив Костромскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию, М.И. Горчаков в 1861 г. уехал в Германию, где слушал лекции по богословию и каноническому праву в Тюбингене, Гейдельберге и Страсбурге. По возвращении в Россию он с 1864 по 1865 г. обучался на юридическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета. В 1865 г. М.И. Горчаков удостоился серебряной медали за сочинение «О происхождении и системе преторского эдикта». С 15 октября 1873 г. он стал ординарным профессором Санкт-Петербургского Императорского университета по кафедре церковного законовещения. Степень магистра богословия была присуждена М.И. Горчакову за сочинение «О церковных историках первых восьми веков христианства» в 1865 г. Лекции М.И. Горчакова отличались превосходным умением излагать церковное право как систему в соответствии с лучшими традициями германской историко-правовой школы. Ближайшим учеником М.И. Горчакова стал выдающийся ученый — Николай Семенович Суворов (1848–1909).

Н.С. Суворов, окончив курс Костромской Духовной семинарии, поступил на юридический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета, который закончил в 1873 г. Через три года ученый защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра церковного права, посвященную проблеме церковных наказаний. Для работы над диссертацией Н.С. Суворов прекрасно изучил *Corpus Iuris canonici* Римско-католической церкви ввиду отсутствия продуманной пенитенциарной системы в каноническом праве Российской церкви. В 1876 г. работа была опубликована. Согласно характеристике профессора П.В. Гидулянова (1874–1937),

¹⁰⁰ Томсинов В.А. Николай Семенович Суворов. Биографический очерк // http://www.krotov.info/history/19/1890_10_2/1848_suvorov.htm.

«Беря в руки магистерскую диссертацию Н. С. Суворова, читатель чувствует, что имеет дело с правом, юриспруденцией, а не с нравоучительным богословием. В этом отношении первая работа Н. С. [Суворова] выгодно отличается от всех работ его современников. Здесь римский дух, здесь правом пахнет». В 1884 г. Н.С. Суворов защитил докторскую диссертацию на юридическом факультете Московского Императорского университета. Тема диссертации имела непосредственное отношение к церковно-юридическим источникам раннего Средневековья и была сформулирована как «Объем дисциплинарного суда и юрисдикции церкви в период вселенских соборов». Вскоре после защиты докторской диссертации Н.С. Суворов совершил научное путешествие по Европе с целью разработки нового научного курса церковного права, который был им издан в Ярославле в 1889 и 1890 г.

До появления в печати указанного курса наилучшим считался «Краткий курс по церковному праву», разработанный М.П. Альбовым для лекций офицерам в Военно-Юридической академии.¹⁰¹ В процессе своих дальнейших исследований Н.С. Суворов пришел к ряду очень интересных выводов, касающихся исторического влияния канонического права Римско-Католической церкви на древнерусское церковное право. Результаты наблюдений в этой области ученый опубликовал в 1888 г. в Ярославле под названием «Следы западно-католического церковного права в памятниках древнего русского права». Как отмечает В.С. Томсинов в своей замечательной статье, посвященной биографии Н.С. Суворова, против суворовских идей выступил другой крупный канонист — А.С. Павлов. Между двумя специалистами завязалась полемика, которая продолжалась несколько лет. Отвечая А.С. Павлову, Н.С. Суворов, в частности, писал о том, что его оппонент «держится “православной” теории “света с востока”, отрицая всякое влияние запада на восток потому только, что по православной

¹⁰¹ *Найденова А.П.* Тема церковного суда в канонической учебной литературе конца XIX — начала XX века // Исторический вестник. Вып. 1 (16). 2002.

теории свет должен быть всегда с востока, а не с запада, даже и в области истории права. Я, напротив, считаю нужным отличать отвлеченно-религиозную сферу богословских вопросов и практическую сферу церковного порядка и в этой последней сфере приписываю западной церкви не только самостоятельную правообразовательную деятельность, но и влияние на восток вообще и в частности на древнеславянское церковное право».¹⁰² Начиная с 1890-х гг. Н.С. Суворов разрабатывал научные проблемы, связанные с брачным римским правом и со статусом юридического лица. В 1898 г. он стал ординарным профессором Московского Императорского университета по кафедре церковного права. В этой должности он оставался вплоть до самой кончины. Основным выводом Н.С. Суворова была идея об отделении канонического права, простирающегося от Церкви непосредственно, от церковного права, под наименованием которого скрывается весь комплекс правовых норм, касающихся Церкви. По мнению ученого, «Церковное право как совокупность норм для определения церковных отношений не совпадает с каноническим правом... Под именем канонического права разумеется в восточной церкви то право, которое содержится в канонах периода вселенских соборов, а в западной — право, содержащееся в *Corpus Iuris canonici*. Церковные отношения настоящего времени как в автокефальных церквях восточного православия, так и на западе, только отчасти определяются каноническим правом в означенном смысле, главным же образом определяются нормами позднейшего происхождения, как церковного, так и государственного».¹⁰³ Как свидетельствует В.С. Томсинов, «главным объектом научного изучения для русского ученого должно быть, — отмечал Суворов, — “русское православное церковное право”».¹⁰⁴ Однако, так как христианство и христианская церковь явились в мире раньше, чем явился

¹⁰² Томсинов В.А. Николай Семенович Суворов. http://krotov.info/hystory/19/1890_10_2/1848_suvorov.htm.

¹⁰³ Там же.

¹⁰⁴ Там же.

на исторической сцене русский народ, и русская церковь есть лишь одна из христианских церквей, то научное изучение русского церковного права невозможно “без приведения его в связь с древне-христианской историей и с общим ходом развития церкви на востоке и на западе”. Материал по истории развития западного христианства Суворов считал полезным для объяснения соответствующих явлений в истории русского церковного права».¹⁰⁵

Не меньшую роль в становлении российской историко-канонической школы сыграл оппонент Н.С. Суворова А.С. Павлов (1832–1898). Окончив Тобольскую Духовную семинарию и Казанскую Духовную академию, А.С. Павлов посвятил свои ученые занятия преимущественно развитию древнерусского церковного права. Став впоследствии ординарным профессором Казанской Духовной академии, Новороссийского и Московского Императорских университетов, ученый прославился крупными историко-каноническими трудами. Среди них следует упомянуть такие исследования, как изданная в 1865 г. в журнале «Записки Казанского Университета» статья «Личные отношения супругов по римскому праву»; монография под названием «Критические очерки по истории древнейшей греко-русской полемики против латинян», опубликованная в Санкт-Петербурге в 1878 г.; монография под наименованием «50-я глава Кормчей книги как исторический источник русского брачного права», выпущенная в Москве в 1887 г.

В 1902 г. были посмертно изданы лекции А.С. Павлова по церковному праву. Как отмечал ученик Н.С. Суворова, профессор Московского Императорского университета П.В. Гидулянов, «Современная русская наука церковного права создана трудами двух ученых: А.С. Павлова и Н.С. Суворова. Они в истинном смысле отцы и основатели этой науки у нас в России. Но если Павлов, расчистив дорогу и исследовав источники, обтесал камни,

¹⁰⁵ Там же.

приготовил материал, то Суворов велик тем, что он своим творческим гением создал из них прочный, непоколебимый фундамент и наметил план для дальнейших работников, дав церковному праву научную конструкцию и систему. Благодаря Н.С. [Суворову] церковное право из свода благочестивых размышлений, каким оно было доселе, превратилось в стройную юридическую науку, ничем не уступающую своим собратьям на Западе».¹⁰⁶ Сам П.В. Гидулянов, как выдающийся ученик Н.С. Суворова, вел практические занятия по церковному праву на юридическом факультете Московского Императорского университета. Он был автором научного исследования, вышедшего в 1905 г. в Москве под названием «Митрополиты в первые три века христианства». Затем он стал директором Лазаревского института восточных языков. П.В. Гидулянов был арестован в 1933 г. органами ОГПУ по сфабрикованному делу «Партии Возрождения России» и был приговорен к 10 годам лагерей. В 1937 г. он был приговорен тройкой НКВД к расстрелу.

Наряду с упоминавшимися российскими канонистами и правоведами огромный вклад в изучение истории церковного права и церковно-юридической литературы в Средние века внес выдающийся историк и медиевист — Федор Афанасьевич Курганов (1844–1920). Окончив курс Казанской Духовной академии, Ф.А. Курганов специализировался в области церковной истории. С ранних лет его интересовала проблематика, связанная с отношениями Церкви и государства в Средние века, что заставляло его обращаться к церковно-юридическим источникам. В 1874 г. вышла его публикация «Немецкий католицизм», опубликованная в третьем выпуске «Православного собеседника» за указанный год. В 1880 г. Ф.А. Курганов защитил диссертацию на соискание ученой степени доктора церковной истории по теме «Отношения между церковною и гражданскою властью в Византийской империи. Обзор эпохи образования и окончательного установления характера взаимоотношений между церковной и гражданской

¹⁰⁶ Там же.

властью в Византии (325–565 гг.)». Это сочинение было издано в Казани в том же году и стало крупнейшим исследованием в области византийской церковной истории, предпринятым доселе в России. Главное внимание автор уделил полемике с характерным для католических церковных историков взглядом на церковно-государственные отношения в Византии, как исключительно на цезаропапистические. В 1882 г. в третьем выпуске «Православного собеседника» появилась публикация ученого, посвященная развитию церковно-государственных отношений в Средние века на латинском Западе, названная «Борьба папы Бонифация VIII с французским королем Филиппом IV Красивым». В этой работе Ф.А. Курганов анализировал причины неудачи теократической модели власти, которую отстаивал папа Бонифаций VIII. В 1893 г. в Казани была опубликована новая монография историка, посвященная полемике против ультрамонтанской историографии, под наименованием «Свидетельствовал ли святой Иринея, епископ лионский, о приматстве и непогрешимом учительстве римской церкви, в частности — ее первосвященника». Ученые труды Ф.А. Курганова во многом способствовали становлению и развитию школы российской медиевистики и византиноведения, зарождение которых было связано с творческой и научной деятельностью Тимофея Николаевича Грановского (1813–1855) и Василия Григорьевича Васильевского (1838–1899). Параллельно с Ф.А. Кургановым историей правовых отношений Церкви и государства в древности занимался Илья Степанович Бердников (1839–?), который защитил в 1881 г. в Казанской Духовной академии диссертацию на соискание ученой степени доктора церковного права по теме «Государственное положение религии в римско-византийской империи». Если исследования в области теории и систематизации церковного права были связаны с именами Н.С. Суворова и А.С. Павлова, то научные изыскания в области истории церковно-государственных отношений в их правовом аспекте были связаны с именем Ф.А. Курганова и И.С. Бердникова.

В то же самое время литургический аспект церковного права и его историческая эволюция стали предметом занятий выдающегося литургиста и канониста — Александра Ивановича Алмазова (1859–1920).

А.И. Алмазов окончил Тамбовскую Духовную семинарию в 1880 г. и Казанскую Духовную академию в 1884 г. По окончании Академии он был оставлен профессорским стипендиатом по кафедре литургики. Через год А.И. Алмазов защитил магистерскую диссертацию по теме «История чинопоследований крещения и миропомазания», за которую он получил премию митрополита Макария (Булгакова). С 1887 г. А.И. Алмазов исполнял должность ординарного профессора Новороссийского Императорского университета по кафедре церковного права. В 1896 г. он защитил докторскую диссертацию под названием «Тайная исповедь в православной Восточной Церкви: Опыт внешней истории». С 1912 г. являлся ординарным профессором церковного права Московского Императорского университета, преподавая в Московской Духовной академии. Особой заслугой А.И. Алмазова была работа по изучению и публикации неизданных византийских церковно-юридических памятников из различных рукописных собраний Санкт-Петербурга и Москвы, в частности он издал «канонические ответы» патриарха Константинопольского Луки Хрисоверга (XII в.) и митрополита Эфесского Иосафа (XV в.).

Церковно-историческая школа, динамично развивавшаяся в России во второй половине XIX в., внесла свой неоценимый вклад в изучение церковно-юридической литературы и канонического права раннего Средневековья благодаря трудам двух наиболее крупных русских церковных историков: Алексея Петровича Лебедева (1845–1908) и Василия Васильевича Болотова (1853–1900). А.П. Лебедев окончил полный курс Московской Духовной семинарии и академии в 1870 г. Затем он занимал кафедру древней церковной истории и преподавал в Московской Духовной Академии и в Московском Императорском университете вплоть

до самой своей кончины, прославившись как блистательный лектор и педагог, воспитавший поколения российских церковных историков и византинистов. В своих основных работах А.П. Лебедев тщательно исследовал памятники древнего церковного права. В частности, он стал автором научных трудов, сохраняющих и по сей день свое непреходящее значение. Среди них следует упомянуть такие монографии, как «Духовенство древней Вселенской церкви от времен апостольских до X века», «Вселенские Соборы IV и V веков: Обзор их догматов, деятельности в связи с направлениями школ Александрийской и Антиохийской».

В.В. Болотов закончил Тверскую Духовную семинарию и Санкт-Петербургскую Духовную академию. С первых лет своей научной деятельности он отличался прекрасными знаниями в области древних языков, не только свободно овладев латинским и древнегреческим, но выучив на очень высоком уровне также восточные языки: классический арабский, древнееврейский, сиро-арамейский, коптский и древнеэфиопский (ге'эз). Подобный лингвистический универсализм позволял ему без каких-либо затруднений обращаться к любым источникам по истории древней Церкви. В итоге знаменитые лекции В.В. Болотова по истории древней Церкви, прочитанные им в Санкт-Петербургской Духовной академии, вывели российскую церковно-историческую школу на один научный уровень с немецкой или французской церковно-историческими школами. В своих лекциях ученый уделил значительное внимание истории церковных институций и отношениям Церкви и государства. Подлинный результат полувекowego развития российской церковной историографии и канонического правопедения проявился именно в начале XX столетия. Именно тогда отечественная церковно-историческая наука и медиэвистика выдвинула из своей среды таких блистательных ученых, получивших европейское признание, как Владимир Николаевич Бенешевич (1874–1938), Антон Владимирович Карташев (1875–1960) и Лев Платонович Карсавин (1882–1952).

В.Н. Бенешевич стал наиболее выдающимся представителем российской историко-юридической школы по изучению церковного права. В 1893 г. он окончил с золотой медалью Первую Виленскую гимназию, а в 1897 г. завершил обучение на юридическом факультете Санкт-Петербургского Императорского университета с дипломом первой степени. С 1897 по 1901 г. В.Н. Бенешевич слушал лекции по истории, философии и праву в Лейпцигском, Гейдельбергском и Берлинском университетах. В 1905 г. он защитил диссертацию на соискание ученой степени магистра церковного права по теме «Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 года. К древнейшей истории источников права греко-восточной церкви». Это исследование было удостоено премии графа Уварова. В 1914 г. В.Н. Бенешевич защитил докторскую диссертацию по теме «Синагога в 50 титулах и другие юридические сборники Иоанна Схоластика». Являясь ординарным профессором Санкт-Петербургского Императорского университета, ученый читал лекции в Санкт-Петербургской Духовной академии, на Высших Бестужевских женских курсах, на Женских курсах Раева, в Военно-юридической академии. Занимаясь реконструкцией истории греко-римского церковного права на основании обширнейшей источниковой базы, В.Н. Бенешевич в совершенстве владел не только латинским и древнегреческим языками, но и сиро-арамейским, древнеармянским и древнегрузинским. В 1917–1918 гг. В.Н. Бенешевич участвовал в работе Поместного Собора Православной Российской Церкви. После революции ученый служил в различных библиотеках с 1919 по 1926 г. С 1926 г. он исполнял должность секретаря Византийской комиссии АН СССР. В 1928 г. В.Н. Бенешевич был арестован органами ОГПУ и приговорен к заключению в Соловецком лагере особого назначения. В 1930 г. получил добавочный срок по сфабрикованному ОГПУ «академическому делу» и отправлен в Ухто-Печерский лагерь. При обысках, проводимых в квартире исследователя, были уничтожены многочисленные рукописи

и фотоснимки древних манускриптов. Освободившись из мест заключения в 1933 г., В.Н. Бенешевич работал хранителем греческих рукописей в Публичной библиотеке Петрограда. Он также читал лекции на историческом факультете ЛГУ по кафедре истории Средних веков. После издания в Берлине в 1937 г. первого тома капитального труда В.Н. Бенешевича, посвященного «Синагоге» Иоанна Схоластика, он был изгнан с места работы и вскоре арестован по обвинению в фашизме. Исследователь был приговорен к расстрелу коллегией НКВД 17 января 1938 г. Вместе с В.Н. Бенешевичем были расстреляны два его сына, проходившие с ним по одному делу. Супруга ученого Амата (Людмила) Фадеевна (1888–1967), освободившись из мест заключения, посвятила долгие годы сохранению его наследия. Библиотека В.Н. Бенешевича находится в настоящее время в фонде Санкт-Петербургской Духовной академии.¹⁰⁷

А.В. Карташев окончил курс Пермской Духовной семинарии в 1894 г. и Санкт-Петербургской Духовной академии в 1899 г. До 1905 г. ученый служил в должности приват-доцента Санкт-Петербургской Духовной академии по кафедре церковной истории. В связи с конфликтом с ректором — архиепископом Сергием (Страгородским) А.В. Карташев покинул академию. Затем он преподавал на Высших Бестужевских женских курсах и участвовал в религиозно-философских собраниях, благодаря которым вошел к интеллектуальный и творческий круг Д.С. Мережковского и З.П. Гиппиус. Кроме того, начинающий исследователь заведовал богословским фондом Императорской Публичной библиотеки и привел его по отзывам современников в превосходное состояние. С марта 1917 г. А.В. Карташев занимал должность обер-прокурора Святейшего Синода. По его прошению должность была

¹⁰⁷ *Медведев И.П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива / Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–381; *Герд Л.А.* Фотоархив В.Н. Бенешевича / Там же. С. 381–389; *Лебедева Г.Е., Якубский В.А.* Cathedra Medii Aevi, материалы к истории ленинградской медиевистики 1930–1950-х годов. СПб., 2007. С. 42–44.

упразднена, а сам ученый занял должность министра исповеданий Временного правительства. В этой должности А.В.Карташев участвовал в подготовке Поместного собора 1917 г. После октябрьского переворота он был арестован, освобожден под предлогом помещения в больницу и, будучи членом конституционно-демократической партии, перешел на нелегальное положение. В 1918 г. А.В.Карташев участвовал в деятельности Национального центра, ставившего своей целью вооруженную борьбу против большевиков и обеспечение легитимного правопреемства власти в России в условиях гражданской войны. С лета 1919 г. А.В.Карташев занимал должность министра исповеданий в Северо-Западном правительстве. В этот период ученый был соратником таких выдающихся русских политических и военных деятелей, как главнокомандующий Северо-Западной Добровольческой армии генерал от инфантерии Н.Н.Юденич и адмирал К.П.Пилкин. Оказавшись в эмиграции после окончания гражданской войны, А.В.Карташев стал одним из основателей Свято-Сергиевского Богословского института в Париже, который стал на многие годы оплотом русской богословской и церковно-исторической науки в Западной Европе. Преподавая в институте церковную историю, А.В.Карташев занимался как историей церковных соборов в ранневизантийскую эпоху, так и библейской критикой. В 1930-е гг. в журнале «Путь» была опубликована замечательная статья А.В.Карташева «Соединение церквей в свете истории», посвященная историко-богословскому анализу и осмыслению проблемы границ Церкви. Эта статья во многом предвосхитила деятельность многих православных богословов второй половины XX в. В 1944 г. в Париже прозвучала знаменитая актовая речь исследователя «Ветхозаветная библейская критика», за которую он был удостоен докторской степени *honoris causa*. В 1964 г. в Париже вышло главное исследование А.В.Карташева по истории церковных соборов под названием «Вселенские соборы». Тщательно анализируя памятники, акты и деяния соборов ранневизантийской эпохи, ученый прекрасно выявил внутреннюю логику, скрытые мотивы участников соборного движения. Труд А.В.Карташева стал классическим по истории ранневизантийской церковной истории,

обобщающим достижения российской церковной историографии первой половины XX в.¹⁰⁸

Л.П. Карсавин окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского Императорского университета в 1906 г., в рамках которого специализировался по кафедре истории Средних веков и учился у крупного русского медиевиста Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). Он защитил в 1913 г. магистерскую диссертацию по теме «Очерки религиозной жизни в Италии XII–XIII веков», а в 1915 г. докторскую диссертацию под названием «Основы средневековой религиозности в XII–XIII вв., преимущественно в Италии». Занимаясь основами средневекового религиозного сознания и культуры, Л.П. Карсавин интересовался мистикой в большей степени, чем каноническим правом, однако его последующие исследования в области истории средневековой религиозности и культуры позволяют во многом определить то, каковы были духовные мировоззренческие истоки и причины эволюции церковных институций и правовых установлений на протяжении Средневековья. С 1918 по 1922 г. ученый участвовал в деятельности петроградского «братства Святой Софии». В августе 1922 г. он был арестован органами ГПУ и выслан

¹⁰⁸ Поэт О. Мандельштам, знавший А.В. Карташева до революции, посвятил ему в 1917 г. стихотворение, в котором, на наш взгляд, очень точно выражены внутренние, как академические, так и духовные устремления мыслителя:

Среди священников левитом молодым
На страже утренней он долго оставался,
Ночь иудейская сгущалась над ним,
И храм разрушенный угрюмо созидался.

Он говорил: небес тревожна желтизна.
Уж над Ефратом ночь, бегите иерен!
А старцы думали: не наша в том вина;
Се черно-желтый свет, се радость Иудей.

Он с нами был, когда на берегу ручья
Мы в драгоценный лен Субботу пеленали
И семисвечником тяжёлым освещали
Ерусалима ночь и чад небытия. 1917

(Мандельштам О. *Tristia* / Сочинения. В 2 т. Т. 1. Тула, 1994. С. 66.)

из России по распоряжению большевистского руководства «без права возвращения». В эмиграции Л.П. Карсавин активно участвовал в евразийском движении, а с 1927 г. занял кафедру всеобщей истории Литовского университета в Ковно (Каунас). Для того, чтобы активно преподавать и вести полноценные семинары, Л.П. Карсавин выучил за короткое время литовский язык. С 1940 г. он стал профессором Вильнюсского университета, а также начал преподавать в местном Художественном институте. В 1944 г. после занятия Вильнюса советскими войсками Л.П. Карсавин был отстранен от преподавания в университете. В 1949 г. он был изгнан из Художественного института, а в 1950 г. арестован органами МГБ по сфабрикованному обвинению и отправлен в Воркутлаг. Л.П. Карсавин скончался в заключении в поселке Абезь Коми АССР 12 июля 1952 г.

Приведенные выше краткие справки, касающиеся жизни и научного творчества русских церковных историков первой половины XX столетия, достаточно показательны для понимания того трагического положения, в котором оказалась российская культура и образованное российское общество после октябрьского переворота 1917 г. Систематический и планомерный большевистский террор, продолжавшийся в течение десятилетий и обрушившийся на самые широкие общественные слои, в первую очередь затронул российскую интеллектуальную и культурную элиту. Этот террор наряду с господством тоталитарной советской идеологии диалектического материализма, воцарившейся с конца 1920-х гг. в стенах гуманитарных академических и образовательных учреждений, делал невозможным какое-либо развитие церковно-исторической науки в России. Все те научные достижения, которые были накоплены в сфере изучения церковного права и церковной истории во второй половине XIX — начале XX в., начиная с эпохи Великих реформ императора Александра II, оказались либо погублены, либо не востребованы. Лучшие исследователи средневековой религиозности и церковной истории либо должны были эмигрировать, как упоминавшиеся

Антон Владимирович Карташев, Лев Платонович Карсавин, Георгий Петрович Федотов (1886–1951), Александр Александрович Васильев (1867–1953), либо были обречены на тюремную изоляцию и физическую гибель, как Владимир Николаевич Бенешевич.

Оставался еще третий путь: отказаться от академической деятельности и уйти на «маргинальное» положение, «писать в стол». Так поступили, например, выдающийся литургист Алексей Афанасьевич Дмитриевский (1856–1929),¹⁰⁹ который после закрытия Петроградских Богословских курсов в 1928 г. готовил критическое издание Евхология Гоара у себя на квартире, работая для себя и для своих учеников, или Иван Васильевич Попов (1867–1938) — замечательный исследователь творчества Блаженного Августина и средневековой философии, который активно участвуя в церковной жизни 1920–1930-х гг., скитаясь по ссылкам и лагерям, не оставлял по возможности научную деятельность. Он был расстрелян по приговору тройки УНКВД Красноярского края в феврале 1938 г. В 2003 г. он был причислен к лику святых Русской Православной Церкви.

Как справедливо отмечает И.П. Медведев, «Октябрьская революция и последовавшие за ней события означали подлинную катастрофу для научного дела византинистов, понесших ни с чем не сравнимые потери. Кажется, что именно к византинистам в первую очередь относятся пронзительные слова акад. С.Ф. Ольденбурга, сказанные им в 1920 г., хотя он имел в виду общую картину: “Жуткое чувство испытывает тот, кому приходится заниматься историей науки в России... длинные ряды «первых» томов выпусков, которые никогда не имели преемников; широкие замыслы, застывшие как бы на полуслове, груды ненапечатанных, полужаконченных рукописей. Громадное кладбище неосуществленных начинаний, несбывшихся мечтаний. Всего два в сущности с небольшим века этой молодой русской науке, а как длинен

¹⁰⁹ *Арранц М. А. А. Дмитриевский: из рукописного наследия / Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120–134.*

ее мартиролог”». ¹¹⁰ Слова, сказанные в 1920 г. о византинистах, тем более касаются церковных историков, которых в советской России ждала гибель за свои убеждения. По замечанию И.П. Медведева, «заметное место занимают имена византинистов и в составленной В.Н. Бенешевичем “скорбной летописи” погибших от голода и болезней (а нередко и от “красного террора”), в которую, в конце концов, приходится записать и имя самого автора. Спасаясь от голодной смерти и репрессий, многие византинисты покинули метрополию и отправились в провинцию (“чем глуше место, тем лучше”), в “блуждания в вавилонском рассеянии”, а некоторые — еще дальше, за рубеж, в Сербию, оттуда в Европу. Этот “исход” как маститых ученых, так и талантливой византиноведческой молодежи опустошил русское византиноведение, обогатив в то же время западное. “Все мы, — писал М.И. Ростовцев, — оказались ненужными для той России, для которой мы жили и работали: и те, которые влачат печальную жизнь под большевистским игом, и те, которые, как Н[икодим] П[авлович Кондаков] и я, из этого ига вырвались. Наша работа в России растоптана и разбита. Мы вынуждены учить других тому, что мы продолжаем считать нужным и важным для России”». ¹¹¹

В эмиграции кроме упомянутого А.В. Карташева история канонического права долгое время не привлекала особого внимания русских ученых. Отдельные аспекты, связанные с церковным правом, но главным образом с его богословским пониманием, были освещены в работах протоиерея Сергия Николаевича Булгакова (1871–1944), протопресвитера Александра Дмитриевича Шмемана (1921–1983) и протопресвитера Иоанна Феофиловича Мейендорфа (1926–1992). Настоящим историком церковного права и канонистом в Русском зарубежье стал профессор Свято-Сергиевского Богословского института в Париже протопресвитер Николай Николаевич Афанасьев (1893–

¹¹⁰ *Медведев И.П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения // Исторические записки. № 3 (121). М., 2000. С. 30–47.

¹¹¹ Там же.

1966). В молодости Н.Н. Афанасьев не успел завершить курс Новороссийского Императорского университета по причине начавшейся Первой Мировой войны. Будущий ученый прошел ускоренный курс Сергиевского Артиллерийского училища в Киеве и был выпущен прапорщиком запаса, однако служил он в береговой артиллерии, а не в полевой армии. В годы Гражданской войны Н.Н. Афанасьев принимал участие в борьбе с большевиками, а после эвакуации Русской армии генерал-лейтенанта П.Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г. оказался в эмиграции. С 1921 по 1925 г. Н.Н. Афанасьев учился на богословском факультете Белградского университета. По окончании обучения он преподавал Закон Божий в женской гимназии в Скопье, а с 1930 г. являлся стипендиатом Свято-Сергиевского Богословского института в Париже. В этот период Н.Н. Афанасьев готовил диссертацию на тему «Государственная власть и вселенские соборы». 8-го января 1940 г. Н.Н. Афанасьев, преподававший с начала 1930-х гг. церковное право в Богословском институте, был рукоположен в иерея. С этого времени и вплоть до самой кончины он занимался разработкой теоретических вопросов, связанных с развитием канонического права в Византии, рассматривая его в контексте евхаристической экклесиологии. Основные научные выводы протопресвитера Николая Афанасьева изложены в таких его работах, как: «Авторитет государства и вселенские соборы» (издана на сербском языке в Скопье в 1927 г.), «Провинциальные собрания Римской империи и Вселенские соборы», «Две идеи Вселенской церкви»,¹¹² «Неизменное и временное в церковных канонах»,¹¹³ «Границы Церкви»,¹¹⁴ «Апостол Петр и римский епископ»,¹¹⁵

¹¹² Афанасьев Н.Н. Две идеи Вселенской церкви // Путь 45 (1934).

¹¹³ Афанасьев Н.Н. Неизменное и временное в церковных канонах // Живое Предание. Париж, 1937.

¹¹⁴ Афанасьев Николай, прот. Границы Церкви // Православная мысль. Вып. 7. 1949.

¹¹⁵ Афанасьев Николай, прот. Апостол Петр и римский епископ // Православная мысль. Вып. 10. 1955.

«Евхаристия, основная связь между католиками и православными»,¹¹⁶ «Церковь Духа Святого».¹¹⁷

В 1934 г. в СССР были восстановлены исторические факультеты университетов. Разумеется, ни о каком самостоятельном изучении церковного права или церковной истории нельзя было и помыслить. В 1930-е гг. было даже запрещено ссылаться на научные труды крупнейших церковных историков, таких как В.В. Болотов или А.П. Лебедев. Преподавание истории было подчинено классовому формационному подходу и историческому материализму. В этих условиях для исследователей-медиевистов или византинистов, желавших заниматься церковно-историческими источниками, оставался единственный выход: посвятить свои занятия дозволенным темам, например, социально-экономическим отношениям, рассматривая источники, связанные так или иначе с церковной историей, с марксистских позиций или, насколько это было возможно, всячески имитируя эти позиции и «классовый подход». Ярким примером такого подхода являются труды советского византиста Митрофана Васильевича Левченко (1890–1955), который сочетал глубокие знания древних языков и источников по истории ранневизантийского времени, полученные еще до революции в стенах Нежинского Историко-филологического института, с официально предписанной марксистской методологией. В 1945 г. усилиями М.В. Левченко на историческом факультете Ленинградского университета была организована единственная в стране кафедра византиноведения. К работе на кафедре были привлечены еще оставшиеся специалисты по истории христианского Востока, в частности Нина Викторовна Пигулевская (1894–1970). После кончины Ольги Антоновны Добиащ-Рождественской (1874–1939) специалистов по истории Западной церкви и латинского канонического права в Средние века

¹¹⁶ *Afanasieff N.* L'Eucharistie, principal lien entre les catholique et les Orthodoxes, dans *Irenikon*. 1965. N 3; P. 3.

¹¹⁷ *Афанасьев Николай*, прот. Церковь Духа Святого. Париж, 1974.

в России практически не осталось. Во второй половине XX столетия, после того как существовавшая в СССР медиевистика вырвалась из международной изоляции в результате «оттепели» 1950-х гг. и в последующие годы, церковно-историческая и церковно-юридическая проблематика продолжали оставаться на периферии научных исследований по идеологическим причинам. Такое застывшее «оледенелое» состояние объяснялось, прежде всего, подневольным, рабским положением исторической науки в СССР. Это состояние, разумеется, выразительно, даже гротескно подчеркивало контраст между творческой свободой и расцветом научного потенциала, имевшего место в дореволюционной России, и удушливой духовной атмосферой советской действительности. По словам Г.Е. Лебедевой, «Когда А.П.Лебедев, профессор Московской Духовной Академии и Императорского Московского университета, выдающийся историк церкви, первый историограф этой дисциплины русского богословия, писал о том, что в последней трети XIX в. церковно-историческая наука становится “действительной наукой” и “что у нас в России она вышла за стены учебных заведений и сделалась явлением общественного значения”, в его словах не было преувеличения. Тем не менее ни имени самого А.П. Лебедева, ни имен большинства его коллег мы не встретим в историографических исследованиях. Даже у таких эрудированных историографов, как О.Л. Вайнштейн, З.В. Удальцова, Е.В. Гутнова, безусловно, прежде всего в силу цензурных соображений советского времени, сочинения историко-церковного характера, как правило, или уступаются беглой и нелестной оценке, противопоставляясь работам, так сказать, советской школы, или вовсе игнорируются».¹¹⁸ На фоне подобного удручающего состояния византиноведения подлинное научное творчество зачастую подменялось имитацией. По замечанию И.П. Медведева,

¹¹⁸ *Лебедева Г.Е.* Русская церковная византистика конца XIX — начала XX в. как историографическое явление // <http://www.mitropolia-spb.ru/rus/conf/bolotov2000/dokladi/lebedeva.html>.

«при этом считалось само собой разумеющимся, что если историк-византинист является гражданином СССР и трудится в государственном учреждении, то он не может быть никем иным, кроме как историком-марксистом, и как таковой обязан был подходить к изучению Византии с марксистских, т. е. с классовых позиций, раскрывать на византийском материале закономерности феодального способа производства, исходить в своих работах из марксистско-ленинского учения о периодизации истории, о делении ее на социально-экономические формации. Ясно, что такая откровенная заданность и “ангажированность” низводила византиноведение (как, впрочем, и любую другую область исторического знания) до роли *ancilla ideologiae* (служанки идеологии). Начинается бесконечная череда квазинаучных дискуссий с постановкой приоритетных отныне “основных теоретических проблем”, пухлых коллективных трудов “обобщающего характера”, и т. д. (любопытно, что именно с увесистыми томами коллективных трудов “обобщающего характера” стало отождествляться в СССР понятие “фундаментальной науки”)... Претерпела изменение (в сторону упрощения и обеднения) сама “технология” исторического исследования как такового: из выше охарактеризованной “иерархии исследовательских процедур” фактически выпало ключевое звено, связанное с самостоятельным поиском нового, еще “сырого” материала “первоисточников” (считаю этот термин вполне оправданным), с обследованием рукописных и архивных фондов с целью выявления неизвестных текстов, с критическим их изучением и введением в научный оборот. Оказалась, таким образом, подрубленной сама корневая система русской византистики. Вынужденные работать почти исключительно на опубликованных уже кем-то материалах, советские византилисты в массе своей (об исключениях скажем позже) утратили всякие навыки и вкус к археографической деятельности, не используя в своей работе даже те возможности, которые представляли им богатейшие отечественные собрания (впрочем, задачи, которые перед ними

ставились, и не требовали этого). По необходимости акцент в нашей работе делался не на открытии чего-то нового, в науке еще неизвестного, а на интерпретации (“пересмотре”) уже известного, чаще всего даже и общеизвестного; исследование как таковое подменялось более или менее систематизированным изложением собранного по иностранным публикациям материала». ¹¹⁹ Несмотря на столь плачевное положение, отдельные аспекты, связанные с отношениями Церкви и государства в Византии, все-таки достаточно подробно и на высоком уровне освещались в 1970–1980-х гг. в работах замечательных российских византистов: Георгия Львовича Курбатова (1929–2003) и Игоря Сергеевича Чичурова (1946–2008). Возрождение исследований греко-римского права и его эволюции в Византии было связано с научной деятельностью выдающихся российских ученых нашего времени: Галины Евгеньевны Лебедевой и Игоря Павловича Медведева. Если Г.Е. Лебедева защитила докторскую диссертацию, посвященную ранневизантийскому обществу по данным «Кодекса Феодосия» и «Кодекса Юстиниана», и специализировалась на изучении ранневизантийского законодательства, то И.П. Медведев занимался научными изысканиями в области поздневизантийского права и эволюцией византийской правовой культуры в эпоху Палеологов. Эти изыскания продолжила Лора Александровна Герд, кандидатская диссертация которой была посвящена византийскому каноническому сборнику Никона Черногорца. Необходимо также упомянуть труды Я.Н. Щапова в области изучения древнерусской «Кормчей книги».

Если возрождение исследований в области греко-римского церковного права в России осуществилось после падения советской власти достаточно зримо, то научное изучение церковно-юридических памятников Западной церкви и история Западной церкви в целом, к сожалению, во многом остаются на периферии

¹¹⁹ *Медведев И.П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения // Исторические записки. № 3 (121). М., 2000. С. 30–47.

отечественной медиевистики. Некоторые аспекты истории канонического права на латинском Западе были освещены благодаря научным изысканиям протопресвитера Виталия Борового (1916–2008), который опубликовал в «Журнале Московской патриархии» в 1960 г. статью, посвященную *Collectio Avellana* и ее значению для характеристики церковно-государственных отношений в раннее Средневековье.¹²⁰ В общем курсе «Церковного права» протоиерея Владислава Цыпина также дан обзор источников канонического права, как греко-римского и византийского, так и западного средневекового. К сожалению, этот обзор составлен в первую очередь на основании данных отечественной историографии конца XIX в. Многие из этих данных при всех выдающихся достижениях российской церковной предреволюционной историографии неизбежно устарели. Среди специальных работ новейшего времени по истории отношений Церкви и общества в древнем Риме необходимо в первую очередь отметить замечательную диссертацию диакона Александра Евгеньевича Мусина на соискание ученой степени кандидата богословия под названием «Церковь, общество, власть». В 2004 г. была опубликована монография В.В. Солодовникова, посвященная истории галльских соборов в эпоху Меровингов.

В Греции историко-каноническая школа по изучению византийского церковного права зародилась еще в XIX в. Именно тогда в Афинах стараниями Раллиса и Потлиса было опубликовано полное издание «Синтагмы» канонов в шести томах, включавшее: «Номоканон XIV титулов», комментарии к нему Вальсамона и Зонары, комментарии Аристина к «Синописису канонов», канонические ответы и «церковные главы» Вальсамона, постановления константинопольских патриархов среднего и позднего византийского времени, императорские новеллы, касающиеся

¹²⁰ Боровой Виталий, прот. *Collectio Avellana* как исторический источник (к истории взаимоотношений Востока и Запада в конце V и начале VI вв.) // Богословские труды. Т. 1. М., 1960. С. 111–139.

церковной жизни, алфавитную «Синтагму» Матфея Властаря. Это издание опиралось не столько на рукописную традицию, сколько на европейские старопечатные издания XVI–XVII столетий, в частности на публикации И. Леунклавия, Г. Бевереджа и Христофора и Анри Жюстелей. Подлинный расцвет греческой историко-канонической школы осуществился во второй половине XX в. и был связан с такими специалистами в области греко-римского права, как Икономидис, С. Троянос и В.И. Фидас.

В настоящее время как перед церковной историографией в целом, так и перед исследователями канонического права в частности стоят, на наш взгляд, три основные задачи. Первая задача представляется в значительной степени чисто академической. На современном этапе изучения церковно-юридической литературы и источников канонического права раннего Средневековья основной корпус памятников уже известен, издан и даже в значительной степени осмыслен. Все-таки научная церковно-историческая традиция насчитывает уже, без малого, шесть веков. В связи с этим основополагающей целью любого исследователя, занимающегося историей древней Церкви, ее институций и канонического строя, является выявление рецепции древнейших принципов церковной организации в последующую средневековую эпоху. История и развитие канонического права примечательны именно тем, что в рамках этого права нормы и установления, принятые, например в IV столетии, сохраняли свою актуальность, спустя много веков. Они подвергались систематизации, новым комментариям, однако универсальность этих установлений отражала вселенский всеобщий характер христианской Церкви. Постановления какого-нибудь Анкирского собора или Карфагенского собора, о живых участниках и о деятельности которых церковное сознание уже давно забыло, оживали в «Декреталях» Григория IX в средневековой Италии или в древнерусской «Кормчей». С этой точки зрения мы должны сделать вывод о том, что история права вообще, и средневекового права в частности, не вполне вписывается

в традиционные позитивистские методы исторического исследования. Основой подобных методов является принцип научной, внутренней и внешней критики источника с целью выявления новых исторических фактов. Подобный метод прекрасно применим не только при анализе нарративных исторических источников, но, например, и в исторической литургике. По мнению крупнейшего литургиста и специалиста в области истории византийского богослужения иеромонаха Михаила Арранца (1930–2008), которое он высказывал в курсе лекций, литургист должен избегать синтеза и обобщающих сравнений тех или иных памятников. Он должен, прежде всего, всесторонне исследовать конкретный источник, а сравнения богослужбных чинопоследований и традиций возможно предпринимать лишь в очень общем контексте, только на первый взгляд. Историческая канонистика, или, лучше сказать, история церковно-юридических памятников в Средние века, напротив, представляется дисциплиной, предполагающей систему и универсальность. В противном случае это уже не история права, а вспомогательная отрасль обычной церковной историографии. Для более глубокого постижения правовой истории и теории, необходимо изучить и осмыслить то, как воспринимали и как осмысливали нормы и установления церковного права в различные эпохи, ибо, по словам монсеньора Э. Корекко и кардинала П. Эрде, каноническое право — это богословская дисциплина, применяющая юридический (а также, добавим от себя, исторический) метод. С этой точки зрения для адекватного изучения канонического права в древности и в Средние века необходимо философски осмыслить его в контексте развития средневековой религиозной культуры. Именно поэтому правовые источники требуют постоянного возвращения к ним, непрерывной рефлексии над ними. Любое право — это попытка объять историческую эмпирическую сторону жизни, которую предлагает внешний материальный мир, при помощи идеального императива, основы которого всецело определяются мирозерцанием законодателя и соответствием

этого мирозерцания метафизической реальности. Тем более это положение применимо к церковному праву, которое представляет собой попытку — попытку, впрочем, исторически не всегда удачную — выразить универсальный евангельский императив на конкретном историческом языке закона, регламентирующего общественные и человеческие отношения. Как отмечает Г.Е. Лебедева, правовые ранневизантийские источники в конечном итоге стали основой всей европейской правовой системы, и любой медиевист неизбежно вынужден возвращаться к ним.

Вторая задача, стоящая ныне перед исследователями истории церковного права в Средние века, может быть обозначена как культурно-общественная. Традиционно российское византиноведение, как, впрочем, и медиевистика не только отражали в своем развитии основные тенденции, характерные для русской общественной и исторической жизни, но в известном смысле даже определяли эти тенденции. Подобным общественным значением западноевропейская церковная историография обладала в конфессиональную эпоху XVI–XVII столетий. Как известно, в конце XIX в. отечественное византиноведение, прежде всего в лице Федора Ивановича Успенского, стало общественным явлением, влияние которого простиралось далеко за пределы академических учреждений и ощущалось в самых различных инициативах российского Министерства иностранных дел.¹²¹ По словам И.П. Медведева, «Зарубежные коллеги стремились к установлению тесных контактов с русскими учеными, были частыми гостями в Петербурге. В архивах Петербурга хранится множество писем выдающихся зарубежных византинистов с обсуждением актуальных научных проблем (нередко это целые микротрактаты), с изложением всевозможных просьб о предоставлении научных материалов, разного рода консультаций, о содействии в получении доступа к рукописным хранилищам христианского Востока (эта

¹²¹ Герд А.А. Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.

функция русских ученых — выступать в роли знатоков рукописных сокровищ христианского Востока и экспертов при выявлении нужных материалов — особенно ценилась в Европе), с выражением благодарностей за оказанную помощь. Немало было попыток наладить международное сотрудничество в области византиноведения, в котором русским ученым отводилась отнюдь не второстепенная роль».¹²²

Российское византиноведение, в первую очередь церковное, было на рубеже XIX–XX вв. своеобразным символом и зримым проявлением культурного правопреемства по отношению к Византии и имперского статуса России на христианском Востоке. Политически этот статус был подтвержден, несомненно, в 1878–1879 гг. на полях последней Русско-турецкой войны.¹²³ Успехи византиноведческих штудий, всемирное значение которых признавали крупнейшие западноевропейские ученые, например К.Крумбахер или Цахарие фон Лингенталь, в значительной степени служили внешнему авторитету российского общества и культуры, Церкви и государства. Эти успехи способствовали также укреплению идей «византизма» в российском общественном сознании, пламенным проповедником которых стал Константин Николаевич Леонтьев. В то же время значение западной церковной медиевистики в российском обществе рубежа XIX–XX вв. было иным. Российская медиевистика возникла значительно позднее медиевистики европейской¹²⁴ и была, казалось бы, обречена на то, чтобы стать в отличие от византиноведения «ученической», поверхностной отраслью исторического знания. Однако этого не произошло в XIX столетии, ибо западноевропейская средневековая

¹²² *Медведев И.П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения // Исторические записки. № 3 (121). М., 2000. С. 30–47.

¹²³ Боевые действия между Российской Армией и турецкими войсками в 1915–1918 гг. на Кавказе и на Добруджанском фронте стали эпизодом Первой Мировой войны, хотя они открывали перед Россией широчайшие политические и культурные перспективы.

¹²⁴ Если В.Г.Васильевский и К.Крумбахер были современниками, то Т.Н.Грановского от А.Муратори или от Ж.Сирмонда отделяли один–два века.

история, ее богатейший материал воспринимались такими российскими медиевистами и мыслителями, как историк Тимофей Николаевич Грановский и философ Петр Яковлевич Чаадаев (1794–1856), в качестве серьезного повода для размышлений и дискуссий, касающихся самобытной русской истории и современности. Знаменитый и знаковый для российской общественной жизни философский спор западников и славянофилов был непосредственно спровоцирован подобными историософскими размышлениями. Проблемы истории западного христианства и западного Средневековья осмыслялись учениками Т.Н. Грановского или М.И. Горчакова, как, впрочем, и ранними славянофилами, сквозь призму русского исторического опыта с целью внутреннего усовершенствования самобытных сторон общественной жизни. Лекции Т.Н. Грановского и его единомышленников по истории западноевропейского Средневековья во многом стимулировали развитие традиции русского либерализма, которая принесла свои замечательные плоды в эпоху Великих реформ Александра II в лице, например, таких общественных деятелей, как Алексей Михайлович Унковский (1828–1893). Российская медиевистика как специальная дисциплина вышла на европейский уровень в лице таких последователей идей Т.Н. Грановского, как Владимир Иванович Герье (1837–1919) или Павел Гаврилович Виноградов (1854–1925). Однако неопределимое культурное и мировоззренческое влияние российской медиевистики на внутреннее развитие отечественной общественной мысли проявилось в полной мере в конце XIX столетия в творческой деятельности Владимира Сергеевича Соловьева. В 1890-х гг. философ, который во многом разочаровался в перспективах развития русского общества после Великих реформ и утратил надежды на реализацию своей утопической теократической идеи объединения Православной и Римско-католической церковью на почве «симфонии» Римского папы и Российского императора, с горечью констатировал окружавшее его плачевное общественное состояние. «Но организации

общественной, — писал мыслитель в 1894 г., — т. е. прочного союза свободных индивидуальных сил, солидарно и сознательно действующих для улучшения народной жизни, для национального прогресса, — такой организации или лучше сказать, свободной координации деятельных сил у нас не существует, а следовательно, нет и общества в настоящем, положительном смысле слова. Существует под именем общества хаотическая бесформенная масса с непрочною и случайною группировкою частей, с отдельными случайно возникающими и бесследно исчезающими центрами, с разрозненною и бесплодною деятельностью. Такое неустановившееся, подготовительное состояние продолжается уже тридцать лет... Наше общество не только не пошло вперед, но сделало такой огромный шаг назад, что нельзя даже сказать, зачем оно существует».¹²⁵ Долгое время В.С. Соловьев связывал внутренний кризис Российского общества и церкви именно с «византизмом» — духовным параличом, отделившим повседневную бытовую жизнь от деятельного влияния христианской веры, запиравшим благочестие в монастырских стенах, и возлагал надежды на западноевропейский средневековый идеал христианской теократии, впрочем, также исторически не реализовавшийся. В значительной степени именно поэтому друг и ученик философа князь Евгений Николаевич Трубецкой посвятил одно из первых своих философских сочинений историко-правовой проблеме формирования религиозно-общественного идеала западного христианства. Если в первой части этого выдающегося произведения автор анализировал общественные и правовые идеи Блаженного Августина, то во второй части он подробно остановился на рассмотрении такого центрального для западноевропейского средневековья канонического конфликта, как борьба за инвеституру в XI в., а также

¹²⁵ Соловьев В.С. Народная беда и общественная помощь. — Цит. по: Трубецкой Е.Н. Мирозерцание Владимира Соловьева. М., 1913. Т. II. С. 11. — Слова философа, высказанные еще сто лет назад, представляются нам тем более едва ли не самым точным определением для характеристики состояния современной российской общественной жизни.

на мировоззренческих причинах этой борьбы. Работа Е.Н. Трубецкого на современном этапе является единственным серьезным произведением российской историографии, посвященным борьбе за инвеституру и ее предпосылкам. Размышление над истоками религиозно-общественного идеала западного христианства стимулировало изучение средневековой религиозности и духовной культуры. С этой точки зрения Е.Н. Трубецкой предвосхитил творчество таких выдающихся российских медиевистов и философов, как упоминавшиеся Л.П. Карсавин и Г.П. Федотов. Подобным же образом творческий путь и мирозерцание В.С. Соловьева, в частности его обращенность к средневековой западноевропейской религиозности и историческому опыту, во многом повлияли на последующую эволюцию русской общественной мысли. Они предопределили развитие как русской религиозной философии в лице Дмитрия Сергеевича Мережковского и протоиерея Сергия Булгакова, так и русской культуры Серебряного века в лице того же Д.С. Мережковского, Зинаиды Гиппиус или Александра Блока. Несомненно, что «Испанские мистики» и «Реформаторы» Д.С. Мережковского, как, впрочем, и «Роза и Крест» Александра Блока отражали те самые символы европейской средневековой духовной жизни, которые ожили в русской культуре начала XX столетия во многом благодаря идеям Владимира Соловьева и научным изысканиям отечественных медиевистов.¹²⁶ Эти персонажи-символы европейского Средневековья и Ренессанса: рыцари и конквистадоры,¹²⁷ Фаусты и дон Жуаны, Дапертутто и Коломбины¹²⁸ —

¹²⁶ Точно таким же образом российское культурное сообщество начала XX в. отзывалось на достижения отечественного востоковедения. В частности, научные сочинения Бориса Александровича Тураева по египтологии, исследования Владимира Казимировича Шилейко в области ассириологии и шумерологии, его поэтические переводы шумеро-вавилонского эпоса нашли свое отражение в творчестве одаренных современников: Александра Блока (драма «Рамзес») и Анны Ахматовой (поэма «Энума элиш», переводы древнеегипетской поэзии).

¹²⁷ Персонажи стихотворений Николая Гумилева («Путь конквистадора»).

¹²⁸ Театральные персонажи постановок петербургских театров 1910-х гг., отраженные Анной Ахматовой в «Поэме без героя», персонажи драмы Александра Блока «Балаганчик».

настолько органично прижились в русской петербургской культуре и литературе, стали в ней настолько своими, что без них помыслить себе отечественное культурное и духовное пространство уже невозможно, как невозможно его представить без Петербурга...¹²⁹

Развитие отечественной медиевистики в послереволюционное время мало чем отличалось от судеб византиноведения. В отличие от последнего, медиевистика не была, на первый взгляд, столь тесно связана с богословскими дисциплинами. Поэтому ей отводилось в преподавании истории с 1934 г. значительно большее место. Однако после кончины Е.Н. Трубецкого от тифа в оборонявшемся Добровольческой Армией Новороссийске в марте 1920 г., изгнание А.П. Карсавина и Г.П. Федотова, два года спустя, положило конец развитию школы медиевистики, которая занималась средневековой западной религиозностью и историко-правовыми вопросами, связанными с историей Западной церкви. Медиевистика в СССР выполняла те же функции *ancillae ideologiae*, что и советское византиноведение, разумеется, никак не влияя на общественные и культурные процессы.

Исходя из вышеизложенного, следует признать, что будущее развитие российской медиевистики как общественного и культурного явления станет возможным лишь в том случае, если будет

¹²⁹ Вы ошиблись, Венеция дождей — это рядом,
Но маски в прихожей, и плащи и жезлы и венцы,
Вам сегодня придется оставить,
Вас я вздумала нынче прославить,
Новогодние сорванцы...

Анна Ахматова

Неслучайно то, что Анна Ахматова спустя много лет признавала своим двойником Коломбину — героиню итальянского средневекового фольклора, воплотившуюся на театральной сцене благодаря таланту Ольги Афанасьевны Глебовой-Судейкиной.

Ты в Россию пришла ниоткуда,
О мое белокурое чудо,
Коломбина десятых годов,
Что ты смотришь столь смутно и зорко,
Петербургская кукла, актерка,
Ты один из моих двойников...

(Ахматова А. Поэма без героя, материалы к творческой истории / Издание подготовлено Н.И. Крайневой. СПб., 2009. С. 8785, 883).

восстановлено ее духовное правопреемство с дореволюционной научной и религиозно-философской традицией. Обеспечить это преемство сможет лишь полноценное возрождение религиозно-философского и церковно-исторического дискурса в отечественной исторической науке.

Третьей задачей современного изучения памятников церковного права и средневековой церковной истории, несомненно, является реализация ее церковного предназначения. Профессор Мюнхенского университета П. Иоанну, предварил свое замечательное издание византийской «Синтагмы» канонов девизом: *τη μητρί εκκλησία, τῷ ἀποστολικῷ θρόνῳ*.¹³⁰ Такое выдающееся интеллектуальное приношение, пожертвованное Римской церкви одним из ее верных чад, заставляет испытывать чувство неподдельного уважения и восхищения перед научной традицией Папских университетов. В связи с этим ничто не мешает верным чадам Православной Российской церкви служить своей *matri spirituali* подобным же образом. Восприятие научного поприща как благородного служения, характерное, в частности, для лучших представителей российской церковно-исторической науки, необходимо русским православным христианам в начале XXI в., но не в целях межконфессиональной конкуренции, а, напротив, для того, чтобы способствовать исполнению заповеди Христовой о христианском единстве. Путь церковного историка, как и всякого другого историка, — это путь поиска истины, путь взыскания, жажды и голода в отношении исторической правды.¹³¹ Путь церковного историка — это путь, предполагающий отказ от суетных национально-патриотических или даже узкоконфессиональных выгод и целей. Историк должен умерщвлять свое свободное время, которое он тратит на свои исследования, ради универсальной вселенской истины, следуя словам апостола Павла, которые Е.Н. Трубецкой избрал эпиграфом к своей работе о творчестве и мирозерцании

¹³⁰ Матери церкви, апостольскому престолу.

¹³¹ *Мусин Александр*, диак. Блаженны ачущие // <http://www.krotov.info/spravki/persons/21person/musin.html>.

Владимира Соловьева: «Те еже сееши, не оживет, аще не умрет» (I Кор. 15, 36).

Antiquam requirite matrem — призывал всякого историографа Л. Муратори. Следовательно, путь к исторической истине, в конечном итоге, всегда предполагает путь ко Христу, к вселенскому единству христиан в Церкви. Острую значимость этого воссоединения осознал еще В.С. Соловьев, который, однако, в конце своей жизни пришел к выводу о том, что это событие произойдет в конце истории у последней черты во имя Христа для духовного противостояния антихристу. В поисках путей воссоединения и заключается экуменическая значимость церковно-исторических исследований для христианина, которые, надо надеяться, способствуют обретению видимого единства Церкви, которое незримо уже осуществляется в Евхаристии. Неслучайно протопресвитер Николай Афанасьев писал в эмиграции: «Связи между католической и православной церквями никогда окончательно не разрывались и продолжают существовать до сих пор. Сущностной связью между ними является Евхаристия. Несмотря на разделение между [Римской и Восточной] церквями, несмотря на столкновения, которые иногда носили очень острый характер, мы никогда не отрицали действительности Евхаристии друг у друга¹³² и, следовательно, действительности священства, которое включено в Евхаристию... По своей природе Евхаристия одна во времени и пространстве и не может быть разделена, потому что Тело Христово неделимо. Евхаристия, где бы и когда бы она ни совершалась, всегда остается той же самой. Множественность совершаемых Евхаристий не устраняет этого единства, так же как множественность местных церквей не отменяет единства Церкви Божией. В экклезиологии единство и множественность не устраняют, а дополняют

¹³² Речь идет здесь о том, что полнота Православной церкви никогда не отрицала действительность католической иерархии и Евхаристии, несмотря на местные крайности, обусловленные духом времени (патриарх Филарет (Романов), Кирилл III, патриарх Константинопольский). Соответственно, и Римская церковь в лице своих первосвященников всегда признавала таинства Православной церкви.

друг друга. Когда мы принимаем участие в Евхаристическом собрании, мы едины со всеми теми, кто в это время также участвует в Евхаристическом собрании, и не только в собраниях православной, но и католической церкви, поскольку всегда и везде совершается одна и та же Евхаристия: Христос “вчера и сегодня и вовеки — Тот же”. Вот почему Евхаристия — не просто связь между католической и православной церквями, но и выявление единства церквей. В наше время большинство христиан глубоко переживает трагедию разделения церквей. Да, это наша трагедия, последствие нашего греха. Однако не нужно преувеличивать значение этой трагедии, и тем более, не нужно испытывать чувство безнадежности. Нужно помнить, что наше разделение, даже вызванное догматическими различиями, имеет лишь канонический характер. Это разделение существует, но на поверхности жизни церкви, и никогда не простирается в глубину».¹³³ Приведенное выше пространное свидетельство одного из крупнейших православных богословов XX в. служит для историка-христианина духовной поддержкой и ободрением на его пути. Вместе с тем адекватное понимание того, каким образом развивались церковные институты в эпоху, сопровождавшую «геласиевское возрождение», осознание того, что именно привело в итоге к Великой схизме 1054 г., возможно лишь в том случае, если изучающий их ученый в достаточной мере исследует генезис идеи папского первенства в древней Церкви, выраженный Геласием.

¹³³ *Afanassieff N.* L'Eucharistie, principal lien entre les catholique et les Orthodoxes, dans *Irenikon*. 1965. N 3. P. 3.

РАЗВИТИЕ ИДЕИ ПЕРВЕНСТВА РИМСКОГО ЕПИСКОПА В РАННЕВИЗАНТИЙСКУЮ ЭПОХУ И «ГЕЛАСИЕВСКАЯ» ЭККЛЕСИОЛОГИЯ

История формирования учения о первенстве Римского епископа представляет собой чрезвычайно сложный предмет исследования. Сложность эта обусловлена, прежде всего, тем духовным, религиозным значением, которое приобрело это учение с течением веков. Вопрос о папском первенстве никогда не был отвлеченно-научным, но всегда находился в непосредственной зависимости от богословских и идейных споров. Именно поэтому, несмотря на богатейшую историографическую традицию изучения источников, связанных с историей Римской церкви, вопрос о папском примате или первенстве в древней Церкви относится к числу наиболее дискуссионных.

Совершенно естественно, что церковная историография, формирующаяся в научных учреждениях Римско-католической церкви, начиная с XVI в. развивалась в апологетическом направлении. В эпоху конфессионального раскола Европы (1519–1648) такие ученые-эрудиты, как кардинал Ц. Бароний, Ж. Сирмонд, отстаивали принцип папского примата и авторитета, опираясь на древние памятники канонического права. К середине XVII столетия протестантские полемисты добились определенных успехов в борьбе против ультрамонтанства, в частности они доказали апокрифический характер многих документов, входивших в состав «Псевдо-Исидоровых декреталий». Но протестанты так и не смогли опровергнуть саму идею папского первенства, ясно изложенную во многих древних церковных памятниках. В XIX столетии научная полемика, касавшаяся истории папского первенства, разгорелась с новой силой. В частности, католические ученые (такие как

монсеньор К. Гефеле, Ф. Маасен, аббат Л. Дюшен) достаточно убедительно обосновывали существование первенства Римской церкви уже в IV–V столетиях. Протестантские исследователи, в частности А. фон Гарнак, а вслед за ним и некоторые православные церковные историки — прежде всего В.В. Болотов и А.П. Лебедев — стремились минимизировать значение этого первенства. Они старались показать его правовую относительность и вариативность во времени. При этом вполне закономерно то, что сторонники ультрамонтанской точки зрения ссылались в первую очередь на источники римского происхождения, такие как: *Liber Pontificalis* или декреты римских епископов, а защитники антипапской позиции искали обоснования своих взглядов в деяниях различных соборов, прежде всего греко-восточных и северо-африканских, а также в мнениях ряда восточных отцов Церкви.

В XX столетии в историографии были выработаны три взгляда на эволюцию и характер первенства Римского епископа в ранневизантийскую эпоху, которые существуют по сей день. Приверженцы первого, среди которых следует упомянуть П. Баттифоля, П. Иоанну, монсеньора Маккарроне, отстаивают традиционную ультрамонтанскую позицию.¹ Исходя из этой позиции Римский епископ уже в IV–VI вв. обладал не только первенством чести, но и реальным авторитетом, который был юридически признан и который делал Рим гарантом сохранения православной и католической веры. Этот авторитет означал, что согласие и утверждение Рима становится условием для претворения в жизнь любого соборного решения. Этот авторитет существовал в христианской Церкви с апостольских времен, ибо был видимым правовым проявлением обетования Иисуса Христа, данного апостолу Петру (Мф. 16, 17–19). Этот авторитет зиждется, кроме того, на общецерковном почитании места мученичества апостолов Петра

¹ *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.) / *Fonti fasc. IX* (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I, II. Roma, 1962, passim.

и Павла в Риме и является также гарантом догматического единства и канонической целостности Церкви. Последующий отказ от признания авторитета Римских архиереев на Востоке в IX и XI столетиях был будто бы обусловлен зависимостью Византийской церкви от императорской власти, которая воспринимала Константинопольскую кафедру как имперскую и, следовательно, расценивала ее епископа как Вселенского патриарха Нового Рима.

Подобная концепция, отражающая римско-католическую юридическую экклесиологию, стала объектом полемики тех церковных историков и канонистов, которые придерживаются православной евхаристической экклесиологии. По мнению таких православных ученых, как С. Троянос, В.И. Фидас, протопресвитер Борис Бобринской, протоиерей Максим Козлов, Ж.Ф. Колосимо, авторитет Римского епископа действительно существовал с апостольских времен, но лишь в качестве первенства чести, связанного с политическим и историческим значением города Рима. Был ли апостол Петр епископом Рима — доподлинно не известно, но, напротив, хорошо известно, прежде всего благодаря Игнатию Антиохийскому, то, что христианская Церковь с первых веков представляла собой единство равноправных поместных общин, епископы которых пребывали друг с другом в евхаристическом общении. Это общение выражалось в совместном причащении при сослужении, а также в молитвенном заочном поминовении во время литургии. «Кафоличность» — качество, выражавшее всеобщий характер Церкви, объединенной вокруг ее Основателя, — выражалась именно в этом общении, во всеобщем характере евхаристии, а не в признании авторитета Римского епископа. Римская церковь воспринималась на Западе как центр и глава церковной организации только в силу того, что эта церковь единственная на латинском Западе имела апостольское происхождение.²

² *Козлов Максим*, прот. О папском примате и папской непогрешимости // Православная беседа. № 3. 1994. — Также см.: *Никодим (Милаш) епископ*. Правила Православной церкви с толкованиями. Т. I, II. СПб., 1911, *passim*.

Противоположность между указанными позициями заключается, на наш взгляд, не столько в различной методологии исследования исторических источников, сколько в противоположном богословском понимании того, как должна развиваться церковная организация и как это развитие осуществлялось в прежние века. Здесь имеет место традиционная полемика между римской и, условно говоря, сирийской (антиохийской) богословскими традициями. Истоки этого спора в действительности следует искать в Новом Завете: уже апостолы вели полемику между собой о том, кто будет сидеть одесную Иисуса Христа, а кто ошуюю. Поэтому наиболее взвешенной представляется позиция, которую занимают такие французские историки, как Ш. Пьетри и Б. Бадеван-Годме. Их выводы, основанные на доскональном знании первоисточников, сводятся к следующему: реальное, а не фиктивное, первенство Римского епископа в первые века христианства — исторический факт, однако это первенство не предполагало еще повсеместного признания юридического авторитета и юрисдикции Римского архиепископа. Этот авторитет подспудно осознавался и в Италии, и в некоторых других западных провинциях империи. Он был воспринят даже императорской властью после обращения Константина. Разумеется, подобное признание римского первенства имело уже тогда глубокие религиозные, духовные основы, связанные с почитанием первоверховных апостолов, ибо странно было бы предполагать, чтобы одно только профаническое политическое значение города Рима определяло внутри церковное положение и место того, кто по выражению св. Климента Римского, «председательствует в любви».³ Однако это «председательство» и авторитет не были еще юридически выражены и нередко недооценивались современниками. Кроме того, на Востоке в христианских общинах Греции, а в особенности же Сирии и Египта, юридический авторитет никогда не имел решающего значения для религиозной

³ *Hemmer H. Les Pères Apostoliques. T. II. S. Clemens de Rome. Paris, 1909. P. 130.*

жизни. Более того, духовный авторитет и харизма в представлении восточных христиан, скорее, исключали любое правовое санкционирование и регламентацию. В связи с этим весьма показательно то, что личный авторитет Нестория и Диоскора привел к отпадению от Кафолической церкви целых народов: сирийцев и малабарцев, коптов и эфиопов, — которое произошло вопреки формальным приговорам вселенских соборов. Следует вспомнить, что на Востоке некоторые поместные церкви: Иерусалимская, Антиохийская, Александрийская, Малабарская — имели апостольское происхождение в той же степени, что и Римская (а христианская община в Эдессе по преданию восходила через царя Абгаря к Самому Иисусу Христу). Именно поэтому, прибегая впоследствии к Римским епископам как к авторитетным в духовном отношении защитникам веры и благочестия, восточные отцы Церкви ни в коей мере не подразумевали, что Римская церковь обладает формальной юрисдикцией над вселенской полнотой христианства.

Исследования в области истории учения о первенстве Римского епископа в ранневизантийскую эпоху в настоящий момент парадоксальным образом осложняются тем, что практически весь корпус источников церковного права IV–V вв. известен и введен в научный оборот. Вероятность обнаружения новых, доселе неизвестных памятников церковного права этого периода, например, чрезвычайно важных в контексте рассматриваемой проблемы, деяний Капуанского собора 392 г. или протоколов Никейского собора 325 г., равна нулю. Во всяком случае, как подчеркивает Б. Бадеван-Годме, серьезный ученый не должен рассчитывать на подобные открытия, которые могли бы сравниться с открытием кумранских рукописей. Указанное обстоятельство предопределяет научную методологию исследователей папского примата, которая, с одной стороны, сводится к герменевтике и интерпретации документов в поисках их исконного смысла, а с другой — к привлечению и анализу широкого контекста общественной жизни ранневизантийского времени, способствующего более адекватному

пониманию источников. В этой ситуации велик риск того, что ученый, рассматривающий проблему эволюции папского первенства в Церкви и в обществе, пойдет по замкнутому кругу уже высказанных кем-то предположений и выводов. Тем не менее, пока существует раскол между Римско-католической и Православной Восточной церквями, историческую проблему развития учения о папском первенстве нельзя считать разрешенной. С этой точки зрения нам представляется необходимым вновь обратиться к этой проблеме и вновь обозначить связанные с ней исторические сюжеты, не спеша, перемещаясь в нашем рассмотрении с Запада на Восток.

Напряженная динамика развития церковных институций в древней Церкви, сложная архитектура исторического процесса христианизации, охватившего Римскую империю и постримское пространство в III–VI вв., в наибольшей степени проявляются на примере взаимоотношений Римской и Карфагенской церквей. Как уже отмечалось выше, северо-африканские христианские общины в целом, и Карфагенская церковь в частности долгое время были в большей степени «западными» по своему языку и по способу мышления, чем Римская церковь. В частности, именно африканский богослов Тертуллиан еще во II в. начал писать на латыни. Латинский язык стал достаточно рано литургическим языком северо-африканских христиан, в то время как в Римской церкви предпочитали пользоваться греческим языком вплоть до понтификата папы Дамаса. Указанное обстоятельство нашло свое отражение, в частности, в «Апостольском предании» св. Ипполита Римского. Карфагенская церковь, по-видимому, не уступала по своим масштабам Римской, если не превосходила ее. При этом, по данным П. Лампе, численность Римской церкви в середине III в. составляла от 10 тысяч до 30 тысяч христиан. Адекватное понимание отношений обеих церквей в ранневизантийскую эпоху возможно при условии понимания логики этих отношений, которая была определена еще в III столетии. На основании текстов

св. Киприана Карфагенского можно сделать вывод о том, что римское первенство чести, председательство в любви, о котором писали еще в I столетии св. Климент Римский и Игнатий Антиохийский, воспринимались в северной Африке, на первый взгляд, как нечто само собой разумеющееся.⁴ В частности св. Киприан недвусмысленно писал пресвитеру Магну о том, что «первенство было доверено Петру, и, разумеется, его преемникам». «Тот, кто оставляет Петрову кафедру, — восклицал св. Киприан в полемике против Новатиана, — на которой основана Церковь, каким образом может он пребывать в Церкви?» И далее: «Церковь одна, невозможно быть внутри Ее, находясь вовне. Если кто-то находится у Новата, его нет у Корнелия. Если же он находится у Корнелия, который наследовал через законное рукоположение епископу Фаббиану, — [в таком случае] Новатиана нет в Церкви, и он не может считаться епископом».⁵

Однако не следует полагать, что за этими словами св. Киприана, констатирующими экклесиологическую данность — председательство и первенство в любви Римского епископа, — скрывалось юридическое признание авторитета Рима в вопросах веры и церковной дисциплины. Подобное мнение было бы упрощением и, более того, непростительным анахронизмом. Ярчайшим подтверждением сказанного является знаменитый конфликт между св. Киприаном и св. папой Стефаном из-за вопроса о действительности еретического крещения. Как известно, св. Киприан созвал в 256 г. собор северо-африканских епископов, на котором каждый из участников высказал свое суждение относительно еретического крещения. Согласно постановлениям собора любое еретическое крещение признавалось недействительным, ибо еретики, как бы они ни совершали свои таинства, пребывают вне канонической ограды Церкви. Каноническая ограда Церкви, таким

⁴ *Lorca B., García Villosada R., Montalban F.J.* Historia de la Iglesia Católica. Madrid, 1964. T. I. P. 310.

⁵ *Hartel.* Sancti Cypriani Carthaginensis Opera / Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum. P. 752, 758.

образом, отождествлялась св. Киприаном с ее сакраментальными границами. На соборе было решено перекрещивать всех еретиков, желающих воссоединиться с Кафолической церковью. Аналогичные решения были приняты в то же время епископами в Антиохии, Сирии и Каппадокии. В этот момент Римский папа св. Стефан выступил против решений Карфагенского собора как противоречащих церковному преданию.⁶ Еще за два года до собора св. Стефан пригрозил отлучением Фирмилиану, епископу Кесарийскому, который хотел перекрещивать еретиков, получивших крещение в своих отделенных общинах. Римский епископ нашел тогда поддержку в лице Дионисия Александрийского. Очевидно, что в Римской церкви господствовало традиционное христианское мнение относительно того, что таинства совершаются Самим Христом и не зависят от личных качеств или мировоззрения служителей. В первую очередь это касалось таинства крещения, условием действительности которого являлась форма, предписанная самим Спасителем (Мф. 19, 28). Впоследствии римская традиция стимулировала развитие общецерковного учения о том, что таинства совершаются *ex opere operato*, а следовательно, в силу самого действия при соблюдении условий, необходимых для правильного их совершения. С этой точки зрения таинство крещения, совершенное в соответствии с правильными условиями, будет действительным даже в том случае, если его совершит некрещеный.⁷

⁶ Denzinger H. Enchiridion symbolorum. Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 23–24.

⁷ Римское богословие таинств стало общецерковным после того, как его принял Арьский собор 314 г., Капуанский собор 392 г. и, наконец, Трульский собор 692 г. Именно признание таинств, совершаемых в еретических церквях, делает осмысленным вариативную трехуровневую практику приема инославных в Православную церковь. Эта практика, развившаяся на Западе, была окончательно утверждена в Византии на Трульском соборе. Впрочем, киприановское учение о границах Церкви, отвергнутое полнотой православия, воскресало в разных формах на Востоке и в более ограниченном масштабе на Западе в последующие века. На Востоке его сторонниками были составители Номокана XIV титулов, включившие в него протокол Карфагенского собора 256 г., Константинопольский патриарх Михаил III Анхиал, патриарх Московский и всея России Филарет (Романов), Константинопольский патриарх Кирилл III. В новейшее время этого учения придерживались А.С. Хомяков, митрополит

Конфликт между Римом и Карфагеном осложнялся тем, что св. Киприан не желал уступать св. папе Стефану и, по выражению Б. Бадеван-Годме, недвусмысленно утверждал, что собор может проявлять несогласие с мнением Римского архиерея. После мученической кончины св. папы Стефана в 257 г. его преемник Сикст, по-прежнему не принимая решений Карфагенского собора, никак не разрешил каноническую дилемму по поводу того, чей авторитет выше для северо-африканских христиан: Римского епископа или поместного собора.⁸ В 259 г. мученическую кончину претерпел и св. Киприан. Дискуссия о принятии еретиков оказалась на время заморожена, дабы вновь стать актуальной в конце IV в. Именно в это время в совершенно иных исторических условиях продолжилась духовная конкуренция Рима и Карфагена. Христианская вера уже приобрела к этому времени государственный статус (Константинопольский эдикт *Cunctos populos*), в силу чего вопрос о первенстве и о принятии еретиков становился вопросом государственной важности. В 392 г. папа Сириций уполномочил св. Амвросия Медиоланского возглавить «полный собор» (*plenaria synodus*) италийских епископов в Капуе для того, чтобы квалифицировать практику перекрещивания еретиков и грешников,

Сергий (Страгородский), митрополит Антоний (Храповицкий) и в ранние годы архиепископ Иларион (Троицкий). Поскольку киприановское учение противоречило практике Православной Российской церкви в отношении принятия инославных, они пытались примирить его с этой практикой, трактуя принятие инославных третьим чином в Православную церковь как икономию, предполагающую «восполнение» недостающей благодати через вхождение в православную каноническую ограду. Однако крупнейшие православные богословы и канонисты, в частности Антиохийский патриарх Федор Вальсамон, Димитрий Хоматиан, архиепископ Охридский, Иоанн, епископ Китрский, а в новейшее время св. Филарет (Дроздов), митрополит Московский, протоиерей Георгий Флоровский, протопресвитер Николай Афанасьев и А.В. Карташев, отвергали киприановское учение о границах церкви. Они убедительно отстаивали православное учение о действительности таинств, совершаемых за пределами православной церковной ограды, утвержденное Римским епископом Стефаном, Трульским собором и богословски обоснованное Блаженным Августином. Подробнее см.: выше, примечание к С. 118.

⁸ *Basdevant-Gaudemet B. Les évêques de la chrétienté et l'évêque de Rome du milieu du III-e au milieu du V-e siècle / Eglise et Autorité, Etudes d'histoire de droit canonique medieval. Limoges, 2006. P. 34.*

распространившуюся в Карфагенской церкви.⁹ Кроме того, собор был должен рассмотреть ересь Боноса Наисского, отрицавшего почитание Девы Марии, и урегулировать антиохийскую схизму между Павлином, ставленником Рима, и Флавианом, преемником местного епископа Мелетия.¹⁰ Сам факт проведения собора свидетельствует о том, что судебные прерогативы Римского епископа далеко превышали границы его собственной епархии. Капуанский собор был организован в соответствии с 4 и 5 канонами Сердикского собора 343 г., принятыми в свое время по инициативе папского легата Осия Корбудского. Эти каноны подтверждали право Римского епископа выступать третейским судьей в спорах, возникающих в той или иной поместной церкви.

По мнению Ш. Пьетри, св. Амвросий Медиоланский провел собор в Капуе, действуя достаточно самостоятельно от Рима.¹¹ К глубочайшему сожалению, деяния Капуанского собора не сохранились. Однако на основании анализа оставшихся документов можно сделать вывод о том, что собор осудил в соответствии с традиционным римским учением о таинствах северо-африканскую практику перекрещивания еретиков и грешников, равно как и практику повторных рукоположений донатистских клириков и православных клириков, впавших в грех. Карфагенская церковь подчинилась решению Капуанского собора на поместном соборе 398 г. К 420 г. африканские епископы включили в «Кодекс канонов Африканской церкви» краткую выдержку из капуанских постановлений.¹² Таким образом, Карфагенская церковь согласилась

⁹ Митрофанов А.Ю. История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006, *passim*.

¹⁰ Документы, в которых подводится итог деятельности Капуанского собора, опубликованы: *Zelzer M. Sancti Ambrosii Opera, Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum 82. Vindobonae, 1990, Т. III, Epistolarum libri X, P. 3–10.*

¹¹ *Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Roma, 1976, Т. II, P. 900.*

¹² «*Illud autem suggerimus mandatum nobis, quod etiam in Capuensi plenaria synodo uidetur statutum, quod non liceat fieri rebaptizationes et reordinationes uel translationes episcoporum. Nam Cresconius uillae Regiensis episcopus plebe sua*

с решениями собора, проведенного по указанию папы Сириция, но без его непосредственного участия. Впрочем, Карфагенские соборы 397 и 401 г. принимали свои каноны независимо от Римского епископа, который отказался утвердить их постановления. Как предполагает Б. Бадеван-Годме, для африканских епископов единство с Римом в вере и в таинствах не означало юрисдикционного подчинения Риму. Спустя десятилетие в 411 г. в Карфагене состоялась встреча африканских епископов для обсуждения донатистской схизмы. Эта встреча также была организована и проведена совершенно независимо от мнения Римской церкви, которая к тому же переживала кризис, связанный с взятием Вечного города Аларихом в 410 г. Возможно, что именно этим тяжелым положением римских христиан и объясняется их незаинтересованность в северо-африканских делах.

Однако в 416 г. Карфагенский собор, созданный по делу донатистов, вновь апеллировал к Римскому папе Иннокентию I с просьбой утвердить его постановления для придания им большего авторитета. В 416 г. Иннокентий I утвердил каноны Милевского собора. Спустя год северо-африканские епископы вновь обратились в Рим с просьбой поддержать их в борьбе против Пелагия. Иннокентий осудил Пелагия вслед за решением северо-африканских собратьев. Однако преемник Иннокентия папа Зосим созвал собор в Риме, на котором реабилитировал Пелагия и Целестия, осужденных северо-африканскими иерархами и предыдущим Римским епископом. В ответ северо-африканские иерархи созвали собор в Карфагене в конце 417 г. при участии Блаженного Августина, на котором отвергли решения папы Зосима, апеллируя при этом к авторитету и мнению почившего Иннокентия. Как справедливо

derelicta Tiburnensem inuasit Ecclesiam, et usque hodie commonitus secundum quod statutum fuerat relinquere eamdem quam inuaserat plebem contempsit...» («Мы присоединяем от нас то постановление, которое, кажется, было определено на Капуанском полном синоде, что не подобает совершать повторные крещения, повторные рукоположения или переводы епископов. Ведь Кресконий, епископ Виллы Регийской, вторгся в Тибурнскую церковь, притом что народ его оказался брошен...») (PL 130. Coll. 335).

указывает Б. Бадеван-Годме, отцы собора стремились обжаловать приговор одного Римского архиерея, ссылаясь на суждение другого.¹³ Подобная ситуация не позволяет ясно понять, имел ли авторитет Римского епископа конкретные юридические рамки, или же он воспринимался северо-африканскими епископами только в качестве той моральной поддержки, к которой можно прибегнуть, но которая ни к чему не обязывает. В мае 418 г. Карфагенский собор, организованный епископом Аврелием, продолжал полемику с Римом. Очередной Карфагенский собор 424 г. развивал эту полемику и принял канон, который запрещал северо-африканским клирикам апеллировать «за море», т. е. к Римскому архиерею, в случае несогласия с приговором поместного собора под угрозой отлучения. «*Vt nullus ad transmarinia audeat appellare*» — так звучал 17-й канон Карфагенского собора 418 г.¹⁴ Собор 424 г. высказался более откровенно. Палатинский кодекс 574 из собрания Ватиканской библиотеки содержит на листах 118v-119r неизданный текст канона вышеупомянутого Карфагенского собора 424 г., который цитировался впоследствии Карфагенским собором 525 г. Неопубликованный документ гласил: «*Vt nullus ad romanam ecclesiam audeat appellare*».¹⁵ Подобное правило, изданное съездом епископов, настолько подрывало исторические принципы юрисдикции Римских архиереев на Западе, что в XVII–XVIII вв. издатели правил Карфагенских соборов не решились публиковать этот подлинный документ.¹⁶ Ф. Лаббе, Г. Коссарт, Ж. Гардуэн, Н. Колети и Ж.Д. Манси, по всей вероятности, справедливо опасались того, что обнародование вышеуказанного древнего канона даст лишний аргумент протестантским полемистам и смутит души благочестивых католиков. Для них очевидным было также

¹³ *Basdevant-Gaudemet B.* Op. cit. P. 43–44.

¹⁴ «Чтобы никто не осмеливался апеллировать за море».

¹⁵ «Чтобы никто не осмеливался апеллировать к Римской церкви».

¹⁶ *Munier Ch.* Un canon inedit du XXe Concile de Carthage: «*Vt nullus ad romanam ecclesiam audeat appellare*», *Vie conciliaire et collections canoniques en occident, IVe — XIIe siècles.* London, 1987. P. 113–126.

и то, насколько подобный канон уже в эпоху, современную его появлению, противоречил 4-му и 5-му канонам Сердикского собора 343 г., подвергшимся вселенской рецепции. Однако решение Аврелия Карфагенского было логическим следствием той ревности, которую африканские иерархи традиционно испытывали к Риму. Как будто сама атмосфера карфагенских руин по некоей необъяснимой исторической инерции снова восстанавливала граждан этого полиса против Вечного города, только теперь не на полях брани, как в древние времена пунийской славы, а уже в недрах христианской Церкви. В противовес решениям Карфагенского собора папа Зосим принял в Риме африканского пресвитера Апиария. Этот клирик, осужденный своим поместным собором, искал защиты у Римского архиерея и обрел ее. Оправдывая вмешательство во внутренние дела Карфагенской церкви, Зосим хотел сослаться на 4 и 5 каноны Сердикского собора, предоставлявшие Римскому епископу права третейского судьи в Кафолической церкви. Однако он допустил ошибку и сослался на один из канонов I Никейского собора, в данном вопросе ничего не значивших. Таким образом, как утверждает Б. Бадеван-Годме, его аргументация пропала даром. Со своей стороны новый Карфагенский собор, выступивший против Зосима, ссылался на 5-й канон I Никейского собора, предписывавший проводить судебную процедуру в отношении клириков на поместных соборах. Спор между Римом и Карфагеном и на этот раз не привел к согласию, однако документы «по делу Апиария» попали впоследствии в *Collectio Auellana* и были усвоены римской правовой традицией. Разразившееся вскоре вандалское нашествие привело к полному разорению Карфагенской церкви, что означало конец упомянутых споров. Карфагенская церковь оказалась единственной церковью латинского Запада, которая, признавая римское первенство чести и любви, принимая даже некий неясный *auctoritas* Римской кафедры,¹⁷ в то же время

¹⁷ *Pietri Ch.* Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Roma, 1976. Т. II. P. 1195.

оспаривала канонические права Рима, касавшиеся вмешательства в дела других церквей. При этом Карфагенские епископы выступали против Рима преимущественно в тех случаях, когда эти права затрагивали их собственную юрисдикцию. Каким же образом первенство Римской церкви воспринималось другими церквями на Западе?

Галльские церкви традиционно были более связаны с Римом, чем христианские общины в северной Африке. Еще св. Ириней Лионский во II в. изрек знаменитые слова о том, что «должно спрашивать святую Римскую церковь, мать и госпожу всех церквей, обо всем, касающемся веры»¹⁸. Позднее, спустя год после издания Медиоланского эдикта император Константин учредил суд для разбирательства в отношении донатистов. Этот суд состоял из двух галльских епископов: Марина, епископа Арльского и Вера, епископа Вьеннского, а также Римского епископа Мильтиада. Однако Мильтиад инициировал большой собор епископов Запада, на котором должны были присутствовать архиереи Галлии, Италии и северной Африки. Когда собор был организован в Арле в 314 г., Мильтиад уже не было в живых, а его преемник Сильвестр ограничился тем, что отправил на собор четырех легатов. Арльский собор принял значительное количество дисциплинарных постановлений, в частности он предписал принимать ариан в Кафолическую церковь, признавая их крещение, ибо оно совершалось во имя Троицы. Кроме того, собор постановил отлучать от церковного общения христианских девиц, вышедших замуж за язычников, а также приказал рукополагать епископов только при наличии трех архиереев, совершающих хиротонию. Этот собор направил папе Сильвестру послание, в котором именовал его «преславным» и выражал надежду, что папа хотел бы участвовать в соборе и подтвердить его решения. Очевидно, что Арльский собор признавал первенство Римского архиерея, но скорее как духовный, а не как юрисдикционный авторитет. После Арльского

¹⁸ Herenei Lugdunensis Contra Haereseos III.

собора 314 г. источники галльского происхождения не позволяют нам сделать вывод о реальном применении первенства Римского архиерея в Галлии в IV в., которое признавалось там ранее на уровне деклараций. В частности, Арльский собор 353 г., состоявший из арианских иерархов, выступил против св. папы Либерия и под нажимом императора Констанция высказался за осуждение св. Афанасия Александрийского. Более того, ариане победили спустя два года на Медиоланском соборе 355 г. в самой Италии. Папа Либерий был отправлен в ссылку, где он под давлением был вынужден подписать одну из сирмийских формул, омийского, т. е. умеренно арианского содержания. Соборы в Пуатье (Пиктавии) и в Париже (Лютении), проведенные св. Иларием против ариан в 355 и 360 г., никак не упоминали Римского епископа. Тем более его игнорировал арианский собор в Безьере, опиравшийся на поддержку императора Констанция.

Спустя несколько десятилетий Римский архиерей не смог как-либо повлиять на разгоравшуюся в западных христианских общинах присциллианскую смуту. I Сарагосский собор 380 г. (Августа Цезарейская) осудил аскетическое учение Присциллиана.¹⁹ В 386 г. собор в Бордо (Бурдигалия) подтвердил этот приговор. Вскоре Присциллиан был казнен по приговору Трирского собора и по приказу узурпатора Максима. Галльские и испанские церкви раскололись на сторонников этой казни (Итаций Аквафлавийский) и на ее противников (св. Мартин Турский). Казнь Присциллиана вызвала осуждение папы Сириция и св. Амвросия Медиоланского, несмотря на то, что сам еретик не нашел поддержки ни у папы Дамаса, ни у св. Амвросия во время своей поездки по Италии. В 396 г. епископы-итациане, поддержавшие казнь Присциллиана, создали собор в Ниме, который поставил в известность о своих решениях папу Сириция и св. Амвросия, не делая, очевидно, принципиальных различий между Римской и Медиоланской церквями. В 398 г. собор в Турине (Августа Тавринская),

¹⁹ *Babut E.* Priscillien et le priscillianisme. Paris, 1909. P. 251–252.

организованный под председательством Симплициана, епископа Медиоланского, вынес постановление, согласно которому епископы-италиане должны были приниматься в общение с Медиоланской церковью только при условии покаяния. Собор также разрешил спор о первенстве между епископами Арля и Вьенна, которые в этот момент позиционировали себя совершенно независимо от Римской церкви и предпочитали апеллировать к Медиоланскому архиерею.²⁰ Французский ученый Э. Бабют усмотрел в этом историческом примере первое историческое проявление «галликанизма».²¹ Признавая духовное председательство Римского архиерея, галльские епископы не спешили обращаться в Рим этот период. Однако спустя некоторое время ситуация изменилась. Уже в начале V в. галльские епископы стремились активно использовать возможность апелляции к Римскому престолу. В значительной степени указанное обстоятельство было связано с нашествием вестготов, а затем других варваров, в силу чего галльские христиане нуждались в ощутимой поддержке папы. Декреты Римских архиереев Иннокентия I, Бонифация, Целестина, адресованные Арльским, Вьеннским, Тулузским и Руанским епископам, содержали подробные предписания о том, какие книги Священного Писания надлежит читать, как подбавляет созывать соборы и т. д. Можно с уверенностью утверждать, что первенство Римского епископа уже ко времени понтификата св. Льва Великого стало юридической реальностью в Галлии. При этом в середине V столетия первенство Римского архиерея уже воспринималось в Галлии в качестве правовой юрисдикции. Именно это обстоятельство стимулировало св. Льва и его преемников Илария, Феликса и Геласия провозгласить каноническую

²⁰ *Munier Ch.* Concilia Galliae 314–506. CCh (sl) 148. Turnholti, 1963. P. 54–58.

²¹ *Babut E.* Le Concile de Turin essai sur l'histoire des Eglises provinciales au V siècle et sur les origines de la monarchie ecclésiastique romaine. Paris, 1904. P. 100–102; *Митрофанов А.Ю.* История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006, passim.

идею папского авторитета и верховенства в Церкви, основанную на наследии апостола Петра.

Развитие процедуры издания папских декретов, представлявших собой циркулярные письма и ответы на вопрошания, началось с конца IV в. Именно практика издания подобных декретов привела в итоге к тому, что первенство Римского архиерея из председательства в любви и духовного авторитета превратилось в каноническую юрисдикцию на Западе в середине V столетия. 10 февраля 385 г. папа Сириций направил декрет Имерию, епископу Тарраконскому, в ответ на канонические вопросы, которые Имерий от лица испанских архиереев адресовал еще к предыдущему папе Дамасу. Этот первый подлинный папский декрет касался не только епархии Имерия, но и епископов Лузитании, Бетики, Карфагена и Галлии. Таким образом, этот документ стал поворотным моментом в эволюции папского первенства, которое приобретало теперь на Западе непосредственное каноническое осуществление и реализацию. Сириций направил подобный декрет также св. Амвросию Медиоланскому, предоставив ему свое согласие для судебного разбирательства в отношении ереси Ювиниана на Медиоланском соборе 393 г. Сам св. Амвросий никогда не переоценивал канонического значения Рима. Он признавал скорее духовный авторитет папы, чем его непосредственную юрисдикцию над собой. Однако последующие Медиоланские епископы вслед за галльскими собратьями все более склонялись к признанию этой юрисдикции. Дабы убедиться в этом, достаточно сравнить рескрипт Медиоланского собора 393 г., подписанный св. Амвросием и направленный Сирицию, с аналогичным рескриптом, который был адресован св. папе Льву Великому Медиоланским собором 451 г. Св. Амвросий именовал Сириция всего лишь «возлюбленным братом», хотя и признавал по традиции, что ему вверено охранять овчарню Христову во вселенной.²²

²² *Zelzer M. Sancti Ambrosii Opera. CSEL 82. Vindobonae, 1990. T. III. Epistolarum libri X. P. 302–311.*

Более чем полвека спустя Евсевий Медиоланский уже называл св. Льва Великого «блаженнейший господин и отец», «твое святейшество», утверждая, что Христос поставил св. Льва быть «главой Своего престола».²³ Спустя год после собора 451 г. Медиолан был razорен гуннами, а местная церковь утратила остатки своего церковно-политического влияния.

Отдаленные испанские церкви, оказавшиеся в первой половине V в. под властью ариан-вестготов в еще большей степени, чем галльские общины, стремились под верховный омофор Римского архиерея. Зримым проявлением признания авторитета и юрисдикции Римского епископа на Западе стал Тарраконский собор 464 г., который направил канонические вопросы папе Иларию. Испанские иерархи именовали папу «отец блаженнейший и досточтимый апостольским почитанием во Христе». Асканий Тарраконский выражал надежду и упование на то, что «Кафолическая церковь услышит то, что хранит кафедра святого Петра». В ответ папа Иларий созвал собор в Риме в 465 г., на котором он был назван «епископом Кафолической церкви города Рима».²⁴ Закономерно, что именно подобное каноническое возвышение Римской церкви, безоговорочно признанное в галльских, испанских и италийских церквях, привело в конце V столетия к «геласиевскому» правовому возрождению. В рамках новой кодификации канонического права Геласий подтвердил мысль о том, что верховная власть Римского епископа непосредственно проистекает из обетования Христова, данного апостолу Петру, а не от постановления какого-либо собора. Римская церковь является первенствующей и безошибочной (*non habens maculam, nec rugam, nec aliquid eiusmodi* [Еф. 5, 27]). Следовательно, логичен вывод о том, что Римский папа подсуден лишь Иисусу Христу, но не собору, поскольку его первенство основано не на соборных решениях,

²³ *Mansi*, T. VI, P. 141.

²⁴ *Bruns Th. Canones apostolorum et conciliorum saeculorum IV–VII*. Berolini, 1839. T. I. Pars. I. P. 282–287.

а на евангельском обетовании.²⁵ Впрочем, тогда голос Геласия потонул в общем хаосе событий, сопровождавших распад Западной Римской империи и нашествие остготов на Италию. Константинопольская церковь и христианский Восток оставили постановление Геласия без внимания или какого-либо суждения также и по причине Акакиевской схизмы, в силу отсутствия общения между Римом и церквями Восточной Римской империи, в которых утвердился промонофизитский «Энотикон».

В самом Риме идея церковного первенства, которая существовала в том или ином виде с апостольских времен и которая находила свое подтверждение уже в сочинениях св. Климента Римского²⁶ и св. Игнатия Антиохийского, приобрела конкретные формы своего исторического воплощения уже в понтификат папы Дамаса. Об этом свидетельствуют как надписи дамасиевского времени, оставленные на стенах римских базилик,²⁷ так и документы

²⁵ «... putauimus, quod, quamuis uniuersae per orbem catholicae diffusae Ecclesiae unus thalamus Christi est, sancta tamen Romana Ecclesia nullicis synodicis constitutis ceteris ecclesiis praelata est, sed euangelica uoce Domini et Saluatoris primatum obtinuit: Tu es Petrus [et reliqua]... Est ergo prima PETRI Apostoli sedes Romanae Ecclesiae, non habens maculam, nec rugam, nec aliquid eiusmodi [Eph. 5, 27]» («Мы рассудили, что хотя существует единая Христова обитель всей Кафолической церкви, распространившейся по миру, однако святая Римская церковь получила предпочтение перед остальными церквями не по причине каких-либо соборных определений, но удержала за собой первенство по евангельскому гласу Господа и Спасителя: Ты еси Петр (и далее)... Следовательно, есть первенствующий престол Римской церкви апостола Петра, не имеющий ни скверны, ни мрака, ни чего-либо подобного (Еф. 5, 27)» (*Denzinger H. Enchiridion symbolorum. Friburgi Bregoviae, 1932. P. 78*). («Геласиевский декрет», составленный за сто лет до геласиевского понтификата)).

²⁶ *Denzinger H. Enchiridion symbolorum. Friburgi Bregoviae, 1932. P. 19–20.*

²⁷ Надпись в древней базилике св. Петра: «Una Petri sedes unum riuumque lavacrum» («Един престол Петра, едино и чистое погружение (т. е. крещение — А.М.)»). Надпись подтверждает также наличие в древней Римской церкви практики совершения таинства крещения через полное погружение. При этом, как известно, в IV в. таинство крещения совершалось над людьми, находившимися во взрослом или подростковом возрасте, в соответствии с традицией древней Церкви. Практика крещения младенцев, утвердившаяся в Средние века, естественным образом привела к возникновению практики крещения через обливание.

Также см.: Надпись Дамаса в базилике св. Лаврентия:

*Hinc pater exceptor lector levita sacerdos
Creverat hinc meritis quoniam melioribus actis.
Hinc mihi provento Christus cui summa potestas*

архиерейской канцелярии. В частности, томос Дамаса, изданный в 378 г. и содержащий исповедание православной веры (омоусианства), включал утверждение, согласно которому Римский архиерей равен прочим христианским епископам в священстве, но превосходит их достоинством апостольского престола по причине преемства от апостола Петра. Папа Сириций в вышеупомянутом первом декрете к Имерию Тарраконскому однозначно провозглашал, что апостол Петр действует в своих преемниках, покровительствует им и руководит ими.²⁸

Идея первенства Римского епископа в христианской Церкви находила отражение также в имперских законах. В частности, православный император Грациан определил, что только тот епископ, возвращающийся из ссылки (констанциевской или юлиановской), будет рассматриваться как законный иерарх, если он пребывает в евхаристическом общении с Римским архиереем Дамасом.²⁹ Разумеется, подобный закон объяснялся тем, что Грациан правил на Западе в то самое время, как папа Дамас и св. Амвросий Медиоланский усилиями Римского собора 378 г. и Аквилейского собора 381 г. окончательно преодолели арианское сопротивление. Закон был направлен как против оставшихся на Западе арианских архиереев, таких как Урбан Пармский, Палладий Ратианский или Секундиан Сингидунский, так и против ариан на Востоке, которые пользовались покровительством императора Валента.

Sedis apostolicae voluit concedere honorem.

(Здесь секретарь, чтец, диакон, священник

Прежде расцветали как заслугами, так и более благими деяниями.

Христос, которому принадлежит высшая власть,

Соблаговолил здесь пожертвовать мне старику честь апостольского престола.)

См.: *Batiffol P. Cathedra Petri, Études d'Histoire ancienne de l'Église.* Paris, 1938. P. 150–154.

²⁸ «*Portamus onera omnium, qui gravantur; quin immo haec portat in nobis beatus apostolus PETRUS, qui nos in omnibus, ut confidimus, administrationis suae protegit et tuetur heredes*» («Мы несем попечение обо всех тех, кто обременен. Ведь разве не несет это в нашем лице блаженный апостол Петр, который, как мы верим, покровительствует [нам] во всем, относящимся к его пастве, и удаляет наследия») (*Denzinger H. Enchiridion symbolorum.* Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 43).

²⁹ *Theodor.* H.E. V, 2.

Примечательно, что на Аквилейском соборе 3 сентября 381 г. арианский епископ Палладий всячески отрицал какое-либо превосходство Римского архиерея над остальными епископами. Знаменитый константинопольский эдикт 380 г. Феодосия и Грациана *Cunctos populos*, фактически означавший признание православной и кафолической веры государственной религией Римской империи, ставил Римского епископа на первое место среди православных архиереев. Согласно декрету всем жителям Константинополя (новой столицы) предписывалось придерживаться веры Римского папы Дамаса и Александрийского папы Петра.³⁰ «Геласиевский» декрет, сформулированный в общих чертах около 382 г., т. е. более чем за век до Геласия, также был пропитан идеей авторитета Римской церкви.³¹

Однако то первенство Римского архиерея, которое эволюционировало со второй половины IV до середины V в. и превратилось на Западе из председательства в любви в юрисдикционный авторитет, воспринималось на христианском Востоке совсем иначе. Очевидно, что идея римского председательства в любви была известна с первых веков и на Востоке. Эта идея была зафиксирована, прежде всего, благодаря сочинениям мужей апостольских св. Климента Римского и Игнатия Антиохийского,³² а также «Апостольским постановлениям», содержание которых отразилось в многочисленных восточных канонических сборниках (преимущественно не греческих). В то же время восточная религиозная психология совершенно не предполагала того, что упомянутое председательство в любви, даже восходящее к св. Клименту Римскому и к апостолу Петру, может претендовать на какую-либо правовую санкцию и юрисдикцию. Именно этим объясняется вопиющее противоречие между греко-восточной канонической

³⁰ СTh. XVI. Cod. Just., I,1,1.

³¹ *Петр (Л'Юилье)*, архиепископ. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 206.

³² *Hemmer H.* Les Pères Apostoliques. Т. II. S. Clemens de Rome. Paris, 1909. P. 130; *Lelong A.* Les Pères Apostoliques. Т. III. S. Ignace d'Antioche. Paris, 1927. P. 54.

теорией, отводившей Риму первенство чести, и местными реалиями практической церковной жизни. Еще в первой половине IV столетия св. Афанасий Александрийский, который стремился обрести поддержку и защиту в Риме, писал в своей «Истории ариан», что эти еретики, выступая против папы Либерия, игнорируют то обстоятельство, что Рим является апостольским престолом и Римской имперской метрополией. Св. Афанасий не упомянул об апостоле Петре, который руководит своими преемниками. Скорее всего, это специфически западное учение было ему досконально неизвестно. Для него Рим — такой же апостольский престол, как Александрия или Антиохия, а первенство его связано со столичным политическим статусом Вечного города. Бесспорно, для восточных епископов было характерно подобное замещение идеи Петрова наследия идеей столичной церкви. Такое замещение в целом соответствовало имперскому мышлению граждан Восточной Римской империи. Апостол Петр был первым среди равных. Кроме того, он основал еще и Антиохийскую церковь, а его ученик Марк создал Александрийскую церковь. Но поскольку Рим — древняя столица воцерковляющейся ныне империи, следовательно, его епископу принадлежит первенство чести.

Именно этой логике следовал св. Василий Великий, когда превозносил Антиохийскую церковь и ее успешное противостояние арианам, в частности во время полемики между омиусианами и аномеями. В одном из писем св. Василий отговаривал своего адресата от поездки в Рим с целью апелляции к папе Дамасу. Он писал, что это путешествие бесполезно и сопряжено с тяготами зимней дороги. «И добро бы было, если бы речь шла о том, как бы посоветоваться с мудрым человеком, но совершенно бессмысленно отправляться к гордецу, который вознес себя на не ведомо какую высоту и с этой высоты не в состоянии слышать земных людей...», — писал о папе Дамасе св. Василий.³³ В другом письме

³³ Sancti Basilii Caesariae Cappadociae Opera Omnia. T. III/2. Epistula CCXV. Parisiis, 1839. P. 468.

св. Василий именовал Дамаса «корифеем» Запада и иронически порицал пышность его титула посредством греческой транскрипции латинского слова «*sanctissimus*».³⁴ Для св. Василия было неприемлемо стремление Римского епископа — иберийского испанца по национальности — вмешиваться в богословские споры малопонятного ему эллинистического мира. Св. Григорий Богослов вообще уделил западным церковным делам очень мало места в своей переписке, никак не выделяя Римскую церковь из числа прочих поместных церквей. В то же время Евсевий Кесарийский в своей «Церковной истории» поставил Римскую церковь в один ряд с Александрийской, Антиохийской и Иерусалимской, не наделив ее никакими особыми полномочиями.

Крупнейшие восточные отцы IV столетия долго игнорировали духовный авторитет Римского архиерея в отличие, например, от византийских отцов VII–IX вв., которые часто ссылались на него в ходе полемики против императорских ересей. Среди восточных отцов, разделявших симпатии к Риму, следует упомянуть св. Максима Исповедника, Иоанна Дамаскина, Феодора Студита. Для позднейших византийских отцов авторитет Римского архиерея был реальным в той мере, в какой он исключал юридическое принуждение, оставаясь председательством в любви, т. е. в свободе. Принуждение в вопросах веры в сознании византийских отцов VII–VIII вв. олицетворяли вовсе не Римские архиереи, а византийские императоры — еретики.³⁵

Однако различие западного и восточного восприятия первенства Римского архиерея в полной мере проявилось уже на всеобщих епископских соборах, некоторые из которых были определены кардиналом Беллармином в XVII в. как вселенские. I Никейский собор 325 г. проходил под председательством легатов папы Сильвестра, а именно Осия Кордубского. Именно легаты первыми

³⁴ Loc. Cit. Epistula CXXXIX. P. 533.

³⁵ *Гарриг Х.М.* Представление о Римской супрематии у Максима Исповедника // Символ 14 (1985). С. 7–31; *Гуйяр Ж.* Восточная Церковь и Римская супрематия в эпоху иконоборчества // Символ 14 (1985). С. 32–66.

подписали соборные постановления. Однако если для западных иерархов этот шаг означал утверждение соборных постановлений особым апостольским авторитетом Римского епископа, то для восточных он просто свидетельствовал о том, что епископ церкви, расположенной в имперской столице, возглавил список отцов собора как первый по чести.

Среди правил I Никейского собора, определявших старшинство поместных церквей, наибольшую дискуссию, естественно, вызывал 6-й канон. Согласно этому канону провозглашалось: «Τὰ ἀρχαῖα ἔθνη κρατεῖται τὰ ἐν Αἰγύπτῳ καὶ Λιβύῃ καὶ Πενταπόλει ὥστε τὸν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ Ἐπίσκοπον πάντων τούτων ἔχειν τὴν ἐξουσίαν. Ἐπειδὴ καὶ τῷ ἐν τῇ Ῥώμῃ Ἐπισκόπῳ τοῦτο σύνηθές ἐστίν. Τὰ ἀρχαῖα ἔθνη κρατεῖται τὰ ἐν Αἰγύπτῳ καὶ Λιβύῃ καὶ Πενταπόλει ὥστε τὸν ἐν Ἀλεξανδρείᾳ Ἐπίσκοπον πάντων τούτων ἔχειν τὴν ἐξουσίαν. Ἐπειδὴ καὶ τῷ ἐν τῇ Ῥώμῃ Ἐπισκόπῳ τοῦτο σύνηθές ἐστίν Ὁμοίως δὲ καὶ κατὰ τὴν Ἀντιόχειαν καὶ ἐν ταῖς ἄλλαις ἐπαρχίαις τὰ πρεσβεῖα σώζεσθαι ταῖς Ἐκκλησίαις».³⁶ Представляется очевидным, что подобный канон ставил Римского епископа в один ряд с другими архиереями, церкви которых имели апостольское происхождение. На этом основании епископ Никодим (Милаш) утверждал, что учения о первенстве Римского архиерея вообще не существовало в первые века христианства и что это учение является продуктом истории.³⁷ Ораторианец Ж. Каббасю трактовал этот принцип противоположным образом, полагая, что речь в каноне шла как раз

³⁶ Учитывая текстологическое значение исходного греческого текста документа, мы сочли нужным привести его не в примечании, а в самом нашем повествовании. См.: *Beneschevič V.N. Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato*. Т. I. Petropoli, 1906. Р. 86.

(Русский перевод канона: «Да соблюдаются древние обычаи, принятые в Египте, и в Ливии, и в Пентаполе, дабы Александрийский епископ имел власть над всеми этими епархиями, поскольку и Римскому епископу это присуще. Подобным ж образом и в Антиохии и в иных областях да сохраняются преимущества церквей.»)

³⁷ *Никодим (Милаш)*, епископ. Правила Православной церкви с толкованиями. Т. I. С. 123 (уерсия PDF) // http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/rules1.pdf.

о том, что Римский епископ как верховный архиерей соглашался на то, чтобы предоставить Александрийскому епископу власть над указанными в каноне странами.³⁸ Именно в таком духе римские канонисты и воспринимали указанный канон уже в V в. Неслучайно то, что в латинском переводе редакции *Prisca* рассматриваемый канон был озаглавлен «*De primatu Ecclesiae Romanae uel aliarum ciuitatum episcopis*».³⁹ Составители более ранней редакции кодекса Ингильрама и «Квеснеллова собрания» высказались более определенно, выделяя основное содержание 6-го канона I Никейского собора: «*De primatu ecclesiae Romanae*».⁴⁰ Если карфагенские переводчики канонов I Никейского собора на латинский язык: Аттик и Цецилиан перевели 6-й канон близко к греческому тексту, то римские переводчики редакции *Prisca* и кодекса Ингильрама («Квеснеллово собрание») существенно изменили его смысл и подчеркнули решающее значение первенства Римской кафедры. В итоге уже в V в., в частности на Халкидонском соборе 451 г., папские легаты использовали текст канона, принципиально отличавшийся от греческого оригинала. Для большей очевидности сказанного выше представляется необходимым привести упоминавшиеся латинские переводы 6-го канона I Никейского собора.

Римская редакция кодекса Ингильрама IV столетия:

«*De primatu ecclesiae Romanae.*

Ecclesia Romana semper abuit primatus. teneat autem et Aegyptus ut episcopus Alexandriae omnium habet potestatem quoniam et

³⁸ «...istius Nicaeni canonis verba: quandoquidem et episcopo Romae hoc consuetum est, sic intelligenda sunt, ut idcirco illa praefata in Aegyptum, Lybiam et Pentapolin potestas Alexandrino episcopo competat, quia illud ei jus tribuere solet Romanus episcopus» (Слова этого Никейского канона «...поскольку и Римскому епископу это присуще» следует понимать так, что эта власть в Египте, Ливии и Пентаполе находится в компетенции Александрийского епископа, ибо Римский епископ имеет обыкновенные передавать ему это право) (*Cabbasutii I. Notitia Historica... Parisiis, 1683. T. 13. P. 173*).

³⁹ «О первенстве Римской церкви или о епископах других городов» см.: *Turner C. Ecclesiae Occidentalis monumenta juris antiquissima. Oxoii, I, II. 1904. P. 121.*

⁴⁰ «О первенстве Римской церкви». *Turner C. EOMIA. Loc. cit.*

Romano episcopo haec est consuetudo. Similiter autem et qui in Anthiocia constitutus est...».⁴¹

Римская редакция «Квеснеллова собрания» (*Isidoriana antiqua*) IV столетия, прочитанная папским легатом Пасхазинном на Халкидонском соборе:

«De primatu ecclesiae Romanae.

Ecclesia Romana semper habuit primatum. teneat autem et Aegyptus Libiae et Pentapoli ita ut episcopus Alexandriae harum omnium habet potestatem quoniam et Romano episcopo haec est consuetudo. Similiter autem et qui in Anthiocia constitutus est...».⁴²

Италийская редакция *Prisca* V столетия:

«De primatu ecclesiae Romanae uel aliarum ciuitatum episcopis.

Antiqui moris est ut urbis Romae episcopus habeat principatum ut suburbicaria loca et omnem prouinciam sua sollicitudine gubernet: qui uero apud Aegyptum sunt Alexandriae episcopus omnium habeat sollicitudinem similiter autem et circa Anthiociam...».⁴³

Карфагенская редакция Цецилиана, первое деяние Карфагенского собора 419 г. (отредактирована в Александрии в том же году):

«De primatibus qui ad quasdam pertinent ciuitates.

Antiqua per Egyptum adque Pentapolim consuetudo seruetur ut Alexandrinus episcopus horum habeat sollicitudinem quoniam et

⁴¹ Текст кодекса Ингильрама содержит орфографические и грамматические ошибки переписчиков и, вероятно, самих переводчиков: «О первенстве Римской церкви. Римская церковь всегда обладала первенством. Да удерживает епископ Александрии и Египет (ошибка в склонении. — *А.М.*), дабы имеет (ошибка в наклонении. — *А.М.*) он власть над всеми, поскольку это является обычаем и для Римского епископа. Подобным же образом и тот, кто утверждён в Антиохии...». См.: *Turner C.* ЕОМІА. Охоніі, I, II, 1904. P. 121.

⁴² «О первенстве Римской церкви. Римская церковь всегда обладала первенством. Да удерживает епископ Александрии и Египет (ошибка в склонении. — *А.М.*) так, чтобы обладал он властью над всеми ими [провинциями Египта. — *А.М.*], поскольку это является обычаем и для Римского епископа. Подобным же образом и тот, кто утверждён в Антиохии...». См.: *Turner C.* ЕОМІА. Охоніі, I, II. 1904. P. 276.

⁴³ «О первенстве Римской церкви или о епископах других городов. Есть древний обычай, дабы епископ города Рима обладал главенством, дабы он управлял своим попечением пригородами и всей провинцией. Те же, кто обретается в Египте — да имеет попечение о всех их епископ Александрии. Подобным же образом и вокруг Антиохии». См.: *Turner C.* ЕОМІА. Охоніі, I, II. 1904. P. 121.

urbis Rome episcopo similes mos est ut in suburbicaria sollicitudinem gerat nec non et apud Antiochiam...». ⁴⁴

Карфагенская редакция Аттика выполнена в 419 г. в Константинополе по заказу Карфагенского собора:

«De primatibus qui ad quasdam pertinent ciuitates.

Antiqui mores obtineat qui apud Aegyptum sunt et Libiam et Penthapolim ut Alexandriae episcopus omnium habeat sollicitudinem quia et urbis Romae episcopo similes mos est. similiter autem et circa Anthiociam...». ⁴⁵

Следует ли обвинять римских переводчиков 6-го канона I Никейского собора в искажении смысла этого постановления? Разумеется, нет, ибо церковное сознание в Риме уже при Дамасе и Сириции было основано в значительной степени на вполне определенной иерархии ценностей. Эта иерархия диктовала соответствующую рецепцию греко-восточных канонических документов. Если в Карфагене соборные решения восточных отцов принимали такими, какими они были в действительности, в Риме эти решения непременно соотносили с собственной святоотеческой традицией. Эта традиция, укреплявшаяся упоминавшимися Дамасом и Сирицием, Иннокентием I и св. Львом Великим, ставила авторитет соборов, как вселенских, так и поместных, ниже авторитета преемников апостола Петра. Именно поэтому греко-восточные каноны, не соответствовавшие идее римского первенства, редактировались и переосмысливались в соответствии с Римским церковным преданием. По всей вероятности, наиболее справедливо мнение монсеньора К. Гефеле и епископа Петра (Л'Юилье),

⁴⁴ «О первенствах, которые принадлежат различным городам. Да соблюдается в Египте и в Пентаполе древний обычай, дабы Александрийский епископ имел попечение о них, поскольку и епископу города Рима свойственен обычай, дабы он проявлял попечение [о церквях. — *А.М.*] в пригородах. Также и в Антиохии...». См.: *Turner C.* ЕОМІА, Охоніі, I, II, 1904. P. 120.

⁴⁵ «О первенствах, которые принадлежат различным городам. Древние обычаи содержат, дабы епископ Александрии имел попечение о всех тех, кто обретается в Египте, Ливии и Пентаполе, ибо и епископу города Рима свойственен подобный обычай. Подобным же образом и вокруг Антиохии...». См.: *Turner C.* ЕОМІА, Охоніі, I, II, 1904. P. 120.

которые признавали, что 6-й канон отражает характерное восточное христианское представление о том, что Римская церковь — лишь первая в почетном диптихе апостольских церквей, не более того. Если на Востоке первенство Рима трактовали впоследствии лишь в этом контексте, то, как уже отмечалось выше, на Западе каноническая мысль всегда исходила из идеи преобладания папского авторитета над постановлениями соборов, что было открыто провозглашено в «геласиевском декрете». В силу указанного обстоятельства 6-й канон не был для западных канонистов достаточным свидетельством для того, чтобы приравнять Римского архиерея к прочим епископам.⁴⁶

Вскоре после смерти императора Константина разгорелась арианская смута. «Полуарианские» епископы Сирии, собравшиеся в 341 г. на собор в Антиохии, стремились осудить св. Афанасия Александрийского. Они пытались уличить его в том, что он был рукоположен неканоническим путем. Зная о том, что св. Афанасий апеллировал в Рим и был принят папой Юлием, участники Антиохийского собора издали 6-й канон, в котором запрещали клирику или епископу, осужденному своим поместным собором, искать справедливости за пределами поместной церкви. В ответ по инициативе папы Юлия в 343 г. был созван всеобщий Сердикский собор на Балканах. Этот собор был направлен против восточной оппозиции омоусианству и был по составу в первую очередь собором западных епископов. Как известно, он принял 3-й, 4-й и 5-й каноны, в которых утвердил процедуру апелляции к Римскому архиерею. Благодаря суждениям епископов Осия и Гауденция собор признал Римского папу третейским судьей в Церкви.⁴⁷ Впрочем, право быть третейским судьей далеко не означало прямой юрисдикции Рима, которая предполагала вмешательство в дела местных церквей вне каких-либо условий. Каноны

⁴⁶ *Phillips G.* Du droit ecclésiastique dans ses principes généraux. Paris, 1855. Т. II. P. 28.

⁴⁷ *Turner C.* EOMIA. Oxonii, I, II, III, 1930. P. 456–458, 465–467.

Сердикского собора не были еще проявлением папской монархической идеи в Церкви в том виде, в каком ее примет папа Геласий. В Средние века 3-й канон Сердикского собора не был включен в «Декрет Грациана», как слишком слабое свидетельство в пользу власти Римского епископа как викария Христова.

В середине IV столетия арианствующий император Констанций пытался догматизировать омиийскую веру в масштабах всей христианской Церкви. С этой целью он заставил св. папу Либерия, находившегося в изгнании, а также Осия Кордубского подписать одну из омиийских так называемых сирмийских формул веры. После этого он созвал в 359 г. всеобщий двухчастный собор, западная сессия которого проходила в Аримине (Римини), а восточная в Селевкии Исаврийской. Ариминский собор закончился тем, что подавляющее большинство участников, за исключением галльского епископа Фебадия Агинского и еще одного архиерея из Германии, подписали омиийское исповедание веры. Селевкийский собор завершился расколом восточного епископата, разделившим омиусиан, тяготевших к Кафолической вере, и крайних ариан-аномеев. После кончины Констанция деяния этих соборов не были признаны св. папой Либерием, вернувшимся из ссылки. Спустя несколько десятилетий акты Ариминского собора были включены папой Сирицием в первый «Индекс запрещенных книг» («Геласиевский декрет»⁴⁸).

Восточный епископат долгое время был не в состоянии провести собор для окончательного осуждения арианства из-за покровительства, которое ему оказывал император Валент. Проведению такого собора мешала также схизма в Антиохийской церкви между епископом Павлином, которого признавал папа Дамас,

⁴⁸ Как уже неоднократно отмечалось выше, под термином «геласиевское возрождение», следует понимать рецепцию римского церковного права, предпринятую папой Геласием в 493–494 гг. Результатом этой рецепции стало появление древнейшего цельного кодекса канонов Римской церкви — «Квеснеллова собрания», исследованию которого посвящены дальнейшие главы настоящей работы. Так называемый «Геласиевский декрет» (*Decretum Gelasianum*), содержащий первый «Индекс запрещенных книг», не имел к папе Геласию никакого отношения и был, по всей вероятности, составлен римскими канонистами еще в 380-е гг. при папе Сириции.

и епископом Мелетием, а затем Флавианом, которого признавали восточные архиереи. Лишь в 381 г. благодаря усилиям императора Феодосия I был созван Константинопольский собор, который приобрел через некоторое время статус всеобщего (т. е. вселенского) собора. Этот собор, будучи собором восточных епископов, преимущественно греческих, малоазийских и сирийских, принял 3-й канон, в котором декларировалось: «Константинопольский епископ да имеет преимущество чести после Римского епископа, потому что град оный есть новый Рим».⁴⁹ Исходя из этого канона, преимущество чести епископов было обусловлено политическим положением поместных церквей, а не апостольским происхождением. В тексте канона подразумевалось, что Римский архиерей имел первенство чести, ибо он был епископом столицы, но теперь появился епископ новой столицы, который должен приобрести преимущество чести после иерарха древнего Рима. Таким образом, политические привилегии Константинополя, о которых писали Сократ Схоластик и Созомен, выдвигали его епископа в диптихе несмотря на то, что в прежнюю эпоху епископы Византии, по замечанию Вальсамона, не обладали даже архиепископским титулом, а рукополагались обычно митрополитом Гераклеи. Константинопольский собор, проходивший при участии императора, руководствовался имперским статусом епископской кафедры, совершенно игнорируя западную идею канонического первенства и авторитета Римского архиерея. Именно поэтому, как справедливо указывал епископ Никодим (Милаш), римские средневековые канонисты не признавали это правило несмотря на то, что оно было включено в столь авторитетный сборник, как «Испанское собрание» (*Collectio Hispana*).⁵⁰

⁴⁹ *Beneschevič V.N.* Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato. T. I. Petropoli, 1906. P. 97; *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.). *Fonti fasc. IX* (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I. Roma, 1962. P. 47–48; *Turner C.* EOMIA. Oxonii, II, III, 1939. P. 418.

⁵⁰ «Canon hic ex iis est, quod apostolica Romana sedes a principio, et longo post tempore non receipt» // *Corpus juris canonici* / Ed. K. Friedberg. Lipsiae, 1839. T. I. P. 66.

Примечательно также 5-е постановление Константинопольского собора 381 г., в котором восточные отцы, рассмотрев омоусианское определение веры, изданное папой Дамасом,⁵¹ решили: «Относительно свитка западных: приемлем и сущих в Антиохии, исповедующих единое Божество Отца, и Сына, и Святаго Духа».⁵² По справедливому утверждению А.В. Карташева, указанный канон свидетельствовал о независимом решении восточных иерархов принимать в общение тех сирийских и малоазийских епископов и клириков, которые исповедовали единое Божество Лиц Троицы. Отцы собора при этом не требовали формального исповедания томоса Дамаса.⁵³ Таким образом, готовилось окончательное восстановление церковного общения между западными омоусианами и восточными омиусианами на основании нового соборного определения. Как известно, Дамас желал сделать единственным критерием православной веры свой томос. В соответствии с этим документом произошло осуждение балканских ариан на Аквилейском соборе 381 г. Поэтому он подтвердил символ Константинопольского собора лишь через год на Римском соборе 382 г., несмотря на то, что решения Константинопольского восточного собора были сразу утверждены императором Феодосием. Как отмечали братья Баллерини, каноны собора долго не принимались в Риме.

Отношения между Римом и восточными церквями развивались достаточно драматично в первой половине V в. — в ту

⁵¹ Епископ Никодим (Милаш) полагал вслед за монсеньором Пьером де Марка, Г. Бевереджем и монсеньором К. Тэфеле, что речь шла о постановлении Римского собора 369 г. Однако, учитывая, что этот собор был направлен против Авксентия Медиоланского и имел местное внутрииталийское значение, более вероятным представляется иное мнение. Очевидно, что Константинопольский собор имел в виду томос Дамаса, принятый в 378 г. на Римском соборе и отосланный в Антиохию.

⁵² *Beneschevič V.N.* Syntagma XIV titularum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato. T. I. Petropoli, 1906. P. 97; *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.). *Fonti fasc. IX* (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I. Roma, 1962. P. 48–49.

⁵³ *Карташев А.В.* Вселенские соборы. СПб., 1998. С. 140. — Томос Дамаса см.: *Denzinger H.* Enchiridion symbolorum. Friburgi Bresgouiae, 1932. P. 36–38.

эпоху, когда авторитет Римского архиерея быстро приобретал на латинском Западе конкретные канонические формы. В начале столетия папа Иннокентий I опротестовал приговор Константинопольского собора «под Дубом» и оправдал св. Иоанна Златоуста, низложенного и сосланного по воле восточного императора Аркадия. Справедливость требует признать, что, если бы Римский архиерей воспринимался в тот момент лишь в качестве одного из предстоятелей поместных церквей, пусть даже и первенствующего по чести, он не имел бы права опротестовывать приговор поместного собора другой церкви. Однако Иннокентий действовал в рамках тех прерогатив, которые были утверждены на Сердикском соборе 343 г. (каноны 3–5), а также исходя из убеждения в том, что его авторитет простирается на всю Церковь. Феофил Александрийский и тем более св. Кирилл были весьма далеки от подобного восприятия роли Римского епископа. Тем не менее спустя почти три десятилетия св. Кирилл Александрийский получил поддержку Римского папы Целестина и полномочия легата для проведения Эфесского собора против Нестория. Когда было необходимо, восточные иерархи апеллировали к авторитету Рима, оставаясь внутренне совершенно от него независимы. Юридическое сознание, свойственное римским канонистам, отказывалось принимать это двусмысленное отношение. Еще в марте 422 г. папа Бонифаций I писал Руфу Фессалоникийскому по поводу Коринфского синода о том, что не подобает никогда игнорировать определения Римского апостольского престола.⁵⁴

На третьем заседании Эфесского собора 431 г. Филипп, легат папы Целестина, провозгласил, что апостол Петр, который получил от Иисуса Христа право вязать и решить, является князем и главой апостолов, столпом веры, основанием Кафолической церкви и живет всегда в своих преемниках, осуществляя суд.⁵⁵ Эта

⁵⁴ *Denzinger H.* Enchiridion symbolorum. Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 55.

⁵⁵ «Nulli dubium, imo saeculis omnibus notum est, quod sanctus beatissimusque PETRUS Apostolorum princeps et caput, fideique columna, et Ecclesiae catholicae

формулировка, по сути ничем не отличающаяся от определения папы Евгения IV на Флорентийском соборе,⁵⁶ не была никем опротестована. Напротив, она представлялась св. Кириллу и его сторонникам выразительной риторической фигурой, которую можно использовать в полемике с Несторием, но которая не будет иметь никаких далеко идущих последствий для восточных церквей. Утверждение Целестином Эфесского собора, воспринимавшееся на Западе как юридическая санкция, на Востоке осмыслялась как простое выражение согласия с соборными определениями западного первоиерарха. На Халкидонском соборе 451 г. противоречие между западным и восточным восприятием роли и места Римского архиерея в Церкви проявилось в полной мере. Как свидетельствует Евагрий Схоластик, отлучение Диоскора было в первую очередь предопределено вовсе не его монофизитскими убеждениями, которые представляли собой лишь логическое продолжение и завершение христологии св. Кирилла Александрийского. Осуждение Диоскора было спровоцировано тем, что Диоскор игнорировал постановления Римского папы св. Льва Великого, изданные на Римском соборе 450 г. Таким образом, отцы Халкидонского собора признали канонический вселенский авторитет Римского архиерея. Более того, приняв христологический Томос св. Льва Великого, иерархи собора благодарили папу в конце 451 г. за поддержку в ноябрьском послании. В этом послании отцы собора свидетельствовали о том, что папа был на соборе как «глава, венчающая члены».⁵⁷ Подобное послание воспринималось в Риме как выражение сыновнего почтения перед авторитетом Римского

fundamentum, a Domino nostro Iesu Christo, salvatore humani generis ac redemptore, claves regni accepit, soluendique ac ligandi peccata potestas ipsi data est: qui ad hoc usque tempus et semper in suis successoribus vivit, et iudicium exercet» (*Denzinger H. Enchiridion symbolorum*. Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 57).

⁵⁶ Булла. Latentur coeli 6 июля 1439 г. vide apud: Concilium Florentinum, Documenta et scriptores, series B, Vol. 5, Fasc. II, Pars II, Res gestae, a Iosepho Gill. Roma, 1953. P. 459–472; *Denzinger H. Enchiridion symbolorum*. Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 252–253.

⁵⁷ *Denzinger H. Enchiridion symbolorum*. Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 71.

архиерея и благодарности за то, что св. Лев как предстоятель Церкви утвердил акты собора. Для восточных же архиереев указанное послание, равно как и восклицания о том, что сам Петр глаголет устами Льва, имевшие место на соборе, были лишь велеречивыми формами эллинистической лести или, в лучшем случае, проявлениями благочестивого восторга. Эти гипертрофированные формулы почтения не помешали участникам Халкидонского собора издать знаменитый 28-й канон, который утверждал: «Во всем следуя определениям святых отцов, и признавая прочитанное ныне правило ста пятидесяти боголюбнейших епископов, бывших в соборе во дни благочестивой памяти Феодосия, в царствующем граде Константинополе, новом Риме, то же самое и мы определяем и устанавливаем о преимуществах святейшей церкви того же Константинополя, нового Рима. Ибо престолу ветхого Рима отцы справедливо дали преимущество, поскольку это был царственный город. Следуя тому же побуждению и сто пятьдесят боголюбнейших епископов, предоставили равные преимущества святейшему престолу нового Рима, праведно рассудив, что город, получивший честь быть градом императора и синклита, и имеющий равные преимущества с ветхим царственным Римом, и в церковных делах да будет возвеличен подобно ветхому Риму, и да будет вторым после него».⁵⁸ Этот канон совершенно игнорировал римскую идею о духовном и каноническом авторитете Римского архиерея, оставляя ему лишь первенство чести, и превозносил имперскую великую церковь. Как известно, св. папа Лев с характерной прямой латинской логикой отказался признавать двусмысленный с его точки зрения 28-й канон Халкидонского собора. Этот канон никогда не входил в западные канонические сборники, ибо противоречил и декретам Сириция, и декретам Иннокентия I,

⁵⁸ *Beneschevič V.N.* Syntagma XIV titularum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato. T. I. Petropoli, 1906. P. 125; *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.). Fonti fasc. IX (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I. Roma, 1962. P. 90–91.

не говоря уже о декретах самого св. Льва.⁵⁹ Можно с уверенностью констатировать, что Халкидонский собор стал отправной точкой развития идеи имперской церкви в Византии, которая объемлет всю ойкумену. Эта идея достигла своего апогея уже в постюстиниановское время. Император Юстиниан еще старался подчеркивать единство Кафолической церкви, утверждая в своих законах учение о пентархии. Согласно этому учению Церковь управлялась пятью патриархами: Римским, Константинопольским, Александрийским, Антиохийским и Иерусалимским, которые состоят в церковном общении с первым по чести — Римским.⁶⁰ Подобный закон можно было при желании толковать и в римском, геласиевском духе, и в духе 28-го канона Халкидонского собора. Юридически оно было достаточно двусмысленным. Однако уже в конце VI столетия Константинопольский патриарх принял титул «вселенского патриарха», указывая на то, что его юрисдикция распространяется на всю ойкумену, потенциально на весь христианский мир, входящий в Восточную Римскую империю. Дальнейшие события, связанные с монофелитством и иконоборчеством, лишь отдаляли Византийскую церковь от Римской. Каково же все-таки было реальное положение Римского архиерея в Кафолической церкви в конце IV–V вв.?

Беспристрастный анализ латинских канонических источников этого периода: декретов Сириция, Иннокентия, св. Льва Великого и в особенности Геласия — заставляет признать, что первенство Римского архиерея воспринималось и в самом Риме, и на латинском Западе в целом (кроме Карфагена) как определенный духовный авторитет. Это восприятие эволюционировало затем в раннее Средневековье в сторону учения о канонической юрисдикции

⁵⁹ *Мейендорф Иоани*, протопресвитер. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 140–141; *Бенешевич В.И.* Канонический сборник в XIV титулов. СПб., 1903. С. 155; *Dvornik F.* The see of Constantinople in the first Latin collection of canon law // Сборник радова Византологшког Института 8, 1. Белград, 1963. С. 97–101.

⁶⁰ Cod. Just. I, 1, 8.

папы над Кафолической церковью.⁶¹ Именно в манифестации этой идеи и заключалась сущность «геласиевского возрождения» римского юридического централизма, уже как централизма церковного. В послании к императору Анастасию Геласий последовательно отстаивал духовный суверенитет и авторитет Рима.⁶² По очень точному замечанию протопресвитера Иоанна Мейендорфа, «тексты Геласия не только стали классическими для самосознания пап на Западе, они также представляют Римскую церковь как высшее прибежище для тех, кому на Востоке в VII и VIII вв. придется бороться против императоров-еретиков. Тем не менее даже те историки, которые в остальном восхищаются бескомпромиссной твердостью папы Геласия, признают, что “по отношению к Константинополю он отстаивал свои взгляды с грубостью, которая могла скорее ожесточить оппонента, чем побудить к гибкости”». ⁶³ С этой точки зрения «Квеснеллово собрание» канонов, ставшее итогом «геласиевского возрождения», представляется достаточно показательным памятником церковного права. Именно этот памятник приводил церковное право Римской церкви в единую систему, знаменуя собой независимость папства от императорской власти и подспудно даже от власти соборов. Епископ Никодим (Милаш) не привел никаких убедительных доводов, утверждая, что Римские епископы в ранневизантийскую эпоху были еще очень далеки от средневекового папизма. Канонист так писал о декретах Римских архиереев конца IV в.: «Мы здесь различаем подлинные от поддельных декреталов, и этот декретал Сириция относим к первой группе. Различаем также и теорию “папства”

⁶¹ Roma — prima sedes quae a nemine iudicatur.

⁶² Подробно о роли Геласия и о значении его эпохи см.: *Мейендорф Иоанн*, протопресвитер. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 123–126; *Koch H.* Gelasius im Kirchenpolitischen Dienst seiner Vorgänger Simplicius und Felix III. München, 1935, passim; *Ullmann W.* Gelasius I (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter. Päpste und Papsttum 18. Stuttgart, 1981, passim; *Ullmann W.* The Growth of Papal Government in the Middle Ages. London, 1955. P. 14–31.

⁶³ *Мейендорф Иоанн*, протопресвитер. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 124.

Сириция от теории “папства” Николая I. Теория Сириция, а затем Льва, выдвигает верховенство римского епископа ради его апостольской кафедры и в духе постановлений Никейского собора, теория же Николая покоится на поддельных декретах и вымышленном “божественном праве” папской власти». ⁶⁴ Указанное мнение епископа Никодима (Милаша) совершенно не состоятельно, ибо, как явствует из церковно-юридических текстов, Сириций, св. Лев и Геласий, так же как Николай I или даже Лев IX, были убеждены в том, что их власть является верховной властью, основанной на обетовании, которое было дано Иисусом Христом апостолу Петру. ⁶⁵ Ничего общего с постановлениями Никейского собора это убеждение не имеет, что признавал в другом месте сам епископ Никодим (Милаш) (см.: толкования на 6-й канон Никейского собора). С этой точки зрения аргумент П. Иоанну, согласно которому восточные епископы с формальной точки зрения признавали на вселенских соборах IV–VI вв. первенство и примат Римского архиерея, звучит гораздо более обоснованно. Действительно, восточные иерархи соглашались с тем, что именно Римский папа утверждал соборные постановления через своих легатов. Упомянутый римско-католический канонист делает на этом основании вывод о том, что развившийся позднее на Востоке «федерализм» поместных церквей привел к отрицанию реального первенства и авторитета Римского епископа в древней Церкви, а тем самым подорвал и незыблемость авторитета соборов как таковых. ⁶⁶ С этим также нельзя не согласиться, ибо оскудение широкой соборной деятельности в Византии после IX столетия,

⁶⁴ *Никодим (Милаш)*, епископ. Правила Православной церкви с толкованиями. Т. I. С. 249 (versio PDF) // http://lib.eparhia-saratov.ru/books/13n/nikodim_milosh/rules1/rules1.pdf.

⁶⁵ *Denzinger H.* Enchiridion symbolorum. Friburgi Bresgoviae, 1932. P. 42, 78, 160, 171. — Единомыслие Сириция, Льва, Геласия, Николая и Льва IX в вопросе о наследии Петра и первенстве Рима очевидно и без привлечения «Псевдо-Исидоровых декреталий».

⁶⁶ *Joannou P.P.* Discipline générale antique (IV–IX s.) / *Fonti fasc. IX*, (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. I, 2. Les canons des Synodes Particuliers. Roma, 1962. P. 526–527.

окончательное превращение великой церкви Константинополя в региональную «византийскую» церковь, управляемую патриаршим Синодом и императором (уже к исходу Македонской династии), служат явным тому подтверждением.

В связи с этим нам остается признать вслед за А.В. Карташевым: историческая вина многих представителей византийской иерархии в ранневизантийскую эпоху заключается в том, что они использовали авторитет Рима в сиюминутных целях, не вникая во внутренние проблемы западных церквей. Они льстили Риму, но при этом совершенно не интересовались внутренним генезисом папской идеи на Западе и не понимали сути сугубо латинской идеи первенства апостола Петра.⁶⁷ Восточные богословы, за исключением св. Максима Исповедника, на протяжении веков не были заинтересованы в привнесении своих утонченных богословских идей и греческой образованности на латинский Запад. А посему, когда папское учение окончательно оформилось к XI столетию как доктрина вселенской монархической теократии, Византийская церковь, связанная прочнейшими узами с Восточной Римской империей, уже утратила свой вселенский «экуменический» пафос. Она не могла предотвратить апофеоз папства, не могла отреагировать на него иначе, чем это сделал Михаил Керуларий. Римский эклисиологический централизм, унаследовавший благодаря «геласиевскому возрождению» римскую юридическую базу, был уже в XI в. непреодолим для византийских канонистов настолько, чтобы нейтрализовать его юрисдикционные последствия. В связи с этим нам представляется очевидным следующий вывод.

Если воспринимать Кафолическую церковь исключительно в качестве субъекта канонического права и оценивать церковную жизнь всецело сквозь призму истории церковных институций, идее верховного римского авторитета и первенства по существу абсолютно нечего противопоставить. Эта идея находила свое мощное

⁶⁷ *Карташев А.В.* Соединение церквей в свете истории // Церковь, история, Россия. М., 1996. С. 271–302.

каноническое обоснование в первые века христианства (мужи апостольские), особенно же в эпоху первых вселенских соборов и в римском церковном предании. Любые попытки искать правовые основы универсалистской церковной организации за пределами Римской церкви приводили либо к возникновению имперских церквей — Византийской, а впоследствии Российской, либо к формированию множества национальных поместных церквей, время от времени тяготеющих к этнофилиетизму (историческая особенность, свойственная нехалкидонитским церквям⁶⁸ и, увы, многим нашим поместным православным церквям в современную эпоху).⁶⁹ Принципы пентархии, к сожалению, не смогли обеспечить богословского и канонического единства Кафолической церкви в условиях культурного отчуждения романо-германского Запада и греческого Востока в IX–XI вв.

Однако глубина христианского церковного бытия заключается именно в том, что религиозная жизнь и духовный опыт не сводимы лишь к праву и к церковным институтам. Церковь в своем мистическом и историческом бытии оказывается столь многообразна и богата, что она не вписывается в прокрустово ложе права, пусть даже и канонического. Приоритет свободного духовного творчества и личного выбора над авторитетом является важнейшей темой Евангелия и первохристианской Церкви. Этот приоритет раскрывается и обосновывается в свидетельстве Православной Восточной церкви, канонически не связанной с Римской кафедрой и во многом независимой от ее исторического опыта. Поэтому при осмыслении единства Церкви, о котором столь много писал В. С. Соловьев, лучший ответ на правовые аргументы профессора П. Иоанну мог бы дать выдающийся православный

⁶⁸ Среди нехалкидонитских церквей следует упомянуть прежде всего «монофизитские»: Армянскую Апостольскую, Коптскую, Эфиопскую, Сиро-Яковитскую — и «несторианские»: Ассирийскую церковь Востока, Малабарскую церковь апостола Фомы.

⁶⁹ *Трубецкой Е. Н.* Мирозерцание Владимира Соловьева. М., 1913. Т. I. С. 552; *Solovieff V.* La Russie et l'Eglise universelle. Bruxelles, 1992. P. 127–132, 156–158.

российский богослов протопресвитер Николай Афанасьев. Он писал в своей книге «Церковь Духа Святого»: «Признание в Церкви иной власти, кроме власти любви, означало бы или умаление, или даже отрицание благодати, т. к. оно означало бы умаление или отрицание общей для всех харизмы любви, без которой не может быть служения. Власть заместников Божьих не нуждается в дарах Духа, т. к. она сама в себе заключает власть Бога. От нее исходят все служения и от имени и силою этой власти все совершается. Не нужна благодать и правовой власти. Если такая власть существовала бы в Церкви, то это означало бы, что ее жизнь определяется правовой нормой. Она бы принудительно связывала Дух, который дышит в Церкви, когда и где Он хочет, так как правовая норма желает, чтобы Он дышал там, где она исполняется. Если даже эти нормы божественного происхождения, то они являются как бы закрытой сокровищницей благодати, которая образовалась в момент возникновения права, из которой церковная жизнь черпает не благодать, а право. Только любовь, как общее содержание служений в Церкви, и власть, основанная на любви и истекающая из любви, не устраняет благодать из жизни Церкви. “Не отвергаю благодати Божией, а если законом оправдание, то Христос напрасно умер” (Гал. 2,21)». ⁷⁰ Оскудение взаимной христианской любви, соревнование между каноническими теориями примата и пентархии и привели, в итоге, к богословскому отчуждению между латинянами и греками, разрешившемуся Великой схизмой 1054 г. Римско-католическая церковь и Православная Восточная церковь пошли разными историческими путями, но, смеем верить, в одном духовном направлении. В связи с этим невольно вспоминаются очень точные слова Е.Н. Трубецкого о том, что «Православие есть христианство по преимуществу *мистическое*, а римское католичество, наоборот, — христианство по преимуществу *практическое*. В этом и состоит наиболее глубокая

⁷⁰ Афанасьев Николай, протопресвитер. Церковь Духа Святого. Париж, 1969. С. 303.

разница между обеими церквями... Римско-Католическая церковь утверждает свой центр *в мире*, а Православная *вне мира*». ⁷¹ Апостолы были не от мира, но их призвал из мира Иисус Христос, Который победил мир. Именно эта евангельская реальность обосновывает равноценность и одинаковую значимость для истории и сотериологии как римско-католического, так и православного восточного церковного опыта. Совершенно прав был Николай Бердяев, когда говорил о том, что «Церкви соединяются лишь взаимной любовью мира православного и мира католического, лишь взаимоустремлением и взаимопроникновением двух типов религиозного опыта. Во взаимной любви, а не в формальных соглашениях совершается истинное соединение двух христианских миров. В каждом православном и в каждом католике, полюбившем не только свой мир, но и мир другой, почувствовавшем вселенское братство во Христе, преодолевшем одностороннее самоутверждение, церкви соединяются, церковь вселенская торжествует. В глубинах церковной мистики, а не на поверхности соглашений церковных властей совершается подлинное соединение. И для соединения этого нет надобности выходить из родной церкви отцов, менять вероисповедание. В том и заключается мировая задача, чтобы православный изнутри православия полюбил католичество и признал правду католичества и чтобы то же сделал католик относительно православия». ⁷²

Канонический анализ и историческое осмысление становления римской универсалистской еклесиологии в IV–V вв. — в эпоху, предшествующую «геласиевскому возрождению», — а также в последующие десятилетия позволяет сделать определенные общие выводы:

⁷¹ Трубецкой Е. Н. Мирозерцание Владимира Соловьёва. М., 1913. Т. I. С. 483, 490.

⁷² Бердяев Н. Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьёва (и далее о историческом и богословском значении различий католической и православной мистики) // <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn063.htm>.

1. Первенство Римского архиерея, имевшее характер духовного харизматического авторитета в эпоху св. Климента Римского и Игнатия Антиохийского, в последамасиевский период (с 380-х гг.) претерпело эволюцию в сторону институционализации и примата юрисдикции. Эта эволюция протекала начиная с издания первого дисциплинарного декрета папой Сирицием Имерию Тарраконскому вплоть до папы Геласия.

2. Венцом этой эволюции стало «геласиевское возрождение» римского церковного права, означавшее манифестацию новой универсалистской экклесиологии. При этом Геласий опирался на рецепцию римского церковного права, результатом которой стало появление «Квеснеллова собрания» канонов.

3. Влияние императорского законодательства в ранневизантийскую эпоху на эволюцию римской экклесиологии было минимальным. При этом на Востоке авторитет Римского епископа традиционно продолжал восприниматься харизматически, а не юридически. Это восприятие исключало юрисдикционный универсализм Рима.

Различия между римской и византийской экклесиологией, противоречия между папским универсализмом и учением о пентархии, заметные, например, при сопоставлении структуры «Квеснеллова собрания» и «Синагоги Иоанна Схоластика», во многом предопределили канонический раскол 1054 г.

ПАПА ГЕЛАСИЙ (492–496) И ПРОБЛЕМА РЕЦЕПЦИИ РИМСКОГО ЦЕРКОВНОГО ПРАВА

Папа Геласий, как известно, африканец по происхождению,¹ существенно повлиял на формирование канонов Римской церкви еще в эпоху Феликса и Симплиция. Тенденции, характерные для этих Римских архиереев, он довел до апогея лишь тогда, когда был избран на престол св. Петра в 492 г. Один из хронистов, составивший в VI столетии древнейший список *Liber Pontificalis*, описывал правление Геласия достаточно тезисно. Впрочем, по сравнению с еще более краткими редакциями *Liber Pontificalis*, такими как *Epitome Cononiana* или *Fragmentum Felicianum*, пространная редакция содержит весьма ценные и притом древнейшие сведения относительно канонических деяний Геласия.

Согласно сообщению этого источника, Геласий — африканец и клирик Римской церкви — был избран папой в высшей степени сложный момент церковной и политической истории.² Среди заслуг Геласия упоминается достаточно много незаурядных деяний для того, чтобы представить общий облик этого Римского архиерея. Однако сведений, содержащихся в *Liber Pontificalis*, крайне недостаточно для того, чтобы адекватно оценить предпринятую им рецепцию римского церковного права. Мы можем уверенно говорить о том, что Геласий сжигал книги манихеев, принял покаяние Мисена Куманского на Римском соборе 495 г., спасал население Рима от голода и строил базилики как в самом Риме, так и в его окрестностях. Мы можем констатировать традиционное для Рима

¹ Сам Геласий утверждал, что он римлянин (см.: *Pietri Ch., Pietri L. Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: II Prosopographie de l'Italie Chrétienne* (313–604). Paris, 1999. Vol. I. P. 906.

² *Liber Pontificalis* LI, I // Duchesne L. *Le Liber Pontificalis, texte, introduction et commentaire*. Paris, 1882. Vol. I. P. 255.

гостеприимство, проявленное Геласием по отношению к Иоанну Александрийскому (Салофакиол), который бежал в Рим от монофизитов. Наконец, в нашем распоряжении есть упоминания и об известной непримиримости Геласия по отношению к Акакию Константинопольскому и Петру Монгу. Сообщение хрониста *Liber Pontificalis* о написании Геласием пяти книг против Нестория и Евтихия, которые еще хранились в VI в. в момент написания биографии Геласия в архиве Римской церкви, а также о книгах против Ария, звучит весьма неопределенно и интригующе.

Действительно, анализ декретов и архипастырских посланий Геласия позволяет признать следующий очевидный факт. Римский архиепие, отстаивая авторитет церкви и обличая монофизитство вместе с его византийскими покровителями, проявлял глубокий богословский интерес к христологической проблематике. Послание Геласия к императору Анастасию, послания папы к епископам Дардании, к епископам Востока наполнены обличениями Нестория и Евтихия, Диоскора и Тимофея Элура, Акакия и Петра Монга.³ В этих текстах Геласий демонстрировал очень хорошую степень осведомленности в том, что касалось деяний Халкидонского собора. При этом папа именовал восточного римского императора Василиска, бывшего монофизитом, не иначе, как тираном. Послания Геласия содержат, кроме того, обличение пелагиан, а также различные частные правовые нормы Римской церкви (послание IX к епископам Лукании). Помимо христологических вопросов, Геласий неустанно подчеркивал в своих посланиях и декретах учение о примате Римской церкви над всей вселенной. Однако упомянутые послания вовсе не составляют никакого целостного богословского или даже канонического произведения, которое могло бы храниться в библиотеке или архиве Римской церкви. Следует отметить, что упоминание об этой библиотеке и об этом архиве, в которых будто бы хранились книги Геласия, содержится

³ *Gelasii Papae I. Epistulae et decreta* // PL 59. Coll. 13–140.

далеко не во всех списках *Liber Pontificalis*. Указанный факт не дает поводов усомниться в существовании подобной библиотеки и архива в Римской церкви. Как уже отмечалось выше, о существовании таковых еще в эпоху папы Дамаса известно из сообщений блаженного Иеронима,⁴ а акты Римского собора по делу Мисена свидетельствуют о существовании римского церковного архива и в эпоху Геласия.⁵ Можно предположить, что приведенное сообщение не вполне точно описывает содержание некоего сочинения Геласия, которое не вошло в корпус его посланий и декретов. По свидетельству Ш. Пьетри и Л. Пьетри, Геласий, по-видимому, исполнял функции «диктатора», т. е. секретаря, еще при папах Симплицие и Феликсе. На это указывает общность стилистики их посланий и декретов самого Геласия.⁶ В связи с этим логично предположить, что гипотетический труд папы, направленный против Ария, Нестория и Евтихия, представлял собой не столько самостоятельные рассуждения автора, сколько компиляцию соборных актов и папских документов, хранившихся в церковном римском архиве. К этому архиву и библиотеке Геласий имел доступ задолго до начала своего понтификата. Неслучайно то, что средневековая традиция сохранила память о Геласии, прежде всего, как о канонисте-компиляторе, но не как о самостоятельном богослове. По-видимому, хронист *Liber Pontificalis* имел в виду некий компендиум, составленный либо самим папой, либо по его приказу для обличения монофизитства и Константинопольской церкви (упоминание Нестория в данном случае — лишь дань полемической традиции). Эта компиляция, вероятно, была соединена с более пространном каноническим материалом из церковного римского архива. Только

⁴ Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Roma, 1976. T. I. P. 464–465.

⁵ Gesta de absolutione Miseni 30, Coll. Auell. CIII.; Gunther O. Epistolae Imperatorum, Pontificum et aliorum... Auellana quae dicitur collectio / Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum 35. Vindobonae, 1895–1898. T. I. P. 487.

⁶ Pietri Ch., Pietri L. Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: II Prosopographie de l'Italie Chrétienne (313–604). Paris, 1999. Vol. I. P. 906.

таким образом можно объяснить ее исчезновение, если, конечно, исключить возможность случайной утраты этого памятника в раннее Средневековье. Последнее все-таки маловероятно, учитывая рецепцию Дионисия Малого и значение имени Геласия в последующие века. Если отождествлять сочинение Геласия против Нестория и Евтихия с каким-либо его посланием не представляется возможным, то тем более нецелесообразно отождествлять ее ни с «канонами, приписываемыми Геласию»,⁷ ни с «*Decretum Gelasianum*»,⁸ который был составлен за сто лет до него. На первый взгляд, вопрос о том, куда же мог пропасть антиеретический трактат одного из самых ярких Римских архиереев второй половины V столетия, остается без ответа. Однако, на наш взгляд, ответ на поставленный вопрос содержится в тех памятниках, которые остались после рецепции римского церковного права, проведенной по повелению Геласия. Хронист *Liber Pontificalis* среди прочего упомянул литургические реформы папы, который написал ряд гимнов по примеру св. Амвросия Медиоланского. Возможно, в этом сообщении кроется намек на формирование в эпоху Геласия древнейшего латинского служебника Римской церкви — «Геласиевского са크라ментария», который впоследствии будет переработан св. папой Григорием Великим. В связи с этим остается лишь догадываться, почему же автор *Liber Pontificalis* умолчал о главном итоге деятельности Геласия: о предпринятой им рецепции церковного права. С нашей точки зрения, результатом этой рецепции стало создание «Кодекса церковных канонов и постановлений апостольского престола». Этот кодекс был впервые открыт и опубликован П. Квеснеллом во второй половине XVII столетия по двум поздним спискам. В современной историографии он однозначно датируется концом V столетия, примерно 494 г.⁹

⁷ *Canones Gelasio adscripti* // PL 59, Coll. 151–156.

⁸ *Decretum Gelasianum* // PL 59, Coll. 157–183.

⁹ *Clavis patrum latinorum*, ab E. Dekkers et A. Gaar, Corpus Christianorum series Latina. Steenbrugis, 1995. P. 578.

История «Квеснеллова собрания» и текстологическое исследование рукописной традиции памятника позволяют с большой долей вероятности предположить, что манифестация первенства и авторитета Римской церкви, бескомпромиссное осуждение Геласием Акакия и Петра Монга обосновывались именно этим каноническим сборником. Этот памятник римского церковного права объединил церковно-юридические памятники, которые хранились именно в римском папском архиве. По-видимому, отмеченные в *Liber Pontificalis* в VI столетии, спустя десятилетия, антиеретические сочинения Геласия, извлеченные из библиотеки и архива Римской церкви, в действительности представляли собой именно «Квеснеллово собрание». В его состав вошли многочисленные антиарианские, антинесторианские и антимонофизитские документы IV–V вв. Вероятнее всего, эти документы в сочетании с латинскими переводами канонов «Антиохийской синтагмы», папскими декретами от Дамаса до Геласия и некоторыми императорскими конституциями из «Кодекса Феодосия» формировали «Квеснеллово собрание» как древнейший корпус канонического права Римской церкви. Подтверждениями этому обстоятельству являются результаты как внешней, так и внутренней критики указанного источника.

Во-первых, «Квеснеллово собрание» — древнейший правовой кодекс Римской церкви, имеющий более или менее точную датировку (494 г.). Не учитывая материалы «Квеснеллова собрания», говорить о «геласиевской» рецепции римского церковного права просто не представляется возможным ввиду отсутствия каких-либо иных результатов этой рецепции. Во-вторых, содержание «Квеснеллова собрания», а также хронологические рамки составляющих его документов, ограниченные периодом 314–494 гг. (каноны Анкирского собора из «Антиохийской синтагмы» и 494 г. — вероятный год издания декрета Геласия *Necessarie rerum*), позволяют признать следующее. Этот сборник мог быть лишь результатом сознательной рецепции памятников римского

церковного права, отражавших как дисциплину, так и вероучение Кафолической церкви в эпоху первых четырех вселенских соборов вплоть до самого года его формирования. В-третьих, критическая публикация памятника, воссоздание его исходной редакции, гипотетически восходящей к Геласию, заставляют признать в нем не что иное, как корпус римского церковного права, созданный на базе церковного архива и библиотеки, существовавших в Римской церкви в понтификат Геласия. Рецепция была далеко не полной. Этот процесс не затронул ни декреты Римских архиереев, ни деяния Римских соборов второй половины V столетия. Последнее обстоятельство может быть связано как с приостановкой работы над составлением «Квеснеллова собрания» в связи с кончиной Геласия (496 г.), так и с тем, что этот сборник был составлен целенаправленно для проведения судебного процесса над Мисеном Куманским в 494–495 г. (последнее более вероятно).

ДРЕВНЕЙШИЕ СБОРНИКИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В РАННЕВИЗАНТИЙСКУЮ ЭПОХУ И «КВЕСНЕЛЛОВО СОБРАНИЕ»

Различный исторический опыт и экклесиология, характерные для Рима и Византии, особенно парадоксальны на фоне формирования древнейших сборников церковного права, которое происходило уже в IV–V вв. Этот парадокс заключается в том, что основой, фундаментом правового строя Римской церкви на рубеже IV–V вв. стал канонический сборник, сформированный на Востоке. Как уже неоднократно отмечалось выше, идея председательства в любви, которое осуществляет Римская церковь, уже к середине V столетия трансформировалась на Западе в учении о папском духовном авторитете, который имеет конкретное юрисдикционное измерение. На Востоке это учение было совершенно неизвестно. Для восточных отцов IV–V вв. Римский епископ был всего лишь первым по чести предстоятелем столичной христианской общины, стоящий в ряду прочих архиереев, общины которых обладали апостольским происхождением. При этом восточные отцы не собирались подразумевать под старшинством Рима никаких реальных властных прерогатив, хотя нередко признавали за Римом особую апостольскую харизму. Именно поэтому на Халкидонском соборе восторжествовала теория пентархии — пяти равноправных патриархатов, не признанная до конца Римом. Тем не менее исторический опыт свидетельствует о том, что строй и внутренняя организация Римской церкви в IV–VI вв. были типично греко-восточными, что, впрочем, было характерно для всего западного христианства в древности. Как известно, первые христианские общины, возникавшие в Италии, в Галлии и в Испании, были грекоязычными. В Испании, например, эллинское церковное влияние очень сильно ощущалось вплоть до самого

арабского завоевания. Чинопоследование мозарабской литургии включало не только чтение молитвы «*Kurie ēλεησον*» по-гречески, что свойственно и римской, и медиоланской традиции, но и чтение молитвы «Святой Боже» на греческом языке наряду с поминованием антиохийских святых в конце анафоры.

В Римской церкви греческий язык был богослужебным вплоть до папы Дамаса. Знаменитый памятник, отражающий литургическую традицию и быт Римской христианской общины в III в., — «Апостольское предание» св. Ипполита Римского был написан на греческом языке. В связи с этим нет ничего удивительного в том, что на рубеже IV–V столетий Римские епископы положили в основу канонической регулярной организации местной христианской общины наряду с правилами I Никейского собора 325 г. и Сердикского собора 343 г. «Антиохийскую синтагму». Как уже отмечалось выше, «Антиохийская синтагма» представляла собой канонический сборник Антиохийской церкви, сформированный при епископе Мелетии в период отделения Востока от Римской церкви в середине IV в. В ее состав входили каноны и акты восточных соборов: Анкирского собора, собора в Кесарии Каппадокийской, Неокесарийского собора, Гангрского и Антиохийского. Примечательно, что Антиохийская церковь при Мелетии не имела общения с Римской церковью из-за так называемого «полуарианства». Кроме того, в исторической науке до сих пор ведутся споры относительно того, какой же Антиохийский собор издал сборник канонов, которые составляют основной блок в «Антиохийской синтагме». К. Гефеле полагал, что речь идет об Антиохийском «полуарианском» соборе 341 г., однако современные ученые Г. Барди, М. Геерард более склонны относить эти каноны к собору, который был созван на рубеже 320–330-х гг.¹

Каноны Анкирского собора также не однородны по своему происхождению, ибо на основании изучения древнеармянской

¹ *Clavis partum graecorum* / Ed. M. Geerard (CCh s.l.). Vol. IV. Turnholti, 1980. P. 2–4.

редакции канонов Ж. Левон и Е. Акопян делали вывод о том, что часть из них (каноны 20–25) принадлежали собору, имевшему место около 314 г. в Кесарии Каппадокийской.² Тем не менее «Антиохийская синтагма» представляла собой целостный сборник, отражавший восточную церковную дисциплину в том виде, в каком она существовала в первой половине IV столетия. По всей видимости, более сильные полисные тенденции, характерные для развития восточно-римского общества, способствовали интенсивной урбанизации. Урбанизация в свою очередь провоцировала возникновение новых христианских общин, имевших своих епископов. Каноны, вошедшие в «Антиохийскую синтагму», регламентировали отношения между епископами и епархиями, определяли полномочия епископа внутри епархии и устанавливали строгий нравственный императив для клириков. Эти черты, которые были чрезвычайно привлекательны для римского юридического сознания, способствовали, на наш взгляд, принятию «Антиохийской синтагмы» Римской церковью уже в конце IV в. наряду с «Лаодикийскими канонами», о чем подробнее речь шла выше. Однако если на Востоке «Антиохийская синтагма» еще не была принята повсеместно в начале V в. (в частности, св. Иоанн Златоуст критиковал каноны Антиохийского собора как «полуарианские») и впоследствии дополнялась канонами новых вселенских соборов, то на Западе «Синтагма» уже в эпоху Сириция и Иннокентия I была дополнена папскими декретами. Карфагенская церковь, имевшая собственный канонический строй и корпус права, была заинтересована в переводе «Синтагмы» на латинский язык. «Антиохийская синтагма», благодаря многочисленным римским и африканским переводам на латинский язык, о которых шла речь в предыдущих главах, стала известна в более позднем расширенном варианте в V столетии в Галлии и в Испании. Основу их церковной дисциплины первоначально составляли местные

² *Петр (АЮилье)*, архиеп. Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 335.

канонические кодексы: каноны I Арльского собора в Галлии и каноны Эльвирского собора в Испании. «Антиохийская синтагма» наряду с канонами I Никейского, Константинопольского и Сердикского соборов, а также с «Лаодикийскими канонами» также легла в основу корпуса канонического права восточных церквей, располагавшихся на периферии эллинистического мира. Уже в начале V столетия она была переведена на сирийский язык, а вскоре после Маштоца и на грабар (древнеармянский). «Синтагма» была также частично переведена на коптский язык (Анкирский, Неокесарийский, Гангрский соборы). Она была дополнена канонами I Никейского собора и постановлениями Александрийского собора 362 г., проходившего под председательством св. Афанасия.

Несмотря на почти тотальную вселенскую рецепцию, исходная греческая редакция «Антиохийской синтагмы» не сохранилась. Древнейшие греческие списки памятника, упоминавшиеся выше, появляются начиная с IX в. При этом эти списки, конечно же, отражают результат рецепции Иоанна Схоластика (VI в.) и «Номоканона XIV титулов» (VII–IX вв.). Древнейшие латинские списки «Синтагмы» фиксируются начиная с VI в. и отражают различные редакции латинских переводов этого памятника IV–VI вв. С течением веков к «Синтагме» присоединялись каноны вселенских соборов: Никейского, Константинопольского, Эфесского и Халкидонского, Трульского и др., а также каноны Сердикского собора и «Лаодикийские каноны». В этой ситуации реконструкции первоначального варианта «Антиохийской синтагмы» способствует изучение более ранних переводных редакций конца IV — начала V в., прежде всего латинских редакций, о которых шла речь выше. Среди этих редакций центральное место занимает упоминавшийся сборник, известный как «Квеснеллово собрание» (*Collectio Quesnelliana*). Хотя этот сборник возник в самом конце V столетия, он отражает рецепцию «Антиохийской синтагмы» Римской церковью, которую следует датировать второй половиной IV в. Кроме того, необходимо учитывать еще

одну важную деталь, характеризующую историческое место и значение «Квеснеллова собрания» в контексте реализации «геласиевского возрождения» на исходе V столетия.

«Квеснеллово собрание» стало манифестом «геласиевского возрождения» церковного права.³ Оно выражало ту юридическую логику, который следовал папа Геласий и первое поколение римских нотариусов, предвосхищавших длительный процесс рецепции римского права, протекавший на протяжении всего Средневековья. Именно поэтому для более адекватного представления о принципах согласования между папской идеей и восточными, по выражению П. Иоанну, «федералистскими» устоями поместных церквей нам представляется необходимым осуществить всестороннее изучение «Квеснеллова собрания». Это исследование позволит в будущем приступить к реконструкции исходной формы «Антиохийской синтагмы». Подобная реконструкция, необходимая в перспективе, не связана с методологией настоящей работы и выходит за ее рамки.

Содержание «Квеснеллова собрания» представляет собой достаточно однородную структуру, включающую в свой состав последовательно расположенные памятники церковного права.⁴ Среди этих памятников необходимо упомянуть вступление, сотканное из фрагментов «Геласиевского декрета» и десятой книги «Церковной истории» Руфина, соединенные вместе каноны I Никейского и Сердикского соборов в редакции *Isidoriana antiqua*, африканское собрание канонов, известное как «Иппонский бревиарий», а также каноны Анкирского, Неокесарийского и Гангрского соборов в редакции *Isidoriana uulgata*⁵. Далее в «Квеснелловом собрании» следовали главы, содержащие документы папского

³ Как уже отмечалось выше, следуя классификации профессора Суворова, целесообразно различать каноническое право, формировавшееся Римскими епископами, соборами и отцами Церкви, и церковное право, формировавшееся императорской властью.

⁴ *Maassen Fr.* Loc. cit. S. 494–500.

⁵ То есть соборы, составившие впоследствии главу под названием «*Concilia graecorum*» в «Псевдо-Исидоровом собрании».

архива в отношении пелагианства (главы 6–20), декреты папы Иннокентия I Экзуперию Тулузскому, македонским епископам и диаконам, Децентию Губианскому и Виктрицию Руанскому (главы 21–224). Вслед за этими текстами составители «Квеснеллова собрания» поместили главные церковные документы V столетия, касающиеся Халкидонского собора и христологических споров. Среди них, прежде всего, следует отметить отрывки из соборных деяний, каноны Халкидонского собора в латинском переводе, заимствованном из редакции *Prisca*, конституцию императоров Валентиниана и Маркиана *Omnibus negotiis*, исповедание веры Халкидонского собора (глава 25). Должны быть также упомянуты конституции императоров Валентиниана и Маркиана *Tandem aliquando, Venerabilem* и конституция Маркиана *Licet iam sacratissima* (главы 26–28), помещенные в рассматриваемый сборник. Далее следовали декреты Римских епископов Сириция, Зосима, Бонифация I и Целестина (главы 26–28), среди которых был и знаменитый первый декрет Сириция Имерию Тарраконскому *Directa ad decessorem* (главы 29–36).

Вошедшие в «Квеснеллово собрание» вероисповедные формулы, имевшие распространение на латинском Западе в V в., также попали в сборник. Среди подобных формул особое место в истории Римской церкви занимают антиарианское послание *Nos Patrem*, послание пресвитера Фаустина императору Феодосию, *Libellus Augustini de fide catholica*, и некоторые другие (главы 37–40). Следует отметить также наличие в «Квеснелловом собрании» таких документов, как седьмое деяние Константинопольского собора 448 г. против Евтихия (42 глава), акты, касающиеся Акакиевской схизмы из Фрейзингенского собрания канонов,⁶ послание Афанасия Епиктету о Боговоплощении и послание Кирилла Александрийского Иоанну Антиохийскому по поводу Нестория

⁶ *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Église en Occident. Paris, 1985. P. 131–132; Maassen Fr. Geschichte der Quellen und der Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande. Graz, 1956. S. 476–486.*

(главы 52–53). Кроме того, необходимо отметить: редакцию вероопределения Халкидонского собора из канонического собрания, известного по Ватиканскому кодексу 1322, законы из «Кодекса Феодосия» *de fide catholica* (CTh I, 2), *de his qui supra religione contendunt* (CTh XVI, 4; I, 6; I, 2), *de haeticis* (CTh XVI, 5) (54 глава). Вслед за указанными памятниками следовали: послание папы Дамаса *Per filium* Паулину с анафематизмами Римского синода 378 г. против последователей Аполлинария Лаодикийского, которые были дополнены формулами веры Никейского и Халкидонского соборов (глава 55). После указанных документов «Квеснеллово собрание» предалагало читателю послание Медиоланского собора 451 г. св. папе Льву, а также послание Арелатского собора тому же Римскому архиерею с осуждением Евтихия (главы 56–57).

Далее «Квеснеллово собрание» объединяло преимущественно папские декреты, которые выражали со всей ясностью идею римского примата в том виде, в котором она оказалась востребована в ходе рецепции церковного права, известной под наименованием «геласиевского реннесанса». В частности, рассматриваемый памятник сохранил для церковных юристов: послание Геласия *Necessaria rerum* (глава 58), латинские переводы канонов Антиохийского, Лаодикийского и Константинопольского соборов в редакции *Isidoriana vulgata* (главы 59–61), документы Телептского собора 418 г. и Римского собора 386 г. (62 глава), правила оформления канонических документов Атика (глава 63), апокрифическое послание св. Климента Римского апостолу Иакову *Notum tibi facio* (64 глава), латинский перевод послания св. Кирилла Александрийского Несторию *Καταφύλαρουσι μεν* (66 глава). Заключительная часть «Квеснеллова собрания» содержала внушительный корпус декретов и посланий св. папы Льва Великого (главы 67–98).

Разносторонний анализ содержания «Квеснеллова собрания» позволяет сделать вывод о том, что этот канонический сборник

обобщал документы римского папского архива,⁷ которые были востребованы в ходе «геласиевского возрождения». Этот процесс, стимулировавший активную рецепцию римского церковного права, был направлен на то, чтобы обобщить канонический материал, накопленный за два века легального существования христианской Церкви. Подобное обобщение в свою очередь было проведено по инициативе папы Геласия для юридического обоснования центральной роли Римского епископа в Церкви, для манифестации того, что первенство Римской церкви проистекает из обетования Иисуса Христа, адресованного апостолу Петру в 16-й главе Евангелия от Матфея. Как известно из соборных актов, относящихся к эпохе папы Геласия, в Римской церкви существовало архивное хранилище — хранилище, основанное по свидетельству блаженного Иеронима еще папой Дамасом, — которое находилось в ведении церковных нотариусов. По всей вероятности, Геласий поручил этим нотариусам провести отбор тех канонических документов, которые, с одной стороны, сохраняли свое актуальное значение, а с другой — демонстрировали духовный авторитет Римской церкви и ее независимость от власти императоров Восточной Римской империи. Учитывая обстоятельства, связанные с процессом Мисена Куманского и Акакиевской схизмой, подобное предположение выглядит более чем правдоподобно. Легат Римской церкви Мисен, отправленный в Константинополь в период Акакиевской схизмы, брошенный в темницу и изменивший под давлением своему архипастырю, подвергся соборному суду в Риме за измену. Суд был очень важным событием в жизни Церкви, ибо демонстрировал

⁷ Акты Римского собора 495 г., проходившего под председательством папы Геласия, гласят: «Sixtus notarius sanctae Romanae ecclesiae iussu domini mei beatissimi Papae Gelasii ex scrinio edidi, die tertio Idus Maii» («Сикст, нотариус святой Римской церкви, по повелению блаженнейшего моего господина папы Геласия извлек [акты] из архива в третий день майских ид»). Vide: Coll. Auell. CIII. *Guntiber O. Epistolae Imperatorum, Pontificum et aliorum...* Auellana quae dicitur collectio / *Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum* 35, Vindobonae, 1895–1898. T. I. P. 487; *Pietri Ch., Pietri L. Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: II Prosopographie de l'Italie Chrétienne (313–604)*. Paris, 1999. Vol. II. P. 209 I.

непремируемость Римских архиереев в отношении Константинополя: в отношении императора и имперской церкви. В итоге Мисен принес покаяние перед Геласием и Римским собором в 495 г.⁸ Для нас важно в этом эпизоде одно чрезвычайное обстоятельство. Это обстоятельство заключается в том, что для обвинения Мисена в измене и для уличения Константинопольской церкви в схизме явно было недостаточно актов Римского собора 487 г. папы Феликса. Обвинителям был необходим полноценный корпус документов, который содержал бы материалы, связанные с осуждением монофизитства на Халкидонском соборе и проливающие свет на позицию св. папы Льва Великого и его преемников. Косвенно подобное предположение подтверждается актами Римского собора 495 г. Из этих актов следует, что рассмотрение дела Мисена проходило с привлечением компактного корпуса канонических документов, предоставить которые в виде целостного «досье» в конце 490-х гг. могло лишь только что составленное «Квеснеллово собрание».⁹ Практические цели, которые преследовались составителями «Квеснеллова собрания», объясняют свойственный этому памятнику романизм и экклесиологический централизм. С этой точки зрения представляется бесспорным, что исходная *α*-редакция «Квеснеллова собрания», установить которую мы попытались в критическом текстологическом исследовании памятника (см. ниже), представляла собой практический

⁸ *Gesta de absolutione Miseni* 30, Coll. Auell. CIII., *Gunther O. Loc. Cit.*

⁹ Если исключить подобное предположение, нам останется лишь строить фантазии относительно существования в конце V в. какого-либо альтернативного сборника церковного права, утраченного ныне. Между тем, как для проведения собора 495 г., так и для манифестации геласиевской романской экклесиологии централизма сборник церковного права был необходим. Таким сборником, по нашему глубокому убеждению, могло быть только «Квеснеллово собрание». Указанное обстоятельство подтверждается и исходной *α*-редакцией памятника, установлению которой будет посвящен следующий текстологический раздел настоящей работы. В противном случае папе Геласию оставалось бы всякий раз при проведении Синода в Риме обращаться к церковному архиву для извлечения нужных документов. О необъятных размерах этого архива свидетельствуют необъятные размеры таких канонических собраний, как «Ватиканское», «Театинское», «Фессалоникийское» и «Авелланово», не считая собственно «Квеснеллова собрания».

корпус церковного права. Этим корпусом права Римская церковь руководствовалась в эпоху Геласия при проведении процесса над Мисеном Куманским. Кроме того, указанная редакция стала той юридической базой, опираясь на которую Дионисий Малый проводил свою каноническую реформу в последующие годы нового VI столетия.

Как известно, задачей Дионисия было приведение права Римской церкви в соответствие с принципами церковного права Восточной церкви, т. е. максимальное обобщение канонического права и его систематизация. С нашей точки зрения, Дионисий, опираясь на «Квеснеллово собрание» как на практический корпус церковного права, предпринимал новые, более точные переводы соборных канонов с греческого языка и одновременно привлекал новый канонический материал. Этот материал представлял собой новые соборные акты (симмахианские синоды 499–502 гг.), новые папские декреты и памятники императорского законодательства. Наиболее яркими результатами такой рецепции стали, бесспорно, *Dionysiana II*, *Collectio Vaticana* и *Collectio Auellana*,¹⁰ составленные, вероятно, уже учениками и продолжателями Дионисия в середине — второй половине VI в. Если первый из указанных сборников структурно и содержательно еще ориентировался на «Квеснеллово собрание», то «Ватиканское собрание» и «Авелланово собрание» представляли собой совершенно особые пласты церковного права, которые не были учтены в ходе «геласиевского возрождения» и пылились в архиве Римской церкви еще полвека после составления «Квеснеллова собрания».

Характеризуя значение «Квеснеллова собрания» в контексте развития церковного права на латинском Западе, следует еще раз подчеркнуть, что основой этого первого в своем роде

¹⁰ *Gaudemet J.* Les Sources du droit de l'Eglise en Occident. Paris, 1985. P. 139; *Gunther O.* Epistolae Imperatorum. Pontificum et aliorum... Auellana quae dicitur collectio / Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum 35. Vindobonae, 1895–1898. T. I, II; *Silva Tarouca K.* Collectio Thessalonicensis ad fidem Cod. Vat. Lat. 5751. Testi e documenti. Universita Gregoriana I, 23. Roma, 1937.

канонического сборника «вселенской церкви» лежала «Антиохийская синтагма». По мнению К.Х. Турнера, латинская редакция канонов I Никейского и Сердикского соборов, представленная в «Квеснелловом собрании» канонов (так называемый *sylloges Q*), восходила к тому латинскому тексту, на который ссылался пресвитер Пасхазин — легат св. Льва Великого во время заседаний Халкидонского собора.¹¹ При этом латинская редакция канонов I Никейского и Сердикского соборов, представленная в «Квеснелловом собрании», существенно отличается как от латинского перевода, выполненного в 419 г. пресвитером Цецилианом, так и от перевода канонов I Никейского собора *Isidoriana uulgata*, созданного по мнению К.Х. Турнера, около 420–430 гг.

Современный исследователь Й. Ван дер Слеетен предпринял сравнительный анализ основы «Квеснеллова собрания»: латинского перевода канонов I Никейского и Сердикского соборов, и других переводов той эпохи. Основные выводы ученого сводятся к следующему. Во-первых, упомянутая основа «Квеснеллова собрания», названная К.Х. Турнером *Supplementum Nicaeno-Romanum*, могла быть создана только в Риме до 451 г. (использование никейских канонов Пасхазинем на Халкидонском соборе). При этом верхняя хронологическая граница, позволяющая предпринять наиболее раннюю датировку создания перевода Q-редакции, фиксируется во второй половине IV в. в понтификат Дамаса или Сириция. Во-вторых, текст Q-редакции¹² канонов I Никейского и Сердикского соборов имеет много общего с другим переводом рубежа IV–V вв., известным по кодексу Ингильрама как *Isidoriana antiqua*. В-третьих, римские юристы VI в., вновь переводившие каноны I Никейского и Сердикского собора с греческого на латинский язык, использовали текст Q-редакции, помимо более поздних латинских переводов, в частности переводов Цецилиана

¹¹ Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1899. T. I, P. 274.

¹² То есть редакция «Квеснеллова собрания».

и Аттика 419 г. В-четвертых, текст Q-редакции существенно повлиял на распространение канонов I Никейского и Сердикского соборов в Галлии в V–VI столетиях, через «Собрание Святого Мавра». При этом, текст Q-редакции не столь сильно повлиял на рецепцию указанных канонов в Испании в аналогичный период, поскольку древнеиспанский перевод этих канонов — *Hispana antiqua* в большей степени опирался на иные редакции латинского перевода рубежа IV–V вв., в частности на редакцию *Isidoriana vulgata*. Наконец, в-пятых, текст Q-редакции лег в основу тех переводов греческих канонов, которые осуществил в начале VI в. Дионисий Малый. Канонист брал текст Q-редакции и исправлял его, сравнивая с греческим оригиналом.¹³

Благодаря текстологическим исследованиям К.Х. Турнера и Й. Ван дер Спеедена было выяснено следующее обстоятельство. Латинский перевод канонов I Никейского и Сердикского соборов в Q-редакции, образующий первоначальную основу «Квеснеллова собрания», идентичен переводу, который встречается в Кодексе Ингильрама (*Cod. Vaticanus Reginae 1997*) IX столетия. Подобный перевод, созданный в Риме, представляется древнейшим, ибо остальные редакции латинских переводов вышеуказанных церковных правил возникли уже в V столетии. Среди них следует отметить упоминавшийся перевод Цецилиана, выполненный для первого заседания Карфагенского собора 419 г., перевод Аттика, подготовленный в том же году по просьбе упомянутого собора в Константинополе, а также более поздний италийский перевод редакции *Prisca*, датируемый V–VI вв. и созданный на основе переводов «Кодекса Ингильрама» и Аттика. При этом необходимо уточнить, что практически все списки «Квеснеллова собрания» опираются именно на древнейший латинский перевод упоминавшихся церковных постановлений *Isidoriana antiqua*, в том числе и Венский кодекс 2141 (39).

¹³ *Van der Speeten J. Le dossier de Nicée dans la Quesnelliana // Sacris erudiri. XXVIII (1985). P. 384–450.*

Этот список VIII в. включает добавление, опирающееся на перевод Цецилиана.¹⁴

«Квеснеллово собрание» канонов как целостный памятник было сформировано в конце V столетия¹⁵ как отражение той юридической системы, которая легла в основу иерархического строя Римской церкви в ходе так называемого «геласиевского возрождения» (еще до многоэтапной дионисиевой рецепции церковного права).¹⁶ Указанное собрание канонов дошло до современных исследователей преимущественно в списках франкского происхождения, что дало повод ряду ученых ставить под сомнение италийское происхождение памятника (см. *Introductio*).¹⁷

¹⁴ Turner C.H. *Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima*. Oxonii, 1904. F. I. Pars 2. P. 103.

¹⁵ *Clavis patrum latinorum*, ab E. Dekkers et A. Gaar, Corpus Christianorum series Latina. Steenbrugis, 1995. P. 578; *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Église en Occident*. Paris, 1985. P. 133.

¹⁶ Если возрождение римского правового сознания как сознания церковного при Геласии означало торжество идеи Римского примата как первенства, обусловленного не постановлениями церковных соборов, но исключительно Евангелием, то рецепция церковного права, предпринятая Дионисием Малым, во многом была нацелена на создание соответствующей правовой базы — базы, которая наиболее четко отражала указанный экклесиологический принцип.

¹⁷ Таково было мнение братьев Пьетро и Джироламо Баллерини, Ф. Маасена, Л. Дюшена, ныне безнадежно устаревшее. Указанные сторонники франкского, точнее арелатского происхождения «Квеснеллова собрания» ссылались прежде всего на то, что все сохранившиеся до сего дня рукописи собрания являются списками каролингского происхождения. «In Galliis autem eam conditam, ac proinde nec Italicam, sed Gallicanam collectionem esse, probabilibus, ut nobis videntur, conjecturis indicabimus. Duo de hoc canonum et constitutionum codice in recitata epigraphe affirmavit Quesnellus, nimirum omnium qui hactenus prodierunt esse vetustissimum et amplissimum. Hoc secundum defendi nequit: amplior enim est multo inter caeteras Isidori collectio, quae sane, adulterinis etiam omissis, longe plura documenta complectitur. Vetustissimus vero codicum hactenus editorum, qui exhibent canones simul et constitutiones sedis apostolicae, eatenus dici potest, quatenus nulla documenta continet quae sint posteriora Gelasio; cum aliae collectiones antea typis datae aliqua posteriorum pontificum praeferant, ut vel ex Dionysiana cognoscere licet. Recte autem statuit P. Coustantius in praefatione ad tom. I Epistolarum Romanorum pontificum, hunc codicem sub Gelasii aevum fuisse digestum... Cum vero haec hypothesis omnino sit falsa, nihil impedit quin iidem canones ita huic codici privato inserti fuerint sub Gelasio, sicut in aliis privatis collectionibus ante vel paulo post Gelasium lucubratis inventur inserti. Confer nostras Observationes ad dissert. 12 Quesnelli cap. 2 n. 8...» (Ballerini fratrum dissertationes, PL 56. Coll. 357–358). Однако как первые исследователи памятника — П. Квеснелл и П. Кунстанс, так и ученые XX в., в частности К.Х. Турнер, Е. Деккер, А. Гаар, К. Сильва Тарука,

Рукописная традиция памятника не очень богата. Сохранившиеся списки позволяют сделать лишь предположительный вывод о том, что первоначальная α -редакция, созданная в Риме в конце V столетия (494–495 гг.), стала архетипом для более позднего образца (β -редакция). Учитывая то обстоятельство, что до сих пор не обнаружено ни одного списка памятника V–VII вв., при датировке исходной редакции сборника приходится рассчитывать исключительно на критику его содержания. Это содержание отражает в первую очередь древнюю церковную дисциплину IV в. («Антиохийская синтагма»). Однако наиболее значительная часть «Квеснеллова собрания» представляет собой корпус декретов и посланий Римских епископов V столетия вплоть до Геласия (495 г.). Указанные хронологические рамки (314–495 гг.), ограничивающие церковно-юридический материал «Квеснеллова собрания», а также географическая локализация, определяющая этот материал, далеко не случайны. Состав «Квеснеллова собрания» свидетельствует о том, что сборник мог быть сформирован именно в Риме, ибо только папские нотарии обладали в эпоху папы Геласия доступом к архиву (скринию), в котором хранилась церковная переписка Римских архиереев предшествующих лет. В свою очередь латинские переводы документов из состава «Антиохийской синтагмы» также выдают римское происхождение памятника (например, интерпретация 6-го канона Никейского собора «*de primatu Romanae*»).¹⁸ Наличие в составе «Квеснеллова собрания» «Гиппонского бревиария» также косвенным образом подтверждает

Ж. Годме и Б. Бадеван-Годме, на основании тщательного анализа содержания памятника и его внутренней критики однозначно признают его каноническим сборником италийского, точнее римского происхождения (см.: *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Église en Occident*. Paris, 1985. P. 133). *Clavis patrum latinorum*, ab E. Dekkers et A. Gaar, Corpus Christianorum series Latina, Steenbrugis, 1995. P. 57; *Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima*. Oxonii, 1913. I, II. P. XII; *Maassen Fr. Geschichte der Quellen und Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande*. Graz, 1956. S. 491–493.

¹⁸ Приведенное заглавие-титул дают все рукописи сборника: Аррасский кодекс 644 (572) из библиотеки аббатства святого Веста и Венский кодекс 2141 (39) из библиотеки Фульдского аббатства.

его римское происхождение, так как «бревиарий» и ряд других канонических материалов из «Кодекса канонов Африканской церкви» были известны в Риме в эпоху папы Иннокентия I, архив которого и образовал львиную долю тех материалов, вошедшие в рассматриваемый нами церковно-юридический сборник. Датируя «Квеснеллово собрание» эпохой папы Геласия и признавая его составителями римских церковных юристов и нотариев, следует особым образом подчеркнуть отсутствие в составе сборника галльских *Statuta ecclesiae antiqua* или актов каких-либо галльских соборов IV–V вв. (например, Нимского, Туринского или Риецкого). Указанное обстоятельство дополнительным образом служит опровержению «галльской» гипотезы происхождения «Квеснеллова собрания», которую разделяли братья Баллерини, Ф. Масен, Л. Дюшен и отчасти К.Х. Турнер лишь на основании происхождения имеющих в нашем распоряжении списков.

Исходный архетип «Квеснеллова собрания», созданный в Риме и условно обозначаемый нами как α -редакция, не сохранился. Представляется очевидным, что К.Х. Турнер был абсолютно прав, когда вслед за Л. Дюшеном выдвигал идею существования «арелатской» редакции памятника. Ошибка ученого состояла лишь в том, что он принимал эту вторичную и в общем промежуточную редакцию «Квеснеллова собрания» за исходный архетип рассматриваемого нами памятника. Впрочем, эта «арелатская» редакция «Квеснеллова собрания» также реконструирована Л. Дюшеном и К.Х. Турнером чисто гипотетически. По мнению ученых, подобная редакция могла появиться уже в начале VI в. в результате того, что какой-либо ответственный клирик Арльской церкви, архидиакон или нотариус, прибег к рецепции римского церковного права (папских декретов и «Антиохийской синтагмы», переведенной на латинский язык) для нужд своей общины, переписав и озаглавив доставленный ему кем-то из Рима сборник документов известным пояснительным инципитом «*Continet*

codex iste».¹⁹ Вероятно, тогда же неизвестным клириком Арльской церкви был составлен и пояснительный инципит к «Гиппонскому бревиарию», находившемуся в составе «Квеснеллова Собрания», — «*Incipit brevis statutorum*». Быть может, тогда же к документам памятника был прибавлен хронологический перечень Римских архиереев. С нашей точки зрения, справедливо было бы обозначить указанную «арелатскую» редакцию «Квеснеллова собрания» как β-редакцию. Списки этого промежуточного варианта памятника также не дошли до нас, но его появление сделало возможным дальнейшее распространение «Квеснеллова собрания» в западноевропейских скрипториях, в то время как пребывание сборника в папском архиве в последующие десятилетия после Геласия, скорее всего, надолго похоронило бы его для исследователей. Первоначальный рукописный архетип «Квеснеллова собрания», который удастся установить при помощи непосредственных текстологических исследований, был точно датирован К.Х. Турнером благодаря маргиналии, начертанной на листе 134 г. Аррасского кодекса 644 (572) — древнейшего их сохранившихся списков памятника. К.Х. Турнер, работая над датировкой архетипа, также активно привлекал данные палеографического анализа рукописи, в первую очередь специфику встречающихся в манускрипте контракций и суспенсий. Несохранившийся список, ставший архетипом для всех имеющихся в нашем распоряжении рукописей «Квеснеллова собрания» канонов, был создан либо на территории Англосаксонского королевства, либо на территории северной Галлии трудами англосаксонских монахов. Вероятнее всего, он был изготовлен в период, совпадающий по времени с правлением франкского короля Хлотаря II между 600 и 603 г.²⁰ Последнее

¹⁹ «*Continet codex iste canones ecclesiasticos et constituta sedis apostolicae*» — подобный инципит содержится в древнейших рукописях «Квеснеллова собрания»: в Аррасском кодексе 644 (572), в Айнзидельнском кодексе 191, в Парижском кодексе 3848 А и, наконец, в Венском кодексе 2141 (39) (см.: *Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1913. T. I, II. P. XII*).

²⁰ Маргиналия из Аррасского кодекса 644 (572) гласит: «*hoc habuit uetus: ab hoc concilio antiocheno usque indictionem XII; quod est in anno XV regni*

предположение представляется более справедливым, если учесть судьбу самой ранней редакции сохранившегося списка памятника (Аррасского кодекса 644 (572)).

Текстологические исследования К.Х. Турнера дают основания считать, что копия «арелатской» β-редакции «Квеснеллова собрания» канонов, выполненная между 600 и 603 г., стала единственным списком, на который в дальнейшем опирались все сохранившиеся до наших дней рукописи памятника. При этом, хотя указанная «англосаксонская» копия, по всей видимости, достаточно точно передавала «арелатскую» β-редакцию начала VI в., с нашей точки зрения ее необходимо обозначить как отдельную γ-редакцию, ибо именно она стала исходным рубежом рукописного распространения «Квеснеллова собрания» в последующую эпоху, связанную с северной франкской династией Пипинидов-Каролингов. Обстоятельства распространения памятника в VIII в., связанные с культурными движениями Каролингской эпохи, в дальнейшем потребуют дополнительного изучения. В настоящем исследовании нам представляется необходимым непосредственно затронуть те рукописи, которые стали результатом вышеуказанной популяризации «Квеснеллова собрания» в Каролингскую эпоху. «Англосаксонская» γ-редакция памятника стала образцом для последующей рукописной традиции, развитие которой было тесно связано с расширением Каролингского государства.

Итак, упомянутый нами Аррасский кодекс 644 (572) — древнейший из сохранившихся списков «Квеснеллова собрания» —

chlotharii regis anni ducenti LXII» (старейший [список] содержит следующее: «от сего антиохийского собора вплоть до 12-го индикта, что означает 260 лет до 15-го года правления короля Хлотаря») (Attrebatensis 644 (572) f. 134 r.). На основании сообщения маргиналии К.Х. Турнер, во-первых, определил хронологические рамки составления архетипа временем не ранее 594 г. (воцарение Хлотаря II) и не позднее 672 г. (кончина Хлотаря III). Во-вторых, ученый прибавил к 341 г. — известной дате Антиохийского собора, 260 лет и получил 603 г. В-третьих, исследователь отметил, что именно Хлотарь II правил северной Галлией, где могли трудиться англосаксонские монахи, на пятнадцатом году своего царствования (см.: *Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1913. T. I, II. P. XII.*)

(VIII в.),²¹ отражает архетип памятника (600–603 г.) и представляется исследователям как наиболее полный по содержанию и наиболее чистый в отношении имеющихся грамматических ошибок. Подобное обстоятельство вполне объяснимо, если предположить, что рукопись создавалась в скриптории аббатства св. Петра в Бате (Англия), т. е., по-видимому, там же, где и ее архетип. С другой стороны известно, что Аррасский кодекс 644 (572) оказался во Франции в Аррасе (Неметак Агтребатийский) во второй половине XI столетия. Рукопись была отдана в дар библиотеке местного аббатства св. Веста в 1068 г. аббатом Сивольдом, настоятелем монастыря св. Петра в английском городе Бат, который бежал во Фландрию после нормандского нашествия.²² Был ли дар, сделанный Сивольдом, актом дарения рукописи, изготовленной в его монастыре в англосаксонскую эпоху? Или Аррасский кодекс 644 (572) был все-таки создан в каком-либо другом скриптории VIII в., в котором хранился упоминавшийся выше унциальный архетип 600–603 г.? Подобные вопросы остаются в настоящий момент без ответа.

К вышеуказанному списку непосредственно примыкает Айнзидельский кодекс 191 (277), который был изготовлен для придворной библиотеки Карла Великого в конце VIII столетия (при папе Адриане), т. е. практически сразу после того, как в руки придворных каролингских клириков мог попасть архетип «Квеснеллова собрания». Известно, что между англосаксонскими монастырями и Каролингским двором существовали обширные культурные связи. Айнзидельский кодекс 191 (277) настолько близок к Аррасскому 644 (572), что К.Х. Турнер считал этот

²¹ Более ранняя датировка Аррасского кодекса 644 (572) — VIII в., предложенная К.Х. Турнером и Э. Шварцем, представляется более верной, чем позднейшая датировка М. Петолетти — рубеж VIII–IX вв. (см.: *Schwartz E. Acta Conciliorum Oecumenicorum. Berolini et Lipsiae, T. I. Vol. 5. P. XIII; Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1913/ T. I, II. P. XII; Petoletti M. Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // Aevum 82 (2008). P. 304).*

²² *Petoletti M. Loc. cit.; Grierson Ph. Les livres de l'abbé Seiwold de Bath // Revue bénédictine, 52 (1940). P. 96–116.*

манускрипт списком Аррасского кодекса. Подобное утверждение исследователя, скорее всего, было ошибочным. Э. Шварц полагал, что Айнзидельнский кодекс 191 (277) лишь подобен Аррасскому 644 (572), но не является его точной копией.²³ Мнение Е. Шварца подтверждается, с нашей точки зрения, наличием огромного количества орфографических и грамматических ошибок в Айнзидельнском кодексе 191, которых избежали англосаксонские переписчики, трудившиеся над изготовлением Аррасской рукописи 644 (572). Если предположить, что писцы, работавшие для библиотеки Карла Великого в конце VIII в., получили возможность работать в Англии с архетипом Аррасского кодекса 644 (572), можно представить, как они торопились для того, чтобы копировать обширное «Квеснеллово собрание» канонов и доставить копию за море ко двору. Последнее, впрочем, недоказуемо, ибо, к сожалению, точных свидетельств того, что Аррасский кодекс 644 (572), как и его архетип 600–603 г., действительно были созданы в скриптории аббатства св. Петра Батского, не существует. Очевидно только, что как Аррасский кодекс 644 (572), так и Айнзидельнский кодекс 191 (277) были созданы в одном и том же скриптории²⁴ во второй половине VIII в., в котором, скорее всего, хранился и архетип, датируемый 600–603 гг. Спустя два века Айнзидельнский кодекс 191 (277) был передан на хранение в библиотеку кафедрального капитула в Констанце, откуда он впоследствии попал в Гельветию в библиотеку Айнзидельнского аббатства Святой Марии Покровительницы Отшельников (кантон Швиц). Этот список, к сожалению, сохранил до нашего времени не полную редакцию «Квеснеллова собрания» канонов, хотя кодекс ценен тем, что на его полях отмечены маргиналии прославленного средневекового историка Бернольда Констанцкого.²⁵

²³ *Schwartz E.* Acta Conciliorum Oecumenicorum. Berolini et Lipsiae, T. I. Vol. 5. P. XIII.

²⁴ *Petoletti M.* Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // *Aevum* 82 (2008). P. 304.

²⁵ *Maassen Fr.* Geschichte der Quellen und der Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande. Graz, 1956. S. 487.

В IX в. процесс распространения «Квеснеллова собрания» канонов на территории Каролингской империи продолжался. Главным памятником этого явления стал Парижский кодекс 1454, который значительно отличается от рассмотренных выше рукописей VIII столетия, прежде всего, своей рубрикацией. Если в текстологическом отношении кодекс более или менее близок к Аррасскому кодексу 644 (572) и к Айнзидельнскому кодексу 191 (277), то в структурном отношении рассматриваемый манускрипт занимает особое место. Парижский кодекс 1454 имеет ряд дополнительных титулов перед канонами I Никейского собора, которые не встречаются в вышеуказанных рукописях. Кроме того, кодекс приводит титулы к «гиппонскому бревиарию» начиная с 25-го канона, отсутствующие в Аррасском кодексе 644 (572.) Бросается в глаза также своеобразная композиция начального инципита без указательного изображения креста и с нарушенным порядком слов. Начало рукописи представляет собой Собрание канонов, открытое Г. Сахерием, в котором присутствуют латинский перевод апостольских канонов с комментариями, каноны Никейского, Лаодикийского и Антиохийского соборов и некоторых других, а также апокрифические постановления папы Сильвестра. Лишь начиная с листа 37 г. читатель обнаруживает «Квеснеллово собрание» канонов, в состав которого составители манускрипта включили многочисленные интерполяции, а точнее титулы, дублирующие по содержанию первые строки канонов, которые не встречаются в рукописях VIII в. Подобное обстоятельство дает основание следующему предположению. Упомянутая рукопись, с нашей точки зрения, отражает новую, позднейшую ε-редакцию «Квеснеллова собрания» канонов, которая была, по всей видимости, создана для учебных целей ради просвещения клириков в области канонического права в позднекаролингскую эпоху. Именно с этими учебными целями связано, на наш взгляд, увеличение титулов в структуре канонического сборника, характерное для Парижского кодекса 1454. Отмеченная рукопись содержит

рубрикацию и титулы, не вошедшие в наиболее полное на текущий момент издание «Квеснеллова собрания» — издание братьев Пьетро и Джироламо Баллерини, увидевшее свет еще в середине XVIII столетия. Кроме того, редакция Парижского кодекса 1454 обнаруживается в Парижском кодексе 3842 А (*Codex Thuaneus*), отмеченном Ж. Годме как наиболее репрезентативным. Указанная рукопись появилась в третьей четверти IX в., т. е. в эпоху Карла Лысого, точно так же как и Парижский кодекс 1454. Оба манускрипта были созданы в окрестностях Парижа,²⁶ (Парижский 1454 был составлен, по-видимому, для библиотеки кафедрального собора Бове²⁷).

Парижский кодекс 3842 А был использован еще П. Квеснеллом вместе с позднейшим Оксфордским кодексом XII в. для издания рассматриваемого памятника в 1672 г. и посему может считаться достаточно полно введенным в научный оборот. В связи с этим необходимо отметить одно важное открытие. В 1990-х гг. Х. Мордек идентифицировал собрание канонов, содержащееся в Парижском кодексе 1458 и считавшееся ранее одним из вариантов сборника Дионисия Малого, именно как копию «Квеснеллова собрания» канонов, зависящую в текстологическом отношении от Парижских рукописей 1454 и 3842 А. Указанное обстоятельство, как и тот факт, что Парижский кодекс 1458 был изготовлен в северофранцузских скрипториях IX в., дополнительным образом обосновывают выявление «учебной» ε-редакции «Квеснеллова собрания» канонов, возникшей в период распада Каролингской империи.

Вышеперечисленные списки были справедливо объединены К.Х. Турнером в единую рукописную семью на основании их текстологической критики (за исключением фрагмента Парижского

²⁶ Описания Парижских кодексов 1454 и 3842 А vide apud *Mordek H. Kirchenrecht und Reform in Frankreich. Die Collectio «Vetus Gallica», die älteste systematische Kanonensammlung des frankischen Galliens.* Berlin, 1975. S. 238–240.

²⁷ *Mordek H. Bibliotheca capitularium regum francorum manuscripta. Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse.* München, 1995 (MGH. Hilfsmittel, 15). P. 409.

кодекса 1458, выявленного в 1990 г.).²⁸ Поскольку все они отражают единый архетип 600–603 г., нам представляется целесообразным для удобства обозначить эту рукописную семью как *familia* Г. Эта рукописная семья, таким образом, включает в себя две группы кодексов (*consensus codicum*): γ — Аррасский 644 и Айнзидельнский 191, а также ε — Парижский 1454, Парижский 3842 А и, вероятно, фрагмент Парижского 1458.

«Англосаксонский» архетип, созданный при Хлотаре II в начале VII в., по всей видимости, опосредованно мог повлиять и на создание другой рукописной семьи, выделяемой К.Х. Турнером. Нам представляется правильным обозначить указанную рукописную семью как Δ-семью. Старейшими списками, принадлежащими к этой семье, являются два манускрипта. Первый из них — Венский кодекс 2141 (39) был создан в 780 г., по-видимому, в скриптории Лоршского имперского аббатства. В дальнейшем рукопись была передана в библиотеку Фульдского собора. Как отмечал К.Х. Турнер, наряду с материалами «Квеснеллова собрания» этот кодекс отражал документы, вошедшие в состав так называемого «Фрейзингенского собрания» канонов древней Церкви, имевшего хождение в церковных диоцезах на Рейне и верхнем Дунае. Возможно, что рецепция «Квеснеллова собрания» была востребована в Германии в эпоху Карла Великого в контексте проводившейся юридической организации германской церкви и культурных нововведений, связанных с Каролингским возрождением. На основании анализа титулов и разночтений нам представляется, что Венский кодекс 2141 (39) имел косвенное отношение к архетипу «Квеснеллова собрания» VII в. Указанный кодекс был использован как основа для издания памятника братьями Баллерини в середине XVIII в. Вторым списком Δ-семьи является Венский кодекс 2147 (42), ошибочно датированный Ф. Маасеном IX–X в. По справедливому мнению М. Петолетти, этот кодекс был весьма

²⁸ *Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1913. T. I, II. P. 34.*

близок к рукописи 2141 (39), поскольку создавался в области Лоршского монастыря около 780 г., и отражает ту же самую редакцию.²⁹ Предположение М. Петолетти находит подтверждение в текстологических исследованиях Ш. Мунье, посвященных актам африканских соборов.³⁰

В состав Δ-семьи входят также более поздние рукописи. Характеризуя эти рукописи, в первую очередь следует отметить Парижский кодекс 3848 А из библиотеки коллегиальной орагии в Труа (затем в Собрании Ф. Пету). Этот манускрипт был датирован Ф. Маасеном концом VIII — началом IX в. Французский историк средневекового церковного права Ж. Годме справедливо считал его одним из старейших и в определенной степени отражающим, с нашей точки зрения, «исходный» архетип. Однако, к сожалению, этот исследователь игнорировал более древние списки «Квеснеллова собрания», упоминавшиеся выше. Ж. Годме, кроме того, ошибочно, на наш взгляд, связывал с Парижским кодексом 3848 А более поздние рукописи, которые отражают иную семью списков. Указанный кодекс был создан в монастырских скрипториях в районе города Мец, в будущих владениях короля Лотаря.³¹ Следует отметить, что в Парижском кодексе 3848 А на настоящий момент отсутствует первоначальная часть «Квеснеллова собрания» канонов, а именно вступление (как и в Айнзидельнском кодексе 191), а также каноны I Никейского и Сердикского соборов. При этом «гиппонский бревиарий» в указанной Парижской рукописи содержит титулы перед каждым канонем, которые, в общем и целом, повторяют содержание этих канонов

²⁹ *Petoletti M.* Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // *Aevum* 82 (2008). P. 304.

³⁰ *Munier Ch.* Concilia Africae 345–525, Turnholti 1974, Corpus Christianorum series Latina 149, P. XV.

³¹ *Petoletti M.* Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // *Aevum* 82 (2008). P. 304; *Mordek H.* Bibliotheca capitularium regum francorum manuscripta. Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse. München, 1995 (MGH. Hilfsmittel, 15). P. 409–10.

и которые отсутствуют как в Аррасском кодексе 644 (572), так и в Айнзидельнском кодексе 191 (277). Учитывая то обстоятельство, что титулы «гиппонского бревиария» присутствовали также в позднейшем, ныне утраченном, Гентском кодексе из местного монастыря св. Бавона, который также содержал «Квеснеллово собрание» канонов, можно предположить, что Парижский кодекс 3848 А и Гентский кодекс принадлежали к родственным рукописным редакциям.³² Указанное обстоятельство, а также определенное количество текстологических различий между Парижским кодексом 3848 А и γ -группой рукописей (Аррасский и Айнзидельнский кодексы), восходящих к «англосаксонскому» архетипу VII в., позволяет сделать вывод о том, что вышеуказанный Парижский кодекс отражает принципиально иную редакцию «Квеснеллова собрания» канонов. Эта редакция была близка Венским кодексам Лоршского аббатства. Палеографический анализ титулов Парижского кодекса 3848 А, в некоторых местах выполненных старинным унциалом, а не обычным каролингским минускулом, определенным образом свидетельствует в пользу подобного предположения. На основании исследований эрудитов П. Кустанта и братьев Баллерини, можно сделать вывод о том, что утраченный ныне список «Квеснеллова собрания» — кодекс Святого Хуберта был в текстологическом отношении достаточно близок к Венским рукописям Лоршского аббатства. Об этом свидетельствуют комментарии братьев Баллерини.

Возможно, что рукописная Δ -семья стала впоследствии прототипом для одного из позднейших списков «Квеснеллова собрания» — Оксфордского кодекса Ориелской коллегии 42, который наряду с упомянутым Парижским кодексом 3842 А был положен в основу первого издания П. Квеснелла. Эта рукопись, которая была переписана Вильямом Малсберийским в 1135 г., изобилует позднейшими интерполяциями в гораздо большей степени,

³² *Crabbe* II, 1411; *Munier Ch. Concilia Africae 345–525*, Turnholti 1974, *Corpus Christianorum series Latina* 149. P. 53.

чем Парижские кодексы 1454 и 3842 А. По мнению Р.М. Томсона, Вильям Малсберийский использовал в качестве прототипа некий утраченный ныне список «Квеснеллова собрания» VIII–IX вв.³³ В 1459 г. манускрипт был подарен в числе других книг Ориелской коллегии Оксфордского университета магистром Эндрю Манксвеллом. Утраченная ныне Гентская рукопись из монастыря св. Бавона, на которую опирался в XVI в. Петр Краббе при издании деяний соборов древней Церкви, являлась списком Оксфордского кодекса.³⁴

Вышеупомянутая рукописная традиция «Квеснеллова собрания» канонов нуждается в дальнейших исследованиях. Авторы известного библиографического справочника по средневековой историографии, выходящего ежегодно во Флоренции под редакцией А. Паравичини Бальяни и Л. Пинелли, упоминают все известные на сегодняшний день полные списки «Квеснеллова собрания».³⁵ Однако представляется очевидным, что распространение «Квеснеллова собрания» в Каролингскую эпоху, начавшееся в восточной Англии и в северной Франции в VIII в., затронуло к XI в. широкие пространства бывшей империи Карла Великого от Парижа и Арденн до Лорша и Констанца. Именно поэтому в настоящий момент приходится небезосновательно надеяться на обнаружение новых рукописей «Квеснеллова собрания» канонов. Примером таких открытий, в частности, стала публикация М. Петолетти, посвященная фрагменту «Квеснеллова собрания» IX в., найденному в архиве базилики св. Амвросия в Милане и содержащему правила Сердикского собора 343 г.³⁶ По мнению исследователя,

³³ *Petoletti M.* Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // *Aevum* 82 (2008). P. 304; *Thomson R.M.* William of Malsbery. Woodbridge, 1987. P. 64–66, 96–97, 124–125.

³⁴ *Munier Ch.* Concilia Africae 345–525, Turnholti 1974, Corpus Christianorum series Latina 149. P. 27.

³⁵ *Medioevo latino*, Bollettino bibliografico della cultura europea da Boezio a Erasmo (secoli VI–XV), a cura di A. Paravicini Bagliani e L. Pinelli, XXX, Firenze, 2009. P. 717.

³⁶ *Codex M 11 Archivi capitularis basilicae S. Ambrosii Mediolanensis (Petoletti M.* Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // *Aevum* 82 (2008). P. 293–312). —

фрагмент «Квеснеллова собрания» мог быть копией, снятой с рукописей Лоршского аббатства (Венские кодексы 2141 (39) и 2147 (42)) по заказу Миланских архиепископов. «Квеснеллово собрание» канонов было практически неизвестно в библиотеках и скрипториях Ломбардии. Однако между Миланской архиепископией и монастырями верхнего Рейна традиционно существовали интенсивные культурные связи, которые способствовали распространению в Ломбардии книг, изготовленных в Лорше. В качестве примера таких культурных связей М. Петолетти приводит судьбу рукописи-архетипа сочинений Сенеки *De beneficiis* и *De clementia*, которая была разлинована в Милане, а затем перевезена в Лорш.

Кроме миланского фрагмента, «Квеснеллово собрание» канонов зафиксировано еще в двух отрывках. Среди этих отрывков необходимо отметить Дюссельдорфский фрагмент E. 32 конца VIII в. и фрагмент позднейшего Ватиканского кодекса 4982 XVI в.³⁷ Хронологическое и географическое родство списков «Квеснеллова собрания», которое известным образом не соответствует низкой степени изученности памятника, ставит исследователей перед необходимостью подготовки нового критического издания.

Работая по указанию папы Бенедикта XIV над новым изданием творений св. папы Льва I (это издание должно было усовершенствовать предыдущую публикацию П. Квеснелла), братья Пьетро и Джироламо Баллерини³⁸ положили в основу собственной публикации «Квеснеллова собрания» канонов Венский кодекс 2141 (39), датированный IX в. Исследователи расценили

Ученый издал фрагмент «Квеснеллова собрания» по указанному списку, однако не имел возможности произвести сравнения фрагмента с критическими изданиями К.Х. Турнера.

³⁷ *Petoletti M.* Loc. Cit.; Дюссельдорфский фрагмент E. 32 был создан в Вердене и переписан англосаксонским минускулом, в то время как Ватиканский фрагмент 4982 был изготовлен либо в Италии, либо в Германии.

³⁸ *Ballerinorum Petri et Hieronimi fratrum Appendix ad sancti Leonis Magni Opera, Operum Tomus III. Venetiae, 1757 (=PL LVI, Coll. 353–746).* — Текст издания оцифрован и выложен в сети Интернет по адресу: http://www.documenta-catholicaomnia.eu/25_10_MPL.html Cooperatorum Veritatis Societas.

этот кодекс как *praestantissimus*. К сожалению, ученые ограничились сравнением издания П. Квеснелла 1672 г., т. е. в конечном итоге Оксфордского Ориелского кодекса 42 и Парижского кодекса 3842 А с вышеупомянутым Венским кодексом 2141 (39), присовокупив к источниковой базе своего исследования Парижский кодекс 3858 А и некоторые рукописи «исидоровской редакции» древних канонов латинской церкви. При этом они прибегли к сравнению публикуемых памятников из состава «Квеснеллова собрания» с другими редакциями, представленными в различных канонических сборниках италийского происхождения (например, в Веронском собрании). Подобная методология не способствовала изучению генеалогии и текстологии «Квеснеллова собрания», так как аутентичный материал памятника утопал в пространных сравнениях с каноническими сборниками различного хронологического и даже географического происхождения. При этом наиболее древние списки «Квеснеллова собрания» и вовсе игнорировались упомянутыми исследователями. В дальнейшем уже в XIX столетии Ф. Маасен, создавая достаточно подробное описание рукописей памятника, к сожалению, не упомянул о древнейшем Аррасском кодексе 644 (572). В силу этого выводы ученого относительно происхождения памятника носили довольно туманный характер.³⁹

Спустя несколько десятилетий оксфордский профессор К.Х. Турнер активно исследовал рукописную традицию «Квеснеллова собрания», в первую очередь вышеуказанный Аррасский кодекс 644 (572) в контексте изучения древнейших латинских переводов «Антиохийской синтагмы». Именно он опубликовал ту часть «Квеснеллова собрания», которая содержала постановления I Никейского, Сердикского, Анкирского, Гангрского, Неокесарийского, Антиохийского, Лаодикийского и Константинопольского соборов. Э. Шварц опубликовал некоторые документы

³⁹ *Maassen Fr. Geschichte der Quellen und der Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande. Graz, 1956. S. 488–490.*

«Квеснеллова собрания», имеющие отношение к деятельности Эфесского и Халкидонского соборов, опираясь на Аррасский кодекс 644 (572). Кроме того, О. Гунтц активно использовал Парижские кодексы 1454 и 3842 А при подготовке критического издания именных списков участников I Никейского собора.⁴⁰ Выдающийся исследователь древнего церковного права Ш. Мунье, осуществивший в 1974 г. критическое издание постановлений соборов Африканской церкви, тщательным образом исследовал рукописи «Квеснеллова собрания», в первую очередь ту его часть, которая включала «гиппонский бревиарий». Однако современного критического издания «Квеснеллова собрания» канонов до сих пор не существует.

Исследование церковного права IV–V вв. вынуждает нас прибегнуть к новому критическому исследованию рукописей рассматриваемого памятника. Подобное исследование необходимо прежде в контексте продолжения научных трудов К.Х. Турнера. Оно представляет важную задачу для более тщательного выявления исходной редакции той части «Квеснеллова собрания», которая была непосредственно связана с «Антиохийской синтагмой». В силу данного обстоятельства нам представлялось необходимым взять за основу предпринятого нами критического исследования основы «Квеснеллова собрания» (по выражению К.Х. Турнера, *Supplementum Nicaeno-Romanum*) именно древнейшие списки VIII–IX вв., среди которых следовало бы указать в первую очередь Аррасский кодекс 644 (572), Айнзидельнский кодекс 191, Парижский кодекс 3848 А, Парижский кодекс 1454. При этом нами предполагалось в ряде случаев прибегнуть к сравнению публикуемых списков с рукописями, изданными братьями Баллерини,⁴¹ при подготовке критической публикации основы. При этом за основу критического издания нами были взяты

⁴⁰ *Patrum Nicaenorum nomina*, ab O. Guntz. Vindobonae-Graz, 2005.

⁴¹ *Maassen Fr. Geschichte der Quellen und der Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande*. Graz, 1956. S. 488–490.

Аррасский кодекс 644 (572) VIII в., как отражающий более древний архетип, составленный около 600–603 гг., а также Айнзидельский 191. Затем мы осуществили сравнение отмеченных рукописей γ -редакции с рукописями ε -редакции, а также сопоставили текст, выявленный в списках Г-семьи с текстом списков Д-семьи. На основании вышеизложенного обзора рукописной традиции «Квеснеллова собрания» представляется целесообразным сформулировать основные выводы, которые, с нашей точки зрения, максимально полным образом характеризуют состояние реконструкции древнейшего корпуса церковного права Римской церкви на современном этапе:

1. «Квеснеллово собрание» по своему содержанию и структуре отражает централистскую еклесиологию папы Геласия и его стремления юридически обосновать верховный авторитет Римской церкви в условиях Акакиевской схизмы. Внутренний анализ содержания памятника позволяет исчерпывающим образом судить о его историческом значении для современников. Вместе с тем вошедшая в состав «Квеснеллова собрания» «Антиохийская синтагма» позволяет судить о том, что фундамент собственного канонического права Римской церкви в конце V в. оставался в значительной степени греко-восточным.

2. Внешний анализ памятника позволяет сделать вывод о том, что «Квеснеллово собрание» содержало канонические документы, извлеченные из архива Римской церкви, основанного при папе Дамасе и активно пополнявшегося на протяжении всего V столетия. Указанная рецепция преследовала цель создания практического корпуса римского церковного права, который содержал необходимую юридическую базу в ходе судебного процесса над Мисеном Куманским.

3. Устанавливаемый при помощи текстологического анализа исходный архетип «Квеснеллова собрания» позволит в будущем судить о его репрезентативности и источниковедческом значении для последующей полномасштабной рецепции римского

церковного права. Если первый этап этой рецепции приходился на VI столетие и был полготовлен в Риме (Дионисий Малый), то ее второй этап происходил в середине IX в. в скриптории аббатства Корби («Псевдо-Исидоровы декреталии»). В связи с этим особенно примечательны результаты внутренней критики рукописной традиции «Квеснеллова собрания». Текстологическое сопоставление списков двух основных рукописных семей «Квеснеллова собрания» и реконструкция архетипа позволяют сделать важный вывод относительно утраченной, но критически устанавливаемой исходной α -редакции памятника, современной Геласию. Этот вывод, в сущности, сводится к следующему утверждению. Исходная α -редакция, тщательнейшим образом систематизированная по хронологическому и отчасти по тематическому принципу, являлась, по всей вероятности, официальным корпусом права Римской церкви на протяжении нескольких лет. Эта редакция обобщала наиболее востребованный в ходе «геласиевской» рецепции церковно-юридический материал, хранившийся в архиве Римской церкви. Памятник призван был подчеркнуть авторитет Кафолической церкви города Рима в вопросах веры и церковного устройства в условиях раскола с Константинополем и нашествия варваров-остготов. Период практического правового применения «Квеснеллова собрания», с нашей точки зрения, ограничивался понтификатом папы Геласия (494 г.) и последующими годами вплоть до лаврентиевской смуты 499–502 гг. Распря между Симмахом и Лаврентием, во многом спровоцированная монофизитствующим императором Анастасием, обусловила необходимость разработки процедур епископского избрания в Риме. Последнее обстоятельство стимулировало новые волны рецепции права, предпринятой уже Дионисием Малым. Однако, «Квеснеллово собрание» сохраняло свое практическое юридическое значение. В частности, именно α -редакция, с нашей точки зрения, была использована римскими канонистами при составлении второй редакции Дионисиева собрания канонов (*Dionysiana II*). Вероятно,

через «Псевдо-Исидоровы декреталии»⁴² несколько канонов «Квеснеллова собрания» были заимствованы сперва Бурхардом Вормским, а затем в конце XI в. Ансельмом Луканским и его продолжателями при составлении Ансельмовского «Собрания канонов».⁴³ Таким образом, «Квеснеллово собрание» сохраняло свое влияние через «Псевдо-Исидоровы декреталии» вплоть до «декретистского» периода (XI–XII вв.) развития церковного права на латинском Западе.

Результатом проведенного исследования является прилагаемый ниже критический текст древнейшей части «Квеснеллова собрания», которую можно датировать концом IV в. и которая отражает дисциплину Римской церкви в понтификат Иннокентия I и его ближайших преемников. К этой древнейшей части памятника следует отнести: каноны I Никейского и Сердикского соборов (*Supplementum Nicaeno-Romanum*), «Геласиевский декрет» (Вступление к «Квеснеллову собранию») и «гиппонский бревиарий». Публикуемый нами критический текст охватывает также титулы «Квеснеллова собрания», которые отражают его структуру и принципы формирования в конце V в.

Рукописные списки «Квеснеллова собрания» канонов:

A Аррасский кодекс аббатства святого Веста 644 (572), VIII в.

B Айнзидельнский кодекс 191 кинонии Святой Марии Покровительницы Отшельников 191, конец VIII в.

C Венский кодекс Лоршского монастыря 2141 (39), 780 г.

D Венский кодекс Лоршского монастыря 2147 (42), 780 г.

E Парижский кодекс 3848 A из собрания Ф. Пету, первая четверть IX в.

⁴² Многочисленные каноны Никейского, Неокесарийского и др. соборов были заимствованы составителями Dionysiana II и «Псевдо-Исидоровых декреталий» именно из исходной редакции «Квеснеллова собрания». См.: Ballerino Tomus III. Venetiae, 1757 (=PL LVI, Coll. 353–746).

⁴³ *Szurómi S. A.* Anselm of Lucca as a canonist, *Adnotationes in ius canonicum* B. 34. Frankfurt am Main, 2006, passim.

Ф Парижский кодекс 1454 из библиотеки собора в Бове, третья четверть IX в.

Г Парижский кодекс 3842 А из собрания Туана, середина IX в.

Н Кодекс Святого Хуберта из собрания П. Кустанта, VIII–IX вв. (?), утрачен.

І Оксфордский кодекс Ориелской коллегии 42 из собрания Вильгельма Малсберийского, 1135 г.

Ј Гентский кодекс монастыря Святого Бавона, после XII в., утрачен.

К Медиоланский фрагмент М1 капитулярного архива базилики Святого Амвросия, IX в.

ДИНАМИКА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ В IV–V ВВ. И ИХ ЗНАЧЕНИЕ ДЛЯ «ГЕЛАСИЕВСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ»

Динамика церковно-государственных отношений в IV–V вв. во многом подготовила принципы, которые были положены в основу «геласиевского возрождения» римского церковного права. В ранневизантийскую эпоху Церковь, по верному замечанию французского канониста Ж. Годме, «рожденная в Римской империи, не превышавшая ее границ (кроме как на Востоке) в течение пяти первых веков своей истории, не могла игнорировать римское право. Если римское право и не учереждало “права Церкви”, то оно было правом ее верных чад, поскольку они были римскими гражданами... Обращение к светскому праву было тем более необходимым и более частым, что собственное право в церковном обществе было еще очень мало развито»¹. Однако, по мере укрепления позиций Церкви в Римском государстве в течение IV столетия, как на Западе, так и на Востоке происходил параллельный процесс возникновения новых норм канонического права, связанного с небывалой соборной активностью, а также с формированием новых церковных административных институтов. Эти институты обладали более сложной структурой, чем предшествовавшие им церковные учреждения эпохи гонений. В связи с этим наиболее показательны церковные диоцезы Италии. Именно на италийской почве уже в IV в. в эпоху папы Дамаса формируется понтификальная канцелярия и при ней библиотека, которым суждено будет, по словам французского церковного историка Ш. Пьетри,

¹ *Gaudemet J. Les Sources du droit de l'Église en Occident du II au VII siècle.* Paris, 1985. P. 67–68.

стать центром управления Западного патриархата.² Вместе с тем усиливается значение Медиоланской кафедры как канонического центра северной Италии³. Следующее столетие становится временем, когда церковные диоцезы целиком погружаются в процесс административного развития. Историческим итогом этого развития станут: установившееся главенство Рима на Западе, принципы которого будут четко обозначены еще в конце IV столетия в «Геласиевском декрете»,⁴ а также разработка процедуры избрания Римских епископов, стимулированная лаврентиевской схизмой на рубеже VI столетия. Эти явления наиболее явно отразились в деяниях италийских соборов указанного времени. Вместе с тем представленный процесс означал стремительную клерикализацию соборной деятельности в качестве деятельности судебной. Эта деятельность предполагала полное исключение мирян из числа участников соборов. Нередко при этом младших клириков низводили до положения простых делопроизводителей, хотя на некоторых соборах они, как явствует из документов, имели формальное право голоса на всем протяжении заседаний (Аквилейский собор 381 г., Римские соборы папы Феликса III 487 г., Геласия 494 г., папы Симмаха 499–502 гг.). А. В. Карташев связывал возникновение этого явления с тем, что «арианская смута в дурном смысле слова аристократизировала Церковь, отдалила народ от епископата. Пестря соборами, она в этом смысле была самой бессоборной в сравнении с предшествовавшими столетиями».⁵ Наиболее яркими примерами такой усиливавшейся клерикализации стали Медиоланский собор 393 г. и Туринский собор 398 г.

² *Pietri Ch. Roma Christiana. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440).* Roma, 1976. Т. I. P. 464–465.

³ *Ibid.* Т. II. P. 900–901.

⁴ «Геласиевский декрет» был сформирован в папской канцелярии за век до Геласия.

⁵ *Карташев А. В. Вселенские соборы и соборность // Церковь, История, Россия.* СПб.; М., 1996. С. 71.

Церковные соборы испытывали на себе влияние светской судебной процедуры, по мнению диакона Александра Мусина и Ф. Дворника, еще в III столетии: «Для времени святителя Киприана интересно отметить лишь тот факт, что регламент соборов в северной Африке совпадал с регламентом римского Сената. Это определяется парами таких понятий, как *cogere consilium / cogere senatum, conuocare consilium / conuocare senatum, habere consilium / habere senatum*. После этого, подобно императору в Сенате, св. Киприан, как глава Церкви, имел свое *relatio* и необходимые пояснения *uerba facere*. После этого следовало *interrogatio* присутствующих епископов. Они, в свою очередь, произносили *sententia*, сопровождаемые чисто сенаторскими формулами: *censeo, decerno, mea sententia est*».⁶ Однако именно протоколы заседаний италийских соборов IV–V вв. позволяют сделать вывод относительно эволюции внутренних принципов функционирования церковного суда и развития его процедуры в позднеантичную эпоху, что невозможно осуществить по отношению к светским судам по причине почти полного отсутствия источников. Следует подчеркнуть, что, несмотря на проявлявшееся с течением времени влияние светского делопроизводства на церковную процедуру, на италийских соборах IV–V вв. еще не существовало четкого канонического принципа судебного разбирательства. В качестве судьи мог выступать как обвинитель (Амвросий Медиоланский на Аквилейском соборе 381 г.), так и вообще с канонической точки зрения посторонний представитель светской власти (император Констанций на Медиоланском соборе 355 г., префект Тавр на Ариминском соборе 359 г., король Теодорих на Римском синоде 501 г.). При этом обвиняемый должен был защищать себя сам без адвокатов (Палладий Ратианский на Аквилейском соборе 381 г.).

⁶ Мусин Александр, диакон, Церковь, Общество, Власть. Опыт патрологического исследования. СПб.; Петрозаводск, 1997. С. 108; *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political philosophy. Origins and background. Washington, 1966. Vol. II. P. 608.

В таких условиях нередко приговоры выносились заочно, например в отношении св. Афанасия Александрийского на Медиоланском соборе 355 г. или в отношении Боноса Наисского на Капуанском синоде 392 г. Обычно присутствовавшие епископы выступали в известном смысле в качестве присяжных либо присоединяясь к обвинению, а в некоторых случаях даже требуя вынесения обвинительного приговора по собственной инициативе (Проб Канусийский на Римском соборе 465 г. по поводу Сильвана Калагурского) либо категорически протестуя против выдвинутых кому-либо обвинений (Евсевий Верцельский, Люцифер Калаританский и Дионисий Медиоланский на Медиоланском соборе 355 г.). С этой точки зрения греко-восточные соборы в несравненно большей степени зависели от правовой судебной процедуры.

Несмотря на указанный процесс канонического и административного совершенствования поместных христианских церквей в IV–V вв., только римская соборная система обладала к концу эпохи четкой процедурой вынесения приговора Римских епископов относительно обвиняемого на основании доказательного исследования компрометирующих его документов без обязательного признания вины с его стороны (Римский собор 465 г. о Сильване Калагурском и Нундинарии Барселонском, Римский собор 495 г. о легате Мисене, Римский синод 502 г. об определениях, данных Римскому папе патрицием Василием в 483 г.).

Рассматривая особенности процедуры и характер решений соборов древней Церкви, следует отметить, что, к примеру, соборы ранневизантийской Италии в целом плохо укладываются в схему классификации, успешно применяемую в отношении галльских соборов эпохи Меровингов современным исследователем В.В. Солодовниковым. В рамках данной классификации соборы подразделяются на «синодальные» и «смешанные». К первой категории относятся соборы, состоявшие в подавляющем большинстве из епископов и клириков и решавших чисто духовные вопросы, а ко второй — соборы, в которых непосредственно участвовали

миряне и на которых обсуждалась светская проблематика.⁷ Особенность италийских соборов, динамика которых в некоторой степени подготовила почву для «геласиевского возрождения», заключается в следующем. Практически на всех соборных заседаниях, происходивших на Апеннинском полуострове в IV–V вв., обсуждалась именно духовная проблематика, выражавшаяся либо в догматических спорах, либо в церковно-дисциплинарных требованиях, в которой, однако, удивительным образом нашли свое отражение самые разнообразные стороны христианского общественного опыта: от полемики вокруг триадологического термина *omoousion* (единосущный) до борьбы за абсолютный иммунитет церковных имуществ или церковного статуса, нередко оспаривавшихся подпадавшими под влияние еретиков представителями светской власти (следует вспомнить ситуацию, сложившуюся вокруг Портианской базилики в Медиолане при императрице Юстине, или репрессии, которым оказались подвергнуты палские легаты в Константинополе при императоре Зеноне). При этом в деятельности многих италийских соборов участвовали миряне, преимущественно представители светской римской власти, присутствие которых не было предусмотрено какими-либо юридическими постановлениями, что отличает реалии италийской церковной жизни IV–V вв. от синодальной системы, сложившейся позднее в варварских королевствах. Примером соборов, рассматривавших богословские проблемы при непосредственном участии мирян, являются знаменитые Медиоланские соборы 346 и 355 гг., а также Ариминский собор 359 г. Вместе с тем некоторые италийские соборы, в деятельности которых принимали участие исключительно клирики, выносили решения, имевшие не столько богословское, сколько политическое значение, в частности Римский собор 485 г., направленный против Акакия Константинопольского, или Римский собор 495 г., на котором судили легата Мисена,

⁷ Солодовников В.В. Ранние соборы. Меровингская Галлия VI–VIII вв. М., 2004. С. 10–13.

виновного, по сути, в политической измене папе Геласию. Разделение соборов на синодальные и смешанные может быть адекватно использовано при характеристике лишь некоторых италийских соборов: в частности, Аквилейский собор 381 г., Медиоланские соборы 380, 390 и 393 гг., Туринский собор 398 г. и Римский собор 465 г. могут быть обозначены как «синодальные» соборы, в то время как Равеннский собор 419 г., Римские синоды 499 и 501 гг. наиболее соответствуют понятию «смешанных» соборов.

Проблема социокультурного взаимодействия Церкви и позднеримского общества несомненно разрешима в контексте исследования «геласиевского возрождения», ибо «Квеснеллово собрание» является прекрасной иллюстрацией того, как сосуществовало каноническое и имперское право. После признания христианства в 313 г. в качестве легально существующей религии в Римской империи начался процесс стремительной интеграции Церкви как института в римскую социальную структуру. При этом клир в качестве новой, условно говоря, сословной группы в процессе данной интеграции не только получал возможность все более влиять на процессы, происходившие в социальной жизни империи, но, и в лице епископата, оказывался задействованным в государственном и общественном управлении. В результате указанного процесса интеграции, среди старых сословий и общественных групп занял прочное место совершенно новый институт — Церковь, которая уже имела опыт трехвекового существования в положении недозволенной коллегии в условиях гонений. В Италии конца IV — начала V в. этот процесс происходил с интенсивностью, характерной для всей империи. Как отмечала Г.Е. Лебедева, характеризуя динамику увеличения числа клириков в указанную эпоху, «Возросшее стремление куриалов перейти в клир в известной мере было связано, с одной стороны, с сильно продвинувшейся христианизацией сословия, изживанием ранее очень сильных именно в его среде языческих традиций, с другой — с растущим участием клира в муниципальной жиз-

ни и деятельности, участием в делах самоуправления», — при том что «исключительно невелико число свидетельств о переходе куриалов в низшие сословия. Причем часть из них имела явно фиктивный характер».⁸ Описанный процесс достаточно хорошо проанализирован французским исследователем Ж. Годме. Ученый, в частности, указывал на то, что в середине III в. в Римской церкви было только 44 пресвитера, 7 диаконов, 7 иподиаконов, 42 аколута, 52 экзорциста, чтеца и остиария, а к концу V столетия только чтецы Римской церкви составляли 157 человек.⁹ Исследования церковно-юридической литературы в целом позволяют представить масштаб исторических событий, связанных с христианизацией римского мира. Эти исследования помогают осознать степень вовлеченности в данные церковно-политические события некоторых светских социальных групп (например, участие римского Сената в событиях, связанных с печально знаменитыми Римскими Синодами 502 г., и в последующей гражданской войне в эпоху лаврентиевской схизмы).

Следует также отметить, что новые исследования истории провинциальных соборов IV–V вв. позволяют отчетливо представить на примере реального функционирования органов церковной администрации действительное положение епископа, статус которого был привилегирован в позднеантичном обществе. Эти исследования выявляют отношение епископата к процессам, характерным для церковной жизни. По свидетельству итальянского историка Р. Лицци Теста, «Одним из вопросов, который в течение последних лет привлекал внимание исследователей, является вопрос

⁸ *Лебедева Г.Е.* Социальная структура ранне-византийского общества по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. Л., 1980. С. 137. — Необходимо также учитывать следующее обстоятельство, отмеченное Г.А. Курбатовым: «В течение V–VI веков Церковь фактически лишает курии их важнейших административно-хозяйственных и общественно-политических функций и становится во главе городского самоуправления». (*Курбатов Г.А.* Городские курии и сословия куриалов в ранней Византии (IV–VI вв.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Л., 1956. С. 15).

⁹ *Gaudemet J.* L'Église dans L'Empire Romain (IV–V siècles). Paris, 1958. P. 106–107.

относительно преобладания, достигнутого епископом в управлении позднеантичным городом. Многочисленные источники эпохи и развитие интереса специалистов к самым широким областям знания (от письменной истории до папирологии, от христианской археологии до эпиграфии) способствуют разъяснению многочисленных аспектов этого процесса и результатов исследования». ¹⁰ В связи с этим, соборные деяния как никакой другой вид письменных источников представляются наиболее репрезентативными. Они проливают в полной мере свет на проблему, обозначенную в статье Р. Лицци Теста, они сочетают в себе элементы памятников права, официальных документов канцелярии и нарративного повествования. С этой точки зрения представляется неслучайным то, что папа Геласий включил в «Квеснеллово собрание» фрагменты деяний, т. е. протоколы Эфесского и Халкидонского соборов.

Анализируя историческое значение «геласиевского возрождения», необходимо понять то, каким образом церковная рецепция римского права могла повлиять на эволюцию позднеимперского законодательства в более широком смысле, а также каким образом она могла увеличить роль церковных институтов в обществе, которое находилось на переломном этапе своего развития. Для ответа на поставленные вопросы необходимо рассматривать в комплексе весь спектр возможных, политических, юридических, социальных и мировоззренческих причин, которые могли бы обусловить подобное влияние. Отправной точкой, необходимой для подобного исследования, бесспорно должен стать вопрос, касающийся причин легализации Церкви как дозволенного института, приведшей уже очень скоро к полному торжеству христианства по всей Римской империи. Резюмируя рожденные в недрах историографии XIX в. концепции исследователей относительно первоначальных

¹⁰ *Lizzi Testa R.* Privilegi economici e definizione di status: il caso del vescovo tarantoantico // Rendiconti della academia nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche. S. IX. Vol. XI. Fasc. I. Roma, 2000. P. 55.

причин торжества христианства в Римской империи, выдающийся русский византист А.А. Васильев пришел к выводу о том, что именно сочетание политической целесообразности и личной внутренней убежденности заставило в свое время императора Константина легализовать существование Церкви как законного религиозного института. «Нельзя совершенно оставлять без внимания и его политические планы, — писал исследователь, — последние также должны были сыграть роль в его отношении к христианству, которое во многом могло ему помочь. Но, во всяком случае, не политические планы явились причиной обращения Константина; последний обратился к христианству в силу внутреннего убеждения, возникшего и окрепшего не под влиянием политики. В том-то и заключается гениальность Константина, что он, сам, искренне сочувствуя христианству, понял, что в будущем оно будет главным объединяющим элементом разноплеменной империи. “Он хотел, — как пишет кн. Е. Трубецкой, — скрепить единое государство посредством единой церкви”». ¹¹ Именно в результате сочетания политической дальновидности императора и мировоззренческой силы самого Христианства, способного сообщить бытию одряхлевшей Римской империи новое духовное содержание, уже к середине IV в. религиозная ситуация в обществе начала существенно изменяться. Это изменение было свершившимся фактом несмотря на то, что сам Константин в религиозном отношении эволюционировал очень медленно, пройдя только к концу жизни путь от поклонения солнцу и различным земным богам до убежденности в истинности христианских догматов. ¹² Тем не менее следствием указанного религиозного поворота в сторону христианства стало, по мнению А. А. Васильева, качественное изменение самых различных сторон церковной жизни. «При создавшихся новых условиях церковной жизни в начале IV в.

¹¹ *Васильев А.А.* История Византийской Империи. Т. I. Время до Крестовых походов. СПб., 1998. С. 100.

¹² *Brehier L.* Constantin et la fondation de Constantinople // *Extrait de la Revue historique.* Paris, 1915. Т. 119. P. 21.

христианская Церковь переживала время напряженной деятельности, которая особенно ярко выражается в области догматики... соборы в IV в. становятся обычным явлением, и в них усматривается единственное средство для разрешений спорных церковных вопросов. Но уже в соборном движении IV в. замечается новая, в высшей степени важная, черта для всей последующей истории отношений между духовной и светской властью, между церковью и государством. Начиная с Константина Великого, государственная власть вмешивается в догматические движения и направляет их по своему усмотрению».¹³ Подчеркивая возросшее церковно-политическое значение соборов, А.А. Васильев традиционно для историографии рубежа XIX–XX вв. осмыслял соборное движение как ярчайший пример известного узаконенного вмешательства императорской власти в дела Церкви. Следует вспомнить то, как французский историк Г. Буассье характеризовал принципы поведения Константина по отношению к церковным делам, утверждая, что император чувствовал себя господином среди епископов почти так же, как раньше он чувствовал себя главой языческих жрецов. «Епископы были подкуплены с первого момента; они десять лет противостояли всем угрозам, но не могли устоять перед почестями и милостями».¹⁴ Однако и Г. Буассье, и А. А. Васильев ограничились лишь общей констатацией данного факта, исходя из оценки политической ситуации в Римской империи IV в. и личности императора Константина. Они не попытались выявить конкретные причины отмечаемого всеми оживления соборной деятельности в IV в., как и связанного с ним государственного вмешательства в церковную жизнь. Стремясь объяснить возникновение соборного движения и вмешательство императорской власти в церковную жизнь исключительно социально-экономическими предпосылками в рамках господствовавшего в советской историографии

¹³ *Васильев А.А.* История Византийской Империи. С. 106.

¹⁴ *Буассье Г.* Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на западе в IV веке // Собрание сочинений. СПб., 1998. Кн. I–III. Т. V. С. 73.

идеологического принципа «исторического материализма», советский византинист М.В. Левченко попытался представить лидирующее положение Церкви в поздней Римской империи как результат экономической поддержки со стороны государства. В связи с этим соборное движение, как и остальные элементы церковного управления, воспринимались им в качестве мало значимых для общей характеристики положения Церкви деталей церковно-политической «надстройки». По словам М.В. Левченко: «Идеологической опорой правительства являлась христианская Церковь, с которой правительство Римской империи уже в IV в. заключает тесный союз... Христианская Церковь становится могучим общеимперским учреждением, имеющим налаженные порядки и свою иерархию, такую же сложную и громоздкую, как и правительственная административная машина. Высшее духовенство добивается полной независимости от массы верующих и высоко поднимается над этой массой. Церковь издавна приспособила государственное административное деление для своей организации. Города сделались местопребыванием епископов. Главные города провинции, где собирались съезды епископов, сделались резиденциями митрополитов, в подчинении которым находились епископы данной провинции... В награду за свои услуги Церковь получала от правительства крупные земельные владения, многочисленные права и привилегии. Императорская власть поручает церковникам заведывание целым рядом государственных и муниципальных дел, выполнение которых было не под силу правительственным чиновникам, предоставляя для этого соответствующие средства».¹⁵ В рамках данной констатации, достаточно фактологически насыщенной, соборное движение предстает в качестве еще одного элемента церковного управления, по-видимому заимствованного у государства, скопированного с неких образцов римской управленческой системы. При этом, однако, остается невыясненным,

¹⁵ *Левченко М.В.* История Византии. М.; Л., 1940. С. 22–23.

руководствуясь какими мотивами императорская власть оказалась столь недальновидной и пошла на то, чтобы в благодарность за идеологические услуги попустительствовать созданию церковного управленческого аппарата, идентичного по своей сложности государственному. Как будто римская государственная власть не замечала того, что в ближайшей перспективе этот административный «двойник» будет способен конкурировать с государственной властью, ничем до этого времени неограниченной, а соборы, состоящие из наделенных светскими полномочиями «церковников», смогут стать реальной помехой на пути вмешательства государственной власти в религиозную жизнь, серьезность которой никто из исследователей соборного движения поздней Римской империи не оспаривал. Именно невозможность объяснить возвышение Церкви в IV в. экономическими причинами заставляла ученых искать более глубокие истоки и причины влияния церковных соборов на позднеримское общество во взаимоотношениях между Церковью и этим обществом, тем более что дары государства по отношению к Церкви первоначально были весьма скромными. По замечанию Ш. Пьетри, столичной Римской церкви «Константин не дарует ни богатства ни могущества: епископ не мог бы состязаться с сенаторскими семействами, допуская даже, что он желал бы войти в эту игровую аристократической конкуренции».¹⁶

На фоне отмеченной выше деградации городского сословия куриалов именно Церковь явилась тем институтом, который мог цементировать и укреплять старые полисные социально-политические традиции, наполняя их новым христианским содержанием, основывая их на новых принципах. Именно такой вывод был сделан Г.Л. Курбатовым, который так характеризовал причину административного усиления Церкви в IV в.: «Для всей политики позднеантичной Церкви характерен ярко выраженный “градоцентризм”. Позднеантичная Церковь не просто копировала полисное

¹⁶ *Pietri Ch.* Op. cit. T. I. P. 97.

и государственное устройство в своей организационной структуре. Город был центром христианской епархии — главного звена церковной организации, центром распространения христианства... Градоцентризм отражал не просто стремление укрепить значение города как религиозного центра. Он носил последовательно позднеантичный по своей сущности характер. Чрезмерное для потребностей населения города строительство церквей определенно отражало идеалы полисного патриотизма, поскольку для строительства пышных городских церквей использовались и скромные доходы сельских приходов... многочисленность городского духовенства в значительной степени объяснялась широким притоком в его ряды плебейского населения городов».¹⁷

Итак, логично было бы предположить, что именно преобразованная в рамках церковного диоцезального устройства полисная традиция способствовала интенсификации соборов в качестве собраний клириков и представителей мирян, а широкая вовлеченность в церковную жизнь широких слоев населения способствовала широкому распространению и популярности соборных решений. По всей видимости, именно преемственность полисных традиций и усвоение их Церковью очень скоро породили подчеркнуто пышный стиль жизни при некоторых епископских дворах. Этот стиль служил поводом для упреков в адрес Церкви со стороны язычников, в частности со стороны Аммиана Марцеллина.¹⁸ Сам св. Григорий Богослов, покидая Константинопольскую церковь, с сокрушением говорил о том, что он перед своим избранием и не думал об ожидающих его перспективах. Не думал он, что ему придется гордо выситься на колесницах, что люди, заведев его, будут разбегаться, как при виде дикого зверя. Однако бесспорным представляется, что указанная адаптация полисных традиций церковными институтами оказалась столь успешной

¹⁷ Курбатов Г.А. История Византии. М., 1984. С. 45.

¹⁸ Удальцова З.В. Идеино-политическая борьба в Ранней Византии. М., 1974. С. 42.

именно потому, что она произросла на благодатной почве, а именно на соборном устройстве Церкви, присущем Ей с первых веков существования. Как отмечал Ж. Годме: «Если оставить в стороне Иерусалимский собор, соборные съезды засвидетельствованы со II в. на Востоке и в Риме».¹⁹

Можно признать справедливым утверждение Р. Лицци Теста, согласно которому «Церковь в момент, когда государство было более слабым, принимала от него публичные функции, возложив на себя ответственность за идеологическое наследие римского духа».²⁰ И вместе с тем: «...возвышение Церкви в качестве великой силы было непременно связано с политической ролью, которую Ее иерархи сумели сыграть».²¹ Следует согласиться с основным выводом Р. Лицци Теста: исследования индивидуальной деятельности отдельных персонажей — деятелей ранневизантийской церковной истории позволяют в полной мере представить масштабы этой политической роли Церкви, так как именно церковно-политические деятели Италии IV в. подают пример того, каким образом в реальности воплощались различные общественные течения: от зарождавшегося на Западе монашества до социально-активного городского плебса.²² Иными словами: «Клир и епископ, которые по происхождению и традициям были горожанами... заботились о повышении роли и авторитета центра епархии».²³ В рамках указанной политической роли церковные

¹⁹ *Gaudemet J.* Les Sources du droit de l'Église en Occident du II au VII siècle. Paris, 1985. P. 34.

²⁰ *Lizzi Testa R.* Vescovi e strutture ecclesiastiche nella città tardoantica (l'Italia annonaria nel IV–V secolo d. C.). Como New Press, 1989. P. 211.

²¹ *Ibid.* P. 7.

²² *Ibid.* P. 17. — Р. Лицци Теста приводит в качестве подтверждения реальности присутствия среди представителей епископата заметных выходцев из знатных семей личность св. Амвросия, в то время как присутствие плебеев в епископате олицетворяет Кромаций Аквилейский, участие в церковно-политической жизни монахов символизируют Евсевий Верцельский, Гауленций Новарский и, вероятно, Максим Тауринский (Туринский).

²³ *Курбатов Г.А., Лебедева Г.Е.* Некоторые вопросы истории византийской Церкви в освещении современной историографии // Феномены истории. Сб. к 70-летию В. А. Керова. М., 1996. С. 53.

соборы становились реальным инструментом влияния Церкви на общество. Соборы же, как известно, во многом формировали корпус церковного права, собранный впоследствии как в «Квеснелловом собрании», так и в «Синагоге» Иоанна Схоластика.

Соборы уже с середины IV в. являют пример противодействия некоторым инициативам императорской власти. Это противодействие выразилось на каноническом уровне, т. е. на уровне церковного законодательства. Достаточно вспомнить вслед за современным итальянским исследователем Л. Де Джованни факт публичного осуждения такими влиятельными епископами, как Осий Кордубский и св. Амвросий Медиоланский, принципов вмешательства императоров в церковные дела. Примеры подобного вмешательства были осуждены, несмотря на отдельные случаи давления светской власти на епископов, на безусловности и репрезентативности которых настаивали А.А. Васильев и Г. Буассье.²⁴ Усиливавшаяся политическая роль Церкви в IV в., и в частности то высокое общественное положение церковного суда, о значении которого для светского сознания писал еще аббат Л. Дюшен,²⁵ обеспечили создание ситуации, при которой в лице церковного авторитета возникал реальный противовес императорской власти, бывшей доселе безграничной. Неслучайно, рассуждая о политических реалиях, присущих ранней Византии, Г.А. Курбатов писал: «Формула “глас народа — глас Божий” была известной политической реалией в жизни Византии, христианским обоснованием права критики и выражением своего мнения “богоизбранным народом” “богоизбранному императору”». ²⁶

Указанное возвышение Церкви в ранневизантийском обществе, политическим выражением которого стало епископское городское управление, — явление чрезвычайно сложное, отмеченное

²⁴ *De Giovanni L.* Chiesa e Stato nel Codice Teodosiano. Saggio in libro XVI. Napoli, 1980. P. 182.

²⁵ *Duchesne L.* Histoire ancienne de l'Eglise. T. II. Paris, 1908. P. 665.

²⁶ *Курбатов Г.А.* История Византии. М., 1984. С. 47.

многочисленными спорами среди историков. Можно полемизировать о том, было ли это усиление Церкви обусловлено экономической независимостью, т. е. явилось ли оно результатом того, что начиная с IV в., «экономическая активность в городе во многом уже зависела от Церкви, — в силу чего, — в ее руках сосредотачивалась едва ли не большая часть товарного производства»,²⁷ или же оно в большей степени определялось стремлением государства использовать новый религиозный институт в своих целях «для контроля над государственным управлением».²⁸ Вне зависимости от результата данной полемики реальность церковного авторитета и епископского управления в муниципалитете ранневизантийского города не вызывает сомнений. Источники, оставшиеся от IV в., однозначно свидетельствовали в пользу означенного вывода. Они применяли к епископу такие эпитеты, как *pater populi*, *pater patriae*, *pater et rector urbis*.²⁹ В то же время новейшие исследования лишь подтверждают, что политические функции епископов были выражением высокого социального положения Церкви. При этом наиболее открытых и прямых форм епископское управление городом достигло в IV столетии, а именно в Италии в таких городах, как Медиолан (ныне Милан), Ком, Лауда Помпейская (ныне Лоди), Клатерны (ныне Клатерна), Тридент (ныне Тренто) и Гражданская Колония Августа Бриксианская (ныне Брешия).³⁰ Реальность епископского городского управления в Италии признавал даже А. Хольвег. Тот самый А. Хольвег, который скептически

²⁷ Левченко М.В. Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. Т. II (XVII). М.; Л., 1949. С. 21.

²⁸ Hohlweg A. Bischof und Stadtherr im Fruhen Byzanz // JÖB. XX. 1971. S. 8.

²⁹ Gaudemet J. L'Eglise dans l'Empire Romain (IV–V siècles). Paris, 1958. P. 355.

³⁰ Lizzi Testa R. 1) Privilegi economici e definizione di status: il caso del vescovo tardoantico // Rendiconti della academia nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche. S. IX. Vol. XI. Fasc. I. Roma, 2000. P. 57; 2) Vescovi e strutture ecclesiastiche nella città tardoantica (l'Italia annoveraria nel IV–V secolo d. C.). Como New Press, 1989. P. 36–137. — Ярким примером новых политических возможностей Церкви является решение Медиоланского собора 393 г. об изгнании еретика Ювиниана и его последователей из Медиолана. См.: *Mansi*. Т. III. P. 689.

воспринимал утверждения о наличии независимого епископского политического правления в ранней Византии в противовес распространенному мнению другого немецкого исследователя Д. Клауде.³¹

Однако, если полемика, предполагающая восприятие епископского городского управления и усиления Церкви в целом как результата либо экономического господства, либо особого волеизъявления государства, не способна исчерпывающим образом осветить корни рассматриваемого явления, остается вопрос, проявлением каких исторических тенденций все-таки стало означенное общественное господство Церкви и ее политическое лидерство в еще полуязыческом социуме? Подробное исследование «геласиевского возрождения» и рожденной им правовой рецепции заставляет признать: Римская церковь находила средства для отстаивания церковной свободы как в постоянно менявшейся политической и экономической конъюнктуре V столетия, характерной для Запада, так и в монофизитских спорах, сотрясавших Восток. Эта церковная свобода не могла не вызвать определенный сдвиг в общественном сознании, отождествлявшем прежде всю полноту власти с императором, а также не могла не привести к ощутимым политическим изменениям в положении Церкви. Исключительное место церковных соборов как одного из главных трибуналов в пространстве ранневизантийского общества было уже очень скоро засвидетельствовано самим императорским законодательством. Это законодательство в данном случае признавало *de facto* указанное положение церковных соборов в политической и общественной жизни. Трезвое понимание ценности как идейной метафизической категории определяло стремление имперской власти конструировать правовую и социальную проекцию этой осознанной ценности в экономической жизни. Так, например, уже закон Константина 3 июля 321 г., дававший право

³¹ *Hohlweg A.* Op. cit. S. 61; *Claude D.* Die Byzantinische Stadt // BA. 13. Munchen, 1969. S. 157.

частным лицам оставлять имущество Церкви по завещанию, рассуждая о церковном представителе, полномочном принимать завещанное, апеллировал такой категорией, как «*sanctissimum Ecclesiae Catholicae uenerabilisque concilium*» («святейший собор Кафолической и почитаемой церкви»). По сути, император признавал в качестве главной инстанции, способной представлять полноту Церкви перед внешними юридическими лицами, вовсе не отдельных епископов, а именно церковный собор.³² Хотя упомянутый закон положил начало бесчисленным судебным тяжбам между держателями церковных бенефициев и наследниками завещателей,³³ важен был сам вводимый им принцип. Исходя из этого принципа соборы получали право распоряжаться имуществами, которые, являясь собственностью религиозной коллегии, в данном случае Церкви, в силу норм еще языческого законодательства были теоретически неотчуждаемы.³⁴

Спустя полвека 17 мая 376 г. вышел закон Валента, Грациана и Валентиниана, исходя из которого предписывалось разграничение полномочий диоцезального Синода и светских магистратских судов. В компетенцию первым отдавались все дела, имеющие отношение к религиозной жизни, а вторым — криминальные дела.³⁵ Однако указанное разграничение полномочий, официально уравнивавшее соборное разбирательство и светскую судебную процедуру, в действительности означало провозглашение полной судебной самостоятельности Церкви. Объявленная законом автономия уголовных разбирательств и их независимость от церковного авторитета была нейтрализована другими законами. Эти законы устанавливали порядок, по которому дело епископа могло

³² СTh, XVI, 2, 4.

³³ *Magnou-Nortier E.* Le Code Théodosien et sa reception au Moyen Age. Introduction, notes et index // SC 2. Paris, 2002. P. 108. — Также см.: *Buenacasa Perez C.* La propiedad ecclesiastica segun el «Codex Theodosianus» // La Hispania de Teodosio (Congreso Internacional Segovia loca, Oct. 1995). Madrid, 1997.

³⁴ *Соколов П.* Церковно-имущественное право в Греко-Римской Империи. Новгород, 1896. С. 41–57.

³⁵ СTh, XVI, 2, 23.

разбираться только судом других епископов, каким бы ни было само обвинение: так родилось явление, известное как «*episcopalis audientia*».³⁶ Данные законы окончательно закрепляли за церковными соборами судебные прерогативы, независимые от светского правового пространства.

Разумеется, реальные взаимоотношения Церкви и государства далеко выходили за рамки установленного законодательства. Временами бывает чрезвычайно сложно определить, в какой степени те или иные церковные соборы древней Церкви были реально независимы от влияния императорской власти. Однако приведенные выше законодательные примеры определенно свидетельствуют в пользу того, что церковные соборы, а вместе с ними и вся церковная организация и юридически, и политически не зависели от императорской власти.³⁷ Впервые подобное положение проявилось именно в Италии. Именно на Апеннинском полуострове активная деятельность св. Амвросия Медиоланского по проведению независимых диоцезальных синодов и крупных окружных епископских съездов, по выражению Е. Ману-Нортье, «положила предел императорскому всемогуществу».³⁸ Св. Лев Великий в новых условиях распада имперской государственности на Западе продолжил политический курс Сириция и св. Амвросия на церковную независимость. При этом возвышение Римской кафедры при св. Льве Великом позитивно отражалось отчасти и на положении Церкви на Востоке. Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать вывод о том, что динамика отношений Церкви и государства в ранневизантийский период носила амбивалентный характер. Для более полной характеристики этих отношений необходимо отметить следующее. Состояние источников,

³⁶ СTh. XVI, 2, 12; СTh. XVI, 2, 47; *Magnou-Nortier E.* Op. cit. P. 118. — Также см.: *Cimma M.* L'episcopalis audientia nelle costituzioni imperiali da Costantino a Giustiniano. Torino, 1989.

³⁷ *Duchesne L.* Histoire ancienne de l'Eglise. T. II. Paris, 1908. P. 655–665.

³⁸ *Magnou-Nortier E.* Op. cit. P. 29; *Rahner H.* L'Eglise et l'Etat dans le christianisme primitif. Paris, 1964. P. 130, 146.

связанных с историей Церкви в ранневизантийскую эпоху, на данный момент таково, что новые серьезные открытия в указанной области вряд ли возможны. Возможны лишь новые формы интерпретации этих источников. Подобная интерпретация в свою очередь несет в себе риск замутненного восприятия исторической реальности сквозь призму утвердившихся историографических подходов. Однако плоды «геласиевского возрождения» и рецепции римского церковного права демонстрируют нам, прежде всего, на страницах «Квеснеллова собрания» реальность политической церковной независимости в Италии уже в конце V столетия.

Рассматриваемое V столетие как таковое было ознаменовано углублением тех тенденций в отношениях Церкви и государства, которые зародились при Константине. Клир был наделен значительным количеством привилегий и иммунитетов, в частности возник уже упомянутый институт епископских судов — *episcopalis audientia*. Однако подобное привилегированное положение клира в сочетании с расширением христианизации и вовлечением императорской власти в богословские споры таило в себе угрозу обмирщения церковной организации. Если при папе Сирици и св. Амвросии Медиоланском императорская власть в Италии уступала влиянию Церкви, то уже спустя два десятилетия после кончины св. Амвросия западный император Гонорий определял кандидатуру Римского епископа на Равеннском соборе. Восточные императоры Феодосий-младший и Маркиан активно вмешивались в богословские споры. Первый покровительствовал в начале Несторию, второй же последовательно занимал антимонофизитскую позицию. Эта позиция государя создавала сложный прецедент участия императора в деятельности Халкидонского собора, который был проведен при деятельном участии императора и его супруги Пульхерии — сестры покойного Феодосия-младшего. Если Маркиан был православным, то его преемники, в частности Зенон и в особенности Анастасий, симпатизировали монофизитам.

После того как папа Феликс отлучил Константинопольского патриарха Акакия за согласие с промонофизитским «Энотиконом» императора Зенона, возникла схизма между Римом и Константинополем. Не вдаваясь в подробности этого конфликта, итак хорошо известные, отметим, что эскалация конфликта прихлась на начало 490-х гг. Связано это было с тем, что в 491 г. на императорский престол Восточной Римской империи взошел откровенный монофизит — Анастасий, который стремился употребить максимум политического влияния, даже путем договора с вождем остготов Теодорихом, для того, чтобы оказать давление на Римскую церковь, отрицавшую «Энотикон». Позднее это влияние спровоцирует междуусобную кровавую распрю в Риме между законным папой Симмахом и провизантийским антипапой архипресвитером Лаврентием в 499 г., которого будут поддерживать подкупленные Анастасием римские сенаторы.³⁹ Взошедший на кафедру апостола Петра 1 марта 493 г. папа Геласий оказался в сложной ситуации, когда Римская церковь испытывала давление монофизитствующего константинопольского императора.

Именно Геласий провозглашает после своего избрания первенство и безусловность авторитета Римского архиерея. Этот шаг был результатом глубоко продуманной доктрины. Несомненно, что смелость Геласия укрепила позиции православных. Политика Геласия дала внутренние силы римскому клиру пережить спустя несколько лет после его кончины лаврентиевскую смуту 499–502 гг. Появление законов Валентиниана и Маркиана, направленных против монофизитов, в «Квеснелловом собрании» в сочетании с корпусом декретов св. Льва Великого дает нам прекрасную иллюстрацию того, как Геласий воспринимал модель отношений Церкви и империи. Эта модель предполагала послушание, выказываемое императором по отношению к Церкви.

³⁹ *Мейендорф Иоанн*, протопресвитер. История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 122–126.

На основании вышеизложенных в представленной главе положений, представляется необходимым сформулировать следующие выводы:

1. Динамика отношений Церкви и государства в IV–V вв. позволяет сделать вывод о ее влиянии на «геласиевское возрождение», вдохновители которого, прежде всего сам Геласий, стремились противопоставить авторитету императорской власти церковный авторитет. При этом Геласий противопоставлял памятный, но не признанный Римом 28-му канону Халкидонского собора свой манифест безусловного первенства Римской церкви, основанного на Евангелии и предполагающего эkkлесиологический универсализм в качестве своеобразной альтернативы византийской теории пентархии.

2. «Геласиевская» рецепция римского церковного права способствовала сохранению римского правового инструментария в условиях варварского нашествия и господства арианства.

3. На основании анализа событий, сопровождавших лаврентиевскую смуту 499–502 гг., можно сделать вывод о позитивном значении «геласиевского возрождения» для конечного сохранения независимости Римской церкви от Восточной Римской империи в условиях Акакиевской схизмы.

ВЛИЯНИЕ «ГЕЛАСИЕВСКОГО ВОЗРОЖДЕНИЯ» НА ЭВОЛЮЦИЮ РИМСКОГО ЦЕРКОВНОГО ПРАВА

Указанные в предыдущих главах процессы, связанные с формированием в Римской церкви собственного правового кодекса, существенным образом отразились на всей последующей истории церковного права на латинском Западе. Как уже было отмечено, «Квеснеллово собрание» канонов отражало своей структурой состояние папского архива, о существовании которого известно со второй половины IV в. Исходное «ядро» архива, возникшее, вероятно, еще при папе Дамасе, образовывали каноны I Никейского собора 325 г., к которым присоединялись каноны Сердикского собора 343 г. Акты последнего при этом воспринимались в качестве продолжения первого, что в значительной степени было связано с особым восприятием собора в Сердике на Западе в период «полуарианского» раскола. К указанным документам, по-видимому, присоединялся «Гиппонский бревиарий», который содержал соборно утвержденные принципы существования и церковной дисциплины Африканской церкви в конце IV в. В сущности именно эти памятники церковного права оказывали непосредственное влияние на жизнь Римской церкви в конце IV в. наряду с папскими декретами, первые из которых появились при Сириции (декрет Имерию Тарраконскому 385 г., декрет св. Амвросию Медиоланскому против Ювиниана 393 г., декрет о созыве Капуанского собора в 392 г. и т. д.). Следующим этапом формирования папского архива стала рецепция «Антиохийской синтагмы», переведенной на латинский язык первоначально в нескольких вариантах и окончательно утвержденной Римской церковью при Иннокентии I. Каноны Анкирского, Гангрского, Кесарийско-Каппадокийского, Неокесарийского и Антиохийского соборов,

а равно и сборник церковных правил малоазийского происхождения, известный под наименованием «Правил Лаодикийского собора», были включены в эпоху Геласия в состав «Квеснеллова собрания».

Этот второй пласт документов, формировавших папский архив, в слабой степени отражал реалии церковной жизни города Рима и его окрестностей, однако был чрезвычайно важным элементом права. Рецепция этих документов Римом свидетельствовала о вселенском характере местной церковной организации. На протяжении первой половины V столетия папский архив интенсивно наполнялся новыми декретами, которые свидетельствовали о расширении юрисдикции Римского епископа в пределах Западной Римской империи. Большинство подобных декретов Иннокентия I, Зосима, Целестина в первую очередь касались отношений с непокорной Риму Карфагенской церковью, однако были среди них и такие документы, которые затрагивали внутреннюю дисциплину испанских и галльских христианских общин. К последней категории памятников принадлежат, прежде всего, те декреты, которые были изданы Сирицием, Иннокентием I и св. Львом I. Включение декретов в состав «Квеснеллова собрания» в конце V в. свидетельствует о той важной роли, которую они играли в повседневной церковной жизни на латинском Западе в указанную эпоху. Наконец, папский архив ко времени понтификата Геласия пополнился обширными материалами, оставшимися от деятельности Эфесского собора 431 г. и Халкидонского собора 451 г., имевшими вселенское значение для всей Кафолической церкви. Подчеркивая первенствующую роль Римской церкви при проведении этих соборов, создатели «Квеснеллова собрания» поместили в свой кодекс эти материалы, наряду с некоторыми императорскими законами, касающимися деятельности указанных соборов.

Рассматриваемая структура «Квеснеллова собрания» свидетельствует об определенной хаотичности папского архива в конце

V столетия. Документы этого архива накапливались с течением времени и были включены в первый кодекс Римской церкви в зависимости от того, в какое время они попали в архив. Ущербность подобной классификации понимали уже современники папы Геласия. Неслучайно, Дионисий Малый в последующие после кончины этого архиерея годы стремился создать новый кодекс канонов, придерживаясь строгого хронологического принципа происхождения документов вне зависимости от их положения в папском архиве. Итогом деятельности Дионисия стало появление трех самостоятельных сборников церковно-юридических документов. Среди них первое место занимает собрание новых переводов правил I Никейского, Константинопольского, Эфесского и Халкидонского соборов, а также канонов «Антиохийской синтагмы». Эти переводы были выполнены лично Дионисием Малым, который в совершенстве владел и греческим, и латинским языками. Перевод Дионисия отличался большей точностью, чем предшествовавшие редакции переводов V в., упоминавшиеся выше. На втором месте по своему юридическому и историческому значению находится «Кодекс канонов» вселенской церкви, составленный Дионисием по материалам упоминавшихся канонов вселенских соборов и «Антиохийской синтагмы», а также апостольских правил. В этом сборнике каноны присутствуют в новой латинской редакции Дионисия. Наконец, Дионисий составил еще один сборник церковного права, обобщавший папские декреты, в частности декреты второй половины V в., не вошедшие в «Квеснеллово собрание». Кодификаторская деятельность Дионисия Малого стимулировала процесс составления других подобных сборников церковного права в течение всего VI в., которые в очередной раз воспроизводили те или иные материалы папского архива в хронологическом порядке. К числу подобных сборников следует отнести упоминавшиеся во «Введении» «Фрейзингенское собрание», «Собрание Святого Власия», «Ватиканское собрание», «Каноны Ингильрама», «Кольбертинское Собрание». Эти сжатые по объему

сборники в значительной степени ориентировались на разные варианты «исидоровской» редакции перевода правил греко-восточных соборов. Указанный процесс в определенном смысле завершился к концу VI столетия составлением «Фессалоникийского собрания» и «Авелланова собрания», композиция которого в сущности возвращала читателей к хаосу, характерному для комплектования папского архива той эпохи. Этот сборник обобщал документы второй половины IV — первой половины VI в., которые в основном затрагивали взаимоотношения Римской церкви и императорской власти.

За пределами Италии в указанную эпоху царило еще большее разнообразие в комплектовании сборников церковного права. «Гиппонский бревиарий»,¹ появившийся в северной Африке в конце IV в., «Древние статуты церкви»,² рожденные в нарбоннской Галлии столетием позже, представляли собой краткие правила, отражавшие местную церковную дисциплину. Африканская церковь сумела в итоге породить «Кодекс канонов», который даже оказался востребован в Восточной Римской империи столетие спустя в царствование императора Юстиниана. В то же время испанские и галльские христианские общины в V–VI вв. несмотря на интенсивную соборную деятельность оказались не способны даже кодифицировать свое право по хронологическому принципу. В Галлии и в Испании в различные десятилетия VI в. возникло множество мелких канонических сборников таких, как «Анжерское собрание», «Аральское собрание», «Лионское собрание», «Альбигское собрание», «Лоршское собрание», «Собрание Святого Мавра», «Испанская Эпитома». Однако эти сборники не могли претендовать на роль систематических кодексов права. Исключением на общем фоне, пожалуй, можно считать «Главы Мартина Браганского»,³ в которых канонические нормы, почерпнутые

¹ Breuiarium Hipponense.

² Statuta ecclesiae antiqua.

³ Liber Capitulorum Martini Bracarenensis.

из постановлений «Антиохийской синтагмы» и ряда постановлений испанских соборов, приводились в сжатом виде эксцерпт. Своеобразный прорыв в сфере изучения и систематизации канонического права произошел в вестготском королевстве лишь в VII в. Результатом кропотливой работы ученых-юристов и клириков, в частности св. Исидора Севильского, стало создание «Испанского собрания» (*Collectio Hispana*). Этот кодекс мог конкурировать со сборниками Дионисия Малого и их скромными продолжениями богатством своего содержания и четкой рубрикацией. Однако основным принципом формирования «Испанского собрания» оставался хронологическо-географический принцип. Этот принцип, соответствовавший идеям Дионисия Малого, предполагал размещение церковно-юридических документов в соответствии с местом и временем их происхождения. Так, например, в составе «Испанского собрания» читатель последовательно сталкивается с латинским переводом канонов греко-восточных соборов (I Никейский, Константинопольский, Эфесский, Халкидонский и «Антиохийская синтагма») в редакции *Isidoriana Hispana*. Затем в сборнике следуют правила галльских и испанских соборов, а также декреты Римских архиереев от времени Дамаса до св. Григория Великого. «Испанское собрание», в сущности, не предлагало никакого юридического метода, никакого анализа содержания канонов несмотря на наличие титулов и инципитов.

По-видимому, первой серьезной попыткой создания аналитического свода церковного права стало составление «Согласования канонов Крескония».⁴ Этот юридический кодекс, возникший в VI в., вызывал многочисленные споры. Одни исследователи настаивали на его африканском происхождении, другие усматривали в его создателе Дионисия Малого. Как бы там ни было, к VIII в. «Крескониево собрание» приносило в каноническое право методологию светского римского права. Впрочем, в VII в. материалов

⁴ *Zechiel-Eckes K.* Die Concordia canonum des Cresconius. Studien und Edition. Frankfurt am Main, 1992. S. 393–798.

«Крескониева собрания» было уже недостаточно для обобщения необъятного церковно-юридического материала, накопленного за несколько веков на латинском Западе. Этот материал невозможно было систематизировать при помощи постоянных добавлений к уже известным сборникам Дионисия Малого. Наиболее знаменитым из таких дополненных сборников Дионисия стала *Collectio Dionysio-Hadriana* — свод канонов и прежде всего папских декретов, подаренный папой Адрианом франкскому королю в конце VIII столетия. В VII–VIII вв. создавались и менее распространенные своды церковного права, которые комплектовались по образцу «Согласования канонов» Крескония, в частности «Собрания канонов» в пяти книгах.⁵ Как свидетельствует рукописная традиция многих древних латинских сборников церковного права (прежде всего, рассмотренная выше рукописная традиция «Квеснеллова собрания»), в Каролингскую эпоху в Западной Европе царило невообразимое церковно-юридическое разнообразие, если не сказать хаос. Канонические сборники V в. переписывались наравне с современными правовыми кодексами. С этой точки зрения вовсе неслучайным является то обстоятельство, что в Лоршском аббатстве или в аббатстве Святого Веста в Неметаке Атребатийском (Аррас) представители местной церковной иерархии пользовались как «Квеснелловым собранием», так и «Кодексом Дионисия Малого». При этом изначально, по замыслу самого Дионисия, его кодекс должен был заменить собой «Квеснеллово собрание».

За пределами Италии «Испанское собрание» продолжало употребляться в диоцезах Аквитании или Испанской марки наряду с устаревшими каноническими сборниками VI столетия. Впрочем, полноценная церковная жизнь на большей части территории Пиренейского полуострова протекала с VIII в. в условиях арабского владычества. Эти условия существенным образом

⁵ *Fornasari M. Collectio canonum in V libris (Lib. I–III) / Corpus Christianorum continuatio Mediaevalis VI. Turnholi, 1970. P. 1–498.*

корректировали те принципы церковной дисциплины, которые были выработаны в эпоху Вестготского королевства.

Единственным выходом из создавшейся канонической анархии могла быть лишь новая кодификация всего церковного права Западной церкви. Подобная кодификация осуществлялась в условиях распада Каролингской державы, очень быстро пришедшего на смену ее быстротекущему расцвету, лишь там, где местная церковная власть была наиболее заинтересована в сохранении связей с Римом. Таким местом, по-видимому, стал диоцез Реймса. Именно в реймском диоцезе между 847 и 852 гг. была проведена широкомасштабная рецепция практически всего корпуса канонического права, известного в то время на латинском Западе.⁶ Ее многообещающим результатом стало появление знаменитых «Псевдо-Исидоровых декреталий».⁷ По мнению большинства современных исследователей, «Псевдо-Исидоровы декреталии» были составлены в бенедиктинском аббатстве Корби (недалеко от Амьена). У истоков этого масштабного труда стояли, по-видимому, известные аббаты Корби Вала, а затем Пасхазий Радберт (844–851). Непосредственной причиной появления «Псевдо-Исидоровых декреталий» стало низвержение нескольких франкских епископов, в частности Эбона Реймского и Иесии Амьенского. Эти архиереи были повинны в том, что в 833 г. примкнули к антиимператорской оппозиции и участвовали в низложении императора Людовика Благочестивого. После того как Людовик вернул себе корону, мятежные архиереи были низвержены вопреки церковным канонам без согласия Римского епископа. Подобный инцидент, скорее всего, подвиг ученых монахов Корби на создание нового корпуса церковного права, в котором подчеркивался епископский иммунитет и верховенство Римской церкви как над

⁶ *Szuromi S.A.* Anselm of Lucca as a canonist / *Adnotationes in ius canonicum*. Вып. 34. Frankfurt am Main, 2006. P. 56.

⁷ *Hinschius P.* *Decretales Pseudo-Isidorianae et Capitula Angilramni*. Lipsiae, 1863. P. 1–769.

светскими властями, так и над поместными церквями. Подобные идеи в целом соответствовали восприятию Рима как апостольского престола, которое сложилось к IX в. на латинском Западе под влиянием предшествующей традиции канонических собраний. «Псевдо-Исидоровы декреталии», охватывая, как казалось его составителям, всю дисциплину Кафолической церкви, в значительной степени основывались на апокрифических текстах, приписываемых Римскому престолу. Новый кодекс церковного права поистине претендовал на вселенское значение и рецепцию.

Главной идеей, вдохновлявшей составителей сборника, стало учение о папской монархии, которая распространяет свою юрисдикцию над всей Кафолической церковью. Создатели «Псевдо-Исидоровых декреталий» выразили свои еклесиологические взгляды в апокрифических текстах. Эти тексты были составлены на латинском языке и были приписаны составителями Римским епископам первых трех веков христианской истории, несмотря на то, что Римские архиереи этого периода писали исключительно по-гречески. Указанное обстоятельство, известное гуманистам, было сокрыто от авторов «Декреталий». В число апокрифических декретов попал печально знаменитый «Константинов дар» (*Donatio Constantini*), а также апокрифические «Деяния папы Либерия», известные в греческом варианте из «Церковной истории» блаженного Феодорита Киррского. Апокрифические декреты были расположены в кодексе по хронологическому принципу и обретали свое продолжение в виде подлинных папских декретов начиная с эпохи Сириция. «Псевдо-Исидоровы декреталии» открывались «Введением» Псевдо-Исидора Меркатора, которому приписывали создание кодекса. Затем следовал документ, регламентировавший процедуру проведения соборных заседаний и известный под наименованием «*Ordo de celebrando concilio*». В составе этого документа, составленного, по-видимому, в VII в. в вестготской Испании, содержались некоторые молитвы. Эти молитвы сопровождали чинопоследование открытия и закрытия

заседаний поместных соборов.⁸ В последующих главах составители расположили Апостольские правила, вышеупомянутые апокрифические декреты Римских архиереев от Псевдо-Климента Римского до Псевдо-Сильвестра, каноны греко-восточных соборов из «Антиохийской синтагмы», а также каноны четырех вселенских соборов (I Никейского, I Константинопольского, Эфесского и Халкидонского) в латинских переводах предшествующих веков. При редактировании латинских переводов тех церковно-юридических памятников, которые были изначально написаны по-гречески, создатели «Псевдо-Исидоровых декреталий» ориентировались на «Квеснеллово собрание», «Испанское собрание», а также на переводы Дионисия Малого. Далее «Псевдо-Исидоровы декреталии» предлагали читателю постановления североафриканских соборов IV–VI вв., заимствованные из «Кодекса канонов Африканской церкви». Затем в кодексе следовали правила галльских и испанских соборов IV–VII вв., почерпнутые преимущественно из «Испанского собрания». В сборник вошли правила I Арльского собора 314 г., Риецкого, Агдского и I Орлеанского соборов, а также документы Эльвирского собора 305 г., Тарраконского, Герундского, Сарагосского, Илердского, восьми Толедских соборов (с первого по пятый, восьмого, девятого и тринадцатого соборов). Вслед за соборными постановлениями в «декреталии» была помещена «Книга глав Мартина Браганского», пересказывающая постановления соборов «Антиохийской синтагмы».

Вторая часть «Псевдо-Исидоровых декреталий» вновь предлагала читателю апокрифические декреты Римских архиереев от Псевдо-Юлия до Псевдо-Дамаса, после которых следовали уже подлинные декреты Римских епископов от Сириция до св. Григория.

⁸ *Munier Ch.* L'Ordo de celebrando concilio wisigothique. Ses remaniments jusqu'au X-e siècle / Vie conciliaire et collections canoniques en Occident, IV–XIIe siècles. London, 1987. P. 250–271.

Несмотря на апокрифический характер значительного количества папских декретов, включенных в «Псевдо-Исидоровы декреталии», появление этого кодекса церковного права имело чрезвычайно важное позитивное значение для жизни Западной церкви. Принимая указанный кодекс, папа Николай I впервые предлагал *urbi et orbi* такой правовой свод, который действительно имел вселенское значение, поскольку включал в свой состав правила всех поместных церквей, быть может за исключением далекой британской периферии. При этом кодекс согласовывал самые разные древние правила с дисциплиной и строем матери церкви — таковой представала в сборнике христианская община города Рима во главе с ее предстоятелем. В связи с этим примечательно, что значительное место в «Псевдо-Исидоровых декреталиях» было отведено «Антиохийской синтагме», которая, в сущности, сформировала основу дисциплины Константинопольской церкви — той церкви, которая отказалась в лице патриарха Фотия признавать вселенское главенство Римского архиерея. Впрочем, справедливость требует отметить, что в свод не вошли с формальной точки зрения признанные Римской церковью правила Трульского собора 692 г., которые носили на себе явный отпечаток антилатинских настроений византийской иерархии. Как известно, собор в Труа в 878 г. в очередной раз подчеркнул то, что правила Трульского собора имеют авторитет на Западе лишь постольку, поскольку они согласуются с канонами и декретами «святого престола», а также с «добрыми нравами».⁹

«Псевдо-Исидоровы декреталии» игнорировали также правила II Никейского собора 787 г. Эти правила были признаны Римом наряду с догматическими определениями указанного собора. Однако, как известно, догматические определения собора были переведены на латинский язык крайне неудовлетворительно, в силу чего вызвали соблазн в Каролингской империи. Возможно,

⁹ *Mansi XII. Coll. 982.*

составители «Псевдо-Исидоровых декреталий» намеренно воздержались от рецепции правил собора, вызвавшего в диоцезах Франкской державы неоднозначную оценку.¹⁰

Основным принципом комплектования «Псевдо-Исидоровых декреталий» оставался хронологическо-географический принцип Дионсия Малого. Однако создатели сборника в некоторых случаях приложили к соборным определениям перечень титулов, взятых из «Квеснеллово собрания» (титулы I Никейского собора) или из «Испанского собрания». Эти титулы, как правило, кратко отражали содержание того или иного канона. Включение подобных титулов было очень важным шагом на пути к осмыслению правовых норм, выраженных в канонах независимо от свойственного для них исторического контекста. Рукописная традиция «Псевдо-Исидоровых декреталий» достаточно богата, поскольку этот сборник получил чрезвычайно широкое распространение и переписывался в монастырских скрипториях вплоть до XIII в. Наиболее интенсивная рецепция церковно-юридических документов, составляющих «Псевдо-Исидоровы декреталии», прежде всего апокрифических папских декретов, началась в X–XI вв., т. е. в период Ключнийского движения. Главными проводниками этой рецепции станут систематические сборники церковного права «декретистской» эпохи, в частности *Polycarpus* пресвитера Григория в X столетии, «Декрет» Бурхарда Вормсского и «Собрание канонов» Ансельма Луканского в XI столетии.

Несмотря на очевидную реальность восприятия «Псевдо-Исидоровых декреталий» последующей латинской канонической традицией, уже в эпоху, современную созданию сборника, появились сомнения в подлинности многих формировавших его апокрифов. Подобные сомнения высказывал в IX в. Хинкмар Реймский. В XV в. кардинал Николай Кузанский, собственноручно

¹⁰ См.: *Франкфуртский собор 794 г.* — Деяния собора вошли в качестве интерполяции в Айнзидельнский кодекс 191, предваряя собой «Квеснеллово собрание».

переписав весь корпус документов «Псевдо-Исидоровых декреталий» (*Cod. Fund. Cusanus 52*), пришел к выводу об апокрифичности декретов Псевдо-Климента, а также «Константинова дара». Вывод Николая Кузанского основывался на перечне епископских кафедр, упомянутых в декретах Псевдо-Климента. Этот перечень отражал церковно-административные реалии Каролингской эпохи и по отношению к апостольскому веку выглядел явно анахроничным. В том же столетии итальянский гуманист Лоренцо Вала доказал апокрифичность «Константинова дара» на основании филологического, в частности лексического и стилистического, анализа этого документа. Вала подтвердил, что документ был составлен на разговорном латинском языке Каролингского времени. Этот язык был чужд стилю позднеимперских юридических памятников IV в., составлявших «Кодексы» Феодосия и Юстиниана. В XVII в. протестантский проповедник Давид Блондель окончательно доказал апокрифичность декретов Римских епископов первых трех с половиной веков христианской эры, включенных в «Псевдо-Исидоровы декреталии». Главный аргумент Блонделя, выдвинутый в 1628 г., основывался на том, что авторы папских декретов указанного периода цитировали тексты Священного Писания по латинскому переводу блаженного Иеронима — Вульгате. Ученый указывал на очевидный факт: Римские архиереи, начиная со св. Климента и заканчивая св. Либерием, могли пользоваться либо древнейшим латинским переводом Священного Писания (*Vetus latina*),¹¹ сохранившимся фрагментарно, либо исходным греческим текстом Нового Завета и Септуагинтой.

Научная публикация «Псевдо-Исидоровых декреталий» (как апокрифических, так и подлинных документов) представляла собой достаточно сложную задачу ввиду чрезвычайного богатства рукописной традиции. Впервые сборник был издан в 1525 г. Жаком Мерленом на основании только одной рукописи XIII в.

¹¹ *Biblia Vetus latina*. Vide: <http://www.vetus-latina.de/fr/index.html>.

Именно это издание было впоследствии воспроизведено аббатом Ж. Минем в соответствующем томе «Латинской Патрологии». Не следует подробно говорить о том, насколько издание Ж. Мерлена не соответствует научным принципам исследования текстов. Критическое издание «Псевдо-Исидоровых декреталий» появилось лишь спустя три столетия. В 1863 г. немецкий ученый П. Хинш после двух с половиной лет подготовительной работы опубликовал критический текст «Псевдо-Исидоровых декреталий». Однако поспешность исследования, ошибка в датировании некоторых рукописей, отсутствие должного критического аппарата не позволяют считать издание П. Хинша полноценной реконструкцией критического текста памятника. Рукописная традиция «Псевдо-Исидоровых декреталий» делится на три этапа. Первый исходный этап распространения памятника (IX в.) представлен списками группы «А». Эта группа подразделяется на несколько редакций. Среди них следует выделить: наиболее полную редакцию «А1», краткую редакцию «А2», редакцию скриптория Корби «А/В», и редакцию Ключийского аббатства. Редакция «А1» представлена наиболее полными и древними рукописями, такими как Ватиканский Оттобонианский кодекс IX в., созданный в восточной Франции. Краткая редакция «А2» представлена Римским кодексом Валличелианской библиотеки D. 38 IX в., переписанным в диоцезе Реймса. Редакция «А/В» содержится в Ватиканском латинском кодексе 630 также IX в., составленном в скриптории аббатства Корби. Редакция Ключийского аббатства сохранилась благодаря исходной рукописи-архетипу, а именно кодексу New Haven Beinecke Library 442, созданному во Франции около 858 г.

Второй производный этап распространения «Псевдо-Исидоровых декреталий» датируется XII в. и отражается в рукописях «В»-редакции. Среди этих рукописей, зависящих, по-видимому, от редакции «А/В», следует упомянуть кодекс 115 муниципальной библиотеки города Булонь сюр Мер, изготовленный на севере

Франции (возможно, вблизи Корби). Наконец, третий этап распространения памятника связан с рукописями «С»-редакции, которые датируются преимущественно XI–XII вв. и зависят от краткой редакции Ключийского аббатства. Если редакции «А1», «А2» и «А/В», а также редакция Ключийского аббатства отражали исходный архетип памятника, то рукописи «С»-редакции повлияли на его дальнейшую рецепцию в эпоху высокого Средневековья. В настоящее время трудами немецких исследователей Карла-Георга Шона и Клауса Цехиль-Экеса при содействии института *Monumenta Germanica Historiae* готовится новое критическое издание «Псевдо-Исидоровых декреталий», учитывающее всю рукописную традицию памятника, его источники, а также последующую рецепцию.¹²

Исторический результат составления «Псевдо-Исидоровых декреталий» заключается помимо торжества римской монархической эkkлесиологии в том, что латинские канонисты перешли в последующие века от собирания канонических документов к их анализу и осмыслению. Результатом этого процесса стало рождение «декретистского» метода. Этот метод предполагал распределение канонов различного хронологического и географического происхождения по тематическому принципу в рамках так называемых «декретов» — т. е. тематических сборников церковного права. Одним из первых таких «декретов» стал свод канонов, созданный в X в. Римским пресвитером Григорием и известный под названием *Policarpus*. Титул первой книги этого «декрета» был озаглавлен «De principatu Petri» и содержал извлечение из канонов Псевдо-Анаклета из состава «Псевдо-Исидоровых декреталий». Вторым по значению «декретом» стал аналитический сборник церковного права, составленный в первой половине XI в. германским епископом Бурхардом Вормским. Бурхард, опираясь на свою пастырскую и церковно-судебную практику,

¹² Сайт издания в сети Интернет: <http://www.pseudoisidor.mgh.de/>.

сформулировал множество общих и частных вопросов, затрагивающих церковную дисциплину, а затем подобрал каноны для ответа на них.¹³ При формировании своего сборника Бурхард опирался как на «Псевдо-Исидоровы декреталии», так и на более древние памятники права, в частности на «Квеснеллово собрание». Впрочем, «Декрет» Бурхарда отражал состояние германской церкви в эпоху так называемого «оттоновского возрождения». В эту эпоху церковно-государственные отношения в Германии и в Италии определялись принципами «цезаропапизма». Как в Ключийскую эпоху, так и ранее (с IX в.) на латинском Западе появлялись более мелкие систематические «декреты», в частности так называемое «Собрание канонов» в двух книгах,¹⁴ «*Collectio canonum Anselmo dedicata*», «Собрание канонов» в 74 титулах, «*Collectio minor*», «Собрание канонов» кардинала Деусдедита, «Собрание канонов» Стефана из Турнэ и ряд других.

¹³ *Burchard von Worms. Decretorum libri XX*, Ergantzer Neudruck der Editio Princeps Koln 1548, herausgegeben von Gerard Franssen und Theo Kolzer. Darmstadt, 1992. S. 7–240.

¹⁴ *Bernhard J.* La Collection en deux livres (Cod. Vat. lat. 3832) // *Revue de droit canonique*. Strasbourg, 1962. T. I. P. 25–601.

ИТОГИ КОДИФИКАЦИИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В ПОСТИСИДОРОВСКИЙ ПЕРИОД: «СОБРАНИЕ КАНОНОВ» АНСЕЛЬМА ЛУКАНСКОГО

Драматическая вооруженная борьба между Римской церковью и Священной Римской империей, последовавшая вскоре после схизмы 1054 г., разделение, охватившее саму Западную церковь, спровоцировало создание нового канонического «декрета». Этот новый сборник именовался по старинному обычаю «Собранием канонов». Составителем «Собрания» стал Ансельм, епископ Луканский (1036–1086), ближайший сподвижник папы Григория VII. Ансельм исполнял обязанности папского легата в захваченной войсками императора Генриха IV Ломбардии и являлся духовником главной преданной союзницы папы — маркграфини Матильды Тосканской. Первоначальная редакция «Собрания канонов» Ансельма включала, по-видимому, семь книг, первая из которых всецело была посвящена вопросу о примате Римского архиерея и базировалась в значительной степени на «Псевдо-Исидоровых декреталях». Ансельм составил также дополнительную книгу канонов, в которой обосновывал право Церкви защищать веру с оружием в руках. Вероятно, еще при жизни Ансельма семь книг его «Собрания» были дополнены его продолжателями еще пятью книгами. Эти новые книги также были присоединены к «Собранию». В первой половине XII в. «Собрание канонов» Ансельма Луканского постоянно дополнялось постановлениями различных соборов Римской церкви: Беневентанского, Пьяченцкого, Латеранского — и стало основным юридическим компендиумом, который использовался как в учебных, так и в практических целях. Проблема реконструкции исходной

редакции «Собрания канонов» Ансельма Луканского представляется важнейшей в контексте современных исследований, посвященных рецепции канонического и светского права позднеантичной и ранневизантийской эпохи в эпоху высокого Средневековья. Именно «Собрание канонов» Ансельма стало одним из основных источников при составлении прославленного «Декрета» Грациана уже в 1140-х гг. В связи с этим представляется целесообразным подробнее остановиться на генезисе «Собрания канонов» Ансельма и на проблеме его аутентичности. Изучение «Собрания канонов» имеет значение также для разработки проблемы рецепции светского римского права в высокое Средневековье до Ирнерия.

Вопрос о рецепции римского права в период высокого Средневековья представляет собой сюжет еще в достаточной степени не разработанный. Подобное состояние, казалось бы, общепризнанной проблемы обусловлено, прежде всего, слишком обширным кругом источников юридического характера. Многие из этих источников до сих пор еще не введены в научный оборот в полной мере. При этом, если процесс восприятия древнеримских юридических принципов средневековым правовым сознанием в общем неплохо освещен в историографии XIX в., то процесс усвоения древнеримских правовых норм и институций церковным правом еще нуждается в тщательной разработке. Если взаимосвязь между такими памятниками права, как «Кодекс Феодосия» и «Бревиарий Алариха», «Кодекс Юстиниана» и «Василики», в достаточной степени очевидна, то влияние римского императорского права на каноническое право, в первую очередь на средневековом Западе, в значительной степени сокрыто пеленой неведения, обусловленного чрезвычайно обширной традицией развития церковно-юридических сборников. «Римская церковь живет по римскому праву», — эти слова, приписываемые св. папе Льву, весьма красноречиво отражают логику восприятия римских правовых принципов и идей церковным сознанием на латинском Западе.

«Собрание канонов» Ансельма представляет собой компилятивный труд. Несмотря на его богатое содержание, можно сказать с уверенностью, что ни один из канонических сборников такого уровня, как «Декрет» Ансельма Луканского, не был столь длительное время подвергнут забвению научным сообществом и вместе с тем не вызывал столько споров. Еще в XVI столетии ученый-эрудит Антонио Августин, а вслед за ним ряд других итальянских антикваров обратили внимание на важность «Собрания канонов», автором которого, по всей видимости, являлся Ансельм.¹ «Собрание канонов» хорошо сохранилось в нескольких редакциях. Старейшей редакцией памятника является так называемая группа «А» по классификации П. Ландау,² которая объединяет три древнейшие рукописи рубежа XI–XII вв.: Ватиканский кодекс (*Cod. Vaticanus Latinus 1363*), Парижский кодекс (*Cod. Lat. Parisinus 12519*) и Кембриджский кодекс (*Cambridge Corpus Christi 269*). Все указанные списки датируются периодом между 1084–1086 гг. (от составления «Собрания канонов» до кончины Ансельма). Однако лишь в начале XX в. рукописная традиция памятника была систематизирована трудами П. Фурнье.³ Ученый признавал впоследствии, что даже вышеназванные рукописи, принадлежащие к группе «А», содержат не исходный архетип «Собрания канонов», а вторичную редакцию, созданную, возможно, еще при жизни Ансельма Луканского. Указанное обстоятельство стимулировало дискуссию и дало повод сомневаться в том, что Ансельм действительно является автором «Собрания канонов».⁴ Спустя несколько лет, немецкому ученому Ф. Танеру

¹ *Landau P.* Intorno alle redazioni più ampie del XII secolo della raccolta dei canoni di Anselmo da Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 339; *Theinerius A.* De sancti Anselmi Lucensis canonum collectione dissertatio / PL 149, col. 542–544; *Linda Fowler-Magerl.* Clavis Canonum. Selected Canon Law Collections Before 1140. Munchen, 2008.

² *Landau P.* Op. cit. P. 338.

³ *Fournier P.* Observations sur diverses recensions de la collection d'Anselme de Lucques // *Annales de l'Université de Grenoble*, XIII (1901). P. 427–458.

⁴ «Già Fournier riconosceva che la redazione A era stata compilata poco tempo dopo della raccolta originale di Anselmo... Tra i manoscritti rinvenuti nel frattempo,

удалось подготовить неполное критическое издание «Собрания канонов» (одиннадцати книг), причем это издание основывалось в сущности лишь на старейшей «А»-редакции памятника, а также на позднейшем Грацком кодексе (*Cod. Graecensis II 351*) XII столетия.⁵ В 1906 г. вышли в свет первые четыре книги «Собрания канонов», а в 1915 г. оставшиеся семь книг.

Издание Ф. Танера положило начало интенсивному изучению «Собрания канонов» Ансельма как исторического источника в контексте Григорианской реформы и Ключийского движения. Ярким примером тому служат труды А. Штиклера и А. Флиша.⁶ В 1986 г. знаменитая исследовательница творческого наследия Ансельма Е. Пастор опубликовала последнюю XIII книгу «Собрания канонов» в рамках материалов юбилейной конференции, посвященной Ансельму.⁷ Издание было осуществлено по Ватиканскому кодексу (*Vat. Lat. 1363*), сверенному с другой ватиканской рукописью (*Vat. Lat. 4983*). В связи с этим в историографии вновь возник спор об авторстве «Собрания канонов». Среди историков, отстаивавших авторство Ансельма, должны быть упомянуты в первую очередь Дж. Пикассо, Ч. Виоланте, Л. Гамильтон, А. Сцуроми и К. Кашинг. В частности, Дж. Пикассо признавал автором сборника Ансельма Луканского на основании сообщения «Жития» Псевдо-Бардоне.⁸ В этом сообщении среди сочинений

il Corpus Christi College 269, così come già il Vaticano e il Paris 12519, contiene parimenti la forma A ancora vicina all'originaria compiazione, senza successive aggiunte» (*Landau P.* Intorno alle redazioni più ampie del XII secolo della raccolta dei canoni di Anselmo da Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 341).

⁵ Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thauer, Oeniponte 1906/1915 (Репринтное воспроизведение: *Thauer Fr.* Anselm II. Bischof von Lucca, etc. Aalen, 1965.)

⁶ *Stickler A.M.* Il potere coattivo materiale della Chiesa della Riforma Gregoriana secondo Anselmo di Lucca // *Studi Gregoriani* 2. Roma, 1947. P. 235–285; *Stickler A.M.* *Historia juris canonici latini*, I. Torino, 1935. P. 170–172; *Fliche A.* La valeur historique de la collection canonique d'Anselme de Lucques / *Miscellanea Historica in Honorem Alberti de Meyer* 1. Louvain-Bruxelles, 1948. P. 348–357.

⁷ *Pásztor E.* Lotta per le investiture e “ius belli”: la posizione di Anselmo di Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 405–412.

⁸ Псевдо-Бардоне — анонимный биограф Ансельма Луканского, по-видимому, капеллан Матильды Тосканской.

Ансельма упоминался некий «апологетический сборник», который включал отрывки из произведений святых отцов и был призван защитить папу Григория VII от нападок императора Генриха IV на основании доводов канонического права.⁹ Ученый вслед за многими своими предшественниками отождествлял «Собрание канонов» с подобным «апологетическим сборником».¹⁰

Ч. Виоланте полагал, что идентифицировать «Собрание канонов» с «апологетическим сборником» представляется возможным, учитывая содержание книг, из которых состоит «Собрание канонов». Первые две книги сборника всецело посвящены оправданию учения о первенстве Римской церкви. Следующая III книга содержит привилегии, дарованные Римской церкви различными западными императорами от Людовика Благочестивого до Генриха II. Отдельно исследователь отметил XIII книгу «Собрания канонов», в которой обосновывалось право Церкви защищать веру и церковный мир с оружием в руках при помощи благочестивых мирян.¹¹ Именно эта книга, как уже отмечалось выше, привлекала особое внимание Е. Пастор, предпринявшей ее издание. По свидетельству Ч. Виоланте, в современной медиэвистике были высказаны две гипотезы, касавшиеся VII книги «Собрания канонов». Эта книга была посвящена устройению общинной жизни клириков. Согласно одной из этих гипотез (Е. Перель) VII книга должна быть идентифицирована со сборником «*Libellus*», который, по сообщению знаменитого итальянского публициста XI в. Боницоне Сутрийского,¹² был составлен Ансельмом Луканским в качестве руководства для общин каноников,

⁹ «Apologeticum unum diversis ex sanctorum patrum voluminibus compilavit, quibus domini papae sententiam et universa eius facta atque praecepta canonicis defenderet rationibus et approbaret orthodoxis auctoritatibus» (Vita Anselmi Lucensis ed. R. Wilmans, MGH, SS., XII, Hannoverae, 1856, P. 21).

¹⁰ Picasso G. La «Collectio Canonum» di Anselmo nella storia delle collezioni canoniche // Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 314.

¹¹ Violante C. Anselmo da Baggio, santo / Dizionario biografico degli Italiani. Roma, 1961. T. III. P. 403.

¹² Bonizonis Sutriensis Liber de vita christiana / a cura di E. Perels. Berlin, 1930. P. 204.

принявших церковную реформу. В соответствии с другой точкой зрения (Ж. Леклерк), ансельмовский «*Libellus*» следует отождествлять со сборником правил для каноников «*Regula canonicorum*», который был обнаружен в Ватиканском Оттобонском кодексе (*Otto. Lat. 175*).¹³ В целом, характеризуя «Собрание канонов» Ансельма как самое важное произведение нашего героя, Ч. Виоланте не сомневался в принадлежности этого канонического сборника Луканскому архиепископу.¹⁴ А. Сцуроми вслед за К. Кашинг полагал, что при соборном капитуле Святого Мартина в Лукке,¹⁵ по-видимому, существовала школа для клириков. Эта школа была основана еще при папе Льве IX и играла роль лаборатории или, правильнее сказать, церковно-юридической кафедры для Ансельма. С ее помощью он мог привлекать ученых для составления «Собрания канонов», на котором лежит наряду с радикальным политическим ультрамонтанством слишком явный отпечаток его собственной теократической теории. Подобное обстоятельство не позволяет отрицать авторство Ансельма.¹⁶

В то же время противниками полномасштабного авторства Ансельма выступили такие известные специалисты в области истории средневековой Западной церкви, как Е. Пастор и Ж. Франсен. Посвятившая многие годы изучению творческого наследия

¹³ *Leclercq J.* Un témoignage sur l'influence de Grégoire VII dans la réforme canoniale // *Studi Gregoriani* VI. Roma, 1959. P. 173–227.

¹⁴ *Violante C.* Anselmo da Baggio, santo / *Dizionario biografico degli Italiani*. Roma, 1961. Т. III. P. 403–404.

¹⁵ *Fonseca C.D.* Il capitolo di S. Martino e la riforma canonica nella seconda metà del secolo XI / *Sant'Anselmo vescovo di Lucca...* P. 51–64.

¹⁶ *Szuromi Sz.A.* Anselm of Lucca as a canonist / *Adnotationes in ius canonicum* B. 34. Frankfurt am Main, 2006. P. 4–5; *Szuromi Sz.A.* Patristic Texts in the «Collectio canonum Anselmi Lucensis» (Recension «A») and their Correspondence with the «Decretum Gratiani», *Fcan* 7 (2004), P. 71–108; *Szuromi Sz.A.* The Rules Concerning Bishops in the «A» Recension of the «Anselmi Collectio canonum» / *Proceedings of the Eleventh International Congress of Medieval Canon Law*. P. 519–528; *Cushing K.G.* Papacy and Law in the Gregorian Revolution. The Canonist Work of Anselm of Lucca. Oxford, 1998, P. 89; *Cushing K.G.* «Cruel to Be Kind»: The Context of Anselm of Lucca's «Collectio canonum». Book 11. «De penitentia» / *Proceedings of the Eleventh International Congress of Medieval Canon Law*. P. 529–538.

Ансельма Луканского, Е. Пастор утверждала, что не представляется возможным отождествлять столь сложное произведение, как «Собрание канонов», во всей его полноте с «апологетическим сборником», о котором писал Псевдо-Бардоне. При этом исследовательница ссылалась на результаты палеографических и кодикологических изысканий П. Ландау.¹⁷ Профессор Лувенского Католического университета Ж. Франсен шел дальше и ставил под вопрос авторство Ансельма, имея в виду «Собрание канонов» во всей его совокупности. В статье, опубликованной по материалам доклада, которая была риторически озаглавлена «Ансельм Луканский — канонист?», историк высказал ряд четких аргументов против ансельмовского авторства. Для Ж. Франсена представлялось сомнительным, чтобы Ансельм мог быть составителем «Собрания канонов», особенно если учесть при этом, что структура «Собрания» крайне неоднородна. Например, материал, помещенный в первых семи книгах «Собрания», никак не был систематизирован в отличие от последующих шести книг. Первые семь книг содержали лишь незначительные фрагменты из «Декрета» Бурхарда Вормского (германского церковно-юридического сборника первой половины XI в.), в то время как в последующих книгах «Собрания канонов» подобных выдержек из Бурхарда становилось в несколько раз больше. Цитаты из сочинений блаженного Августина встречаются в сборнике компактными «блоками» только начиная с восьмой книги «Собрания». Фрагменты из «Книги против Виберта»,¹⁸ — вне всякого сомнения, подлинного произведения Ансельма — встречаются в «Собрании канонов»

¹⁷ *Pásztor E.* La «Vita» anonima di Anselmo di Lucca. Una Rilettura / Sant'Anselmo vescovo di Lucca (1073–1086) nel quadro delle trasformazioni sociali e della riforma ecclesiastica a cura di Cinzio Violante. Roma, 1992. P. 209; *Landau P.* Intorno alle redazioni più ampie del XII secolo della raccolta dei canoni di Anselmo da Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 341.

¹⁸ *Anselmi Lucensis Episcopi Liber contra Wibertum* ed. E. Bernheim / Monumenta Germanica Historiae, Libelli de lite I. Hannoverae, 1891. P. 518; *Somerville R.* Anselm of Lucca and Wibert of Ravenna / Papacy, Councils and Canon Law in the 11th–12th Centuries. Aldershot, 1990. P. 1–13.

в более пространным виде, чем это можно было бы предположить, признавая Ансельма автором рассматриваемой компиляции, и т. д. Однако, выдвигая подобные аргументы, Ж. Франсен не высказал никаких предположений о том, кто же мог быть действительным автором «Собрания канонов».¹⁹ Сомнения Ж. Франсена представляются чрезвычайно полезными для того, чтобы оживить научную дискуссию вокруг структуры и текстологии «Собрания канонов», которые еще недостаточно освещены в научной традиции. Однако, на наш взгляд, аргументы ученого, направленные против авторства Ансельма, не вполне убедительны. Особенности литературного стиля, характерного для Ансельма Луканского, предполагали определенную «асимметрию» в цитировании источников, кроме того большинство произведений Ансельма, в аутентичности которых никто из ученых-медиевистов не сомневается, не имеют стройного логического плана изложения, так же как и «Собрание канонов». После 1083 г. — наиболее ранней из приемлемых дат написания «Собрания канонов» — мы не сможем обнаружить в итальянском епископате фигуры, равной Ансельму по степени канонической и патрологической эрудиции, кроме, быть может, Рангерия. Этот иерарх, впрочем, был поэтом и историком в гораздо большей степени, чем юристом. «Собрание канонов» было подчинено теократическим идеям, которые в последние десятилетия XI в. никто, кроме Ансельма и Григория VII, не формулировал столь категорическим образом. Однако Григорий VII не мог быть автором «Собрания канонов» по объективным причинам. Препятствиями для этого стали его изгнание и скорая смерть. Поэтому, отрицая авторство Ансельма применительно к «Собранию канонов» в принципе, исследователь в итоге рискует оказаться на зыбкой почве исторических фантазий, пытаясь приписать составление сборника тому или иному неизвестному скриптору, в то время как имя автора опирается на давнюю традицию, в том числе и рукописную.

¹⁹ *Fransen G.* Anselme de Lucques canoniste? / Sant'Anselmo vescovo di Lucca... P. 143–155.

Вместе с тем, нам представляется очевидным, что «Собрание канонов» в том виде, в котором оно сохранилось, безусловно, является результатом работы, проделанной компиляторами после смерти Ансельма. Ансельм был, по-видимому, составителем своеобразного ядра «Собрания канонов» — первых семи книг и, скорее всего, XIII книги, которые были дополнены в последующие годы. Основаниями для подобного заключения являются вышеупомянутые результаты исследований Ж. Фурнье и П. Ландау, а также текстологические выводы Е. Пастора о том, что IX «литургическая» книга «Собрания канонов» по содержанию и характеру приведенных в ней канонов серьезно отличается от первых и последних книг, и никак не может принадлежать Ансельму. Предшествующая VIII книга, а также последующие книги — с X по XII, также не могут быть однозначно признаны результатом его трудов.²⁰

Именно «Собрание канонов» Ансельма Луканского является нам прекрасный пример того, в каком направлении развивался процесс рецепции греко-римского церковного права в Италии, охваченной церковной реформой и борьбой за инвеституру. В «Собрание» попало большое количество канонов вселенских и поместных соборов ранневизантийского времени. Они были заимствованы Ансельмом в основном из «Псевдо-Исидоровых декреталий», а также из канонических сборников Дионисия Малого и Анастасия Библиотекаря.²¹ Значительную роль в рецепции греко-римского церковного права, предпринятой Ансельмом, играли менее известные латинские сборники канонов. Среди них следует упомянуть в первую очередь «Квеснеллово собрание», «Декрет» Бурхарда Вормского и «Собрание 74 титулов».²² Современные ученые К. Кашинг и А. Сцуроми достаточно подробно

²⁰ *Pásztor E.* Lotta per le investiture e «ius belli»: la posizione di Anselmo di Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 376, n. 5.

²¹ *Fransen G.* Op. cit. P. 149; *Amanieu A.* Anselme de Lucques / Dictionnaire de Droit canonique, par R. Naz. Paris, 1935. Vol. I. P. 573–576.

²² *Szurómi Sz.* Op. cit. P. 69–70; *Cushing K. G.* Op. cit. P. 78–85, 210–215.

изучили происхождение канонов, формировавших «Собрание» Ансельма Луканского, прежде всего в его исходной «А»-редакции, а также связанной с ней редакции «Вb».

Анализируя эволюцию и рецепцию церковного права древней Церкви в последующие века, осмысляя «декретистский» этап развития права Западной церкви, начавшийся в XI в., представляется очевидным, что отправной точкой этих процессов стал древнейший кодекс канонов Римской церкви, известный как «Квеснеллово собрание». Через «Псевдо-Исидоровы декреталии»²³ несколько канонов «Квеснеллова собрания» могли быть заимствованы сперва Бурхардом Вормским, а затем в конце XI в. Ансельмом Луканским и его продолжателями при составлении Ансельмовского «Собрания канонов».²⁴ В качестве примера здесь можно привести рецепцию 18-го канона Халкидонского собора. Этот канон запрещал монахам и клириками свидетельствовать против своих епископов или собратьев под присягой в светском суде: «*Igitur si clerici aut monachi inuenti fuerint coniurati aut per coniurationem calumniam machinantes episcopis uel clericis, proprium amittant gradum*».²⁵ Бурхард Вормский воспроизвел в своем «Декрете» текст указанного канона в том виде, в каком он был

²³ Многочисленные каноны Никейского, Неокесарийского и др. соборов были заимствованы составителями Dionysiana II и Псевдо-Исидоровых декреталий именно из исходной редакции «Квеснеллова собрания». См.: *Ballerinorum Petri et Hieronimi fratrum Appendix ad sancti Leonis Magni Opera / Operum Tomus III. Venetiae, 1757 (=PL LVI, Coll. 353–746)*.

²⁴ *Szuromi S.A. Anselm of Lucca as a canonist / Adnotationes in ius canonicum* B. 34. Frankfurt am Main, 2006, passim.

²⁵ Coll. Quesn. XVIII / PL 56, Coll. 545. — Следует отметить, что в редакции Днионисия Малого текст канона выглядел иначе: «*Si qui clerici uel monachi reperti fuerint coniurantes aut conspirantes aut insidias ponentes episcopis aut clericis, gradu proprio penitus abiciantur*». Указанный канон был заимствован в конце XI в. Ансельмом Луканским именно в днионисиевской версии (*Anselmi Collectio canonum*. VIII, с. 15 / *Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thaner, Oeniponte 1906/1915. P. 443.*). При этом перевод Днионисия, безусловно, точнее того перевода, которым пользовались составители «Квеснеллова собрания» в эпоху папы Геласия, см.: *Discipline générale antique (IV–IX s.) par P.P. Joannou / Fonti fasc. IX (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale)*. T. I. 2. Les canons des Synodes Particuliers. Roma, 1962. T. I. 1. P. 83–84.

приведен в рамках «Квеснеллова собрания», наряду с его копией, заимствованной у Дионисия Малого.²⁶ Другим примером рецепции материалов «Квеснеллова собрания» в эпоху высокого Средневековья является «Собрание канонов» Ансельма Луканского. В частности, Ансельм заимствовал из упомянутого памятника известную инструкцию, объяснявшую для латинских переписчиков принципы греческого и алфавита и исчисления «*Graeca elementa litterarum numeros...*».²⁷

Рукописная традиция «Собрания канонов» Ансельма Луканского представляет собой достаточно широкий предмет исследования. Опираясь на выводы П. Фурнье и на результаты своих наблюдений, П. Ландау составил стемму кодексов и рукописных групп, которая иллюстрирует текстологическое развитие «Собрания канонов». Современный немецкий ученый Л. Фоулер-Магерл подвела известный итог изучению различных редакций «Собрания канонов» Ансельма Луканского. С точки зрения Л. Фоулер-Магерл, упоминавшаяся выше «А»-редакция, по-прежнему, должна считаться старейшей,²⁸ но не отражающей исходный авторский архетип. Как уже было отмечено выше, эта редакция, известная как «*A aucta*», была сформирована до 1086 г., т. е. до кончины Ансельма Луканского и была представлена тремя списками XI в.: *Vaticanus latinus* 1363, *Parisinus latinus* 12519 и *Cambridge Corpus Christi* 269. Именно «*A aucta*» была положена в основу издания Ф. Танера.²⁹ По мнению П. Ландау, вышеупомянутая редакция

²⁶ Decr. Burch. X, 69 / PL 140, Coll. 854.

²⁷ Anselmi Collectio canonum VI, 112.

²⁸ В одной из своих последних работ К. Кашинг полагает, что исходной редакцией «Собрания канонов» следует считать «Bb»-редакцию, содержащую лишь первые семь книг памятника и представленную только одной рукописью: кодекс *Vaticanus Barberinus latinus* 535 (См.: *Cushing K.G. Polemic or Handbook? Recension Bb of Anselm of Lucca's Collectio canonum // Bishops, Texts and the use of Canon Law*. 2009. P. 69–77). — По мнению других ученых, рукопись датируется рубежом XI–XII вв. (см.: *Fowler-Magerl L. Clavis Canonum, Selected Canon Law Collections before 1140, access with data processing / MGH Hilfsmittel* 21. Hannover, 2005). P. 139–145.

²⁹ *Fowler-Magerl L. Op. cit.* P. 157–158.

стала образцом для некоей X-копии, которая в свою очередь была прототипом для новой редакции, обозначенной как «A'». О существовании промежуточной X-копии, которая исполнила роль звена, связывающего редакцию «A aucta» и редакцию «A'», свидетельствуют списки, первый из которых известен как кодекс Пизанской семинарии Святой Екатерины (*Pisanus Seminarii Sanctae Catharinae* 59),³⁰ а второй — как Флорентийский кодекс собрания Асбурнхама (*Florentinus Laurentianus Ashburnhamensis* 53).

В состав рукописной семьи «A'», созданной около 1123 г. и учитывающей декреты I Латеранского собора, входит достаточно большое количество списков: Грацкий кодекс (*Grazensis* II 351), Неаполитанский кодекс (*Neapolitanus* XII A 37–39), Пармский кодекс (*Parmensis* 976), Флорентийский кодекс Святого Марка Лаурентианской библиотеки (*Florentinus Laurentianus Sancti Marci* 499).³¹ Указанная рукописная семья, по мнению Л. Фовлер-Магерл, сформировалась в Тоскане. Исследование редакции «A aucta» и «A'» позволяет выявить характер интерполяций и рецепции «Собрания канонов» Ансельма Луканского, связанных с эволюцией церковных институтов накануне I Латеранского собора. Если тексты канонов в обеих редакциях в общем идентичны, то титулы имеют существенные различия. В частности, титулы редакции «A'», как правило, более лаконичны, чем титулы редакции «A aucta». Редакция «A'», ставшая своеобразным результатом деятельности собора всей Римско-католической церкви, по мнению П. Ландау была использована Грацианом при составлении «Декрета» в начале 1140-х гг. Кроме того, на основе «A'»-редакции был создан новый список «Собрания канонов», который был изготовлен в Бергамо в 1135 г.

Помимо указанных списков старейшая редакция «A aucta», созданная при жизни Ансельма Луканского, но не отражавшая исходный авторский архетип «Собрания канонов», повлияла на

³⁰ *Fowler-Magerl L. Op. cit. P. 221–224.*

³¹ *Fowler-Magerl L. Op. cit. P. 218–221, 227.*

создание Ватиканского кодекса из собрания Барберини (*Vaticanus Barberinus latinus 535*). Эта рукопись была изготовлена на рубеже XI–XII вв. в Лукке. Она содержит первые семь книг «Собрания канонов», которые могут быть приписаны творчеству Ансельма Луканского, без всякого сомнения, на основании результатов текстологической критики. Указанная рукопись носит на себе отпечаток редакторской правки, выполненной под влиянием различных декреталий Урбана II и Пасхаля II.³² В этом ее основное отличие от редакции «*A aucta*». Однако, как справедливо отмечала К. Кашинг, именно первые семь книг, вошедшие в редакцию «*Bb*», были увенчаны инципитом, который встречается лишь в рукописи *Vaticanus Barberinus latinus 535*. Этот инципит свидетельствует о редакции «*Bb*» как об «*authentica collectio*».

Инципит гласит: «*Incipit autentica et compendiosa collectio regularum et sententiarum sanctorum patrum et auctorabilium conciliorum facta tempore VII Gregorii sanctissimi papae a beatissimo Anselmo Lucensi episcopo eius diligenti imitatore et discipulo cuius iussione et precepto desiderante consummauit hoc opus*».³³ Таким образом, редакция «*Bb*» выявляет «Собрание канонов» как «подлинное и подробное собрание», составленное Ансельмом по повелению самого Григория VII. Время и место создания этого «подлинного собрания» подтверждают мнение о том, что «*Bb*»-редакция в наибольшей степени отражает исходный авторский архетип «Собрания канонов» Ансельма Луканского.³⁴ Рукопись указанной редакции (*Vat. Barb. 535*) датируется эпохой Паскаля II,

³² *Fowler-Magerl L.* Op. cit. P. 157–158; *Landau P.* Intorno alle redazioni più ampie del XII secolo della raccolta dei canoni di Anselmo da Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture. P. 344–345.

³³ *Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thaner, Oeniponte 1906/1915.* P. 2 («Начинается подлинное и полное собрание правил и суждений святых отцов и авторитетных соборов, созданное во времена святейшего папы Григория VII блаженнейшим Ансельмом, епископом Луканским, его прилежным подражателем и учеником. По повелению и желательному предписанию Григория Ансельм выполнил сей труд»).

³⁴ *Cushing K.G.* Polemic or Handbook? Recension Bb of Anselm of Lucca's Collectio canonum // *Bishops, Texts and the use of Canon Law.* 2009. P. 69–77.

однако она, как верно предполагает К. Кашинг, отражает «практическую», или «учебную», редакцию «Собрания канонов», составленную тогда, когда сборник Ансельма Луканского еще не получил своего продолжения и не был расширен в Полиронском аббатстве при помощи шести последних книг. Указанное обстоятельство представляется чрезвычайно важным. Оно позволяет использовать отмеченную редакцию наряду с «*A aucta*» как возможную основу для нового критического издания памятника. Текстологическое сравнение текста титулов и канонов «*Bb*»-редакции с текстом титулов и канонов редакции «*A aucta*» (помимо сообщения инципита) позволяет с достаточной долей истины судить о том, что именно первая редакция отражала архетип самого Ансельма. Титулы «*Bb*»-редакции более конкретны по содержанию. Они избегают пространного изложения смысла того или иного канона, что характерно для титулов редакции «*A aucta*». Рубрикация книг, присутствующая в редакции «*Bb*»,³⁵ но отсутствующая в редакции «*A aucta*», свидетельствует о том, что первая имела практическое церковно-юридическое значение, а вторая представляла собой что-то вроде *uersio uulgata* и служила материалом для позднейших интерполяций.

Подводя итог степени распространения и влияния редакции «*A aucta*», необходимо отметить, что, по всей вероятности, эта редакция была положена в основу следующей группы манускриптов, которые составляют так называемую группу «*A Venetiana*». Сформированная в конце XI в. в Полиронском аббатстве близ Мантуи,³⁶ отмеченная рукописная группа была представлена кодексами: Венецианский Святого Марка (*Venetianus Sancti Marci*

³⁵ Рубрикация книг «Собрания канонов», встречающаяся в редакции «*Bb*», содержит еще один важный инципит. Этот инципит гласит: «*Incipit capitulatio librorum quos beatus Anselmus Lucensis de cohaequalibus causis singulos in hoc uolumine libros composuit*» (Начинается оглавление книг, которые блаженный Ансельм Луканский по отдельности составил в этом томе в соответствии с содержанием). См.: Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thaner, Oeniponte 1906/1915. P. 1.

³⁶ Мантуя — город, ставший местом составления «Собрания канонов» Ансельмом Луканским в 1083–1086 гг.

Cl.IV, LV) и Мантуанский (*Mantuanus C II 23*). Эта группа в свою очередь повлияла на составление так называемого «Канонического собрания в 13 книгах», которое содержится в единственном Берлинском кодексе (*Berolinus Savignianus 3*).

Перечисленные выше рукописные семьи «Собрания канонов» исчерпывают сферу распространения старейшей редакции «*A aucta*». По мнению Л. Фуллер-Магерл и П. Ландау, утраченный архетип «Собрания канонов» повлиял на создание еще одной копии, также ныне утерянной, которую П. Ландау отмечает как *Y* копию. Указанная копия в свою очередь стала прообразом для составления двух независимых друг от друга редакций «Собрания канонов». Одна из них, именуемая учеными «*B*»-редакцией, сформировалась в Милане (на родине Ансельма Луканского), до конца XI в.³⁷ Вышеуказанная редакция памятника представляет собой более расширенный, более подробный вариант «Собрания канонов», чем редакции «*A aucta*» или «*Bb*». Она сохранилась в двух списках, среди которых необходимо упомянуть два Ватиканских кодекса (*Vaticanus latinus 1364* и *Vaticanus latinus 6381*), а также рукопись Болонского университета (*Bonomiensis Vniversitatis 375*). Первая рукопись из числа списков, отмеченных выше, является наиболее подробной по содержанию. В конце VII книги «Собрания канонов» в этой рукописи помещены постановления Пяченцкого собора 1095 г. Прочие кодексы менее пространны.

Упомянутая выше *Y*-копия исходного авторского архетипа «Собрания канонов» (копия ныне утраченная) оказала влияние на создание более поздней «*C*»-редакции памятника. Эта, по мнению П. Ландау, наиболее полная пространная редакция «Собрания канонов» появилась также в северной Италии до 1138 г. К сожалению, не сохранилось ни одного манускрипта XII в., который мог бы подтвердить это предположение.

³⁷ *Fowler-Magerl L. Op. cit. P. 169–171; Landau P. Op. cit. P. 345–346.*

Единственным списком «С»-редакции является позднейший Ватиканский кодекс (*Vaticanus latinus* 4983), датируемый XVI в.³⁸

Богатая рукописная традиция «Собрания канонов» Ансельма Луканского бесспорно нуждается в дальнейшем изучении. С этой точки зрения главной задачей исследований является подготовка и осуществление критического издания «Собрания канонов» или, во всяком случае, отдельных ее редакций. На наш взгляд, при проведении текстологического анализа списков и редакций «Собрания канонов» наиболее плодотворным станет метод поэтапного сравнения рукописей и отраженных в них редакций памятника в зависимости от времени их составления. Подобный метод подразумевает восприятие таких рукописных семей, как «Bb», «A aucta» и «B», в качестве приоритетных и позволит приблизиться к реконструкции авторского исходного архетипа, принадлежавшего Ансельму Луканскому. Дальнейший этап работы предполагает, с нашей точки зрения, сравнение результатов реконструкции архетипа с позднейшими формами «Собрания канонов», такими как «A'», «C» и «A Ven.». Это сравнение позволит выяснить степень и характер рецепции «Собрания канонов» и содержавшегося в нем церковно-юридического материала в период, предшествовавший появлению «Декрета Грациана» (до 1142 г.). Исследование одного из основных списков редакции «A aucta» — упоминавшегося выше Парижского кодекса 12519 и сравнение его с «Bb»-редакцией уже позволило нам сделать вывод относительно возможного географического и политического влияния этих форм «Собрания канонов». В частности, отсутствие титулов в Парижском кодексе 12519, соответствующих книгам сборника, отсутствие выделенной рубрики в ряде канонов кодекса свидетельствует, с нашей точки зрения, о следующем обстоятельстве. Содержащаяся в нем форма редакции «A aucta» не могла играть роль практического

³⁸ Landau P. Op. cit. P. 346–348.

руководства по каноническому праву в условиях схизмы, поразившей Римскую церковь в 1080-х гг. в северной Италии. Возможно, редакция представляла собой каноническую компиляцию, сформированную в Тоскане в качестве упомянутой *uersio uulgata*, с целью ее дальнейшего дополнения. В то же время основа «Собрания канонов», представленная в «*Vb*»-редакции (первые семь книг «Собрания»), служила практическим кодексом церковного права для сторонников Рима. С этой точки зрения составление «*V*»-редакции на севере Италии в конце XI в., возможно, было обусловлено стремлением клириков, верных памяти Григория VII и его преемникам, использовать как авторитет Ансельма Луканского, так и каноническое значение его церковно-юридической компиляции для преодоления схизмы антипапы Климента III. В заключение остается добавить, что окончательная точка в исследовании рукописной традиции «Собрания канонов» Ансельма Луканского может быть поставлена лишь после составления новых текстологических комментариев к изданию Ф. Танера.

«Собрание канонов» Ансельма Луканского окончательно определило принципы ультрамонтанской «монархической» экклесиологии Рима. Если Бурхард Вормсский очень сдержанно описывал права и прерогативы Римского архиерея, то Ансельм Луканский, в сущности, посвятил отстаиванию этих прав всю свою церковно-юридическую компиляцию. Так, например, титул первой книги «Декрета» Бурхарда был озаглавлен следующим образом: «*Episcopi, de primatu ecclesiae Decretorum liber primus*».³⁹ В то же время первая книга «Собрания канонов» Ансельма Луканского в «*Vb*»-редакции имела совсем иной титул: «*De potestate et primatu apostolicae sedis*».⁴⁰ Первые два титула начальной книги, посвященные первенству Римского епископа, были

³⁹ «Епископы, о первенстве церкви первая книга Декрета» (Burchard von Worms, *Decretorum libri XX*, Ergantzer Neudruck der Editio Princeps Koln 1548, herausgegeben von Gerard Fransen und Theo Kolzer, Darmstadt, 1992. S. 91. Fol. 1).

⁴⁰ «О власти и первенстве апостольского престола» (Anselmi Episcopi Lucensis *Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thauer*, Oeniponte 1906/1915. P. 7).

сформулированы у Бурхарда в традиционном духе латинского богословия. Первый титул гласил: «*Quod in nouo testamento post Christum Dominum nostrum a Petro sacerdotialis coeperit ordo*». ⁴¹ Под титулом автор поместил соответствующий отрывок послания Псевдо-Анаклета из «Псевдо-Исидоровых декреталий». Этим же титулом и этим же фрагментом начинается первая книга «Собрания канон» Ансельма Луканского. Второй титул первой книги творения Бурхарда содержал титул, раскрывавший причину первенства Римской церкви: «*De priuilegio beato Petro Domini uice solummodo commisso et discretione potestatis quae inter apostolos fuit*». ⁴² Далее следовал отрывок из Псевдо-Мильтиада, также заимствованный Бурхардом из «Псевдо-Исидоровых декреталий». Однако уже третий титул первой книги Бурхардовского «Декрета» резко ограничивал прерогативы Римского епископа. В нем определялось следующее: «*Vt summus sacerdos non uocetur Romanus Pontifex sed primae sedis episcopus*». ⁴³ Бурхард сослался при этом на постановление одного из Карфагенских соборов (см.: «Гиппонский бревиарий»), а в последующих канонах «Декрета» и вовсе оставлял в стороне проблему примата Римской церкви. ⁴⁴

Совершеннейшим контрастом на этом фоне являлось «Собрание канон» Ансельма Луканского, в котором вся первая книга посвящена идее монархической власти Римского епископа. В связи с этим наиболее показательны пятый и шестой титулы первой книги, которые дают более чем красноречивое представление об экклесиологии Ансельма. В пятом титуле утверждалось:

⁴¹ «О том, что в Новом Завете после Христа от Петра начинается священнический чин», здесь и далее отрывки из Бурхарда цит. по: Burchard von Worms, *Decretorum libri XX*, Ergantzer Neudruck der Editio Princeps Koln 1548, herausgegeben von Gerard Fransen und Theo Kolzer, Darmstadt, 1992. S. 91. Fol. 1.

⁴² «О привилегии Господа, доверенной заочно только блаженному Петру и о различении власти, которая принадлежала апостолам».

⁴³ «Чтобы Римский архиерей не назывался верховным священником, но епископом первенствующего престола».

⁴⁴ Schulz K. *Das Wormser Hofrecht Bischofshof Burchardi / Bischof Burchard von Worms 1000–1025*. Mainz, 2000. P. 251–278.

«Quod Christum non recipit qui papam contristauerit».⁴⁵ Шестой титул был не менее категоричным: «Quod nec loqui debemus cui para non loquitur».⁴⁶ Вышеуказанные титулы обосновывались канонами Псевдо-Климента, почерпнутыми Ансельмом из «Псевдо-Исидоровых декреталий».

Вопрос об источниках «Собрания канонов» Ансельма Луканского не представляет собой значительной сложности. Основная идея компиляции Ансельма заключалась в манифестации папской власти как власти монархической. Римский епископ, с точки зрения Ансельма, обладал полнотой духовной юрисдикции в этом мире.⁴⁷ По словам А. Сцуроми, для средневекового сознания «иерархическая структура являлась основополагающей частью институционального развития Церкви».⁴⁸ В представлениях Ансельма Римский архиерей был тем, кто венчал на земле иерархию народа Божия — Нового Израиля, невидимо возглавляемого Иисусом Христом. В своих сочинениях Ансельм часто сравнивал Церковь с кораблем, которым руководит преемник апостола Петра и который застигают бури.⁴⁹ Именно Римский епископ является

⁴⁵ «О том, что не приемлет Христа тот, кто огорчит папу» (Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thauer, Oeniponte 1906/1915 (Репринтное воспроизведение: *Thauer Fr. Anselm II. Bischof von Lucca, etc. Aalen, 1965*)).

⁴⁶ «О том, что мы не должны и разговаривать с тем, с кем не разговаривает папа» (Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thauer, Oeniponte 1906/1915 (Репринтное воспроизведение: *Thauer Fr. Anselm II. Bischof von Lucca, etc., Aalen, 1965*). P. 6–9).

⁴⁷ Вопрос о светской юрисдикции Римского архиерея был косвенно поставлен Ансельмом в XIII книге «Собрания канонов», в которой говорилось о «справедливом возмездии» и о праве Церкви вести борьбу с оружием в руках.

⁴⁸ *Szuromi S. A. Anselm of Lucca as a canonist / Adnotationes in ius canonicum*. Вып. 34. Frankfurt am Main, 2006. P. 55.

⁴⁹ *Pásztor E. Lotta per le investiture e «ius belli»: la posizione di Anselmo di Lucca / Sant'Anselmo, Mantova e la lotta per le investiture / Sant'Anselmo vescovo di Lucca (1073–1086) nel quadro delle trasformazioni sociali e della riforma ecclesiastica a cura di Cinzio Violante*. Roma, 1992. P. 375–385; *Pásztor E. Motivi dell'ecclesiologia di Anselmo di Lucca // Bullettino Dell'Istituto Storico Italiano*, 77 (1965). P. 45–104. — Письма Ансельма Луканского см.: *Briefsammlungen der Zeit Heinrichs IV*, C. Erdmann-N. Fickermann / MGH Die Briefe der Deutschen Kaiserzeit 5. Weimar, 1950. P. 15–17, 50–52; *Hugonis Flauiniensis Chronicon / PL 154*, Coll. 317–318; *Maccarrone M. La teologia del primato romano del secolo XI // Le istituzioni ecclesiastiche della «Societas Christiana» dei secoli XI–XII*. Papato, cardinalato ed episcopato. Milano, 1974. P. 76–78.

основой и источником легитимного, канонического священства. Именно он наследует обетование, данное Христом апостолу Петру. Подобно тому, как каждый епископ обручен со своим диоцезом, точно так же и Римский архиепiscop отвечает за всю Церковь на земле как викарий ее небесного Жениха. Церковь земная, возглавляемая Римским архиереем, является критерием истины и единственным проводником благодати. Она же имеет право осуществлять «справедливое возмездие» и обнажать меч для защиты веры, прибегая к «справедливому пролитию крови». Вполне естественно, что подобная система эkkлесиологических воззрений могла базироваться на одном, чрезвычайно известном, комплексе текстов. Именно поэтому главным фундаментом «Собрания канонов» Ансельма в итоге стали «Псевдо-Исидоровы декреталии». Именно этот канонический сборник, созданный между 847 и 852 гг., стал источником, из которого Луканский пастырь черпал, прежде всего, декреты Римских архиереев. В большинстве случаев эти декреты принадлежали к известным апокрифам, таким как упоминавшиеся послания Псевдо-Климента Римского, Псевдо-Анаклета, Псевдо-Евариста, Псевдо-Зеферина, Псевдо-Юлия и т. д. Впрочем, за ними следовали подлинные папские декреты Сириция, Иннокентия I, св. Льва Великого, Феликса III, Илария, Геласия, св. Григория Великого и т. д. При этом подлинные папские декреты, цитируемые Ансельмом, дублировали по содержанию декреты апокрифические. Ансельм также использовал «Псевдо-Исидоровы декреталии» для цитирования многочисленных постановлений греко-восточных, северо-африканских, галльских и испанских соборов, например: Анкирского, Гангрского, Сердикского, Антиохийского, Лаодикийского, I Константинопольского, первых пяти Карфагенских соборов, Милевского, I Арльского, Риецкого, Агдского, Вазенского, Оранжевого, Эльвирского, Тарраконского, Сарагосского, Валенсийского, пяти Толедских соборов, двух Браганских соборов.⁵⁰

⁵⁰ *Szuromi S. A.* Anselm of Lucca as a canonist / *Adnotaciones in ius canonicum*. В. 34. Frankfurt am Main, 2006. P. 57.

Ансельм пользовался и некоторыми другими более древними каноническими сборниками. В частности, правила некоторых соборов начиная с шестой книги «Собрания канонов», а также декреты папы Симмаха следуют в редакции «Дионисиевско-Адриановского собрания».⁵¹ Среди других источников «Собрания канонов» Ансельма Луканского, безусловно, следует упомянуть «Декрет» Бурхарда Вормсского, «Собрание канонов в 74 титулах», «Капитулярии дьякона Бенедикта», «Сирмондиевские постановления», «Пенитенциал Псевдо-Феодора», собрание восьмидесяти пяти апостольских правил, «*Liber Pontificalis*», «*Ordo Romanus*», произведения св. Киприана Карфагенского, блаженного Августина, блаженного Иеронима, св. Амвросия Медиоланского, Оригена, Евсевия Кесарийского, св. Василия Великого, св. Кирилла Александрийского, Эннодия Тицинского, Иоанна Диакона и Анастасия Библиотекаря. Наконец, Ансельм Луканский, как уже отмечалось выше, воспользовался даже древнейшим кодексом канонического права Римской церкви — «Квеснелловым собранием».⁵² Из этого древнейшего правового свода Ансельм заимствовал два канона.⁵³

⁵¹ *Szuromi S.A.* Anselm of Lucca as a canonist / Adnotationes in ius canonicum. В. 34. Frankfurt am Main, 2006. P. 70–72.

⁵² См.: главу 5-ю. Практически все сохранившиеся рукописи древнейшего «Квеснеллова собрания» принадлежат Каролингской эпохе: Attrebatensis 644 (572) VIII в., Einsidlensis 191 конца VIII в., Vindobonenses 2141 (39), 2147 (42) конца VIII в., Parisienses 3848 А рубежа VIII–IX вв., 1454, 3842 А, 1458 IX в., более поздний Oxoniensis 42 XII в. Также сохранились фрагменты M11 Archivi Capitularis S. Ambrosii Mediolanensis IX в., Dusseldorf E. 32 конец VIII в., Vaticanus 4982 XVI в. Из всех вышеперечисленных списков кодекс Attrebatensis 644 (572) отражает архетип, созданный между 600 и 603 гг. См.: *Petoletti M.* Un frammento del secolo IX della «Collectio Quesnelliana» nell'Archivio capitolare della Basilica di S. Ambrogio a Milano // *Aevum* 82 (2008). P. 304; *Mordek H.* Bibliotheca capitularium regum francorum manuscripta. Überlieferung und Traditionszusammenhang der fränkischen Herrschererlasse, München, 1995 (MGH. Hilfsmittel, 15). P. 409. — Частичные критические издания: *Munier Ch.* Concilia Africae 345–525. Turnholti 1974 / Corpus Christianorum series Latina 149. P. XV; *Turner C.H.* Ecclesiae Occidentalis Monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1913. Т. I. Pars 2. P. XII; *Schwartz E.* Acta Conciliorum Oecumenicorum. Berolini et Lipsiae. Т. I. Vol. 5. P. XIII. — Полное старейшее издание: *Ballerinorum Petri et Hieronimi fratrum Appendix ad sancti Leonis Magni Opera / Operum Tomus III.* Venetiae, 1757 (=PL LVI, Coll. 353–746).

⁵³ *Szuromi S.A.* Anselm of Lucca as a canonist / Adnotationes in ius canonicum В. 34. Frankfurt am Main, 2006. P. 73–74, 143–171.

В контексте сравнительного изучения методологии Ансельма Луканского и традиционных методов применения канонического права в греко-римском мире, весьма примечательно следующее обстоятельство. Ансельм использовал в своем юридическом корпусе значительное количество памятников императорского законодательства позднеимператорской и ранневизантийской эпохи. В частности, на основании исследований А. Сцуроми можно сделать вывод о том, что наибольшее количество памятников императорского римского права зафиксировано в виде фрагментов или скрытых цитат в первой и четвертой книгах «Собрания канонов». Несколько меньшее количество таких документов встречается во второй, третьей, пятой и шестой книгах, а также в двенадцатой книге, которая, вероятно, была составлена продолжателями Ансельма. Наибольшее количество подобных документов принадлежало «Кодексу Юстиниана», несколько меньшее число было опосредованным образом (через канонические сборники) заимствовано из «Кодекса Феодосия», VI, CXXIII и CXXXII Новелл императора Юстиниана. В пятой книге «Собрания канонов» встречаются даже документы из «Институций Юстиниана».⁵⁴

В первой половине XII в. на латинском Западе параллельно с распространением и дополнением «Собрания канонов» Ансельма Луканского развивались альтернативные методы рецепции церковного права. В частности, верные чада церкви Французского королевства в лице представителей Шартрской канонической школы, прежде всего Ивона Шартрского, выработали свой метод согласования канонов древней Церкви и традиций римского права. Результатом их деятельности стало появление «Декрета» Ивона Шартрского, а также другого его юридического сборника, известного как «Панормия». В отличие от Бурхарда Вормского и Ансельма Луканского Ивон Шартрский отказался от произвольного метода подбора канонов и формулирования титулов

⁵⁴ Ibid. P. 171–172.

(подзаголовков).⁵⁵ Подобный метод ставил предшественников Ивона в зависимость от текущей целесообразности и от насущной злобы дня, продиктованной столкновением интересов папства и Священной Римской империи. Шартрский епископ положил в основу своего собрания канонов отвлеченные богословские понятия, рассматривавшиеся еще в «Этимологиях» св. Исидора Севильского. В итоге «Декрет» Ивона Шартрского в несравненно большей степени напоминал научную энциклопедию церковного права, чем «Декреты» Бурхарда и Ансельма, над которыми довлела церковно-политическая конъюнктура. В частности, проблема первенства Римского епископа рассматривалась в «Декрете» Ивона Шартрского лишь в пятой части, которая носила наименование «De primatu romanae ecclesiae».⁵⁶ Хотя Ивон Шартрский приводил в этой части своей канонической компиляции фрагменты из декретов Псевдо-Анаклета, титулы, сформулированные Ивоном, носили характер юридически беспристрастный. Выражения, употреблявшиеся Шартрским архипастырем: «Vnde coeperit ordo sacerdotalis» или «Quae sit prima sedes»,⁵⁷ — были чрезвычайно далеки от полемических формул Ансельма Луканского.⁵⁸ Другой канонический сборник Ивона Шартрского, известный как «Панормия», уделял значительно больше внимания вопросу о примате Римской церкви и ее эклисиологии. В частности, Ивон ссылаясь на «Константинов дар», подчеркивая значение Римской кафедры: «De privilegiis Constantini imperatoris concessis Syluestro papaе».⁵⁹ Далее в «Панормии» следовали более определенные и важные для учения о римском примате титулы. Например, ссылаясь на Псевдо-Анаклета, Ивон отмечал: «... non ab apostolicis sed ab ipso Domino romana ecclesia primatum

⁵⁵ *Szuromi S. A. Work in Progress. The Transition from Cathedral Teaching to University Instruction of Canon Law in the 11th and 12th Centuries. Some note on Anselm's Collection compared with Ivo's Work. ZEGRAN, 491 (2005). P. 758–766.*

⁵⁶ «О первенстве Римской церкви».

⁵⁷ «Откуда следует священнический чин», «Какой престол является первым».

⁵⁸ *Ivonis Carnotensis Decretum / PL 161, Coll. 321.*

⁵⁹ «О привилегиях императора Константина, доверенных папе Сильвестру».

asserit».⁶⁰ Приводя отрывок из «Геласиевского декрета», предстоятель Шартрской церкви делал заключение: «Primum hominiae ecclesiae non aliqui synodus sed Christus instituit».⁶¹

Ивон посвятил проблеме первенства Римской церкви лишь четвертую книгу «Панормии». Возможно, отнесение проблемы первенства Римской церкви к внутренним экклесиологическим вопросам, отказ воспринимать это учение в качестве краеугольного повлияли на Грациана, который, так же как и Ивон, открывал свой прославленный компендиум другими темами, которые казались ему более важными и основополагающими как для христианской веры, так и юридической науки. В начале 1140-х гг. «Собрание» Ансельма и «Декрет» Ивона Шартрского легли в основу создания «Декрета Грациана», известного также под наименованием «Согласование несогласующихся канонов».⁶² Этот труд болонского монаха стал подлинной систематической энциклопедией церковного права всей постконстантиновской эпохи и во многом подвел итоги существования школы «декретистов». Последующая «декреталистская» эпоха развития церковного права Римской церкви всецело определялась Римской курией, а пришедшие на смену «декретам» и «собраниям канонов» «декреталии» Александра III, Григория IX и Иннокентия IV знаменовали собой качественно новый этап в истории Римской церкви. Этот этап был связан с окончательной централизацией церковных институтов на христианском Западе и с полным юрисдикционным подчинением их Риму.⁶³

⁶⁰ «Не от апостолов, но от Самого Господа получила первенство Римская церковь».

⁶¹ «Первенство Римской церкви установил Христос, а не какой-либо собор» (Ivonis Carnotensis Panormia / PL 161, Coll. 1181–1182).

⁶² Concordia discordantium canonum sive Decretum Gratiani / Corpus iuris canonici. T. I. Ed. K. Friedberg, Lipsiae, 1879.

⁶³ Как уже отчасти упоминалось, в XII в. в каноническом праве на Западе возникло два направления комментаторов, составлявших глоссы к уже созданным и одобренным полномочной церковной властью сводам церковного права. Комментаторов «Декрета» Грациана именовали теперь «декретистами» (термин, применявшийся ранее к составителям «Декретов»), а комментаторов папских «Декреталий» называли «декреталистами». Если научным центром первого направления оставалась Болонья, то центром второго стал Рим.

РИМСКОЕ ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО И ВИЗАНТИЙСКИЙ «НОМОКАНОН»

Основные этапы развития канонического права Римской церкви, рассмотренные в предыдущей главе и берущие свое начало в «геласиевском возрождении», не могут не обозначить еще одну важную историческую проблему. В сущности, эта проблема сводится к следующему: существовала ли альтернатива постепенной централизации и систематизации церковного права и связанной с ней церковной дисциплины, которые столь характерны для эволюции институтов Римской церкви в раннее Средневековье? Даже самый поверхностный взгляд, брошенный на историческую панораму, развернувшуюся на заре средневековья, позволяет сформулировать однозначный ответ: такая альтернатива существовала. В то время, когда папский архив не был еще должным образом систематизирован, когда Дионисий Малый и его продолжатели, наиболее успешные в вестготской Испании, знали единственный хронологическо-географический метод систематизации канонов, — в имперской Византийской церкви был выработан свой метод систематического изложения и применения церковного права. Именно Константинопольская «великая» церковь, претендовавшая на равную честь с ветхим Римом, провозглашенная церковью всей ойкумены, т. е. вселенной, предлагала свою методологию постижения и приложения канонов в практическую жизнь. Эта методология была в значительной степени унаследована от светской римской правовой традиции и базировалась на общих принципах симфонического сосуществования Церкви и империи, выраженных императором Юстинианом в VI Новелле.

На рубеже IV–V вв. Константинопольская церковь руководствовалась теми же самыми правилами, которые образовали в Риме основу папского архива и, век спустя, сформировали основу «Квеснеллова собрания». К этим правилам следует отнести каноны

I Никейского собора 325 г., каноны Сердикского собора 343 г., а также «Антиохийскую синтагму», к которой позднее были добавлены каноны Константинопольских соборов 381 и 394 гг. По всей видимости, в V столетии к этим документам соответственно были прибавлены каноны Эфесского и Халкидонского соборов. Увы, первоначальный византийский кодекс канонов IV–V вв. в отличие от «Квеснеллова собрания» не сохранился. Первой серьезной попыткой расширения правовой базы Константинопольской церкви стал перевод на греческий язык «Кодекса канонов Африканской церкви», предпринятый после завоевания северной Африки по приказу императора Юстиниана. К концу правления этого императора в распоряжении Константинопольских патриархов находилось значительное количество императорских законов, вошедших в «Кодекс Юстиниана», а также его пространные Новеллы, посвященные Церкви. Среди этих «новых законов» наиболее значение для церковного управления имели три Новеллы: упоминавшаяся VI, CXXIII, CXXXIV и CXXXVII. Назревала очевидная необходимость кодификации церковного права по тому образцу, по которому было кодифицировано имперское право. Итогом указанной кодификации стало создание «Синагоги», приписываемой патриарху Иоанну Схоластику, а также «Сборника LXXXVII глав» в середине VI столетия. Позднее, в царствование императора Юстина II (565–578) на основании «Синагоги» был сформирован «Номоканон L титулов» Этот обширный канонический сборник, сохраняя титулы «Синагоги», систематизировал по главам апостольские правила, каноны первых четырех вселенских соборов, каноны «Антиохийской синтагмы» и переведенные на греческий язык правила из «Кодекса Африканской церкви» под наименованием «правил Карфагенского собора». Кроме того, в сборник попало значительно количество святоотеческих правил, к числу которых относятся правила св. Василия Великого.¹

¹ *Beneschevič V.N.* Ioannis Scholastici synagoga L titulorum ceteraque eiusdem opera iuridica I: Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften, Philosophisch-historische Abteilung NF 14. München, 1937, passim.

Наконец, составитель «Номоканона L титулов» постоянно ссылался на Новеллы императора Юстиниана, касавшиеся Церкви, а также некий «Номоканон», который предшествовал творению Иоанна Схоластика.² Несмотря на четкую систему классификации канонов, «Номоканон L титулов» был неудобен в практическом использовании, прежде всего из-за своей обширности. Кроме того, этот свод церковного права, являясь с формальной точки зрения кодексом канонов имперской церкви и обязательный для всей ойкумены, не мог быть принят Римской церковью. Несмотря на то, что кафедра Римской церкви оказалась, в сущности, на территории Восточной Римской империи в царствование Юстиниана, она управлялась независимо от Константинополя, будучи латинской церковью по языку и занимая первое положение в диптихе патриархатов. Юрисдикция Римских епископов простиралась в VI столетии до самой Фессалоники, греческий митрополит которой являлся папским апокрисиарием в Константинополе. Византийской иерархии было очевидно, что «Номоканон L титулов» пригоден лишь для внутреннего использования в эллинистических провинциях империи. Лишь император был в силах оказывать то или иное правовое влияние на Рим до тех пор, пока императорские ереси — монофелитство и иконоборчество не воздвигли между папой и императором окончательного средостения.

Упомянутая обширность «Номоканона L титулов» привела к тому, что в следующем VII столетии, примерно в царствование императора Ираклия был создан новый «Номоканон XIV титулов». В.Н. Бенешевич датировал первоначальную редакцию этого основного византийского канонического сборника 620–629 гг.³ Он был несравненно более удобным в практическом использовании, ибо предлагал более универсальную систематизацию церковного права, чем сборники Иоанна Схоластика. «Номоканон

² Иоанну Схоластику приписывается также отдельный сборник императорских законов, касающихся Церкви.

³ *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 229–230.

XIV титулов» основывался на «Синтагме», которая постоянно пополнялась новыми документами. В конце VII в. «Номоканон XIV титулов» был дополнен правилами Трульского собора 692 г., которые носили ярко выраженный имперский и антилатинский характер, порицая целый ряд обычаев западных поместных церквей.⁴ По словам кардинала Ж.Б. Питра — выдающегося исследователя греко-римского права: «Если кто-нибудь пожелает составить справедливый и полный комментарий к деяниям Трульского собора, он мне охватит взглядом почти полностью все византийское право, сколь бы ни было оно обширно».⁵

Спустя полтора века, после Константинопольского собора 879 г., в «Номоканон XIV титулов» были включены правила II Никейского собора 787 г., а также протокол заседания Карфагенского собора 256 г. по поводу крещения еретиков.⁶ Около 883 г. в состав «Номоканона XIV титулов» вошли каноны двух Константинопольских соборов, проведенных патриархом Фотием (Двухкратный 862 г. и Софийский 880 г.), а также некоторые новые церковные законы первых императоров Македонской династии. В итоге дополненный вариант «Номоканона XIV титулов» приобрел наименование «Номоканона патриарха Фотия», хотя сам Фотий вовсе не находился у его истоков и лишь дополнил этот систематический свод церковного права. Таким образом, В.Н. Бенешевич выделил три основные редакции «Номоканона XIV титулов» в зависимости от сохранившихся списков. Исходная редакция датируется периодом 620–629 гг. Вторая — «Трульская» редакция относится к концу VII в., третья — «дофотиевская» редакция, вероятно, была составлена во второй половине IX в.,

⁴ The Council in Trullo revisited, ed. By George Nedungatt, Michael Featherstone. Roma, 1995. P. 1–306; *Ohme H.* Die sogenannten «antirömischen Kanones» des Concilium Quinisextum (692) — Vereinheitlichung als Gefahr für die Einheit der Kirche // *Ibid.* P. 307–321.

⁵ *Iuris ecclesiastici Graecorum historia et monumenta, iussu Pii IX Pont. Max. curante I. B. Pitra S.R.E. Card. T. II. Romae, 1868, 76 A.*

⁶ *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 34.

и, наконец, третья — «фотиевская» редакция может быть датирована временем около 883 г.⁷ В сущности «Номоканон XIV титулов», ставший основой для наиболее распространенной редакции древнерусской «Кормчей книги», представлял собой законченную юридическую систему. Главным достоинством этой системы было ее удобство в повседневной церковной жизни и согласованность с нормами имперского законодательства. Главным недостатком ее следует признать известное ощущение самодостаточности византийской церковной жизни, которое рождалось при прочтении «Номоканона». За исключением древнего «Кодекса канонов Африканской церкви» и правил Сердикского собора 343 г. в «Номоканон» не был включен ни один латинский памятник церковного права поздней античности и раннего Средневековья. При этом древнейшие доконстантиновские «Апостольские Постановления», которые формировали основу церковной дисциплины многих древневосточных церквей, были отвергнуты Трулльским собором, а следовательно, и «Номоканон» как полуретические.

Развитие Западной церкви представлялось византийским иерархам чем-то периферийным, не заслуживающим серьезного внимания. В связи с этим неслучайно то, что Константинопольский синод 920 г. провозгласил «Номоканон» кодексом церковных правил, обязательным для всей Православной Кафолической церкви.⁸ Как отмечает протоиерей Владислав Цыпин: «Правила Соборов латиноязычных церквей (кроме Сердикского и Карфагенских. — *А.М.*), в том числе и Римских Соборов, не вошли в канонический кодекс Вселенской Церкви».⁹ Разумеется, подобный тезис справедлив, если *a priori* принять именно «Номоканон

⁷ *Beneschevič V.N.* Syntagma XIV titularum sine scholiis secundum versionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato. Petropoli, 1906. Т. I. Р. III–IV.

⁸ *Цыпин Владислав*, протоиерей. Церковное право, электронная версия книги см.: http://www.krotov.info/libr_min/23_ts/tsyp/in_1.htm.

⁹ Там же.

XIV титулов» в качестве исчерпывающего для Вселенской церкви «канонического кодекса». При этом, однако, приходится отсекал от «канонического кодекса Вселенской церкви» богатое предание отдельных ее частей и ограничивать Вселенскую церковь государственными границами Византийской империи. Если же подразумевать под «каноническим кодексом Вселенской церкви» такой сборник, который охватывал бы наибольшее количество памятников правового предания древней Церкви независимо от политических границ, — с этой точки зрения более значительный авторитет для Вселенской церкви могло бы иметь «Испанское собрание» канонов VII в., приписываемое замечательному средневековому энциклопедисту св. Исидору Севильскому.¹⁰ Именно этот «канонический кодекс» был еще свободен от «Псевдо-Исидоровских» апокрифов (IX в.) и вместе с тем обобщал соборное предание практически всех православных поместных церквей IV–VII столетий. Как отмечал профессор Мадридского Богословского Института Святого Петра Мученика Т. Гонсалес, «*Hispana* является наиболее богатым и полным каноническим собранием этой эпохи (VII в. — *А.М.*). В то же время она в наибольшей степени упорядочена и гармонична. Канонические сборники, появлявшиеся в других странах, не могут сравниться с ней».¹¹ Содержание «Испанского собрания» охватывало правила греко-восточных соборов «Антиохийской синтагмы», правила вселенских соборов, в том числе деяния II Константинопольского антимонофелитского собора 680 г., каноны северо-африканских, галльских и испанских соборов IV–VII вв.¹²

¹⁰ Представители современной испанской историографии в целом склонны подтверждать участие св. Исидора Севильского в составлении «Испанского собрания» (см.: Domínguez del Val U., Isidoro de Sevilla / Diccionario de historia eclesiástica de España. Vol. II. Madrid, 1972. P. 1214).

¹¹ См.: Orti V.C., Conde J.F., Gonzalez Novalin J.L., Sanchis A.M. Historia de la Iglesia en España. T. I. La España romana y visigoda. Madrid, 1979. P. 715.

¹² «Испанское собрание» отражает фундамент канонического права древней Вселенской церкви, который должен быть дополнен позднейшими канонами Трульского собора 692 г., II Никейского собора 787 г. и Константинопольского собора 879 г., с формальной точки зрения все-таки признанными на Западе.

Сопоставляя содержание «Испанского собрания» и византийского «Номоканона», приходится признать следующее обстоятельство. Рецепция Константинопольской церковью церковно-юридических документов, созданных в испанских и галльских церквях (подобная той, благодаря которой в царствование Юстиниана к византийской «Синтагме» был прибавлен «Кодекс Африканской церкви»), стала бы возможной лишь в случае военной или политической экспансии Византийской империи на Западе. Невозможность подобной экспансии неизбежно ограничивала Вселенский патриархат имперскими границами. С этой точки зрения В.Н. Бенешевич справедливо отмечал: «Номоканон 883 г. — великий акт самоопределения Восточной церкви, он знаменует возвращение к древним подлинным основам церковного строя, как они были закреплены в VI–VII веках, но в духе строгого церковного предания, нашедшего себе выражение в правилах Соборов, начиная с Трулльского. Если принять во внимание, что для Западной церкви такое значение имел Аже-Исидоров сборник, характеризующийся как раз противоположными чертами, то с точки зрения истории церковного права не будет преувеличением датировать разделение церквей 883 годом».¹³ Акт самоопределения 883 г. был таковым актом именно для Восточной церкви, но далеко не для Вселенской церковной полноты.

Отношения Константинопольских патриархов с Римскими епископами, которые в перспективе могли создать культурный мост между Византией и латинским Западом, развивались в VII–VIII вв. достаточно драматично. Как отмечал в связи с этим протопресвитер Иоанн Мейендорф: «В VI и VII вв. Римская церковь по-прежнему играла роль связующего звена между Востоком и Западом, что с особенной ясностью показывает святой Григорий Великий. Однако осуществлялось это ценой известных внутренних противоречий. Принимая пентархию, участвуя в имперской

¹³ Бенешевич В.Н. Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. С. VII–IX; Нарбеков В.А. Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованиями Вальсамона. I–II. Казань, 1899. Ч. II. С. 45–578.

византийской системе, Римская церковь в то же время всякий раз прибегала к аргументу Петрова апостольства, когда могла использовать его для отстаивания своей юрисдикции. Возможно, эта Янусова двуликость могла бы удерживаться гораздо дольше, если бы высокомерие и небрежение византийских императоров-иконоборцев не обрекло бы папство на то, чтобы стать западным институтом, связанным с каролингской монархией сначала как орудие, а затем как яростный соперник в борьбе за господство над централизованным и культурно единообразным латинским христианством».¹⁴ Впрочем, несмотря на различные пути развития церковного права на Востоке и на Западе, методологические принципы византийского «Номоканона» еще очень долго оказывали влияние на внутренние основы латинского корпуса церковного права. Как справедливо указывал В.Н. Бенешевич, еще в 850 г. папа Лев IV следовал византийской традиции перечисления правил восточных соборов, отчасти благодаря влиянию Дионисия Малого.¹⁵

Культурное и церковное размежевание с латинским миром, ослабление в Византии живой соборной жизни вне пределов столицы, ставшее реальностью в XI в., приводило к тому, что труды византийской канонической школы как в эпоху Македонской династии, так и в эпоху Комнинов вращались вокруг создания комментариев к уже имеющемуся каноническому наследию. Византийские канонисты занимались также согласованием этого наследия с позднейшими патриаршими синодальными определениями или императорскими новеллами (толкования Зонары, толкования Аристина на «Синописис канонов», толкования Вальсамона на «Номоканон XIV титулов»). Впрочем, живая церковная жизнь неизменно провоцировала новые вопросы правового характера.

¹⁴ *Мейендорф Иоани*, протопресвитер. История Церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000. С. 239.

¹⁵ *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов со второй четверти VII века до 883 г. СПб., 1905. С. 34.

Неслучайно поэтому в византийской пастырской литературе никогда не умирал такой жанр, как канонические ответы иерархов на те или иные вопрошания жаждущих услышать церковный голос. Ярким примером живой пастырской мысли в Византии являются канонические ответы Вальсамона Марку Александрийскому, канонические ответы Иоанна Китрского Константину Кавасиле, канонические ответы Димитрия Хоматиана, канонические ответы Луки Хрисоферга и Иоасафа Эфесского. В поздневизантийскую эпоху, когда «Номоканон XIV титулов» с толкованиями Вальсамона не отвечал реалиям церковной жизни, усложнявшейся на фоне упадка империи, в Византии возникла потребность в создании новых систематических сборников церковного права. В результате поздневизантийская правовая традиция может справедливо похвастаться такими выдающимися систематическими сборниками, как «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря, «Шестикнижие» Константина Арменопула или поствизантийский «Номоканон» Мануила Малаксы.

Римская церковь, систематизируя и кодифицируя правовое наследие древней церкви трудами продолжателей Ансельма Луканского, Ивона Шартрского и Грациана в XII в., в дальнейшем развивала свою юридическую организацию, опираясь на папскую монархическую власть и издаваемые папами «декреталии». Константинопольская церковь, обобщив и проанализировав свое правовое наследие трудами патриархов Фотия и Вальсамона, в последующие века развивала подобную организацию в постоянном соотношении с принципами и нормами устоявшейся традиции «Номоканона». Можно без преувеличения сделать вывод о том, что именно развитие канонического сознания наиболее ярко выявило богословское и культурное своеобразие Рима и Византии. Если Римская церковь создала свое историческое бытие на столпах писания и предания под руководством видимого предстоятеля — Римского архиерея, то Византийская церковь создала это бытие на тех же столпах писания и предания, но посредством

постоянной отсылки к святоотеческой традиции — традиции, расцвет которой произошел в золотой век греко-римской культуры. Исторический путь Римской церкви требовал от ее чад самоотверженного доверия к «церкви учащей». Эта «церковь учащая» вела западную христианскую организацию от сумбура и хаоса, которыми сопровождалась гибель античного мира и которые наложили свой отпечаток на первые канонические сборники Римской церкви, к становлению нового христианского средневекового мира, новой правовой цивилизации. Исторический путь Византийской церкви требовал от ее чад не менее самоотверженного доверия к унаследованной от отцов духовной культуре. Эта поистине чарующая духовная культура позволяла Восточной церкви преодолеть ереси и нашествия варваров, сохраняя ту гармонию и стройность, отблеск которой лежит на византийском «Номоканоне», сиречь «Законоправиле».

«Номоканон XIV титулов» как главный кодекс церковного права в Византии привлекал внимание ученых достаточно долго, однако лишь в XX в. было предпринято его критическое исследование. Впервые он был издан под наименованием «Номоканона патриарха Фотия» вместе со схолиями Вальсамона благодаря трудам Христофора Жюстелля в Париже в 1616 г. Издание X. Жюстелля, базировавшееся на единственной рукописи XIII в. из собрания Палатинской библиотеки Ватикана, было воспроизведено аббатом Ж. Минем в заключительном томе сочинений патриарха Фотия в рамках «Греческой Патрологии». На него ориентировались Г. Раллис и М. Потлис — греческие исследователи византийского канонического права, издавшие, по выражению епископа Никодима (Милаша), так называемую «Синтагму». Долгое время именно издание X. Жюстелля считалось образцовым, несмотря на то, что на протяжении всего XVII–XIX вв. в историографии велись оживленные споры относительно периода создания первоначальной редакции Номоканона и добавлений к нему. Можно с уверенностью утверждать, что исчерпывающее исследование истории

формирования «Номоканона XIV титулов», а также издание его критического текста без схолий в сочетании с древнерусской редакцией осуществил В.Н. Бенешевич. Издание греческого критического текста В.Н. Бенешевича основывалось на следующих древнейших рукописях: Патмосский кодекс 172 первой половины IX в., Патмосский кодекс 173 второй половины IX в. (II «Трульская» редакция), Римский греческий кодекс F. 10 Валичелианской библиотеки начала X в. (III «Постиконоборческая» редакция), Римский греческий кодекс Валичелианской библиотеки F. 47 X в. и Венский греческий кодекс 56 XI в. (III «дофотиевская» редакция), а также Петербургский греческий кодекс 66 Императорской Публичной библиотеки X столетия, Греческий кодекс 467 Московской Синодальной библиотеки XI в., Бароккский кодекс 196 1042 г. и, наконец, Зельденский кодекс 55 XIII в.¹⁶

Византийская церковно-юридическая мысль стала стремиться к систематизации канонического права и предания на несколько веков раньше, чем это произошло на латинском Западе. В то время как на Западе еще только формировались «Декреты» Бурхарда Вормского, Ансельма Луканского и Ивона Шартрского, в Византии уже существовал свой собственный систематический церковно-юридический корпус. В связи с этим общее сравнение методологии и идей составителей «Номоканона XIV титулов» с аналогичными методами и идеями Ансельма Луканского или Бурхарда Вормского лишь более четко и остро выявит различное понимание экклесиологии и развития церковного устройства, окончательно противопоставившее Римскую и Константинопольскую церкви в 1054 г. Однако, следуя методу К. Галлагера, успешно примененному в его статье, посвященной Грациану и Вальсамону, нам представляется целесообразным остановиться как на некоторых общих чертах, так и на различиях в методологии «Номоканона» и латинских «Декретов» XI в.

¹⁶ *Beneschevič V.N. Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato.* T. I. Petropoli, 1906. P. III–V.

Прежде всего следует отметить, что титулы и главы «Номоканона XIV титулов» располагались в соответствии с четкой юридической системой, в определенном смысле заимствованной из сводов светского законодательства, в частности из «Кодекса Юстиниана». При этом на Западе Бурхард Вормский и Ансельм Луканский только начинали вырабатывать собственную систему классификации церковно-юридических документов, дистанцируясь от древнеримского принципа классификации юридических актов и конституций. Первая глава «Номоканона» была озаглавлена следующим образом: «Περὶ θεολογίας καὶ ὀρθοδόξου πίστεως».¹⁷ Такое же название имела и первая глава указанного титула «Номоканона», которая предлагала взыскующему читателю перечень канонов, разъясняющих вопрос, сформулированный в заглавии. Первая глава гласила: «Ἀποστόλων κανὼν μὲθ' καὶ ν'. συνόδου Κωνσταντινουπόλεως κανὼν α' ε'. συνόδου Ἐφέσου κανὼν ζ'. συνόδου Καρθαγένης κανὼν α' οὐ' πα'. Κείμενον. Βιβλίον α' τοῦ Κώδικος τίτ. α' διάταξις ε', ζ', ζ', η', θ'».¹⁸

Таким образом, в «Номоканоне» систематическое изложение церковного права начиналось с исповедания веры и формулирования основополагающих принципов христианского вероучения. Неслучайно в связи с этим то, что перечисленные в «Номоканоне» церковные правила последовательно должны были раскрывать содержание православной и католической веры для испытующего. В начале эти правила устанавливали главный принцип действительности христианского крещения: крещение действительно тогда, когда оно совершается во Имя Отца, Сына и Святого Духа. Таинство крещения возвещает смерть Господню, отвергая как модалистическое смешение ипостасей Троицы, так и три отдельных

¹⁷ «О Богословии и Православной вере», см.: *Nomocanon XIV titulorum* / PG. 104, Coll. 980.; *Beneschevic V.N. Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato*. T. I. Petropoli, 1906. P. 5.

¹⁸ *Nomocanon XIV titulorum* / PG. 104, Coll. 980.; *Beneschevic V.N. Syntagma XIV titulorum sine scholiis secundum uersionem paleo-slouenicam adiecto textu graeco et uetustissimis codicibus manuscriptis exarato*. Petropoli, 1906. T. I. P. 5.

крещения (тритеизм). (49–50 апостольские правила).¹⁹ Затем правила разъясняли сущность веры в Троицу, подвергая анафеме последователей различных ересей IV в., как аномеев, евдоксиан, ариан и пневматомахов, разделявших Троицу, так и савеллиан, маркеллиан, фотиниан и аполлинаристов, смешивавших ипостаси Троицы (правила 1 и 5 Константинопольского собора 381 г.).²⁰ После основополагающих определений «Номоканон» отсылал читателя к правилам, подтверждающим значение догмата I Никейского собора 325 г., и к правилам, осуждающим Нестория (7-е правило Эфесского собора). Затем следовала ссыла на определение, в котором находилась формула православной и католической веры в Троицу, высказанная епископом Аврелием Карфагенским (правило 2 Карфагенского собора в греческой редакции).²¹ Наконец, в заключении составители «Номоканона» ссылались на правила, в которых кратко излагались основные события церковной истории IV–VII вв. (1 правило Трульского собора), утверждалось почитание животворящего Креста (73-е правило Трульского собора) и воспрещалось изображать Иисуса Христа в образе агнца (81 правило Трульского собора).²² После ссылок на церковные правила в «Номоканоне» следовали указания на соответствующие главы государственного законодательства, а именно на первый титул «Кодекса Юстиниана», который был, как известно, озаглавлен почти так же, как и первая глава Номоканона: «De summa Trinitate et fide catholica».

На фоне столь стройного изложения церковно-юридических норм, касающихся основ христианского вероучения, *Polycarpus* пресвитера Григория, «Декрет» Бурхарда Вормского и «Собрание канонов» Ансельма Луканского отличались большей

¹⁹ С этой точки зрения установление «Номоканона» полностью согласуется с решениями I Арльского собора 314 г. на Западе (*Beneschevič V.N.* Op. cit. P. 72–73).

²⁰ Ibid. P. 96–97.

²¹ Ibid. P. 311–312.

²² Ibid. P. 136–141, 189–190, 192.

сумбурностью.²³ Во всех вышеуказанных систематических сборниках церковного права изложение начиналось с провозглашения первенства Римской церкви, достаточно умеренного у Бурхарда и совершенно радикального у Григория и Ансельма. При этом все указанные канонисты ссылались не на титулы канонов I Никейского собора 325 г. в редакции «Квеснеллова собрания» и не на «Геласиевский декрет», которые утверждали это первенство в IV–V вв. Они предпочитали этим древним памятникам более определенные и красноречивые апокрифы из состава «Псевдо-Исидоровых декреталий» (см. выше). Вопросы триадологии и христологии затрагивались как Бурхардом и Григорием, так и Ансельмом лишь вскользь. В их представлении подобные вопросы не относились к юридическим проблемам, среди которых первое место для западного христианского сознания X–XI вв. занимал вопрос о верховенстве Римской церкви. Рим уже высказался однажды по вопросам веры в лице Римских архиереев Дамаса, Целестина и св. Льва Великого (притом что эти вопросы чаще всего волновали эллинистический Восток и, за исключением арианства, по-настоящему не затрагивали латинский Запад). Поэтому для латинского христианского мировоззрения (для Григория, Бурхарда и Ансельма) важнее было утвердить раз и навсегда универсальный принцип папского верховенства и папской власти, которая своей харизмой и авторитетом превосходила любую церковную или светскую власть. Выше мы уже приводили титулы из упомянутых латинских канонических сборников, утверждавших это верховенство. В частности, Григорий в *Polycarpus* утверждал, что Римская церковь обладает чистотой веры: «*De puritate fidei Romane, ecclesie*», — ссылаясь на авторитет св. Амвросия Медиоланского.²⁴ Ансельм Луканский провозглашал в одной только

²³ Эту сумбурность в изложении церковно-юридических правил — сумбурность, которая заключалась в бесконечных повторах, в жертвовании главными темами в пользу второстепенных и т. д., — удастся преодолеть Ивону Шартрскому и Грациану в XII в.

²⁴ *Gregorii presbyteri Polycarpus I, 3.*

первой книге своего «Собрания канонов» идею папского абсолютизма в церкви:

I. Quod in nouo testamento post Christum Dominum a Petro sacerdotalis ceperit ordo.

II. Quod romana ecclesia caput est omnium ecclesiarum ab ipso Domino non ab alio primatum obtinuit.

III. Vt beatus Petrus concessum sibi ius ligandi ac soluendi in suis transponit successores.

IV. Quod prepositi non leduntur dum a fratribus propter rigorem iustitie odio habentur immo magis amor Dei illis reconciliatur.

V. Quod Christum non recipit qui papam contristauerit.

VI. Quod nec loqui debemus cui papa non loquitur.

VII. Quod Christus sancto Petro concessit uolentibus apostolis ut primus esset inter ipsos.

VIII. Quod ad formam apostolorum facta est quaedam distinctio episcoporum quibus tamen omnibus beati Petri sedes preminet.

IX. Quod ecclesia romana omnibus preest ecclesiis sicut beato Petro datum est preminere ceteris apostolis.

X. Quod super unum id est Petrum edificauit Dominus ecclesiam suam.

XI. Vt nemo dissentiat a romana ecclesia quae caput est omnium ecclesiarum.²⁵

Подобные канонические сентенции были, конечно же, совершенно неприемлемы для византийской церковно-юридической традиции. «Номоканон XIV титулов» определял в четвертой главе первого титула: «Ὅτι οὐχ ὑφ' ἑνὸς ἐπισκόπου ἀλλ' ὑπὸ τῆς κοινότητος οἱ κανόνες ἐκτίθενται».²⁶ В период господства императорских ересей многие византийские богословы и отцы апеллировали в Рим, подчеркивали значение наследия апостола Петра. Они признавали тем самым духовный авторитет Римского престола,

²⁵ Anselmi Episcopi Lucensis Collectio canonum una cum collectione minore recensuit Fridericus Thaner, Oeniponte 1906/1915. P. 3.

²⁶ *Beneschevič V.N.* Op. cit. P. 6.

который традиционно выступал защитником православной веры, но для них этот духовный авторитет исключал какую-либо необходимость санкционировать его юридически. Неслучайно уже пятая глава первого титула «Номоканона», посвященная привилегиями патриархов, митрополитов и «глаголемых первенствующих в Африке» (Περὶ πατριαρχῶν καὶ μητροπολιτῶν καὶ τῶν ἐν Ἀφρικῇ λεγομένων πριβάτων), была составлена исходя из принципов знаменитой теории пентархии. Она отсылала читателя к тем канонам, которые с византийской точки зрения давали Константинопольскому патриарху права, равные правам Римского епископа (28-е правило Халкидонского собора, 36-е правило Трульского собора).²⁷ Как известно, подобные каноны не признавались Римом и входили в противоречие с канонической традицией Римской церкви. Ее представители выразили весьма определенно свое отношение к подобным канонам уже в V в., в эпоху Халкидонского собора и составления «Квеснеллова собрания» (см. выше). В тот период, когда Римская церковь входила в сферу культурного влияния Византии, а Византия находилась под угрозой императорских ересей, различия экклесиологии и принципов церковного права не создавали угрозу церковному единству. Тогда св. Максим Исповедник мог обрести себе прибежище в ветхой столице империи и провозгласить: «Римляне для меня являются своими по вере, а греки по языку». Но после того как на Западе установилась гегемония Каролингов, а Византия нашла в себе силы одолеть иконоборчество без помощи Рима в 843 г., раскол стал неизбежен. Анализ первых глав византийского «Номоканона XIV титулов» и первых глав латинских канонических сборников X–XI вв. выявляет самое главное экклесиологическое различие между греками и латинянами. На фоне этого различия несогласия между западными и восточными христианами в пневматологии и в учении об

²⁷ Правила 3–5 Сердикского собора, упомянутые в приведенной главе «Номоканона», в представлении византийских канонистов имели значение лишь в пределах Западного патриархата.

опресноках, в управлении епархиями и в литургических обычаях²⁸ теряют свое определяющее значение. Основным источником права в «Номоканоне XIV титулов» являлась византийская синтагма («Антиохийская синтагма» в сочетании с апостольскими правилами, «Кодексом Африканской церкви», правилами I Никейского, Сердикского и последующих вселенских соборов, прежде всего Трульского а также канонами восточных отцов IV–V вв.). На Западе в XI в. подобную роль играли «Псевдо-Исидоровы декреты», причем именно та их часть, которая в наибольшей степени укрепляла авторитет Римской церкви. Наряду с указанным сборником важнейшим источником права в латинских канонических собраниях XI в. стали отрывки сочинений блаженного Августина, св. Киприана Карфагенского, св. Амвросия и св. Григория Великого, а также «Этимологии» св. Исидора Севильского. Значение «Антиохийской синтагмы» в западных «Декретах» XI–XII вв. по сравнению с латинскими каноническими сборниками V–VII вв. сравнительно невелико. Подобные различия в предпочтении источников, бесспорно, отражали языковое и культурное размежевание латинского и византийского мира, достигшее своего апогея к 1054 г.

²⁸ Правила Трульского собора, в которых еще очень сдержанно критикуются латинские обычаи: в частности celibат священства, субботний пост (*Veschevič V.N.* Op. cit. P. 130–204).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ И ПРАВОВОЕ ЗНАЧЕНИЕ КОДИФИКАЦИИ ЦЕРКОВНОГО ПРАВА В РАННЕЕ СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

Историю кодификации церковного права в раннее Средневековье можно разделить на четыре продолжительных периода. Первый — «апостольский» период, оставшийся в целом вне поля нашего рассмотрения, продолжался с 38 г. (предполагаемая дата апостольского собора в Иерусалиме), до 311 г. В это время христианская церковь вырабатывала общие принципы внешней миссии, внутренней организации и дисциплины. Указанный период был по-своему очень драматичным. Полемика между апостолами Петром и Павлом в Антиохии об обязательности Моисеева закона, вопрос о дате празднования Пасхи, Карфагенский собор 256 г. и проблема крещения еретиков, отношение христиан к светской власти и к отступникам стали сложными вехами того исторического пути, который прошла христианская Церковь в эту эпоху. Споры и дискуссии, начавшиеся между апостолами и продолжавшиеся около трех веков, привели в итоге к формированию неких общих принципов жизненного устройства христианских общин. Эти принципы выражались, прежде всего, в вероучительном единстве евхаристических общин, возглавлявшихся монархическим епископалом, который в свою очередь был наделен апостольским преемством. Среди этих общин особым духовным авторитетом пользовались те, которые имели апостольское происхождение. Среди них первое место по праву занимала Римская церковь,¹ затем Александрийская, Антиохийская и Иерусалимская.

¹ По мирскому праву имперской столицы или в соответствии с Евангельским обетованием (Мф. 16, 18)? Этот вопрос стал камнем преткновения, разединившим христианский Запад и христианский Восток.

В этот период, когда христиане десятилетиями существовали на грани физического уничтожения, многие документы, фиксировавшие обычаи тех или иных поместных церквей, атрибутировались апостолам. В частности, знаменитое «Поучение двенадцати апостолов», «Апостольское предание» св. Ипполита Римского, «Апостольские постановления», «Апостольские правила, переданные св. Климентом Римским».

Второй период в развитии церковного права, начавшийся Медиоланским эдиктом 311 г., продолжался на Западе до конца V в., в Византии до конца VI в., а на восточной периферии греко-римского мира до середины V в. Этот период может быть обозначен как «константиновский», ибо именно тогда Церковь претерпела процесс «институализации». Церковь адаптировала принципы и нормы римского права для своих внутренних нужд, преодолев при этом мощные еретические движения. Итогом этого периода стала кодификация церковного права как определенной суммы памятников церковного Предания, которая обобщала как внутренние правила Церкви — каноны, так и императорские законы, регламентировавшие различные стороны церковной дисциплины. В Византии церковное право имперской Великой церкви Константинополя было кодифицировано под влиянием реформ Юстиниана во второй половине VI в. Результатом этой кодификации стало появление обширной «Синагоги» Иоанна Схоластика. На Западе в Риме первая настоящая кодификация церковного права была итогом внутренних процессов, связанных с культурной латинизацией и юрисдикционным возвышением Римской церкви на фоне крушения и разложения древнеримского социокультурного пространства. Эти процессы проявились в полной мере в том историческом явлении, которое именуется в историографии «геласиевским возрождением». Историческое значение «геласиевского возрождения» и кодификации церковного права сложно переоценить по целому ряду причин. Правовая рецепция, предпринятая папой Геласием, не была всего лишь первой попыткой создания

корпуса канонов Кафолической церкви на основе обычаев Рима. Упомянутая рецепция прежде всего выявила внутренние тенденции развития римской экклесиологии. Эти тенденции заключались в постепенном становлении монархического централизма в качестве иерархической модели организации церковно-исторической жизни. Можно без преувеличения говорить о том, что в условиях церковного раскола между Римом и Константинополем (Акакиевской схизмы) в мировоззрении папы Геласия и его современников восприятие Римской церкви как главной хранительницы православной веры сочеталось с осознанием исключительной роли, которую призвана играть кафедра апостола Петра в Кафолической церкви. Собственно говоря, манифестация первенства и авторитета Римской церкви, как авторитета, проистекающего из Евангелия, была лишь шагом на пути к тому утверждению, согласно которому евхаристическое общение с Кафолической церковью города Рима является критерием подлинной церковности. С этой точки зрения можно говорить о том, что авторы «Псевдо-Исидоровых» апокрифов, а затем Ансельм Луканский доводили до логического конца тезисы «Геласиевского декрета» конца IV в. Таким образом, главный вывод, характеризующий историческое значение «геласиевского возрождения», заключается в том, что историческим итогом этого возрождения стало открытое провозглашение папистической идеи в качестве практического принципа церковной жизни. С этой точки зрения молчание имперской Константинопольской церкви, скомпрометированной монофизитством императора Анастасия, лишь подтверждало для современников правоту Геласия. «Геласиевское возрождение» предвещало новый этап истории христианства. Этот этап, с одной стороны, означал окончательную институционализацию церковного управления, а с другой — предопределял независимое развитие церковного права в Римской и Константинопольской церквях. «Квеснеллово собрание» и «Синагога» Иоанна Схоластика, столь не похожие друг на друга по своему предназначению явственно выражают

упоминавшиеся различные векторы эволюции римского универсалистского и византийского имперского восприятия церковного права. Последующие вехи церковного размежевания, а именно противоречия методологии авторов «Псевдо-Исидоровых декреталий» и «Номоканона XIV титулов», несовместимость экклезиологии «Собрания канонов» Ансельма Луканского и схолий Вальсамона, наконец, полемика между папой Львом IX и патриархом Михаилом Керуларием были отчасти закономерны. Они проистекали из тех исторических событий второй половины V в., которые во многом предопределили культурное и богословское обособление латинского Запада и византийского Востока.

Церковно-юридические документы, прошедшие первый этап «геласиевской» рецепции и включенные в «Квеснеллово собрание», свидетельствуют о том церковно-правовом влиянии, которым обладали в конце V столетия Римские архиереи. Канонический материал «Квеснеллова собрания» представляет собой два уровня источников. К первому, более древнему уровню следует отнести латинские переводы постановлений греко-восточных соборов, составлявших «Антиохийскую синтагму». Как известно, «Антиохийская синтагма» была образована примерно в середине IV столетия трудами епископа Мелетия, пребывавшего в расколе с Римом. «Антиохийская синтагма» отражала церковную дисциплину христианских общин Сирии и Малой Азии в эпоху Константина Великого. Однако, несмотря на разделение между Римом и восточными церквями, связанное с полемикой между омоусианами и омиусианами, в эпоху создания «Антиохийской синтагмы» греческий язык оставался еще языком богослужения Римской церкви. Подобное обстоятельство не могло не оказывать влияния на восприятие римскими христианами всей греческой церковной традиции как исконной и первохристианской. Во многом именно поэтому «Антиохийская синтагма» успешно прошла вселенскую рецепцию во второй половине IV в., была окончательно принята на Западе после церковного примирения в 379 г. между Римом

и Антиохией и в конечном итоге стала основой канонического права всей Кафолической церкви в сочетании с канонами I Никейского собора. В V столетии каноны последующих вселенских соборов — Константинопольского, Эфесского и Халкидонского лишь дополняли ее. «Квеснеллово собрание» носит на себе следы сильного влияния христологических споров V в., в которые были вовлечены и Римские епископы, прежде всего в качестве третейских судей. Фрагменты переписки св. Кирилла Александрийского и св. папы Льва свидетельствуют об этом весьма красноречиво. Однако следующим уровнем церковно-юридических документов, составивших при Геласии «Квеснеллово собрание», стал корпус подлинных папских декретов IV–V столетий. Эти декреты, в отличие, например, от апокрифов IX в., собранных в «Псевдо-Исидоровых декреталях», позволяют выявить подлинную дисциплину и богословские устремления древней Римской церкви, а также исторические внешние условия ее существования. Папские декреты, начиная от вероучительного томоса папы Дамаса 378 г. и первого декрета папы Сириция Имерию Тарраконскому и заканчивая постановлениями св. Льва Великого и самого Геласия, играют в составе «Квеснеллова собрания» главную роль. Они демонстрируют тот духовный и канонический авторитет, которым уже обладал епископ Кафолической церкви города Рима в V столетии. На фоне этого юридического материала императорские конституции, включенные в состав «Квеснеллова собрания» из «Кодекса Феодосия», фрагментарны. Эти конституции, прежде всего, призваны продемонстрировать то, что вероучительные определения Римских архиереев и вселенских соборов (в первую очередь Халкидонского) обладают не только каноническим авторитетом, но пользуются также силой светских законов. Римский церковный централизм не нуждался для составителей «Квеснеллова собрания» в дополнительных санкциях императорской власти, к тому же уже около двадцати лет как исчезнувшей на Западе. Этот централизм провозглашался особенно ошутимо, несмотря на то что

«геласиевское возрождение» ознаменовало лишь первый этап рецепции римского церковного права.

Продолжатели Геласия, прежде всего Дионисий Малый, спустя немного времени извлекают из архивов Римской церкви новые материалы, подтверждающие эту идею, в частности протоколы Римских соборов Илария, Феликса и Симмаха. Эти памятники римского церковного права так и не вошли в «Квеснеллово собрание» ни в момент его создания в 493–494 гг., ни позднее при трансформации исходной α -редакции памятника в β (Арль) и γ (Бат) редакции. В связи с этим особенно примечательны результаты внутренней критики рукописной традиции «Квеснеллова собрания». Текстологическое сопоставление списков наиболее распространенной Γ -семьи «Квеснеллова собрания» (ок. 600–603 гг.)² с рукописями Δ -семьи позволяет сделать важный вывод относительно утраченного исходного α -архетипа памятника, современного папе Геласию. Этот вывод, в сущности, сводится к тому, что архетип памятника, рубрицированный и систематизированный по хронологическому принципу, оставался официальным корпусом права Римской церкви на протяжении всего лишь нескольких лет. Эта редакция обобщала наиболее востребованный в ходе «геласиевской» рецепции церковно-юридический материал, хранившийся в архиве Римской церкви. Памятник призван был подчеркнуть авторитет Кафолической церкви города Рима в вопросах веры и церковного устройства в условиях раскола с Константинополем, монофизитской смуты на Востоке и нашествия варваров-ариан на Западе. Период практического правового применения «Квеснеллова собрания», с нашей точки зрения ограничивался понтификатом папы Геласия (494 г.) и последующими годами вплоть до лаврентиевской смуты 499–502 гг. Распря между Симмахом и Лаврентием, во многом спровоцированная монофизитствующим императором Анастасием, обусловила

² См. Главу 5.

необходимость разработки процедур епископского избрания в Риме. Последнее обстоятельство стимулировало новые волны рецепции права, осуществленной уже Дионисием Малым. Однако «Квеснеллово собрание» сохраняло свое практическое юридическое значение. В частности, памятник был использован римскими канонистами при составлении второй редакции Дионисиева собрания канонов (*Dionysiana II*). В то же время, позднее через «Псевдо-Исидоровы декреталии»³ некоторые каноны «Квеснеллова собрания» были заимствованы сперва Бурхардом Вормским, а затем в конце XI в. Ансельмом Луканским и его продолжателями при составлении Ансельмовского «Собрания канонов».⁴ Таким образом, «Квеснеллово собрание» через «Псевдо-Исидоровы декреталии» сохраняло свое влияние вплоть до XI в., а отдельные списки памятника появлялись и позже.

Третий период в истории церковного права можно было бы датировать VI–IX вв. Этот этап характеризуется и на Западе, и на Востоке стремлением к созданию единого свода церковного права, обязательного для всей Кафолической церкви. Церковно-юридические реформы Дионисия Малого, казалось бы, упразднили «Квеснеллово собрание», списки которого можно было теперь сдать в скриптории для изготовления палимпсестов. В VIII в. в связи с расширением Франской державы возникла острая необходимость приведения дисциплины и богословского образования франкских поместных церквей в соответствие с правилами Кафолической церкви города Рима. При этом имперская Каролингская церковь должна была, конечно же, определять свой строй в соответствии с нормами «дионисиевской» рецепции церковного права. Неслучайно в связи с этим то, что папа Адриан преподнес Карлу

³ Многочисленные каноны Никейского, Неокесарийского и др. соборов были заимствованы составителями «*Dionysiana II*» и «Псевдо-Исидоровых декреталий» именно из исходной редакции «Квеснеллова собрания». См.: *Valerianorum Petri et Hieronimi fratrum Appendix ad sancti Leonis Magni Opera / Opera Tomus III, Venetiae, 1757 (=PL LVI, Coll. 353–746)*.

⁴ *Szuromi S.A. Anselm of Lucca as a canonist / Adnotationes in ius canonicum. B. 34. Frankfurt am Main, 2006, passim.*

Великому одну из поздних и дополненных редакций «Дионисиевского собрания» канонов. Однако изучение церковного права и основ догматического богословия продолжалось и развивалось в епископских школах Франкского королевства, в бенедиктинских аббатствах, таких как Лоршский монастырь, аббатство святого Веста в Неметаке Агтребатийском (Аррас) или аббатство Корби, а также в придворной библиотеке Карла Великого в Ахене. Подобные исследования основывались, по нашему мнению, на более широком латинском патристическом материале, основу которого составляло в том числе «Квеснеллово собрание» (в сочетании с трудами блаженного Августина). С этой точки зрения распространение рукописной традиции памятника в пределах Франкской империи становится вполне объяснимым. Текстологический анализ разных редакций сборника позволяет сделать вывод о том, что его широкое распространение в Каролингскую эпоху не привело к появлению позднейших интерполяций. Исключение в данном случае, пожалуй, составляют титулы, т. е. заглавия канонов, интерполированные в состав Парижского кодекса 1454, который был создан в IX в. *ad usum scholarium*. Напротив, распространение памятника способствовало купированию определенных фрагментов текста и его сокращениям. Об этом свидетельствует, в частности, анализ рубрикации Айнзидельнского кодекса 191, датированного концом VIII в. В связи с этим необходимо признать справедливыми общие выводы первого исследователя памятника — П. Квеснелла относительно его предназначения.

Динамика церковно-государственных отношений в период «геласиевского возрождения» влияла на рецепцию римского церковного права, скорее, негативно. Если в IV в. позднеимперская государственность в лице Констанция и Аркадия тяготела к цезарепапизму, в V столетии принципы отношений между церковью и государством совершенно изменились. Христологические споры на Востоке, крушение Римской империи на Западе поставили Римскую церковь и Восточные патриархаты в различные исторические условия. В этих условиях монофизитское мировоззрение

императора Анастасия в сочетании с сохранявшимся влиянием этой ереси в восточных провинциях империи привело к укреплению схизмы между Римом и Константинополем. Следствием этой схизмы стала реализация Римом и Константинополем различного выбора тех принципов, которыми должна руководствоваться Церковь в своих отношениях с государством. Если Геласий избрал бескомпромиссность, опираясь при этом на Евангельское происхождение Римской церкви, Константинопольские патриархи следовали модели, предложенной в свое время еще Евсевием Кесарийским. Можно говорить о том, что выбор Геласия, нашедший свое отражение в «Квеснелловом собрании», представлял собой социально-политическую проекцию учения блаженного Августина о Граде Божьем. Как известно, для этого учения было характерно платоновское противопоставление духовной жизни и жизни плотской, признание необходимости подчинения матери идеи. В то же время восточные иерархи следовали принципам, реализованным впервые св. Василием Великим и Григорием Богословом. Эти церковно-исторические деятели, вероятно, исходя из аристотелевского учения о политике, стремились воцерковить государство. При этом они сохраняли внутреннюю аскетическую отстраненность от светской жизни и закладывали основы тому явлению, которое впоследствии будет обозначено В. С. Соловьевым как «византизм». Пожалуй, ни в одном памятнике церковной литературы этот византизм не проявился столь явно, как в «Номоканоне XIV титулов». Книга, отражающая внутренний строй Византийской церкви, выявляет основные принципы византизма как во всей его стройности и красоте, так и во всей его искусительности. «Номоканон XIV титулов», окончательная редакция которого была выработана в конце IX в., претендовал на то, чтобы стать исчерпывающим выражением права всей Православной Кафолической церкви, которая в представлении ромеев управлялась пятью патриархами и ограждалась православными самодержцами. В то же время на латинском Западе подобным же образом стремились к созданию универсального корпуса права.

Этот корпус права должен был утвердить раз и навсегда авторитет и верховенство Кафолической церкви города Рима как матери и учительницы всех церквей. Подобный корпус права должен был дать также новое обоснование церковной независимости Рима от светских властей. Надежды на создание такого правового свода не остывали в Риме несмотря на то, что о первенстве Римской церкви, основанной на Евангельском обетовании, и о независимости ее от императоров уже достаточно ясно высказывались в предыдущие века Геласий и св. Григорий Великий. Итогом кропотливой работы монахов из аббатства Корби в северной Франции стало появление в середине IX в. «Псевдо-Исидоровых декреталий». Этот сборник был основан на двух «китах»: на подлинном и чрезвычайно богатом по содержанию «Испанском собрании» канонов и на апокрифических папских декретах. В конечном итоге именно «Псевдо-Исидоровым декреталиям» суждено будет играть роль латинской «Синтагмы канонов» вплоть до XII в.

Четвертый период кодификации церковного права следует назвать «декретистским». Указанный период датируется X–XII вв. Его характерной особенностью является формирование юридической методологии, необходимой для систематизации церковного права. В Византии итогом этого процесса стало появление традиции схолиастов, составлявших толкования к «Синтагме», к «Номоканону XIV титулов» и к «Синописису» — краткой редакции «Синтагмы» (Зонара, Вальсамон и Аристин).⁵ Своеобразным продолжением этой традиции станет воссоздание жанра канонических ответов, существовавшего в IV в., но забытого впоследствии. Канонические ответы Николая III, патриарха Константинопольского, Никона Черногорца, Вальсамона, позднее Иоанна Китрского, Димитрия Хоматиана, Луки Хрисоверга и Иосафа Эфесского станут образцом подобной литературы. На латинском Западе напряженная церковно-политическая борьба между Папством

⁵ *Красножен М.* Толкователи канонического кодекса восточной церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892, *passim*.

и Империей, разразившаяся в XI в., стимулирует процесс систематизации церковного права. Традиция «декретистов», классифицировавших памятники церковного права по тематическому принципу, приведет к созданию многочисленных новых юридических сборников. Среди них наибольшее значение имели *Polycarpus* пресвитера Григория, «Декрет» Бурхарда Вормсского, «Собрание канонов» Ансельма Луканского, «Малое собрание канонов» (*Collectio minor*), зависевшее от ансельмовского собрания, «Декрет» и «Панормия» Ивона Шартрского и, наконец, «Декрет» Грациана.

Разделение церквей и его правовые последствия подвели черту под раннесредневековой кодификацией церковного права. В последующие века церковное право развивалось иначе, чем в первом тысячелетии христианской истории. На Западе «декреталисты», создавая новые памятники права,⁶ символизировали окончательную централизацию церковной власти и права в Риме, которую не смогло поколебать даже соборное движение первой половины XV в. В Византии такие систематизаторы церковного права XIV в., как Матфей Властарь или Константин Арменопул, лишь добавляли к «Синтагме» новые определения Константинопольских патриархов и хрисовулы василевсов, «заменив Номоканон XIV титулов» более сложными каноническими структурами.⁷ При этом следует подчеркнуть, что даже очевидные различия в развитии церковного права, характерные для Римской и Константинопольской церквей после XII столетия, не были препятствием для обретения путей к примирению между ними. Главными причинами сохранения раскола между Римом и Константинополем после XI в. стали многочисленные боголовские споры, охватывавшие самые различные сферы вероучения: от пневматологии до понимания

⁶ «Декреталии» Григория IX, «Декреталии» Иннокентия IV, «Шестая книга декреталий» Бонифация VIII, «Клементины», «Экстраваганты».

⁷ «Алфавитная Синтагма» Матфея Властаря, «Шестикнижие» Константина Арменопула.

таинств. Эти споры нередко выявляли собой пленение христианской мысли, как греческой, так и латинской, принципами и законами языческой философии (в первую очередь аристотелизмом). Тем самым они затемняли в течение веков евангельский смысл христианского воссоединения. Указанное обстоятельство, а также в ряде случаев политическая конъюнктура не позволили достичь действительного воссоединения церквей ни в Лионе в 1274 г., ни во Флоренции в 1439 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«КОДЕКС КАНОНОВ ВСЕЛЕНСКОЙ ЦЕРКВИ» ИЛИ *COLLECTIO QUESNELLIANA*

Для большей репрезентативности выводов, сформулированных в Заключении, нам представляется целесообразным представить источниковедческую часть нашего исследования. В Приложении нами предлагается критическая публикация первоначального фонда папского архива Римской церкви первой половины V в., т. е. документов, которые формируют первую часть «Квеснеллова Собрания» канонов. Эти документы включают в свой состав титулы всего указанного сборника (т. е. оглавление), предисловие, сотканное из текстов «геласиевского декрета» и фрагмента «Церковной истории» Руфина, а также каноны I Никейского и Сердикского соборов. Каноны вышеупомянутых соборов составляли в архиве Римской церкви, возможно уже в конце IV в. единый корпус права, названный К.Х. Турнером «Никео-Римское дополнение» или *Supplementum Nicaeno-Romanum*.¹ Публикуя критический текст этой первой части «Квеснеллова Собрания» канонов, мы прибавили к нему «Гиппонский бревиарий», который, вероятно, также был приобщен к «Никео-Римскому дополнению» при папе Иннокентии I. Публикация предпринята нами на основании изучения рукописной традиции памятника, изложенной в 5-й главе настоящей работы, и снабжена подготовленным нами критическим аппаратом. Вступительная статья и описание рукописей в соответствии с современной методологией

¹ *Van der Speeten J.* Le dossier de Nicée dans la *Quesnelliana* // *Sacris erudiri*, XXVIII (1985). P. 384–450.

текстологических исследований (см. публикации: *Corpus Christianorum series latina*) составлены на латинском языке, но представляют собой сжатый пересказ всего того, что более пространно рассматривалось в 5-й главе настоящего сочинения. Большая часть документов, вошедших в публикуемую часть «Квеснеллова Собрания», (каноны Никейского и Сердикского соборов) переведена на русский язык в редакции византийской «Синтагмы» в рамках сочинения епископа Никодима (Милаша) «Правила Православной Церкви с толкованиями» СПб., Т. I, II, 1911, а также в рамках сборника: Правила святых Вселенских и поместных соборов с толкованиями. М., 1880–1897.

Аррасский кодекс 644 включает в состав содержащихся в нем документов чрезвычайно интересную интерполяцию (F. 7v.-8r.). Эта интерполяция представляет собой стихотворение (*praefatio metrica*), посвященное деяниям Никейского собора 325 г. Этот памятник, очевидно, был заимствован переписчиками из «Испанского Собрания». Предлагаем читателю указанное стихотворение в качестве предисловия к критическому изданию древнейшей части «Квеснеллова Собрания».

Concilium sacrum uenerandi culmina iuris
condidit et nobis congrua frena dedit,
ut bene fundatus iusto moderamine possit
intemerata gerens clericus ordo regi:
pontifices summi ueterum praecepta sequentes
planius haec monitis exposuere suis.
hinc fidei nostrae se pandit semita, et omnes
errorum damnat dogmata sancta uias.
Quisque Dei famulus fuerit
Christique sacerdos hoc sale conditus
dulcia mella fluit.²

² *Turner C.H.* Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima, Oxonii, 1904. I, II. P. 171.

**Codex canonum Romanae ecclesiae
sive Collectio canonum Quesnelliana:
Tituli collectionis
Codex Vetus Romanus
Breuiarium Hipponense**

Collectio canonum Quesnelliana siue ecclesiae uniuersae codex canonum primo a Paschasio Quesnello editus manuscriptorum uetustissimorum quattuor habet quae duas familias nobis demonstrant. Secundum opinionem a Cuthberto Hamilton Turner nec non Carolo Munier propositam affirmare possumus inter illas primam Γ familiam uersionem antiquam cuius archetypum annis Christi 600–603 scriptum fuisse in Anglia complexam esse, secundam enim Δ aliam uersionem apprehendisse quae e monasterio Laureshamensi in Germania suam originem forsitan deduxerat. Si Paschasius Quesnellus collectionem supradictam Romanae ecclesiae codicem antiquissimum primo nuncupauerat postea fratres Petrus et Hieronimus Ballerini³ qui Operum Sancti Leonis Magni editionem a Paschasio Quesnello factam iussu Benedicti Romani Pontificis XIV correxerunt aliam sententiam pronuntiauerunt in qua de origine italica huius collectionis dubitauerunt quoniam manuscripta plurima eius in scriptoriis Galliae facta essent. Sententia eorum a Frederico Maassen defensa est quae est contra opinionem multorum eruditorum temporis nostri: Silua-Tarouca, Fournier le Bras, Wurm et aliorum. Cum supra notauissemus Paschasius Quesnellus sacerdos Oratorii Regii propter consilium Eduardi Bernhardi uiri docti huius collectionis in fine saeculi XVII primam editionem fecerat sed tantum ab eo duo codices ad fundamentum supradictae editionis positi erant: id est Oxoniensis 42 saeculo XII nec non Thuaneus saeculis IX–X qui nunc Latinus Parisinus 3842 A nuncupatus est. Postea autem Petrus et Hieronimus Ballerini fratres Paschasio Quesnelli editionem correxerunt et collectionem Quesnel-

³ PL LVI, Coll. 359–746.

lianam cum manuscriptis aliis multis ualde penitus recognouerunt inter quae secundum Fredericum Maassen codices Vindobonenses 2141 (39) et 2147 (42) nec non Pithouanus hodie Latinus Parisinus 3848 A memorari debeant. Fredericus Maassen uir eruditissimus inter codices manuscriptos eos qui antiquissimi exstant penitus descripsit. Postea Carolus Lefebure alios codices tam antiquissimos quam tardissimos breuiter commemorauit. Hodie collectionem Quesnellianam saeculo V exeunte factam esse in Italia propter studia locupletissima canonistarum eruditissimorum Catharinae Silua Tarouca, Cuthberti Hamilton Turner nec non Ioannis Gaudemet⁴ perspicuum est. Hanc uersionem authenticam α nunc non habemus. Credimus Ludouici Duchesne et Frederici Maassen sententiam iustam esse in illa parte ubi Arelatim specialiter significauerunt quia haec ciuitas capitalis Galliae Narbonnensis locus transmissionis collectionis nostri saeculo VI fieri posset in quo loco scriptores narbonnenses ad uersionem nouam collectionis titulum in capite imposuerint per quem dicitur *Continet codex iste* et reliqua. Haec uersio β si facta fuerit nunc deperdita sit sed exemplum pro archetypo anglosaxonico in tempore Chlodoardi regis factum sit.⁵ Archetypus supradictus pro manuscriptis familiarum Γ et Δ fundamentum est. Iuris canonici documenta antiqua quae in collectione Quesnelliana manebant saeculo XX exeunte a Dekkers et Gaar⁶ saeculo enim XIX a Frederico Maasen⁷ recensita sunt. Saeculo XX etiam Eduardus Schwartz et Cuthbertus Hamilton Turner fragmenta canonica ex collectione Quesnelliana recepta recognouerunt. Nunc autem huius collectionis manuscripta uetustissima consideramus et obseruamus ut modus acceptionis iuris canonici in ecclesia Romana antiqua tempore manifestus sit nec non ut fundamenta

⁴ *Gaudemet J.* Les Sources du droit de l'Eglise en Occident. Paris, 1985. P. 133.

⁵ *Maassen Fr.* Geschichte der Quellen und Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande. Graz, 1956. S. 491–493.

⁶ Clauis patrum latinorum, ab E. Dekkers et A. Gaar, Corpus Christianorum series Latina. Steenbrugis, 1995. P. 578.

⁷ *Maassen Fr.* Geschichte der Quellen und Literatur des Canonischen Rechts im Abendlande. Graz, 1956. S. 486–500.

theologica canonicaque doctrinae Anselmi Luccensis saeculo XI naturam suam demonstrant. Ad studium nostrum manuscripta uetustissima ponemus quae uersiones propinquiores ad archetypum conseruauerunt. Codicum manuscriptorum familiam antiquissimam Γ cum codicibus manuscriptis familiae Δ recognouimus. Inter eos codices Attrebatensem S. Vedasti 644 (olim 572), Einsidlensem coenobii Sanctae Mariae Heremitarum 191 (olim 277) nec non Parisinum Bibliothecae Publicae 1454 praeferrimus quos Paschsius Quesnellus et fratres Ballerini ignorauerunt. Cum ad textum constituendum permulti testes sint uocandi haudquaquam est facile apparatus breuem et instruere. Quam ob rem ne apparatus noster ingenti mole opprimeretur lectionum multa quae nobis leuioris esse momenti sunt uisa praetermisimus.

Codices manuscripti: ⁸

- A Codex Attrebatensis 644 (olim 572) monasterii sancti Vedasti in Nemetaco saeculo VIII ex archetypo Angliae annis 600–603; eum descriptum esse, contendit Van der Speeten P. 384–387, Munier P. XIV, Turner 1913, T. I, Pars. II, P. XII, Schwarz T. I. Vol. 5, P. XIII.
- B Codex Einsidlensis 191 (olim 277) coenobii Sanctae Mariae Heremitarum saeculo VIII–IX. Hic codex in bibliotheca Palatina Caroli Magni fuerat. Vide Van der Speeten P. 384–387, Munier P. XIV, Turner 1899, P. XII.
- C Codex Vindobonensis 2141 (39) circa annum 780 scriptus in monasterio Lareshamensi, uide Pettoletti, Munier, Turner, Maassen.
- D Codex Vindobonensis 2147 (42) circa annum 780 scriptus in monasterio Lareshamensi, uide Pettoletti, Munier, Turner, Maassen.
- E Codex Parisinus Latinus 3848 A olim Pithouanus saeculo IX (prima quarta) scriptus in diocesi Metensi, uide Pettoletti, Munier, Turner, Maassen.
- F Codex Parisinus Latinus 1454 e basilica cathedrali Caesaromagensi, scriptus in regione Lutetiae Parisiorum saeculo IX (tertia quarta), uide Pettoletti, Munier, Turner, Maassen.

⁸ Descriptio codicum uide apud: Maassen Fr. Op. cit. P. 486–490.

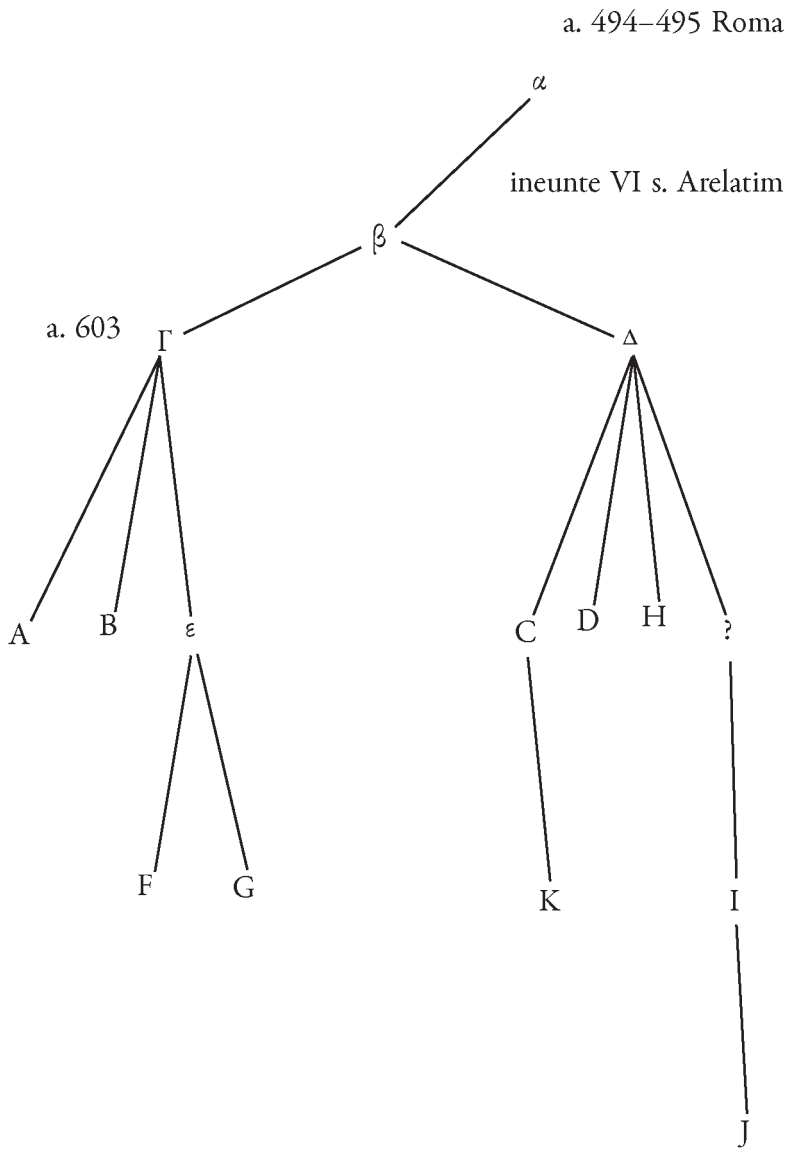
- G** Codex Parisinus Latinus 3842 A olim Thueanus qui cum Parisino Latino 1454 consentit scriptus saeculo IX (medio) in regione Lutetiae Parisiorum, vide Pettoletti, Munier, Turner, Maassen.
- H** Codex Sancti Huberti a Petro Coustantio descriptus saeculo VIII–IX (?), nunc deperditus.
- I** Codex Oxoniensis collegii Oriensis 42 circa annum 1135 in Anglia propria manu Guillelmi Malmesburiensis (+ 1142) descriptus, anno 1459 ex dono magistri Andreae Mankuswell Collegio Oriensi adlatus, vide Munier.
- J** Codex Gandensis ex monasterio Sancti Bauonis post saeculum XII, a Petro Crabbe descriptus, nunc deperditus.
- K** Mediolananense Fragmentum M1 ex archivio capitulari basilicae sancti Ambrosii saeculo IX fortasse e monasterio Lareshamensi, vide Pettoletti.

(Viri eruditissimi: Petrus Coustantius nec non Petrus et Hieronimus Ballerini qui collectioni Quesnellianae studebant alios codices cognouerunt intra quos Gandensis Sancti Bauonis ex quo Petrus Crabbe saeculo XVI acta conciliorum antiquorum primo uulgauerat qui secundum Carolum Munier a codice Oxoniensi 42 pendet et alius Sancti Huberti a Petro Coustantio descriptus nec non duo codices Bellouacenses qui omnes hodie deperditi sunt. Marcus Petoletti etiam duo fragmenta memorauit de quibus unum Dusseldorfenses Vniuersitatis et Bibliothecae Terranae E. 32 saeculo VIII (in fine) in regione Veroduni per minusculum anglosaxonicum scriptum erat alium uero Vaticanum 4982 saeculo XVI.)

Consensus codicum Γ familiae: **A, B**, = γ ; **F, G** = ε ; Δ familiae: **C, D** = Δ ; reliquorum codicum = Γ/Δ .

- Editiones:*
- Quesnelli Paschasii Ad sancti Leonis Magni Opera Appendix / Operum Tomus II, Lutetiae Parisiorum, 1675. Vol. 4.*
(in apparatu critico nostro = *Quesn.*)
- Ballerinorum Petri et Hieronimi fratrum Appendix ad sancti Leonis Magni Opera / Operum Tomus III, Venetiae, 1757 (=PL 156, Coll. 353–746).⁹*
(in apparatu critico nostro = *Ball.*)
- Descriptio codicum et titulorum apud: *Maassen Friedrich, Geschichte der Quellen und der Litteratur des Canonischen Rechts im Abendlande, Graz, 1956, S. 486–500.*
- Fragmenta edita vide apud:
- Crabbe P. Concilia Omnia, tam Generalia, quam Particularia, Coloniae Agrippinae. 1538–1551. T. I, II.*
- Wurm H. Studien und Texte zur Dekretalensammlungen des Dionysius Exiguus, Bonn, 1939, S. 240–257.*
- Turner C. H. Ecclesiae Occidentalis Monumenta Iuris Antiquissima, Oxonii, 1899, 1904, 1913, 1930, T. I, Pars. 1, P. XIII, Pars. 2, P. X, 274–277.*
(in apparatu critico nostro = *Turner EOMIA*).
- Schwartz E. Acta Conciliorum Oecumenicorum, Berolini et Lipsiae, T. I. Vol. 5, P. XIII–XV*
- Munier Ch. Concilia Africae 345–525, Turnholti 1974 / Corpus Christianorum series Latina 149, P. XV, 28–47.*
(in apparatu critico nostro = *Munier*).
- Petoletti M. Un Frammento del secolo IX della Collectio Quesnelliana nell'archivio capitolare della basilica di S. Ambrogio a Milano // Aevum, 82 (2008), fasc. 2, P. 294–312.*
(in apparatu critico nostro = *Petoletti*).
- Van der Speeten J. Le dossier de Nicée dans la Quesnelliana // Sacris erudiri, XXVIII (1985). P. 384–450.*

⁹ Текст издания отцифрован и выложен в сети Интернет по адресу: http://www.documentacatholicaomnia.eu/25_10_MPL.html Cooperatorum Veritatis Societas. Цифровая версия издания братьев Баллерини была использована нами для консультаций при подготовке ниже приведенной критической публикации.

**+ Continet Codex
iste canones ecclesiasticos et constituta
sedis apostolicae id est** 1

I	Canones niceni concilii cum praefatione uel expositione fidei	
II	Canones carthaginiensis concilii	
III	Canones anquiritani concilii	5
IV	Canones caesariensis concilii	
V	Canones grangrensis concilii	
VI	Epistula concilii carthaginiensis ad innocentium papam super errorem pelagii et coelestii de libero arbitrio	
VII	Rescriptum papae innocenti ad eundem concilium in quo dogma pelagii et caelestii damnauit	10
VIII	Epistula concilii mileuitani ad innocentium papam de pelagii et caelestii prauitate qui Deum adiutorio hominem aserent non egere et infantes sine baptismo posse consequi uitam aeternam	
IX	Rescriptum innocenti pape ad eandem synodum quo error pariter cum errantibus est damnatus	15
X	Epistula aurelii episcopi et aliorum quatuor ad innocentium papam familiaris directa contra sectam pelagii	
XI	Rescriptum innocenti papae ad suprascriptos V episcopis supra damnationem pelagii	20
XII	Epistula inoenti papae ad aurelium episcopum cartagaginiensem familiaris	

1 + Continet codex iste canones γ *Ball, Maas*] Canones continent codex iste ϵ ; **3** expositione fidei γ] expositione fidei ϵ , *Ball*, Canones nicaeni concilii sub titulis XLVI *Maas* ; **4** carthaginiensis γ] carthaginensis ϵ , *Ball*, canones carthagine habiti *Maas* ; **5** anquiritani **A, B, E** *Ball*.] anquirani ϵ ; **7** grangraensis γ , **E** *alia manu*, ϵ] gangrensis Δ , *Ball*; **10** ad eundem concilium γ] ad idem concilium Δ , ϵ *Ball*; **12** Deum **B**] Dei **F**, *Ball*, ; **20** suprascriptos V episcopis γ] eosdem quinque episcopos *Ball*, suprascriptos quinque episcopos ϵ .

XIII	Concilium plenarium apud carthaginem habitum contra pelagium et caelestinum	25
XIV	Sacrum rescriptum honorii et theodosii ad paladium episcopum acceptis gestis synodi supra scripti	
XV	Edictum palladii episcopi de expulsiōne pelagii et caelestii	
XVI	Epistula honorii et theodosii ad aurelium carthaginensem episcopum super pelagii et caelestii sacrilegem damnationis doctrinae	30
XVII	Epistula aurelii episcopi ad episcopos proum byzacensem et argugitanam pelagii caelestiique damnantis errorem	
XVIII	Capitula excerpta de gestis in palestina actis prouincia ubi pelagius erroris sui finem imposuit	
XIX	Sacrum rescriptum constantii imperatoris ad uolusianum prefectum de damnatione caelestii	35
XX	Edictum uolusiani prefecti de eius caelestii expulsiōne	
XXI	Epistula innocenti papae ad exuperium tolosanum episcopum per quam ei in sex titulis interrogationis eius causas et suae responsionis decreta exposuit ubi subdidit diuinorum librorum ueteris et noui testamenti summarium	40
XXII	Rescriptum innocentii papae ad machedones episcopos super interrogationem trium titularum id est Vt qui uiduam accepit uxorem non amittatur in clerum Vt qui ante baptismum uxorem habuerit si illa defuncta post baptismum aliam duxerit bygamus habeatur nec ammittendus ad clerum	45

25 caelestium **D**, *Ball* 30 doctrinae **B**] doctrina **D**, **F**; proum byzacensem **B**] prouincia bizacensis **D**, *Ball*, prouerbizacensem **F**; argugitanam **B**] arzugitanam **D**, *Ball*, arzugitanam **F**; 30 doctrinae **B**] doctrina **F**; proum byzacensem **B**] prouincia bizacensis *Ball*, prouerbizacensem **F**; argugitanam **B**] arzugitanam *Ball*, arzugitanam **F**;

Vt hi qui de catholica recedentes ab hereticis ordinationem sacerdotii accipiunt non recipiantur in ordine dum reuerti noluerint

- XXIII Rescriptum innocentii papae ad decentium
egubinum episcopum de titulis infra scriptis id est 50
Vt pacem in ecclesia peractis iam misteriis communicaturi sibi inuicem tradant
Vt nomina offerentium non prius sed inter misteria recitentur
De consignandis infantibus solis de consecrato oleo licere debere episcopis 55
De ieiunio sabbati
De fermento in die sanctissimo paschae his tantum sacerdotibus qui intra urbem sunt tradi deberi
De his qui post baptismum a demonio coripiuntur 60
De paenetentibus qui modus circa diem sanctissimum paschae teneri debeat
Vt oleum sanctum non solum sacerdotibus sed et omnibus christianis in sua suorumque necessitate unguare liceat
Vt paenetentibus oleum sanctum sicut et alia sacramenta paenitentiae tempore non concedatur 65
- XXIV Epistula innocentii papae ad uictricium rotomagensem episcopum de titulis infra scriptis
Vt extra conscientiam metropolitani episcopi nullus episcoporum audeat ordinare 70
Vt post remissionem peccatorum non admittantur ad clerum qui cingulum militiae habere elegerit
Vt omnes contentiones uel causae inter clericos cuiuslibet ordinis exorte a prouincialibus id est suis episcopis terminentur

48 in ordine dum reuerti B] in ordine usque dum reuerti F, Ball; noluerint B] uoluerint F, Ball; 48 in ordine dum reuerti B] in ordine usque dum reuerti F, Ball; noluerint B] uoluerint F, Ball; 54 licere debere B, F] licere dare D, Ball; 62 sanctissimum B] sanctum F, Ball; 74 a prouincialibus γ] coram prouincialibus C, Ball, coram prouincialibus F; 74 uxorem F, Ball.

Vt maiores causae ad sedem apostolicam post episcopalem iudicium referantur	75
Vt clericus uirginem uxorem accipiat	
Vt laicus siue ante baptismum siue post baptismum si uiduam uxorem acceperit non ammittatur ad clerum	
Vt qui secundam duxerit <uxorem> clericus ordinari non debeat etsi ante baptismum tale fuerit sortitus conubium	80
Vt de aliena ecclesia clericum ordinare nullus usurpet	
Vt uenientes a nouatianis uel montensibus baptizati per manus tantum impositionem recipiantur	
Vt sacerdotes et laeuitae cum uxoribus suis non coeant	85
Vt monachus si ad clericatus ordinem iri uoluerit a priori proposito quod monachus gessit non debeat deuiare	
Vt si qui corruptus ad clericatum uenire uoluerit spondeat se secundum ueterum regulam <...> uxorem non ducere	
Vt curiales uel quibuslibet publicis functionibus occupati clerici minime ordinentur	90
Vt ancillae Dei uelatae si publice nubendo uel occulte se corruptioni tradiderint non ammittantur ad paenitentiam nisi is cui se iunxerat de saeculo recesserit	
Vt ancillae Dei nec dum sacratae si post nubere uoluerint ad paenitentiam recipiantur	95
XXV Canones synodi chalchedonensis praelato gestorum ordine	
XXVI Constitutio marciani imperatoris synodi supradictae statuta confirmans	100

80 uxorem **F**, *Ball*; **86** iri uoluerit γ] niti uoluerit **F**, *Ball*, ; **89** ueterum **D**, **F**] uetus **B** ; uxorem non ducere **D**, **F**] <...> non duc **B** *textus corruptus*; **94** iunxerant *Ball*] iunxerat **B**, **F**.

XXVII	Eius constitutio augusti ad palladium praefectum pretorii eiusdem synodi custodiri praeciens definita euthycis errore damnato	
XXVXIII	Item eiusdem principis constitutio de obtinenda fide catholica et de euthycianistis et apollinaristis eorumque poenis	105
XXXVIII	Epistula syricii papae ad hiemerium episcopum tarraconensem ad consulta super XV capitulis respondentem	
XXX	Epistula papae syricii per diuersos episcopis missa de damnatione iouiani ausencii et genialis et aliorum ex manicheis contra uirginitatem sanctae Mariae latrantibus	110
XXXI	Rescriptum ambrosii aliorumque episcoporum ad siritium papam de causa supradicta	
XXXII	Zosimi papae ad esicium salonitanum episcopum de monachis et laicis ad gradus ecclesiasticos accedere cupientibus	
XXXIII	Communitorium Zosimi papae ad presbiteros et diaconos suos rauennae constitutis	115
XXXIII	Bonifatii papae ad chilarium de Patroclo <et> episcopo Lutubensi	
XXXV	Caelestini episcopi ad episcopos uiennienses et narbonenses constitutio titulorum	120
XXXVI	Caelestini episcopi ad apuliae et calabriae episcopos ut nullus laicorum ad ordinem sacerdotii amittatur	
XXXVII	Expositio fidei catholicae contra heresem arrianam	
XXXVIII	Faustini presbiteri fides transmissa theodosio imperatori	
XXXVIII	Alter libellus fidei	125
	XL Libellus fidei agustini	

101 palladium praefectum pretorii **D**, *Ball*] palladium episcopum **B**, palladium papam **F**; **102** euthycis errore damnato **D**, *Ball*] euthycetis errore damnatio **B**, euticis errore dampnato **F**; **109** iouiani ausencii et genialis et aliorum ex manicheis contra **B**, **F**] iouiniani et aliorum contra **D**, *Ball*; **115** communitorium **B**] gommonitorium **D**, *Ball*, commonitorium **F**; **117** chilarium **B**] hilarium **D**, *Ball*, helarium **F**; <et> *Ball*.

XLI	Exempla testimoniorum sancti hilarii ambrosii athanasii agustini et aliorum sanctorum catholicorum uirorum de duabus naturis in una persona Christi Domini nostri indiscrete distincte quae manentibus	130
XLII	Gesta damnationis euthycis	
XLIII	Narrationis ordo qualiter dioscorus alexandrinus episcopus euthyceti consentiens in ea cui praeerat ipse ecclesia uel constantinopolitana errorem induxerit usque ad tempus quo acatius episcopus damnatus	135
XLVIII	Simplicii papae ad acatium ut de alexandrinae ecclesiae uexatione curam gerens sedi apostolicae non differat iudicare	
XLV	Rescriptum acacii ad simplicitium papam ubi ei significat petrum alexandrinum episcopum esse damnatum et thimoteum restitutum	140
XLVI	Felicis papae in damnatione acacii	
XLVII	Gelasii papae de damnatione acacii mirabilis disputatio atque definitio	
XLVIII	Item gelasii papae ad faustum in legatione ad orientem directum instructio super damnationem acacii	145
XLVIII	Eiusdem ad anastasium imperatorem <ut imperator non se extollat super sacerdotes nec super sedes apostolicam>	
L	Eiusdem expositio causae <ad dardanos> acacium a sede apostolica iuste fuisse damnatum	
LI	Eiusdem ad episcopos orientis de eadem causa reddita ratio	150
LII	Athanasii episcopi ad epictitum episcopum contra eos qui de Domini incarnatione spiritu blasphemiae diuersa senserunt	

131 euthycis *Ball*] euthycetis γ , euthicis **F**; **133** inea cui **D, F, Ball**] ineaqua γ ; **134** acatius episcopus damnatus γ] acacius damnatus est *Ball* acacius est dampnatus **F**; **137** differat iudicare **F**] differat indicare **A**, deferat indicat **B**, differat nuntiare **D, Ball**; **146** <ut imperator non se extollat super sacerdotes nec super sedes apostolicam > **D, F Ball**; **148** <ad dardanos> **D, Ball**; acacium **A**] acatium **B**.

LIII	Cyrilli episcopi ad iohannem antiochenum episcopum contra eos qui praua de eo in fide finxerunt et quod exemplar litterarum athanasii ad epictitum ipse direxerit et formula fidei subrogatet	155
LIIII	Definitio sanctae synodi calcedonensis et leges ex corpore theodosiani	
LV	Damasi papae ad paulinum antiocenum episcopum de fide et formula libelli cuiusmodi qui ab heresi reuertuntur debeant profiteri	160
LVI	Eusebii episcopi mediolanensis <epistula> ad leonem papam per quam fidei eius quam ad orientem dirixerat asserendo cum aliis episcopis consensit atque subscripsit	
LVII	Rauennii aliorumque episcoporum gallorum ad leonem papam fidei <epistula> quam ad orientem direxit laudem dicentibus	165
LVIII	Gelasii papae constitutio in xxiii titulis canonum distractionem temperans in his dumtaxat prouinciis qui certis et causis ut ministri ecclesiarum desint hominum raritate laborant	
LVIII	Canones anthioceni concilii	170
	LX Regula secundum laodiciam frigiae pacatianae	
	LXI Canones constantinopolitani concilii	
	LXII Constituta theleptensis concilii id est in Africa iuxta decretalem syrii papae epistulam	
LXIII	Regula formatarum secundum graeca litterarum elementa	175
LXIII	Clementis ad iacobum	
	LXV Caeretii soloni et ueranii episcoporum gallorum ad leonem papam gratias super fidei doctrinam agentium	

157 ex corpore theodosiani γ , F] ex codice theodosiano *Ball*; **159** <epistula> F, *Ball*; **160** fidei D, F, *Ball*] fides γ ; asserendo D, F, *Ball*] assertionem γ ; **164** consensit atque subscripsit A, F, <...> *locus corruptus* B; **165** rauennii γ , D, *Ball*] rauennatis F; **166** <epistula> B; **171** laodiciam A, F] laoditiam B, laodicium D, *Ball*; **175** regula D, F, *Ball*] regulam A, B; **178** agentium D, F, *Ball*] agentibus γ ;

LXVI	Cyrilli ad nestorium <ut unum> et uerum fidei dogma sequatur	180
LXVII	Leonis papae ad leonem augustum de una Domini nostri Iesu Christi persona et duabus Dei hominis quae naturis cum subiectis testimoniis partum	
LXVIII	Leonis papae ad iuuenalem hierosolymitanum episcopum de eodem ipso	185
LXVIII	Eiusdem ad flauianum episcopum constantinopolitanum de damnatione heresis euthycianae	
LXX	Canones ad theodorum episcopum fori iuliensis super penitentiae statum	
LXXI	Canones ad turbium episcopum asturiensem super xvi capitulorum consulta priscillianistarum blasphemis in xviii respondens capitulis id est	190
	Quod Patris et Filii et Spiritus Sancti unam asserunt esse personam	
	De processionibus quarundam uirtutum ex Domino quas habere coeperit et quas essentia sui ipse praecesserit	195
	Ideo unigenitum dici Filium Domini quia solus sit natus ex uirgine	
	Quod natale Christi honorare se simulent	
	Quod animam hominis diuinae asserant esse substantiae	
	Quod diabolus numquam fuerat bonus nec natura eius opificium Dei sit	200
	Quod nuptias damnant et pro creatione nascentium perhorrescunt	
	Quod humana corpora in mulierum uteris conceptione seminum demonum opera figurentur	
	Quod promissionum filii ex mulieribus quidem nati sed ex spiritu sancto concepti sunt	205

179 <ut unum> **D, F, Ball**; **184** iubenalem **A**; **190** canones γ] constitutio **D, F, Ball**; **191** blasphemis **A**] blasfemiis **B**.

Animas hominum ante quam insererentur humanis corporibus fuisse	
incorporeas et in caelesti habitatione pecasse	
Quod fatalibus stellis et animas hominum et corpora astringantur	
Quod sub aliis potestatibus partes animae sub aliis sint corporis membra	
Quod omne corpus scripturarum canonicarum sub patriarcharum nominibus accipiendum sit	
Statum corporis sub potestate siderum atque signorum pro terrena qualitate teneri	215
Quod multos codices detestandae perfidiae praesumptione diabolica canonicos esse simulata titulauerint ueritatem quod quae ea quae extra canonicas scripturas reperta fuerint igni debeant concremari	
De tractatibus ductinii abiciendis	
De his sacerdotibus qui errantibus non resistunt	220
Si descendente ad inferna Christo caro eius requieuerit in sepulcro	
LXXII Item Leonis papae ad rusticum narbonensem episcopum cum subiectis xviii consultationum capitulis responsionibusque subnexis	
LXXIII Ad anasthasium episcopum thessalonicensem super nimietatis arrogantiam lucis apostolicae saedis redargutio cum subiectis praeterea VI titulis decretorum	225
LXXIIII Ad nicetam aquileiensem episcopum super quattuor titulorum interrogatione responsio <id est>	
De mulieribus quae hostilitatis tempore maritis in captiuitate adductis aliis coniunctae sint uiris	230
De his christianis qui captiuitatis necessitate immolatiis escis polluti sunt	
De his qui baptisma uel metu hostium uel errore tracti uisi sunt iterasse	235

225 anasthasium **D**, *Ball*] anatholium γ , **F**; 226 arrogantiam γ] arrogantia 226, **F**, *Ball* ; 202 uicis **A**, **D**, **F**, *Ball*] lucis **B**; 229 <id est> **D**, **F**, *Ball*.

De his qui ab hereticis primo baptismum acciperunt cum ante non fuerint baptisati

- LXXXV Ad ianuarium episcopum aquilaeiensem de clericis qui in heresi uel qualibet scisma prolapsi sunt minime promouendis
- LXXXVI Ad uniuersos episcopos campaniae peceni et tusciae ut serui uel originarii aut cuiuslibet conditionis obnoxii ab ecclesiasticis officiis repellantur et de his clericis qui ob hoc faenerant ut usuras accipiant 240
- LXXXVII Epistula generalis de manicheis
- LXXXVIII Ad episcopos siciliae ut <in> epyphaniorum die baptismi non tradant 245
- LXXXVIII Ad pulcheriam de damnatione heresis nestorianaue eutyctianaue
- LXXX Ad constantinopolitanos super stabilitatem fidei ipsorum cohortatio 250
- LXXXI Ad palestinos super mobilitatem fidei ipsorum in eutyctiana heresi deuolutos correptio
- LXXXII Ad aquileiensem episcopum de incauta receptione pelagianistarum et ut de ecclesia ad ecclesiam nullus ecclesiastici ordinis transferatur 255
- LXXXIII Ad septimum episcopum de supradictis titulis
- LXXXIII Ad mauros episcopos de illicitis ordinationibus et de ancillis Domini quae uirginitatem uirginitatem uirginitatem barbarica amiserunt
- LXXXV Ad synodum ephesinam de damnanda haeresi eutyctiana 260
- LXXXVI Ad theodosium imperatorem ut rescisa synodo ephesina in Italia concilium eius consensu debeat celebrari
- LXXXVII Ad pulcheriam augustam de eodem ipso
- LXXXVIII Ad iulianum episcopum de damnatione haeresis eutyctianaue 265
- LXXXVIII Ad theodosium imperatorem de synodo ephesi celebranda

245 <in> A, D, Ball ; 251 super mobilitatem A] super mobilitate D, F, Ball; 256 supradictis A] suprascriptis D, F, Ball; 263 de eodem ipso D, F, Ball] de id ipsum *error. γ.*

- XC Ad marcianum augustum de ambitu anatholi episcopi constantinopolitani
- XC I Ad anatholium episcopum constantinopolitanum de eius ambitu obiurgatio et alexandrinae et antiochenae sedis antiquitus honore praelato 270
- XC II Ad synodum calchedonensem ut ea tantum ualeant que de fide contra eutychem decreta sunt cetera efferanda.
- XC III Ad anatholium episcopum de adhortatione expurgandae heresis euthycianae et quod expulsos quosdam de aegypto pro fide catholica ipse susceperit 275
- XC IIII Ad leonem augustum de adhortatione abscondendae heresis euthycianae et de confirmatione concilii niceni et chalcedonensis
- XC V Ad anatholium episcopum de attico presbitero ut susceptionem euthyciani erroris a se presbytero compellatur excludere 280
- XC VI Ad anatholium episcopum de receptione andreae archidiaconis et euphratae et de appetiti honoris constantinopolitano sedis abiectioe rescriptum
- XC VII Ad synodum calchedonensem de restituendis episcopis in propriis sedibus qui dudum fuerant pro fide catholica pulsati et ephesinae prioris synodi firmitate 285
- XC VIII Ad donum beneuentanae ciuitatis episcoporum obiurgationis epistula.¹⁰

271 honore praelato **A, D, Ball**] honoremplato **B, F**; 273 euthicem **F**] euthycetem γ , eutychem **C, Ball** ; 274 expugnandae **A, C, F, Ball**] expurgandae **B**; 279 susceptionem **D, F, Ball**] suspitionem γ ; 285 dudum **A, D, F, Ball**] dum **B**.

¹⁰ Exhibuit A: <I. Sancta synodus nicena in qua silvester papa romanus alexander alexandrinus macharius hierosolymitanus constantinus imperator

II. Sancta synodus constantinopolitana damasus papa romanus, nectarius constantinopolitanus, cyrilus hierosolymitanus theodosius imperator <255>

III. Sancta synodus effesina caelestinus papa romanus, cyrilus alexandrinus, iuuenalis hierosolymitanus, theodosius imperator,

IIII. Sancta synodus calcidonensis leo papa romanus, anatolius constantinopolitanus, iuuenalis hierosolymitanus, marcianus imperator,

V. Sancta synodus constantinopolitana uigilius papa romanus, euthicius <260> constantinopolitanus, dominus antiochensis, iustinianus imperator,

VI. Sancta synodus constantinopolitana agatho papa romanus, georgius patriarcha constantinopolitanus, theofanus antiochiae, theodorus cypro constantinus imperator.>

<PRAEFATIO> Beatissimo Siluestro in urbe Roma apostolicae 1
 sedis antistite; Constantino Augusto et Licinio Caesare;
 consulatu Paulini et Iuliani uirorum clarissimorum; anno ab
 Alexandro millesimo trigesimo sexto, mense iunio, decimo
 tertio kalendas Iulii: propter insurgentes haereses fides 5
 catholica exposita est apud Nicaeam Bithyniae, quam sancta
 et reuerentissima Romana complectitur ecclesia; quippe quam
 trecenti decem et octo patres, mediantibus Victore atque
 Vincentio religiosissimis Romanae sedis presbyteris, inspirante 10
 Deo, propter destruenda Arii uenena protulerunt. Nam et
 nonnullae regulae subnexae sunt, quas memorata suscipiens
 confirmauit ecclesia. Sciendum est sane <ab> omnibus catholicis
 quoniam sancta ecclesia Romana nullis synodicis decretis
 praelata est, sed euangelica uoce Domini et Saluatoris nostri <Iesu
 Christi> primatum obtinuit, ubi dixit beato apostolo 15
 Petro: *Tu es Petrus, et super hanc petram aedificabo ecclesiam*
meam, et portae inferi non praeualebunt aduersus eam; et
tibi dabo claues regni coelorum: et quaecumque ligaueris
super terram, erunt ligata et in coelis; et quaecumque
solueris super terram, erunt soluta et in coelis. Adhibita 20
 est etiam societas in eadem urbe Romana beatissimi
 apostoli Pauli, uasis electionis; qui uno die unoque tempore,
 gloriosa morte cum Petro sub principe Nerone agonizans
 coronatus est.

PRAEFATIO, 1] incipit praefatio **F**, incipit prologus **I**, incipit epistola uel praefatio Nicaeni concilii *Vat. 630 Isid., Ball*; Syluestro *Vat. 630 Isid.*] Siluestro **A, F, Turner EOMLAI, I, II, P. 155, Siluano Merlin**; 3 consulatu *Ball*] consule **F**; 4 ab Alexandro millesimo tricentesimo sexto **A, D**, millesimo tricesimo IIIto **F**, millesimo trigesimo quatro **G, Vat. 630 Isid., Labbe Ball**, ab Alexandro trecentesimo tricesimo sexto anno *Merlin, Quesnel*, anno Alexandri sexcentesimo XXXVI *Cod. Veron*; 4 mense iunio XIII kal. iulias **A, F**, iulii **I**; 10 propter destruenda Arii uenena **A, F**] pro destruendo Arii ueneno *Quesn*, ob obstruenda Arii uenena **D, Baller**, ad obstruenda *Merlin*; 12 <ab> omnibus catholicis **A, F**; 13–26 sancta ecclesia *et reliqua usque ad triumpho protulerunt ex decreto Gelasii, Ball*; 14 praelata est] caeteris ecclesiis *Merlin, Labbe, Quesnel*; 15 Saluatoris nostri primatum obtinuit **I, D**; 19–20 coelis *Ball*] coelo **A, F**; 22 qui uno die unoque tempore **A, F**] qui non diuerso sicut haeretici garrunt sed uno tempore uno eodemque die **F, Labbe, Quesnel**. qui una die unaque *Merlin*.

Ambo ergo partier sanctam ecclesiam Romanam 25
Christo Domino consecrarunt, aliisque omnibus urbibus in
uniuerso mundo sua praesentia atque uenerando triumpho
praetulerunt. Et licet pro omnibus assidua apud Dominum
omnium sanctorum fundatur oratio, his tamen uerbis Paulus
beatissimus apostolus romanis proprio chyrographo pollicetur 30
dicens: *Testis enim mihi est Deus, cui serui in spiritu
meo, in Euangelio Filii eius, quod sine intermissione memoriam
uestri facio semper in orationibus meis.* Prima ergo sedes
est coelesti beneficio Romana ecclesia, quam beatissimi
apostoli Petrus atque Paulus suo martyrio dedicarunt. Secunda 35
autem sedes apud Alexandriam beati Petri nomine a Marco
eius discipulo atque euangelista consecrata <est> quia ipse
et in Aegypto primus uerbum ueritatis a Petro directus
praedicaui, et gloriosum suscepit martyrium, cui uenerabilis
successit Abilius. Tertia <uero> sedes apud Antiochiam, idem 40
beati Petri apostoli habetur honorabilis; quia illic
priusquam Romam ueniret habitauit et Ignatium episcopum
constituit; et illic primum nomen christianorum nouellae
gentis exortum est.
Nam et Ierosolymitanus episcopus pro tanti loci reuerentia 45
ab omnibus habetur honorabilis; maxime quoniam illic primus
beatissimus Iacobus qui dicebatur Iustus qui etiam secundum
carnem frater Domini nuncupatus est a Petro, Iacobo et Ioanne
apostolis episcopus est ordinatus. Itaque secundum antiquorum
patrum definitionem sedes prima Ierosolymis minime dicitur: 50
ne forte ab infidelibus aut idiotis sedes Domini nostri Iesu

25 et ambo pariter A, F] ambo ergo pariter Ball, 28 pro omnibus A, ε, D, Isid., Ball.] pro omnibus ecclesiis I, Quesnel; 33 Prima ergo sedes est coelesti beneficio Romana ecclesia, quam beatissimi apostoli Petrus atque Paulus suo martyrio dedicarunt A, F] est ergo prima Petri apostoli sedes Romana ecclesia non habens maculam neque rugam neque aliquid huiusmodi apud Gelas., Labbe, Ball.; 37 <est> A, Ball] deest F; quia ipse A, F, Ball] ipseque a Petro apostolo in Aegyptum directus uerbum ueritatis praedicaui et gloriosum consummaui martyrium apud Gelas., Vat. 630, Isid. Quesnel. Ball, quia et ipse in Aegypto Merlin; 40 <uero> F] deest A, idem A, F] eiusdem Ball;

Christi quae in coelo est in terra esse putaretur. Est enim
 sedes eius coelum, terra autem scabellum pedum eius <est>. Quoniam
 ipse est per quem omnia facta sunt et sine quo factum est
 nihil: *Quoniam ex ipso et per ipsum et in ipso sunt omnia;* 55
ipsi gloria in saecula saeculorum. Apud Ephesum uero
 beatissimus Ioannes apostolus et euangelista multo tempore
 post resurrectionem et ascensionem in coelos Domini nostri
 Iesu Christi commoratus est; ibique etiam euangelium quod
 secundum Ioannem dicitur diuina inspiratione conscripsit 60
 atque requieuit; et ob hoc episcopus Ephesius pro tanta
 apostoli et euangelistae memoria prae coeteris episcopis
 metropolitanis in synodis honorabiliorem obtinet sedem.
 Sed quoniam de concilio nicaeno disserendum est: quae hoc
 fecit causa ut post illam apostolorum gloriosissimam 65
 praedicationem quae in omnem terram mirabiliter diffusa est
 sub constantino augusto tanti congregarentur episcopi? Rufini
 nobis decimus liber qui coniunctus est nouem libris
 ecclesiasticae historiae quos uir eruditissimus eusebius
 caesariensis edidit necessarie profertur ad medium, ut parua 70
 eius quae inter initia de arii peruersitate conscripta sunt
 memorentur: quia dubium non est ideo trecentos decem et
 octo sanctissimos patres ex uniuerso orientali atque occidentali
 orbe in nicaea bithyniae congregatos, ut et arii impium dogma
 Christi auxilio funditus damnaretur et salubri prouidentia 75
 constituerent quid in ecclesia sancta catholica debeat
 obseruari. <Item ad locum ex libro decimo rufini>. Igitur cum apud
 alexandriam post achilam qui petro martyri successerat alexander
 sacerdotium suscepisset; quia pax nostris et requies a persecutionibus
 erat atque ecclesiarum
 gloria confessorum meritis gaudebat, prosperitas rerum 80
 nostrarum domestica contentione turbatur. Etenim presbyter
 quidam apud alexandriam arius nomine uir specie et forma magis

52 caelo A, F] coelis Ball; 53 scabellum pedum eius <est> A, F] scabellum
 pedum eius Ball; 77 <Item ad locum ex libro decimo rufini> F] deest apud
 Ball; 65 fecit Ball] fecerit F; 77–110 ex historia ecclesiastica Rufini.

quam uirtute religiosus, sed gloriae laudisque et nouitatis
 improbe cupidus, praua quaedam de fide Christi proferre et
 quae ante ad inquisitionem nunquam uenerant coepit: abscidere 85
 ac separare ab illa aeterna et ineffabili Dei Patris substantia
 uel natura Filium conabatur. <quae res in ecclesia plurimos contur-
 babat>. Sed cum alexander episcopus natura lenis et quietus assiduis
 commonitionibus arium
 cuperet a prauo incepto et assertionibus impiis reuocare,
 nec tamen res ex sententia procederet; et quos plerosque iam 90
 contagio pestiferae assertionis infecerat non solum apud
 alexandriam uerum et per alias urbes prouinciasque disperserat;
 perniciosum fore credens si dissimularet a talibus plurimis
 consacerdotibus suis rem indicat. Quaestio latius innotescit.
 Sermo usque ad aures religiosi principis constantini 95
 peruenit: quippe qui omni studio et diligentia curaret quae
 nostra sunt. Tunc ille ex sententia sacerdotum apud urbem
 nicaeam episcopale concilium conuocat; ibique arium trecentis
 decem et octo episcopis residentibus adesse iubet ac de eius
 propositionibus et quaestionibus iudicare. Verum post 100
 diutinum multumque tractatum placet omnibus ac uelut uno
 cunctorum ore et corde decernitur omouision scribi debere id
 est eiusdem cum Patre substantiae Filium confiteri; idque
 plenissima omnium sententia pronuntiatur. Decem et septem
 soli tunc fuisse dicuntur quibus arii magis fides placeret 105
 extrinsecus creatum Dei Filium ex nullis subsistentibus et
 non ex ipsa Patris Deitate progenitum confirmantes. Defertur
 ad constantinum sacerdotalis concilii sententia. Ille tamquam
 a Deo prolatam ueneratur; cui si quis temptasset obniti uelut contra
 diuina statuta uenientem in exsilium se protestatur acturum 110
 <Incipiunt titula canonum ecclesiasticorum siue statutorum synodi
 nicaenae>¹¹

87 <quae res in ecclesia plurimos conturbabat> **F**] *deest apud Ball*; 90 quos **F**] quod **D**, *Ball*; 96 peruenit **D**, *Ball*] parentis **F**; 97 quae nostra sunt **D**, *Ball*] quae nostras peruenit **F**; 102 omouision *Ball*] omouision **Γ**, **Δ**; 104 plenissima *Ball*] firmissima **F**.

¹¹ Incipit supplementum Nicaeno-Romanum, vide: *Turner C.H. Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima. Oxonii, 1904. P. 102–280, Oxonii, 1930. P. 445–560.*

I	Expositio fidei nicenae et quo tempore habitus sit conuentus et nomina episcoporum CCCXVIII	
II	De abscisis uel a se uel ab aliis	115
III	De neophitis neque presbyteros neque episcopos faciendis	
IV	De uindicta eorum qui contra canones fecerint	
V	De synodicis actis	
VI	De episcopis a conprouintialibus ordinandis	
VII	De potestate metropolitani	120
VIII	De his qui excommunicantur ab episcopis suis	
VIII	De synodo bis in anno per unam quamque prouintiam celebranda	
X	De primatu ecclesiae romanae	
XI	De infirmanda ordinatione quae sine metropolitani consensu fit	125
XII	De sequendo maiore numero cum de ordinatione contenditur	
XIII	De honore hierosolimitani episcopi	
XIII	De his qui mundi dicuntur quo genere recipiendi sunt	130
XV	De his qui inexaminati ordinantur	
XVI	De lapsis ordinatis	
XVII	De praeuaricatis recipiendis per paenitentiam	
XVIII	De penitentia eorum qui baptizati ad secularem militiam reuertuntur	135
XIX	De reconciliatione danda morientibus	
XX	De catecuminis	
XXI	De his qui ecclesias suas deserunt et ad alias transeunt	
XXIII	De non suscepiendis alterius ecclesiae clericis	
XXIV	De feneratoribus clericis	140
XXV	Ne diaconi super presbyteros sint	

111–163 *hic libellus canonum capitulorum conseruatus est solum apud A, ε, 111 titula canonum: A] capitula canonum F ; 115 de abscisis F] de excissis A; 117 fecerint γ: A] fecerunt F.*

XXVI	De paulianistis	
XXVII	De diaconissis Capitula sardensis concilii	
XXVIII	De episcopis etiam laica communione priuandis qui ciuitates mutauerint	145
XXIX	Vt inter episcopos conprouintiales audiant	
XXX	De apellationibus ad episcopum romanum	
XXXI	De non super ordinando ei quia appellant <140>	
XXXII	Quando debeat in aliena prouintia uicinum episcopum ordinari	150
XXXIII	De non faciendis episcopis per uicos et modicas ciuitates	
XXXIV	De retractanda synodo prouintiali per uicarios episcopi urbis romae si fuerit appellatus	
XXXV	Quando episcopi et in quibus causis ad comitatum uadunt	155
XXXVI	De diaconis ad comitatum dirigens sub prosecutione met- ropolitani	
XXXVII	Vt discutiat papa romanus causas propter quid ad comi- tatum diaconos mittit si tamen fuerit opportunum comi- tatum	160
XXXVIII	Vt solliciti sint episcopi qui in canali sunt ad discutiendos episcopos euntes ad concessitatem	
XXXIX	De laicis cito non faciendis episcopis	
XL	Quamdiu episcopi in aliena ciuitate peregrinare debeat excepta grauine	165
XLI	Ne liceat episcopo plus tribus ebdomadibus abesse	
XLII	De clericis qui per iracundiam submouentur ab aliis non recipiendis	
XLIII	De his qui excommunicantur apud uicinos episcopos audiendis	170
XLIV	De non sollicitandis episcopis alienis	
XLV	De non faciendis clericis alienis sine consensu episcopi sui	
XLVI	De suscipiendis his qui pericula et persecutiones peruer- sitatis defensione patiunt	175

Item Incipit expositio fidei Nicaenae uel synodicae disciplinae
 Credimus in unum Deum Patrem omnipotentem omnium uisibilium
 et inuisibilium factorem; et in unum Dominum nostrum Iesum
 Christum Filium Dei qui natus est ex Patre unigenitus hoc est de
 substantia Patris Deum de Deo lumen ex lumine Deum uerum de 180
 Deo uero natum non factum homouision hoc est eiusdem cum Patre
 substantiae per quem omnia facta sunt quae in caelo et quae in terra
 sunt qui propter nos homines et propter nostram salutem descendit et
 incarnatus est et homo factus passus est <passus est> et resurrexit tertia 185
 die ascendit ad caelos unde uenturus est iudicare uiuos et mortuos. Et
 in Spiritum sanctum. Eos autem qui dicunt: erat aliquando quando non
 erat et priusquam nasceretur non erat et quia ex nullis subsistentibus
 factus est aut ex alia substantia uel essentia dicunt esse trepton hoc est
 conuertibilem aut mutabilem Filium Dei hos anathematizat catholica 190
 et apostolica ecclesia.
 Haec est fides quam exposuerunt Patres primum quidem aduersus
 Arium blasphemantem et dicentem creaturam <esse> Filium Dei
 et aduersus omnem haeresim extollentem se et insurgentem contra
 catholicam et apostolicam ecclesiam quam <haeresim> cum auctoribus 195
 suis damnauerunt apud Nicaeam ciuitatem supradictam CCCXVIII
 episcopi in unum congregati quorum nomina cum prouinciis < suis > et
 ciuitatibus subter adnexa sunt: sed studiosi serui Dei magis curauerunt
 orientalium nomina episcoporum conscribere propterea quod
 occidentales non similiter quaestionem de haeresibus habuissent.
 Osius Cordubensis episcopus dixit: Sic credo quemadmodum dictum 200
 est.
 Victor et Vincentius presbyteri Romani pro uenerabili uiro papa et
 episcopo nostro sancto Siluestro subscripsimus ita credentes sicut
 supra scriptum est.

180 ex lumine **F**] de lumine *Ball*; **181** ex Deo **F**] de Deo *Ball*; *ομοουσιον* *Ball*.] omouision **Γ, Δ, Turner EOMLA addinamentum de sylloge Q**; **184** passus est **F**; **185** ad celos **F**] in coelos *Ball*; **189** *τρεπτον* *Ball, Turner EOMLA addinamentum de sylloge Q*.] trepton **Γ, Δ**; **189** mutabilem **F**] commutabilem *Ball*; **192** creaturam filium dei **F**] creatum esse filium dei *Ball*; et aduersus **F**] posteaque aduersus *Ball*; **194** quam cum **F**] quam haeresim cum *Ball*; **196** cum prouinciis et **F**] cum prouinciis suis *Ball*; adnexa **F**] annexa *Ball*.

Alexandrus alexandriae aegypti thebaidis	205
Tyrannus <antinoi>	
Plusianus <lyci>	
Arpocraton <alfusianorum>	
Adamantius <cini>	
Arbetion <farbeti>	210
Philippus <panefisei>	
Potamon <heracleis>	
Secundus <ptolomaidis>	
Dorotheus <pelusii>	
Gaius <thomeis>	215
Antiochus <mempheus>	
Tiberius <tyticis>	
Agathos scediae libiae <libyae superioris>	
Dachis <beroniciae>	220
<Antinoi>	
<Lici>	
<Alfusennorum>	
<Cyni>	
<Falbeti>	225
<Phanefisei>	
<Heracleis>	
<Ptholomaidis>	
<Pelusii>	
<Thomeis>	230
<Memfeus>	
<Tytitis>	
<Superioris>	
<Beroniciae>	
Zephyrus <archistei barcis>	235

206–220 in consensu ε tituli diocesium desunt quorum editio critica cum nominibus episcoporum ab O. Guntz Gelzerque post fratres Ballerini facta est. Nos enim uersionem A nec non consensum ε ad fundamentum editionis misimus ; 218 scediae F] scediae Ballж 221–234 in uersione F scriptoris error grauis existit quia in ciuitatum titulis is nomina patrum uidit; 235 zephyrus F] zophirus C, Ball.

Seraphyon <antipygri>	
Secundus <tauchis>	
<libyae inferioris>	
Titus praretoni	
<palestinae>	240
Macharius <ierosolymae>	
Germanus <neapolis>	
Marinus <sebastenus>	
Gaianus <sebastiae>	
Eusebius <caesariensis>	245
Sabinus <gadarensis>	
Longinus <ascalone>	
Petrus <nicopolitanus>	
Macrinus <iamnae>	
Maximus <eleutheropolitanus>	250
Paulus <maximianopolitanus>	
Iannuarius <hierico>	
Heliodorus <zabulon>	
Aetius <lyddorum>	
Siluanus <azoti>	255
Patrophilus <scythopolitanus>	
Asclepas <gazaee>	
Petrus <ahili>	
Antiochus capitoliadis	
<phoeniciae>	260
Zenon <tyri>	
Aeneas <ptolomaidis>	
Magnus <damasci>	
Theodorus <sidoniae>	
Hellanicus <tripolitanus>	265
Gregorius <beryti>	

235–238 in uersione **F** tituli diocesum desunt quorum editio critica cum nominibus episcoporum ab O. Guntz Gelzerque post fratres Ballerini facta est; **218** seraphyon **F**] seraphion Ball; **239** praetoni **F**] praetonii Ball., in uersione **F** hic titulus etiam a scriptore sicut nomen episcopi intellectus fuisse; **240–274** in uersione **F** tituli ecclesiarum desunt.

Marinus <palmyrae>	
Thadoneus <alasiae>	
Anatolius <emissae>	
Philocalus <paneades>	270
<syriae>	
Eustathius <antiochiae>	
Zenobius <seleucia>	
Theodotus <laodiciae>	
<...>	275
Alifus <apamiae>	
Philoxenus <hierapolitanus>	
Salamonius <germaniciae>	
Peperius <samosatenus>	
Archelaus <dolicae>	280
Eufration <balaneorum>	
Baiadus <chorepiscopus>	
Zoilus <gabalae>	
Bassus <zeumathiae>	
Bassianus <rafaniae>	285
Gerontius <larissae>	
Eustasius <arethusiae>	
Paulus <neocaesariae>	
Diritius <cirris>	
Seleuchus <chorepiscopus>	290
Petrus <gendari>	
Pegasius <arbocadami>	
Bassionis <gabudae>	
<arabiae>	
Nichomachus <bostri>	295

254 ethius **F**] aethius *Ball*; **261** tiria **A**; **275** *in uersione F in hoc loco alii XXXIV numero sequuntur qui a scriptore imprudente sine nominibus episcoporum aut sicut nomina obscura aut sicut tituli diocesium uacantium intellexi fuissent, quorum cum nominibus antistitum concordia ab O. Guntz Gelzerque post fratres Ballerini facta est*; **279** peperius **F**] piperius *Ball*; **285** bassianus **F**] bosianus *Ball*; **287** eustasius **F**] eustatius *Ball*.; **290** seleuchus **F**] seleucus *Ball*; **293** bassionis **F**] bassonis *Ball*.

Cirion <philadelphiae>	
Gennadius <isbuntorum>	
Seuerus <sodomae>	
Sosipater <beritanensis>	
Seuerus <dionysiadis>	300
<mesopotamiae>	
Aetolaus <edessae>	
Iacobus <nisibiensis>	
Antiochus <resanius>	
Mareas <macedoniapolitanus>	305
<persidis>	
Ioannes <persidis>	
<ciliciae>	
Theodorus <tarsi>	
Amphion <epiphaniae>	310
Narcissus <nerodiades>	
Moses <castabasi>	
Nicetas <fluidis>	
Eudemon <chorepiscopus>	
Paulinus <adanorum>	315
Macedonius <moestorum>	
Tarcondimatus <aegeus>	
Esichius <alexandriae>	
Narcissus <de irenopolis>	
<cappadociae>	320
Leontius <caesariensis>	
Eupsichius <tianeus>	
Eurithichius <coloniae>	
Timotheus <cibistranus>	
Ambrosius <comanensis>	325
Stephanus <chorepiscopus>	
Rhodo <chorepiscopus>	
Gorgonius <chorepiscopus>	
<armeniae minoris>	
Euladius <sebastiae>	330
Euethius <satalenus>	

Eudromius <chorepiscopus>	
Theophanes <chorepiscopus>	
<armeniae maioris>	
Aristecisus <diosponti>	335
Cretis <helenoponti>	
Helpidius <comanensis>	
Eutychius <amasiae>	
Heraclius <celensis>	
<ponti polemoniacy>	340
Longius <neocaesariensis>	
Domnus Trapezontensis	
Stratophilus Ptionensis	
Paphlagoniae	
Philadelphus Pompeiopolitanus	345
Petronius Leneopolitanus	
Eufisicius Amastridensis	
Galatae	
Pancasius Ancyrae	
Decasius Tauiae	350
Erectius Daumasiae Dedareanus	
Philadelphus Iuliopolitanus	
Asiae	
Theonas Cizici	
Menophantus Ephesi	355
Orion Elii	
Eutychius Smyrnae	
Mitres Popanensis	
Macrinus Ilioeplesponti	
Paulus Paneae	360
Lydiae	
Arthemidorus Sardis	
Ethimasius Philadelphiae	
Pollion Barenensis	
Agogius Tripoli	365
Florentius Ancyrae ferreae	
Antiochus Aureliopolitanus	

Marcus Standi	
Phrygiae	
Nunechius Laodiciae	370
Flaccus Sanai	
Procopius Sinnades	
Pisticus Azani	
Athenodorus Doriensis	
Eugenius Eucarpiae	375
Flaccus Hieropolitanus	
Pisidiae P.	
Eulalius Iconii	
Thelemachus Adriopolitanus	
Esichius Neapolitanus	380
Eutychius Seleucia	
Apagnius Lomenensis	
Tarsicius Apamenus	
Patricius Alladorum	
Academius Mortinensis Paporum	385
Polycarpus metropolitanus	
Heraclius Barenis	
Theodorus Vsensis	
Odon Licius	
Lyciae	390
Eudemus Paterensis	
Pamphyliae	
Callides Pergensis	
Euresius Termiensis	
Zeusius Barbonitatus de Synasmo	395
Domnus Aspenidicus	
Quintianus Seleusia	
Patricius Maximianopolitanus	
Afrodisius Maginensis	
Insularum	400
Eufrosinus Rhodius	
Melifron Ciniensis	
Strategius Lemni	

Apollodorus Corcyrae	
Cariae	405
Eusebius Antiochiae	
Emmonius Afrodisiensis	
Eugenius Appolloniades	
Letoius Cibiritensis	
Eusebius Miletensis	410
Isauriae	
Stephanus Baratensis	
Athaneus Corocasius Parenis	
Eudesius Claudiopolitanus	
Agapius Seleucia	415
Silanus metropolitanus in Isauro	
Faustus Panemuthicorum	
Antonius Antiochiae	
Nestor Syedrensis	
Esicius chorepiscopus	420
Quintus Tymapodorum	
Paulus Larendensis	
Theodorus Vasadorum	
Anatolius chorepiscopus	
Quintus chorepiscopus	425
Tiberius Alistrensis	
Aquilas chorepiscopus	
Eusebius Paritius	
Cypri	
Cyrillus Paphi	430
Gelasius Salaminae	
Bithyniae	
Eusebius Nicomedensis	
Theogenes Nicaeae	
Maris Chalcedonis	435
Cyrillus Cii	
Esicius Nusae Prusae	
Gorgonius Apolloniadis	
Georgius Plusiades	
Euetius Adrianopolitanus	440

Theophanes chorepiscopus	
Rufus Caesariensis	
Eulalius chorepiscopus	
Europae	
Pedorus Heracleae	445
Marcus Comensis	
Daciae	
Protogenes Sardicae	
Mysiae	
Pistus Martianopolitanus	450
Marcus Euboensis	
Strategius Ephestiensis	
Macedoniae	
Alexander Thessalonicensis	
Bundisius Thebiensis	455
Achaiae	
Pistus Atheniensis	
Festus Strategidis	
Thessaliae	
Dionisius Thebanus	460
Sudis Salonitanus	
Calabriae	
Marcus Calabriae	
Cecilianus Carthaginensis	
Dardaniae	465
Dachus Macedonensis	
Claudianus Thessaliensis	
Dalmatiae	
Bunius Struborum	
Pannoniae	470
Domnus Pannoniensis	
Galliarum	
Nicasius Diuiensis	
De Gothiis	
Theophilus Gothiae	475
Bosphori	
Damnus Cadcemnus Bosforensis	
	365

Cum conuenisset sanctum et magnum concilium apud nicaeam 1
bithyniae statuta sunt quae infra scripta sunt et placuit ut haec omnia
mitterentur ad episcopum urbis romae Siluestrum. Facta est autem
synodus Constantino Augusto et Licinio consulibus XIII kal. iulias.

Tit. II. De excisis <qui per aegritudinem aut a barbaris est castratus
permaneat in clero>

Si quis per aegritudinem a medicis sectus est uel a barbaris castratus
iste permaneat in clero. Quod si quis semetipsum sanus abscidit hic 10
etiamsi est in clero cessare debet; et ex hoc talem nullum oportet
ordinari. Sicut ergo de his qui affectauerunt uel ausi sunt seipsos
abscidere haec quae diximus statuta sunt; ita si qui uel a barbaris uel
a dominis suis eunuchi facti sunt et probabilis uitae sunt tales hoc
suscipit ecclesiastica regula.

Tit. III. De neophytis ut neophyti neque presbyteri neque episcopi 15
fiant.<De neophytis neque presbyteros neque episcopis faciendis>.

Quoniam multa siue per necessitatem siue alias cogentibus hominibus
contra regulam ecclesiasticam gesta sunt; ita ut homines ex uita gentili
nuper <ad huc> accedentes ad fidem et qui paruo tempore catechizati
uel instructi statim ad spiritualem baptismum uenirent et continuo ut 20
baptizati fuerint etiam ad episcopatum uel presbyterium

prouehentur: rectum esse uisum est de caetero nihil tale fieri. Nam et
tempore opus est ut sit catechumenus et post baptismum multa probatio-
ne indiget euidentis namque est apostolicum praeceptum dicens: Non
neophytum ne elatus in iudicium incidat et laqueum diaboli. Si uero 25
procedente tempore quod animae noceat peccatum inuentum fuerit in
ea persona et conuincitur duobus uel tribus testibus cessabit a clero qui
eiusmodi est.

Tit. IV. Qui contra canones fecerint quomodo uindicentur.

Si quis uero praeter haec facit tamquam contraria statutis sanctis huius 30
sancti concilii gerens etiam ipse de statu sui ordinis periclitabitur.

2 bithyniae *Ball.*] bithyniae **F**; 6 de excisis γ , Δ , *Ball*, *Turner EOMLA addi-*
namentum de sylloge Q] de abscisis ϵ ; 6 qui per aegritudinem aut a bar-
baris est castratus permaneat in clero **F**; 14 tales hoc **F**] tales hos **A**, hos
tales **C**, *Ball*; 15 ut neophyti neque presbyteri neque episcopi fiant **F**] neque
presbyteros neque episcopos faciendis **C**, *Ball*; 16 <De neophytis neque
presbyteros neque episcopis faciendis> **A**, **F**; 18 contra regulam ecclesiasticam
A, **F**] contra ecclesiasticam regulam **C**, *Ball*; 19 nuper ad huc accedentes
\Gamma; nuper accedentes Δ , *Ball*; 20 catechizati uel instructi statim **A**, **E**, **F**] ca-
techizati sunt uel instructi fuerant statim **C**, **D**, *Ball*; 21 fuerint **\Gamma**] fuerant
 Δ , *Ball*; 29 qui contra canones fecerint quomodo uindicentur **F**] de uindicta
eorum qui contra canones fecerint **C**, *Ball*; 30 statutis sanctis huius concilii
\Gamma] statutis huius sancti concilii Δ , *Ball*.

Tit. V. Vt mulier extranea neque cum presbytero episcopo diacono
lectore clerico non habitet.

<De synodicitis actis uero> omnimodis interdicit sancta synodus
neque episcopo neque presbytero neque diacono nequo ulli omnino 35
clericorum permittit secum habere mulierem extraneam nisi forte mater
sit aut soror aut amita. In his namque personis et horum similibus
omnis suspicio declinatur. Qui aliter praeter haec aget periclitabitur de
clero suo.

Tit. VI. De episcopis a comprouincialibus ordinandis. 40

Episcopum oportet maxime quidem ab omnibus qui sunt in prouincia
episcopis ordinari. Si uero hoc difficile fuerit siue urgente necessitate
siue

itineris longitudine certe omnino tres episcopi in unum debent esse
congregati; ita ut etiam caeterorum absentum consensum et sententias 45
per litteras teneant et ita faciant ordinationem.

Tit. VII. De potestate metropolitani

Potestas sane uel confirmatio pertinebit per singulas prouincias ad
metropolitanum.

Tit. VIII. Vt qui ab aliis excommunicantur ab aliis non recipiantur. 50

Siue clericis siue laicis ab episcopis suis <per> singulas quasque
prouincias seruetur ista sententia secundum canonem ut hi qui ab aliis
excommunicantur ab aliis non recipiantur. Requiritur sane ne forte 55
quis pro aliqua indignatione animi aut contentione aut qualibet <tali>
commotione stomachantis episcopi abiectus sit.

Tit. IX. <Vt synodus bis anno fiat una ante quadragesimum alia circa
tempus autumnii>

31 de statu sui ordinis C, E, F, *Ball*; 32 <Vt mulier extranea neque cum
presbytero episcopo diacono lectore clerico non habitet> F; 34 de synodici-
tis actis A, de synodicitis actis <uero> F] de synesactis Δ, *Ball*; 34 et neque
I; 40 de episcopis a comprouincialibus ordinandis A, C, E, *Ball*; ut minus
quam tres episcopi episcopum non ordinent F; 47 de potestate metropoli-
tani I, Δ *Ball*] ut potestas metropolitani per singulas prouincias sit F; 51
de his qui excommunicantur ab episcopis suis I, Δ *Ball*] de his qui excom-
municantur siue clericis siue laicis E, ut qui ab aliis excommunicantur ab
aliis non recipiantur F; 52 singulas quasque prouincias F] per suas quasque
prouincias *Ball*.

De synodo bis in anno per unamquamque prouinciam celebranda. 60
Vt ergo haec digna possint examinatione perquiri rectum esse uisum
est per singulos annos in singulis quibusque prouinciis bis in anno
episcoporum concilia fieri; ut simul in unum conuenientes episcopi ex
uniuersis prouinciis huiusmodi examinent quaestiones et ita demum hi
qui ob culpas suas episcoporum suorum offensam merito contraxerunt
digne etiam a caeteris episcopis excommunicati sint usquequo in 65
communione omnibus aut ipsi episcopo suo placeat humaniorem
circa eos ferre sententiam. Fiant autem concilia semel quidem ante
dies quadragesimae ut omnibus si quae sunt simultatibus amputatis
mundum et Deo solemne munus possit offerri secundum uero fiat
circa tempus autumnii.

Tit. X. De primatu Romanae ecclesiae. 70
Ecclesia romana semper habuit primatum. Teneat autem et aegyptus
libyae et pentapolis ita ut episcopus alexandriae harum omnium habeat
potestatem quoniam et romano episcopo haec est consuetudo. Similiter
autem et qui in antiochia constitutus est. Itaque et in caeteris prouinciis
priuilegia salua sint ecclesiarum. 75
TIT. XI. <Vt ordinatio sine uoluntate metropolitani non debeat>

De infirmenda ordinatione quae sine metropolitani consensu fit. Per
omnia autem manifestum sit hoc quod si quis praeter uoluntatem
metropolitani episcopus fuerit ordinatus, hunc statuit <haec> sancta
synodus non debere esse episcopum. 80

TIT. XII. <Vt in ordinando episcopo maior numerus praeualeat>

56 tali commotione F; 57 <ut synodus bis anno fiat una ante quadragesimum alia circa tempus autumnii> F; 59 de synodo I, Δ Ball] de synodis F; 60 digna possint I] possint digna Δ, Ball; 65 in communionem omnibus I] in communionem ab omnibus recipiantur aut Δ, Ball; 68 deo solemne I] solemne deo Δ, Ball; 69 secundum uero fiat A, E] secundo uero fiant F, circa tempus autumnii fiat C; 70 de primatu ecclesiae romanae A, ε, Turner addinamentum de sylloge Q] quod ecclesia romana semper habuit primatum E, ut ecclesia romana primatum habeat ε; 76 <ut ordinatio sine uoluntate metropolitani non debeat> F; 80 statuit haec sancta synodus A, F, E] statuit sancta synodus C, Ball; 81 <ut in ordinando episcopo maior numerus praeualeat> F; 83 communi omnium consensu I, Δ Ball.] communi consensu F; habito I, Δ Ball] habitu F.

De sequendo maiori numero, cum de ordinatione contenditur. Sane si communi <omnium> consensu rationabiliter habito, et secundum ecclesiasticam regulam facto decreto, duo aliqui aut tres per contentionem suam contradixerint, obtineat sententia plurimorum. **85**

TIT. XIII. De honore ierosolymitani episcopi

Quoniam mos antiquitus obtinuit et uetusta traditio ut aeliae, id est ierosolymitanorum episcopo deferatur; habeat consequenter honorem suum; sed metropolitano sua dignitas salua sit.

TIT. XIV. <Catari quos mundos uocant quomodo recipiantur> **90**

De his qui dicuntur mundi, quo genere recipiendi sint. De his qui seipsos cataros, id est mundos, uocant, si qui ueniant ad ecclesiam catholicam, placuit sancto concilio ut ordinentur, et sic maneant in clero. Ante omnia uero hoc eos per scripturam conuenit profiteri, ut fateantur secum omni consensu obseruatuos catholicae et apostolicae ecclesiae statuta id est, communicatuos se his qui forte secundas nuptias experti sunt, uel his qui persecutionis tempore lapsi sunt. Quibus tamen poenitentiae modus et tempus adscriptum est ut in omnibus sequantur ea quae in catholica et apostolica obseruantur ecclesia. Sic ubi igitur uel in uicis, uel in urbibus soli ipsi reperti fuerint ordinati, hi qui inueniuntur in clero, in eodem permaneant. Si uero episcopus uel presbyter catholicae ecclesiae fuerit ad quem aliqui ex his accedunt, certum est quod episcopus ecclesiae habeat suam dignitatem similiter et presbyter et diaconus debent. Hi uero qui ab istis ueniunt, si forte episcopus fuerit, habeat presbyterii dignitatem nisi forte placeat episcopo catholico concedere ei etiam episcopalis nominis honorem. Si uero non placuerit, inueniat ei locum, ut sit in paroecia chorepiscopus, aut presbyter dummodo permanere uideatur in clero, et ne in una ciuitate duo sint episcopi. **95**
100
105

TIT. XV. <Qui sine examinatione ordinantur ecclesiasticus ordo non recipit> **110**

86 ierosolymitani **C, Ball]** hierosolymitani **A**, hierosolimitani **F**; **87** antiquitus **F]** antiquus **A, C, Ball.**; aeliae **C, Ball]** heliae **A, D**; **88** ierosolymitanorum **Ball.]** ierosolymorum **E**, hierosolimitarum **F**.

90 <catari quos mundos uocant quomodo recipiantur> **F**; **91** de his qui dicuntur mundi **A, C, E, F, Ball**; **96** qui forte secundas nuptias **A, Ball]** qui secundas nuptias **E, F**; **110** <qui sine examinatione ordinantur ecclesiasticus ordo non recipit> **F**.

De his qui inexaminati ordinantur

Si qui sine examinatione prouecti presbyteri et postea examinati confessi fuerint peccata sua et cum confessi fuerint contra regulam uenientes

115

homines temere manus eis imposuerint hos ecclesiasticus ordo non recipit. In omnibus enim quod irreprehensibile est catholica defendit ecclesia.

TIT. XVI. <Qui post lapsi fuerunt ordinati deponantur>

De lapsis ordinatis.

120

Quicumque ex his qui lapsi sunt et per ignorantiam ordinati sunt uel contemptum eorum qui eos ordinauerunt hoc non praeiudicat ecclesiasticae regulae. Cum enim compertum fuerit deponantur.

TIT. XVII. <Ut praeuaricati per paenitentiam recipiantur>

De praeuaricatis recipiendis per paenitentiam

125

De his qui praeuaricati sunt sine ulla necessitate sine ablatione patrimonii uel sine periculo aut aliqua tali re quae est in nouissima tyrannide Licinii placuit sancto concilio, licet indigni sint misericordia, tamen aliquid circa eos humanitatis ostendi. Si qui ergo ex animo paenitent, tribus annis inter auditores constituentur, si fideles sunt, et septem annis inter paenitentes duobus uero annis extra communionem, in oratione sola participes fiant populo.

TIT. XVIII. <Qui ad saecularem militiam reuertuntur qualis debeat esse paenitentia>

De paenitentia eorum qui baptizati ad saecularem militiam reuertuntur. 135

112 de his qui inexaminati ordinantur C, E, F, *Ball*; 113 sine examinatione prouecti A] sine examinatione prouecti fuerint C, *Ball*, in examinatione prouecti F.

Si qui uero uocati per Dei gratiam, primo quidem ostenderunt fidem suam, deposito militiae cingulo, post haec autem ad proprium uomitum reuersi sunt ita ut pecunias darent, et ambirent rursus redire ad militiam isti decem annis sint inter paenitentes, post triennium quo fuerint inter auditores. In omnibus uero illud praecipue obseruetur, 140 ut animus ac propositum eorum, uel species paenitentiae requiratur. Quicumque enim cum omni timore et lacrymis perseuerantibus et operibus bonis <omni tempore> conuersionem suam non solo habitu, sed opere et ueritate demonstrant, hi tempora statuta complentes, merito orationibus communicabunt licebit autem episcopo etiam 145 humanius circa eos aliquid cogitare. Si qui uero indifferenter habuerunt lapsum suum, et sufficere sibi aestimarunt ad conuersionem hoc ipsum quod introire in ecclesiam uidebantur, isti omni modo tempora statuta complere debent .

TIT. XIX. <Ut morientibus uiaticum non negetur> 150

De reconciliatione danda morientibus

De his uero qui recedunt ex corpore, antiquae legis regula obseruabitur etiam nunc ita ut recedentes e corpore ultimo et necessario uitae suae uiatico non defraudentur. Quod si desperatus aliquis accepta 155 communionem superuixerit sit inter illos qui in oratione sola communicant, donec statutum tempus compleatur. De omnibus <tamen> his qui <ex> nudo corporis recedunt et eucharistiam postulant in tradenda eis communionem cura et probatio sit episcopi.

TIT. XX. De catechumenis <lapsis>.

142 cum omni timore **E**, *Ball.*] in omni tempore **A**, **F** ; 143 <omni tempore> *Ball.*; 146 eos aliquid cogitare **F**] humanius aliquid circa eos cogitare **C**, *Ball.*; 150 <ut morientibus uiaticum non negetur> **F**; 151 morientibus **A**, **K**, *Ball.*] paenitentibus **F**, **I**, *Quaesn.*; 152 obseruabitur etiam nunc ita ut recedentes e corpore ultimo et necessario uitae suae **E**] obseruabitur etiam nunc ita ut recedentes e corpore ultimo et necessario uiae suae **A**, *Ball.*, obseruabitur qui ut iam non ita ut recedunt ex corpore ultimo et necessario uiae suae **I**, obseruabitur etiam nunc ita ut qui recedunt ex corpore ultimo et necessario uitae suae **K**, *Petoletti*, obseruabitur et ultimae uiae suae **I**, *Quesn.*, obseruabitur qui etiam non ita ut recedunt ex corpore ultimo et necessario uiae suae **ε**; 156 statutum tempus **A** *Ball.*] tempus statutum compleatur **ε**, tempus statutum est **K**; 157 <tamen> **C**, *Ball.*; <ex> nudo corporis recedunt **E**] nudo corpore **ε**, ex corpore **K**, *Petoletti*, ex nodo corporis exeunt **C**, *Ball.*; 158 cura et probatio sit **F**, **K**] cura sit et probatio **C**, *Ball.*; 159 de catechumenis lapsis **E**, *Quesn. Ball.*] de catechumenis **C**, **F**, de cathecumenis **K**, *Petoletti*.

De catechumenis uero <lapsis> placuit sancto concilio ut tribus 160
annis inter auditores sint tantummodo post haec uero orent cum
catechumenis.

TTT. XXI. De his qui ecclesias <suas> deserunt et ad alias transeunt.

Propter multas perturbationes et seditiones, quae fieri solent, placuit 165
omnimodo abscidi istam consuetudinem, si contra regulam repertus
fuerit in aliquibus partibus e ciuitate ad ciuitatem transire uel episcopus,
uel presbyter, uel diaconus uel clericus. Si quis uero post haec statuta
sancti huius concilii, tale aliquid audere tentauerit, infringetur omni
genere huiusmodi conatus et restituetur propriae ecclesiae in qua <uel>
episcopus, uel diaconus, uel presbyter ordinatus est. 170

TTT. XXII. <Vt non suscipiantur alterius ecclesiae clerici>

De non suscipiendis alterius ecclesiae clericis.

Si qui sine respectu agentes, et timorem Domini ante oculos non
habentes, neque ecclesiastica statuta scientes, recesserint ab ecclesia sua,
siue presbyter, siue diaconus, siue in quocumque ordine ecclesiastico
positi fuerint, hi nusquam suscipi debent in ecclesia, sed cum omni 175
necessitate cogantur ut redeant ad ecclesias suas aut si permanserint,
excommunicatos eos esse oportet.

TTT. XXIII. <Vt clerici alieni non ordinentur>

De non ordinandis clericis alienis sine uoluntate episcopi sui 180

160 de catechumenis uero lapsis **E, G, Ball.**] de catechumenis uero placuit
sancto concilio ut tribus annis **C, K,** de catechumenis uero placuit sancto
concilio <si lapsi sunt> ut tribus annis **I, Quesn.; 161** post haec uero **C,**
Ball.] hinc uero **F; 163** ecclesias suas **F;** deserunt et ad alias transeunt **I,**
Δ, Ball.] ne transeat de ecclesia in alteram **I, Quesn.; 166** e ciuitate **C,**
Ball.] de ciuitate **A, F; 170** uel episcopus **F; 171** <ut non suscipiantur alteri-
us ecclesiae clerici> **F; 172** de non suscipiendis alterius ecclesiae clericis **I,**
Δ, Ball.] ne recipiatur qui transierit **I, Quesn.; 176** nusquam **e, E]** nunquam
C, Ball.; 179 <ut clerici alieni non ordinentur> **F; 180** de non ordinandis
clericis alienis sine uoluntate episcopi sui **I, Δ, Ball.**] ne episcopus ordinet
alienum clericum **I, Quesn.**

Si quis autem ausus <ad suscipiendum> fuerit aliquem qui ad alterum pertinet ordinare in sua ecclesia, cum non habeat consensum episcopi illius a quo recessit clericus suus, irrita sit huiusmodi ordinatio.

TIT. XXIV. <Vt clericus usurarius abscidatur a clero>

De feneratoribus clericis 185

Quoniam multi clerici auaritia causa turpia lucra sectantes et obliti sunt diuini praecepti quod dicit: *Qui pecuniam suam non dedit ad usuram* fenerantes centesimos exigunt statuit sanctum hoc concilium quod si quis inuentus fuerit post hanc definitionem usuras accipere uel ex quolibet tali negotio turpia lucra sectari uel etiam in graecis 190 dimidias centesimas species frugum ad sescuplum dare omnis qui tale aliquid commentus fuerit ad quaestum, excidetur a clero, et alienus ab ecclesiastico habeatur gradu.

TIT. XXV. <Vt diaconis supra presbyteros non sint nec in medio eorum sedere praesumant> 195

De diaconibus ne supra presbyteros sint

181 ausus fuerit aliquem qui ad alterum pertinet ordinare in sua ecclesia cum non habeat **C, E, Ball.**] ausus ad suscipiendum fuerit aliquem qui ad alterum pertinet ordinare in sua ecclesia cum non habeat **F**, ausus ad suscipiendum fuerit aliquem qui ad alterum pertinet ordinationem et cum in sua ecclesia ordinet cum non habeat **I, Quesn.**; **182** episcopi illius **F**] illius episcopi **C, Ball.**; **183** huiusmodi **C, Ball.**] huius **F**; **185** <ut clericus usurarius abscidatur a clero> **F**; **186** turpia lucra sectantes **F**] lucra sectantur turpia **C, Ball.**; **188** fenerantes centesimos **F**] fenerantesque centesimas **C, Ball.**, fenerantesque centesimos fructus **G**; **188** sanctum hoc concilium **F**] hoc concilium sanctum **C, Ball.**; **190** in graecis dimidias **Γ, Δ, Ball.**] in quantis dimidias **I, Quesn.**; sescuplum **E, F, Ball.**] sesquiptum **C**; **191** omnis qui **Γ, Δ, Ball.**] omnis ergo qui **I, Quesn.**; excidetur **E**] abscidatur **Γ, Δ, Ball.**; a clero **C, Ball.**] ex clero **A, F**; **194** <ut diaconis supra presbyteros non sint nec in medio eorum sedere praesumant> **F**.

Peruenit ad sanctum concilium quod in locis quibusdam et ciuitatibus presbyteris sacramenta a diaconibus dentur quod neque regula neque consuetudo tradidit ut hi qui offerendi sacrificii non habent potestatem, his qui offerunt, corpus Christi porrigant. Sed et illud innotuit, quod quidam diaconi etiam ante episcopum sacramenta contingant. Haec omnia amputentur, et maneant diaconi intra propriam mensuram, scientes quia episcoporum quidem ministri sunt, presbyteris autem inferiores <sunt>. Accipiant ergo eucharistiam secundum ordinem post presbyteros ab episcopo uel a presbytero. <Neque eucharistiam illi presbyteris diuidant sed illis agentibus solum ministrent. Si autem non fuerit in praesenti uel episcopus uel presbyter tunc ipsi proferant et dent> sed nec sedere quidem in medio presbyterorum liceat diaconis. Extra regulam enim et extra ordinationem est ut hoc fiat. Si quis autem non uult esse subiectus etiam post hanc definitionem cesset esse diaconus.

TIT. XXVI. <De paulianistis dicit>

De paulianistis, quos <homines> homuncionitas uocant.

Si qui confugerint ad ecclesiam, statutum sit rebaptizari eos omnimodo.

Si qui uero clerici erant apud eos siquidem inculpabiles inuenti fuerint et irreprehensibiles, rebaptizati <rursum> etiam ordinentur ab episcopis ecclesiae catholicae. Si autem examinati minus apti fuerint deprehensi deponi eos oportet.

TIT. XXVII. <Vt diaconissae inter laicas habeantur>

De diaconissis.

220

196 de diaconibus ne supra presbyteros sint **I, Δ, Ball]** ne diaconi supra presbyteros sint **I, Quesn.; 202** haec omnia **I, Δ, Ball]** haec ergo omnia **I, Quesn.; 204** inferiores sunt **γ, ε; 206–208** <Neque eucharistiam illi presbyteris diuidant sed illis agentibus solum ministrent. Si autem non fuerit in praesenti uel episcopus uel presbyter tunc ipsi proferant et dent> **C, E] deest A, F; 210** non uult esse subiectus **I, Δ, Ball]** non uult his sufficiens esse **E; 212** <De paulianistis dicit> **F; 213** quos homines homuncionitas uocant **I, Δ, Ball.] I, Quesn.; 214** statutum sit rebaptizari eos omnimodo **E]** statutum sit baptizare eos omnimodo **A, C, Ball.**, statim baptizare eos omnimodo decet **ε, 216** baptizati **I, Δ, Ball.]** rebaptizati **E; rursum C; 217** minus apti fuerint deprehensi **A, C, E, Ball.]** aperti **F**, minus inuenti fuerint apti **I, Quesn.; 219** <Vt diaconissae inter laicas habeantur> **F; 220** diaconissis eorum **I, Quesn.; 220** in clero eorum **C, Ball.]** in clero **ε, E.**

Similiter autem et circa diaconissas et de omnibus qui in clero <eorum> inueniuntur, eadem forma seruabitur. Commemorauimus etiam de diaconissis his quae in hoc ordine inuentae sunt quae nec manus aliquam impositionem habent ita ut omni genere inter laicas habeantur. 225

TIT. XXVIII. <Incipiunt canones sardicensis>

De episcopis etiam laica communione priuandis qui ciuitates mutauerunt

Osius episcopus dixit:

Non minus mala consuetudo quam perniciosa corruptela funditus 230
eradicanda est ne cui liceat episcopo de ciuitate sua ad aliam ciuitatem
transire manifesta enim est causa qua hoc facere tentat cum nullus
<in hac re> inuentus sit episcopus qui de maiori ciuitate ad minorem
transiret. Vnde apparet auaritiae ardore eos inflammari, et ambitioni
seruire, ut dominationem agent. Si <ergo> omnibus placet . 235

huiusmodi pernicies saeuus et austerius uindictetur. Vt nec laicam
communione[m] habeat qui talis est. Responderunt uniuersi: Placet.

<II Item de eisdem episcopis ut si per ambitionem sedem mutauerint
nec in exitu communionem saltem laicam consequantur>

Osius episcopus dixit: Etiam si talis aliquis exstiterit temerarius, ut 240
fortassis excusationem afferens asseueret quod populi litteras acceperit,
cum manifestum sit potuisse paucos praemio et mercede corrumpi,
eos qui sinceram fidem non habent, ut clamarent in ecclesia, et ipsum
petere uiderentur episcopum omnino has fraudes damnandas esse
arbitror, hoc modo, ut nec laicam <in fine> communionem accipiant. 245
Si <ergo> uobis omnibus placet, statuite. Synodus respondit: Placet

221 circa diaconissas A, C, F, Ball.] circa diacones E; 222 commemorauimus C, E, Ball.] commemorabimus A, F; 224 aliquam impositionem C, E, Ball.] impositionem aliquam A, F; 225 laicas F] laicos A, C, E, Ball.; <deflectendo genu quoniam sunt quidam qui die dominico flectant genu et in pentecosten diebus placuit de hoc sanctae et magnae synodo cunctos in omnibus locis consonantes et consentienter stantes dominum adorare debere> A in margine; 326 <Incipiunt canones sardicensis> F; 228 mutauerint A] mutauerunt C, F; 232 manifesta A, C, E, F, Ball] manifestata G; 233 in hac re A, C, F, Ball; 234 transiret E, F] uellit transiret A, uelit transire C; ardore eos A, F] eos ardore C, Ball; 235 agent E, Ball] agant A, habeant C, ε; ergo E, G, Ball; 238 <II Item de eisdem episcopis ut si per ambitionem sedem mutauerint nec in exitu communionem saltem laicam consequantur> F; 240 talis aliquis exstiterit Γ] talis exstiterit aliquis Δ, Ball. ; 241 excusationem Γ, Δ Ball.] excusationes I, Quesn.; 245 in fine E, G] deest apud A, C, F; ergo E, G] deest apud C, F.

<III Vt inter episcopos conprouintiales audiant>

Osius episcopus dixit: Illud quoque <necessario adiciendum est> ut episcopi de sua prouincia ad aliam prouinciam in qua sunt episcopi 250 non transeant, nisi forte a fratribus suis inuitati, ne uideantur ianua charitatis excludi. Illud quoque prouidendum est si in aliqua prouintia aliquis episcopus contra fratrem suum episcopum litem habuerit ne unus e duobus ex alia prouincia aduocet episcopum .

<Vt appellatio ad episcopum romanum si necesse fuerit fiat> 255

TIT. XXX. De appellationibus ad episcopum romanum.

Quod si aliquis episcopus adiudicatus fuerit in aliqua causa et putat se bonam causam habere, ut iterum concilium renouetur si uobis placet, sancti Petri apostoli memoriam honoremus, ut scribatur uel ab his qui examinarunt, uel ab episcopo <qui in proxima prouincia morantur 260 romano episcopo> si iudicauerit renouandum esse iudicium renouetur et det iudices si autem probauerit talem causam esse, ut non refricentur ea quae acta sunt, quae decreuerit confirmata erunt. Si hoc omnibus placet? Synodus respondit: Placet.

<Vt non ordinetur alius episcopus in sede episcopi qui episcopum 265 romanum appellat ut nullus accusati sedem usurpet episcopi>

TIT. XXXI. De non superordinando ei qui appellauerit.

255 <ut appellatio ad episcopum romanum si necesse fuerit fiat> **F**; 257 aliquis episcopus adiudicatus fuerit **Γ**] aliquis adiudicatus fuerit episcopus **Δ**; 258 bonam causam habere **Γ**] bonam habere causam **Δ**, *Ball*; 259 sancti Petri apostoli **Γ**] sancti apostoli Petri **Δ**, *Ball*; 259 scribatur uel ab his qui examinarunt uel ab episcopo si iudicauerit **C**, **ε**] scribatur uel ab his qui examinarunt uel ab episcopos si iudicauerit **A**, scribatur uel ab his qui examinarunt uel ab episcopo iulio romano si iudicauerit **G**, scribatur uel ab his qui causam examinarunt uel ab episcopo siluestro romano episcopo ut si iudicauerit **I**; 267 de non superordinando ei qui appellauerit **Γ**, **Δ**] ut appellanti non superordinetur episcopus **I**, *Quesn*; 273 in *Ball*, episcopi romani **Γ**] romani episcopi **Δ**, *Ball*.

Gaudentius episcopus dixit: Addendum si placet huic sententiae quam plenam sanctitatis protulisti, ut cum aliquis depositus fuerit episcopus, eorum episcoporum iudicio qui in uicinis locis commorantur, et 270 proclamauerit agendum sibi negotium in urbe roma, alter episcopus in eius cathedra post appellationem eius, qui uidetur esse depositus, omnino non ordinetur in loco ipsius, nisi causa fuerit <in> iudicio episcopi romani determinata.

<Vt ex uicina prouincia episcopi ordinent episcopum> 275

TIT. XXXII. Quando <quis> debeat in aliena prouincia a uicinis episcopus ordinari

Osius episcopus dixit: Si contigerit in una prouincia in qua <non> plurimi fuerint episcopi unum forte remanere episcopum ille uero per negligentiam noluerit ordinare episcopum, et populi conuenerint episcopos uicinae prouinciae <censeo> debere illum prius conueniri 280 episcopum qui in ea prouincia moratur, et ostendere quod populi <cum> petant sibi rectorem et hoc iustum esse ut et ipsi ueniant et cum ipso ordinent episcopum. Quod si conuentus litteris tacuerit et dissimulauerit nihilque rescripserit, satisfaciendum esse populis, ut ueniant ex uicina prouincia episcopi et ordinent episcopum. 285

TIT. XXXIII. De non faciendis episcopis per uicos et modicas ciuitates

275 <ut ex uicina prouincia episcopi ordinent episcopum> **F**; 276 quando quis debeat in aliena prouincia a uicinis episcopis ordinari **F**] quando debeat in aliena prouincia a uicinis episcopis ordinari **A**, **C**, quando debeat ex aliena prouincia episcopus ordinari **I**, *Quesn.*; 278 non plurimi **ε**] plurimi **I**, **Δ**; 280 uel ab episcopis qui in proxima prouincia morantur romano episcopo **E**, *Ball*] <in proxima prouincia morantur romano episcopo> *in margine* **A**; 281 censeo debere **C**, *Ball.*; 282 cum **I**] quod **A**, *deest apud C*, **ε**; 283 de non faciendis episcopis per uicos et modicas ciuitates **I**, **Δ**] non debere ordinari episcopum in uico et modica ciuitate **I**, *Quesn.*

Licentia uero danda non est ordinandi episcopum aut in uico aliquo, 290
aut in modica ciuitate, cui sufficit unus presbyter quia non est necesse
ibi episcopum fieri, ne uilescat nomen episcopi et auctoritas. Non
debent illi ex alia prouincia inuitati facere episcopum, nisi aut in his
ciuitatibus quae episcopos habuerint, aut si qua talis aut tam populosa
est ciuitas quae meretur habere episcopum. Si hoc omnibus placet? 295
Synodus respondit: Placet.

TIT. XXXIV. De retractanda synodo prouinciali per uicarios episcopi
urbis Romae si ipse decreuerit fuerit appellatum

Osius episcopus dixit: Placuit autem ut si episcopus accusatus fuerit,
et iudicauerint congregati episcopi regionis ipsius et de gradu suo 300
eum deiecerint si appellauerit qui deiectus est, et confugerit ad
episcopum romanae ecclesiae, et uoluerit se audiri si iustum putauerit
ut renouetur examen, scribere his episcopis dignetur qui in finitima
et propinqua prouincia sunt, ut ipsi diligenter omnino requirant, et
iuxta fidem ueritatis definiant. Quod si is qui rogat causam suam iterum 305
audiri, deprecatione sua mouerit episcopum romanum ut e latere suo
presbyterum mittat, erit in potestate episcopi quid uelit, et quid aestimet
et si decreuerit mittendos esse qui praesentes cum episcopis iudicent,
habentes eius auctoritatem a quo destinati sunt, erit in suo arbitrio. Si
uero crediderit episcopus sufficere, tunc negotio terminum imponat, et 310
faciat quod sapientissimo consilio iudicauerit.

TIT. XXXV. Quando episcopi et in quibus causis ad comitatum
uadant

293 episcopum fieri **Γ**] fieri episcopum **Δ**, *Ball*; 293 illi **Γ**, **Δ**] autem **I**, *Quesn.*
297 de retractanda synodo prouinciali per uicarios episcopi urbis Romae si
ipse decreuerit **Γ**] de retractanda synodo prouinciali per uicarios episcopi ur-
bis Romae si fuerit appellatum **Δ**, de retractanda causa appellantis in synodo
prouinciali **I**, *Quesn.*; 302 se audiri romanus episcopus **I**; 309 destinati sunt
Γ, **Δ**] missi sunt **I**; 310 episcopus **C**] episcopos **A**, **F**; tunc **C**] ut **F**; imponat
C] imponant **F**; 312 quando episcopi et in quibus causis ad comitatum
uadant **Γ**, **Δ**] pro quibus causis episcopi ad comitatum eant **I**; 314 impor-
tunitates et nimia frequentia **Δ**] importunitatis et nimia frequentia **A** *corr.*,
importunitate et nimia frequentia **F**, importunitatis nimia frequentia **I**;

Osius episcopus dixit: Importunitates et nimia frequentia et iniustae
 petitiones fecerunt nos non tantam habere uel gratiam uel fiduciam 315
 dum quidam non cessant ad comitatum ire episcopi, et maxime afri qui,
 sicut cognouimus, sanctissimi fratris et coepiscopi nostri grati salutaria
 consilia spernunt atque contemnunt, ut non solum ad comitatum
 multas et diuersas ecclesiae non
 pro futuras perferant causas ut fieri solet aut oportet, ut pauperibus 320
 aut uiduis aut pupillis subueniatur, sed et dignitates saeculares et
 administrationes quibusdam postulent. Hoc itaque prauitas olim non
 solum murmuraciones, sed et scandala excitat. Honestum est autem ut
 episcopi intercessionem his praestent qui iniqua ui opprimuntur, aut si
 uidua affligatur, aut pupillus exspolietur, si tamen ista nomina iustam 325
 habeant causam aut petitionem. Si uobis ergo, fratres carissimi, placet,
 decernite ne episcopi ad comitatum accedant, nisi forte hi qui religiosi
 imperatoris litteris uel inuitati, uel euocati fuerint. Sed quoniam saepe
 contingit ut ad misericordiam ecclesiae confugiant, qui iniuriam
 patiuntur, aut qui peccantes in exsilio uel in insulis damnantur, aut 330
 certe quamcunque sententiam excipiunt, subueniendum est his, et sine
 dubitatione petenda indulgentia. Hoc ergo, si uobis placet? Vniuersi
 dixerunt: Placet, et constituatur.

TIT. XXXVI. De diaconis ad comitatum dirigendis sub prosecutione
 metropolitani 335

315 uel gratiam uel fiduciam Γ] uel fiduciam Δ ; 320 solet aut
 oportet A, C, F] neque solet et oportet *Ball.*; 321 sed et dignitates saecula-
 res et administrationes a quibus <...> *in margine* dam postulent haec itaque
 prauitas olim non solum murmuracionem A] sed et dignitates saeculares
 et administrationes a quibus dam postulent haec itaque prauitas olim non
 solum murmuracionem F ; 323 excitant Γ] excitat Δ ; 326 si uobis ergo Γ]
 si ergo uobis $\Delta, Ball$; 334 de diaconis ad comitatum dirigendis sub pro-
 secutione metropolitani A, C, F] ut diaconi mittantur ad comitatum per
 metropolitans I .

Osius episcopus dixit: Hoc quoque prudentia uestra tractare debet, qui decreuistis, ne episcoporum improbitas nitatur, ut ad comitatum pergant. Quicumque ergo quales superius memorauimus preces habuerint uel acceperint, per diaconum suum mittant, quia persona 340 ministri inuidiosa non est, et quae inpetrauerit, celerius poterit referre. Et hoc consequens esse uidetur, ut de qualibet prouincia episcopi ad eum fratrem et coepiscopum nostrum preces mittant qui in metropoli consistit, ut ille <et> diaconum eius, et supplicationes destinet, tribuens commendaticias epistolas pari ratione ad fratres et coepiscopos nostros qui illo tempore in his regionibus et urbibus morantur in quibus <felix> 345 et laetus augustus rempublicam gubernat. Si uero habet is episcopos amicos in palatio, qui cupit aliquid, quod <tamen> honestum est, impetrare, non prohibetur per diaconum suum <et> rogare ac significare his quos scit benignam intercessionem absentem posse praestare. 350

TIT. XXXVII. Vt discutiat papa Romanus causas propter quas ad comitatum diaconum mittit si tamen opportunum fuerit

Qui uero Romam uenerint sicut dictum est sanctissimo fratri et coepiscopo nostro Romanae ecclesiae preces quas habent tradant, ut ipse prius examinet et si honestae et iustae sunt praestet diligentiam 355 atque sollicitudinem ut ad comitatum perferantur. Vniuersi dixerunt placere sibi et honestum esse consilium.

Alipius episcopus dixit: Si propter pupillos et uiduas, uel laborantes, qui causas non iniquas habent, susceperint episcopi peregrinationis incommoda habebunt aliquid rationis. Nunc uero cum ea postulent 360 praecipue, quae sine inuidia omnium et reprehensione esse non possunt non necesse est ipsos ire ad comitatum.

TIT. XXXVIII. Vt sint episcopi qui in canali sunt solliciti ad discutiendos episcopos euntes ad comitatum.

344 tribuens commendaticias Γ] commendatitias tribuens Δ, Ball; 346 felix A, Δ] deest apud F, religiosus I; 347 is amicos episcopus A, C, Ball] episcopos amicos F; tamen A, C, Ball] deest apud F.

Gaudentius episcopus dixit: Ea quae salubriter prouidistis conuenientia 365
et aestimatione omnium et Deo placitura et hominibus tenere hactenus
firmitatem possunt si metus huic sententiae coniungatur. Scimus enim
et ipsi saepissime propter paucorum imprudentiam <sacrum> religiosum
sacerdotale nomen fuisse reprehensum. Si igitur aliquis contra
omnium sententiam nisus uoluerit 370
ambitioni magis placere quam Deo, is debet scire causis redditus
honorem dignitatemque se amissurum. Quod ita demum compleri
poterit si unusquisque nostrum qui est in canali constitutus cum
progredientem episcopum uiderit inquirat transitum eius causas uideat
quo tendat agnoscat. Et siquidem eum inuenerit ire ad comitatum 375
<requirat et illud quod superius comprehensum est, ne forte inuitatus
sit ut ei facultas eundi permittatur. Si uero ut superius memorauit
sanctitas uestra propter desideria et ambitiones ad comitatum> pergat,
nec litteris eius subscribatur, nec in communionem recipiatur. Si uobis
placet, omnium sententia confirmari debet. Vniuersi dixerunt honestum 380
esse et placere sibi hanc constitutionem. Osius episcopus dixit: Sed et
moderatio necessaria est, dilectissimi fratres ne subito adhuc aliqui
nescientes quid decretum sit in synodo ueniant subito ad ciuitates eas
quae in canali sunt. Debet ergo episcopus ciuitatis ipsius admonere
eum et instruere ut ex eo loco diaconum suum mittat admonitus et 385
ipse redeat in parochiam suam.

TIT. XXXIX. De laicis non <cito> faciendis episcopis.

373 qui est in canali constitutus A] qui in canali constitutus F, qui in canali
est constitutus C, Ball; qui in canali constitutus est K, Petoletti, 376–378
requirat et illud quod superius comprehensum est, ne forte inuitatus sit ut
ei facultas eundi permittatur. Si uero ut superius memorauit sanctitas uestra
propter desideria et ambitiones ad comitatum C, ε, hoc fragmentum post
uerba in communionem recipiatur sequitur. Secundum sententiam Petoletti
questo salto per omoteleuto è però caratteristica distintiva della Quesnelliana,
vide P. 311, Ball. Coll. 407 n. b], abest apud A, K. Turner EOMIA I, II, III,
1930, P. 470–471 aliam uersionem latinam authenticam preferit requisitus
illud quod conditione superius conpraehensum est si inuitatus est ut ei facultas
eundi permittatur si uero (ut superius meminit Sanctitas uestra) propter
desideria et ambitiones ire ad comitatum et reliqua alia; 383 quid decretum
sit in synodo I, K] in synodo decretum sit Δ, Ball; 386 suum addit alia
manu A; parochiam corr. Ball] parrochiam A, parrochiam F, parrochiam K,
Petoletti, Turner EOMIA I, II, III, 1930, P. 472.

Osius episcopus dixit: Et hoc necessarium arbitror ut diligentissime tractetis si forte aut diues aut scholasticus de foro aut ex administratione episcopus fuerit postulatus ut non prius ordinetur nisi ante et lectoris munere et officio diaconi aut presbyterii fuerit perfunctus et ita per singulos gradus si dignus fuerit ascendat ad culmen episcopatus. Potest enim per has promotiones quae habebunt utique prolixum tempus probari qua fide sit qua modestia qua grauitate et uerecundia. Et si dignus fuerit probatus diuino sacerdotio illustretur. Quia conueniens non est, nec ratio uel disciplina patitur ut temere uel leuiter ordinetur aut episcopus, aut presbyter aut diaconus qui neophytus est maxime cum magister gentium apostolus ne hoc fieret denuntiasset et prohibuisse uideatur¹³ sed hi quorum per longum tempus examinata sit uita et merita fuerint comprobata.

TIT. XL. Quandiu episcopus in aliena ciuitate peregrinari debeat excepta graui necessitate

Osius episcopus dixit: Et hoc quoque statuere debetis ut si ex alia ciuitate uel ex prouincia sua ad aliam prouinciam transire uoluerit episcopus, et ambitioni magis quam deuotioni seruiens, uoluerit in aliena ciuitate multo tempore residere forte enim euenit episcopum loci non esse tam instructum ne que tam doctum is uero qui aduenit incipiat eum contemnere et frequenter facere sermonem, ut dehonestet et infirmet illius personam, ita ut ex hac occasione non dubitet relinquere assignatam sibi Ecclesiam et transeat ad alienam. Definite ergo tempus: quia et non recipi episcopum inhumanum est, et si diutius resideat, perniciosum. Hoc ergo ne fiat prouidendum est. Memini autem superiores fratres nostros constituisse ut si quis laicus in ea qua moratur ciuitate, per tres dominicos dies, id est per tres septimanas non celebrasset conuentum, communionem priuaretur. Si haec circa laicos constituta sunt multo magis episcopum nec licet, nec decet, si nulla sit tam grauis necessitas quae detineat ut amplius a suprascripto tempore absens sit ab ecclesia sua. Vniuersi dixerunt placere sibi.

387 De laicis non faciendis episcopis **A** (*post non <cito> alia manu*), **C**, *Ball.*] *deest F*, de laicis cito non faciendis episcopis **K**, *Petoletti*, ne laici fiant episcopi *Quesn.*; 798 ex administratione **Γ**, **Δ**] ex administratore **K**, *Petoletti*, *Turner EOMLAI*, 389, III, 1930, P. 472; 391 nisi ante lectoris munere **ε**, *Turner EOMLAI*, II, III, 472] nisi et lectoris munere **A**, **C**, **K**, *Petoletti*; et officio diaconii aut presbyterii **Γ**, **Δ**] et officium diaconis aut presbyteri **K**, *Petoletti*, et officio diaconii aut <ministerio> presbyterii *Turner EOMLAI*, II, III, 1930, P. 472–473; 395 digne **A** (*corr. alia manu dignus*), **K**] dignus **Δ**, **ε**, *Turner EOMLAI*, II, III, 1930, P. 473; 400 fuerint **Γ**, **Δ**] fuerant **K**.

¹³ II Tim. III, 6

Osius episcopus dixit: Quia nihil praetermitti oportet, sunt quidam fratres et coepiscopi nostri qui non in ea ciuitate in qua uidentur episcopi esse constituti, uel certe paruam rem illic habeant, alibi autem idonea praedia habere cognoscuntur, uel affectionem proximorum quibus indulgeant: his hactenus permitti oportet, accedant ad possessiones suas, et disponant uel ordinent fructum laboris sui ut per tres dominicas, id est per tres hebdomadas, si morari necesse est, in suis potius fondis morentur; aut si est proxima ciuitas in qua est presbyter, ne sine ecclesia uideatur facere diem Dominicam, illuc accedat: ut neque res domesticae per absentiam eius detrimentum sustineant, et non frequenter ueniendo ad ciuitatem in qua episcopus moratur, suspicionem iactantiae et ambitionis euadat. Vniuersi dixerunt placere sibi.

TIT. XLII. De clericis qui submouentur ab aliis non recipiendis

402 graui necessitate **A, Δ, Ball.**] grauitate **ε** (*corr. alia manu* necessitate), grauidine necessitati **K, Petoletti**; 403–404 ex alia ciuitate uel ex prouincia sua ad aliam prouinciam **A, Δ, K, Ball., Petoletti**] ex alia ciuitate conuenient ad aliam ciuitatem uel ex prouincia sua ad aliam prouinciam **ε, Turner EOMIA I, II, III, 1930, P.474**; 409–410 ex hac occasione non dubitet relinquere assignatam sibi ecclesiam **A, Δ, ε, Ball.**] ex qua occasione non dubitet relinquere assignatam sibi Ecclesiam **K, Petoletti**, ex hac occasione non dubitet ecclesiam suam relinquere **I, Quesn.**, quia haec occasio < ... > et non dubitet relinquere suam sibi adsignatam ecclesiam **Turner EOMIA I, II, III, 1930, 475**; 416 nec licet nec decet **Γ, Δ, Ball.**] nec licet nec <eum> decet **I, Quesn.**, nec licet nec decet ut episcopus **Turner I, II, III, 1930, 476**; 420 Ne liceat episcopo plus tribus hebdomadibus abesse **A, C**] non liceat episcopo plus quatribus *et reliqua* **F**, ne episcopus sit in aliendis fundis ultra tres hebdomades **I, Quesn.**; 422–423 qui non in ea ciuitate in qua uidentur episcopi esse constituti, uel certe paruam rem illic habeant **A** (in ea ciuitate <residentes> *alia manu*), **Δ, ε, Ball.**] qui in ea ciuitate sint in qua uidentur episcopi ex se constituti paruam rem habeant **I, Quesn.**, non in ea ciuitate possident in qua constituti episcopi esse uidentur uel certe paruam rem illic habent **Turner EOMIA I, II, III, 1930, P. 477**; 427 ut per tres dominicas, id est per tres hebdomadas **A, Δ, ε, Ball., Quesn.**] ut per tres dominicas [et] per tres septimanas **Turner EOMIA I, II, III, 1930, P. 478**;

Osius episcopus dixit: Hoc quoque omnibus placet, ut siue diaconus, 435
siue presbyter, siue quis clericorum, ab episcopo suo fuerit communionem
priuatus, ad alterum perrexerit episcopum, et scierit ille ad quem
confugit, eum ab episcopo suo fuisse abiectum, non oportet ut ei
communione indulgeat. Quod si fecerit, sciat se conuocatis episcopis
causas esse dicturum. 440

Vniuersi dixerunt: Hoc statutum et pacem custodiet et concordiam
seruabit.

TIT. XLIII. De his qui excommunicantur apud uicinos episcopos
audiendis

Osius episcopus dixit: Quod me adhuc mouet, reticere non debeo. 445
Si quis episcopus forte iracundus, quod esse non debet, cito et
aspere commouetur aduersus presbyterum siue diaconum suum, et
exterminare eum de ecclesia uoluerit, prouidendum est ne innocens
damnetur, aut perdat communionem; et ideo habeat potestatem is qui
abiectus est ut episcopos finitimos interpellet, et causa eius audiatur ac 450
diligentius retractetur, quia non oportet negari ei audientiam roganti.
Et ille episcopus qui iuste aut iniuste eum abiecit, patienter accipiat
ut negotium discutiatur, et uel probetur sententia eius a plurimis, uel
emendetur. Tamen priusquam omnia diligenter et fideliter examinentur,
eum qui fuerit a communionem separatus, ante cognitionem nullus 455
debet praesumere ut communioni societ. Hi uero qui conueniunt ad
audiendum, si uiderint clericorum esse studium et superbiam, quia non
decet ut episcopus iniuriam uel contumeliam patiat, seuerioribus
uerbis eos castigent, ut obediant honesta praecipiente episcopo: quia
sicut ille clericis sincerum debet exhibere amorem charitatis, ita quoque 460
uicissimi ministri infucata debent episcopo suo exhibere obsequia.

TIT. XLIV. De non sollicitandis clericis alienis

Ianuarius episcopus dixit: Illud quoque statuatur sanctitas uestra ut nulli
episcopo liceat alterius ciuitatis episcopi ecclesiasticum sollicitare min- 465
istrum, et in suis parochiis ordinare.

434 de clericis qui submouentur ab aliis non recipiendis **A**, (suscipiendis *corr.*
alia manu recipiendis), **Δ**, **ε**, *Ball.*] de excommunicatis ab alio non recipiendis
I, *Quesn.*; 440 causas **Γ**, **Δ**, *Turner I*, II, III, 1930, P. 479] causam *Ball.*; 443
de his qui excommunicantur apud uicinos episcopos 458 **A**, **Δ**, **ε**, *Ball.*] ut
liceat clerico excommunicato appellare **G**, *Quesn.*; 457 studium **A**, **Δ**, *Ball.*] *Ball.*
fastigium **ε**, fastidium *Turner I*, II, III, 1930, P. 482; 464 sanctitas uestra **γ**, **Δ**,
ε, *Ball.*, *Turner EOMIA I*, II, III, 1930, P. 483] sanctitas nostra *Quesn.*

Vniuersi dixerunt: Placet quia ex his contentionibus solent nasci discordiae et ideo prohibet omnium sententia ne quis hoc facere audeat.

TIT. XLV. De non faciendis clericis alienis sine consensu episcopi sui 470

Osius episcopus dixit: Et hoc constituimus uniuersi: ut quicumque ex alia parochia uoluerit alienum ministrum sine consensu et uoluntate episcopi ipsius ordinare, non sit rata ordinatio eius. Quicumque autem hoc usurpauerit de fratribus et coepiscopis nostris, et admoneri debet et corrigi. 475

Aetius episcopus dixit: Non ignoratis quanta et qualis sit ciuitas Thessalonicensium. Saepe ad eam ueniunt ex aliis regionibus presbyteri et diaconi, et non sunt contenti breui tempore morari; sed sunt ibi, aut certe uix post longa spatia ad sua redire coguntur.

Vniuersi dixerunt: Ea tempora quae constituta sunt circa episcopos et circa horum personas obseruari debent. 480

TIT. XLVI. De suscipiendis his qui pericula et persecutionem pro ueritatis defensione patiuntur

Osius episcopus dixit: Suggestente fratre et coepiscopo nostro Olympio, etiam hoc placuit ut si aliquis uim peressus est, et inique expulsus pro disciplina et catholica confessione uel pro defensione ueritatis, effugiens pericula, innocens et deuotus ad aliam uenerit ciuitatem, non prohibeatur immorari quandiu aut redire possit, aut iniuria eius remedium accipere: quia durum est eum qui persecutionem patitur non recipi; sed etiam larga beneuolentia et humanitas est ei exhibenda. 485
490

Canones siue decreta concilii nicaeni expliciunt. Subscripserunt autem omnes episcopi sic: ego ille episcopus illius ciuitatis et prouinciae illius ita credo sicut supra scriptum est.

470 de non faciendis clericis alienis sine consensu episcopi sui Δ , ϵ , *Ball.*] ne sit rata ordinatio de alieno clerico **I**, *Quesn.*; 482 de suscipiendis his qui pericula et persecutionem pro ueritatis defensione patiuntur Δ , ϵ , *Ball.*] de recipiendis his qui pro fide catholica expulsi sunt **I**, *Quesn.*; pro disciplina et catholica confessione uel pro defensione ueritatis Δ , ϵ , *Ball.*] pro disciplina et catholica defensione et confessione ueritatis **I**, *Quesn.*, propter disciplinam uel catholicam confessionem uel defensionem ueritatis *Turner EOMLA* **I**, II, III, 1930, P. 485; 491 *consensus codicum* ϵ *addit post uerba* ei exhibena: <omnis synodus dixit: Vniuersa quae constituta sunt catholica ecclesia in uiuerso orbe diffusa custodiet. Et subscriberant qui conuenerant>; 493–494: *consensum* Δ *post Ballerini praef. ferimus qui habet textum supradictum. Versio* **I** *nec non Quesnellus enim habunt:* hi canones sunt et decreta niceni concilii. Subscripserunt autem omnes episcopi sic: ego ille episcopus illius ciuitatis et prouinciae ita credo sicut supra scriptum.

Canones Carthaginensis concilii habiti sub die augustarum Attico et
et Caesario consulibus 1

Dilectissimis fratribus et coepiscopis diuersarum prouinciarum nu-
midiae, <et> mauritaniae utriusque, tripolis, et prouinciae consularis:
Aurelius, Mizonius et ceteri episcopi. Ecclesiasticae utilitatis causa dum 5
in carthaginensi urbe conuenerimus in unum, a plerisque suggestum
est, ea quae in concilio hipponiensi iamdudum maturata sunt, et legi-
time ad corrigendam disciplinam salubriter gesta et statuta noscuntur,
effrenata temeritate quosdam minime custodire. Ad huiusmodi uero 10
excusandos excessus, illud ab aliquibus praetendi, quod ea, quae iam-
dudum cum legibus statuta sunt, ignorantes praetermiserint. Ob quam
rem, haec communi consilio per uniuersam prouinciam bizacenam in
notitiam cunctis deducenda censuimus, ut abhinc quisquis decreto-
rum temerator exstiterit, sciat se status sui operatum fuisse iacturam.
Breuem uero statutorum, in quo omnia uidentur esse complexa, et 15
quaedam diligentius constituta, huic epistolae subdi fecimus, ut com-
pendio, quae decreta sunt recensentes, sollicitius obseruare curemus.
Optamus uos, fratres, semper in Deo bene ualere, et nostri memores
esse. Et manu senis Mizonii. Optamus uos fratres beatos semper in
Domino gaudere, et nostri memores esse. 20

Titulus: Canones Carthaginensis concilii habiti sub die augustarum Attico
et et Caesario consulibus **A, z, G, Munier**] Incipiunt capitula et canones
Carthaginenses habiti sub die iduum augustarum **Codex Hubertinus nunc
deperditus, Barb.**, iduum augustarum **G, Quesn;** 4 <et> mauritaniae **G,
Munier;** prouintiae **A, D, G, Munier**] prouincia **C, F;** consularis **A, C, D,
F**] proconsularis **G, Munier.**

Tituli canonum

- I Vt lectores populum non saluent
II Vt clerici instructi promoueantur
III Vt sacramentum catechumenis non dentur
IV Corporibus defunctis eucharistia non detur 25
V Vt per singulos annos concilium conuocetur
VI Si episcopus accusatus fuerit ad primatem prouinciae causam suam referat
VII Episcopus qui accusatus fuerit accusatus fuerit si ad concilium anniuersarium non uenerit sententia damnationis iudicetur
VIII Si presbyter fuerit accusatus cum quinque collegis ex uicinis episcopus causam suam audiat si diaconus cum duobus 30
IX Si episcopo aut clerico fuerit crimen institutum
X Vt iudices ecclesiastici ad alios iudices causam non prouocent
XI Vt filii clericorum spectacula non exhibeant 35
XII Vt filii episcoporum haereticis non coniungantur
XIII Vt episcopi et clerici non eiiciant filios suos
XIV Vt episcopi et clerici nihil conferant rerum suarum nisi catholicis
XV Episcopus presbyter aut diaconus non sint conductores
XVI Vt clericus cum extraneis feminis non habitet 40
XVII De sacris gradibus
XVIII De lectoribus
XIX Vt clericum alienum nemo retineat
XX Vt antequam probatus sit non ordinetur
XXI Vt in precibus nec Filius pro Patre nec Pater pro Filio 45 nominetur
XXII Vt nullus clericus amplius accipiat quam dedit
XXIII In sacramentis aliud non offeratur quam panis et uinum aquae mixtum
XXIV Ne episcopi presbyteri aut clerici ad uiduas uel uirgines soli 50 accedant
XXV Primae sedis episcopus princeps sacerdotum non appelletur
XXVI In taberna nec manducant nec bibant clerici
XXVII Vt episcopus trans mare non profiscantur
XXVIII Vt a ieiunis altaris sacramenta celebrentur

XXIX	Vt in ecclesiis neque episcopus neque clerici conuiuentur	55
XXX	Vt presbyter inconsulto episcopo non reconciliet paenitentem	
XXXI	Vt uirgines grauioribus feminis commendentur	
XXXII	Vt aegrotantes baptizentur	
XXXIII	Vt reuertis reconciliatio non negetur	
XXXIV	Vt presbyter chrisma non conficiat	60
XXXV	In aliena ciuitate clerici non merentur	
XXXVI	Hae sunt scripturae canonicae quae in ecclesia leguntur ; praeter id aliud non legatur	
XXXVII	Vt donatistae in numero laicorum recipiantur	
XXXVIII	Vt episcopus minus quam a tribus episcopis non ordinetur	65
XXXIX	De infantibus qui incerti sunt fuisse baptizatos absque dubitatione baptizentur	

Statuta concilii Hipponiensis breuiata et quaedam eorum in concilio Carthaginensi cum Bizacenis episcopis collata et diligentius pertractata, haec sunt. Professio et fides Nicaeni concilii recitata et <confirmata est quae ita se habet> 70

Credimus in unum Deum Patrem omnipotentem, uisibilium et inuisibilium factorem; et in unum Dominum Iesum Christum Filium Dei, natum de Patre unigenitum, hoc est de substantia Patris; Deum de Deo, lumen de lumine, Deum uerum de Deo uero; natum, non factum, unius substantiae cum Patre, quod graeci dicunt omousion; per quem omnia facta sunt siue quae in coelo, siue quae in terra; qui propter nos homines et propter nostram salutem descendit, incarnatus est, homo factus per Virginem Mariam passus est et resurrexit tertia die ascendit in coelum, uenturus iudicare uiuos et mortuos: et in Spiritum sanctum. Eos autem qui dicunt, erat quando non erat, et priusquam nasceretur non erat, et quia ex ullis non exstantibus factus est, uel ex alia substantia, dicentes mutabilem et conuertibilem Filium Dei: hos anathematizat catholica ecclesia et apostolica disciplina. 85

70–71 Professio et fides Niceni concilii recitata est **A**, <et confirmata est quae ita se habet> **F**, *Munier* P. 30–31] Niceni concilii professio et fide *et reliqua* **C**, **H**, *Ball*; **85** <prima series canonum qui ex concilio hipponensi excerpti sunt sed in «breui statutorum» non sunt recepti> *ex Breuiatio Ferrandi Fulgentii A-E (tit. 3–7) Munier* P. 33.

A. Placuit etiam propter errorem qui saepe solet oboriri, ut omnes Africanae prouinciae obseruationem diei paschalis ab ecclesia carthaginensi curent accipere.

B. <Cresconius uillarensis episcopus qui tunubiensis ecclesiae cathedram tenuisse dicebatur plebe sua hoc est uillarigensis ecclesiae iussu se esse contentus. 90

C. Ex hoc placuit ut a nullo usurpetur plebis alienae.

D. Primatum proprium mauritania siti sensis cum id postularet habere permissae. In quo a gentibus mauris.

E. Ceteri primae sedis episcopi ex consilio episcopi carthaginensis ecclesiae primatum prouintiarum suarum constituendum esse professi sunt si aliqua altercatio fuerit. > 95

Incipit breuis statutorum

Vt lectores populum non saluent

I. Vt lectores populum non saluent ut ante uiginti et quinque annos aetatis nec clericos ordinentur. 100

II. Vt primum scripturis diuinis instructi uel ab infantia eruditi propter fidei professionem et assertionem clerici promoueantur.

Vt clerici promoueantur

(III). <Clerici promoueantur> Vt ordinatis episcopis aut clericis prius placita concilii non inculcentur ab ordinatoribus eorum ne se aliquid contra statuta concilii fecisse asserant. 105

Vt sacramentum catechuminis non detur

89–91 haec regula (B) synodi «plenariae» Capuanae est ab Ambrosio Mediolanensi episcopo celebratae a. 392 canon est, vide Codicem canonum ecclesiae Africanae; 95 ex concilio A corr. alia manu consilio] ex consilio F, Munier; 100 pro canonibus breuis statutorum consensum γ id est codices A et B preferimus sed tituli canonum ibi non habentur. Apparatum criticum pleniorum et exactissimum vide apud Munier P. 33–46; Can. I. titulum habet apud E; Can. (III) cum titulo adiunctionem <Clerici promoueantur> habet apud E; 103 assertionem A] asserticionem err. B; <secundo> clerici alia manu A; Can. III. titulum habet apud E, Δ, Munier.

III. Vt etiam per solemnissimos dies paschales sacramentum
catechuminis non detur: nisi solitum salis quia fideles propillos dies 110
sacramentum non mutant: nec catechuminos oportet mutare.

Corporibus defunctis eucharistia non detur

IV. Vt corporibus defunctorum eucharistia non detur dictum est enim
a Domino: Accipite et edite cadauera autem nec accipere possunt nec 115
edere Inde cauendum est ne mortuum etiam baptizare posse fratrum
infirmas credat: cum eucharistiam non dari mortuis animaduernerit.

Vt per singulos annos concilium conuocetur

V. Vt propter causas ecclesiasticas quae ad perniciem plebium saepe
ueterescunt singulis quibus quae annis concilium conuocetur ad quod 120
omnes prouintiae quae prima sedes habent de conciliis suis ternos
legatos mittant ut et minus inuidiosi minusque hospitibus sumptuosi
conuentus plena esse possit auctoritas. Et ut de Tripoli propter inopiam
episcoporum unus episcopus ueniat.

Si eps accusatus fuerit ad primatem prouinciae causam suam referat 125

VI. Vt quisquis episcoporum accusatur ad primatum prouintiae ipsius
causa deferatur nec a communionem suspendatur cui crimen intenditur:
nisi ad causam suam dicendam primatis litteris euocatus minime
occurrerit hoc est intra spatium mensis ex die qua eum litteras accepisse 130
constiterit, Quod si aliquis ueras necessitatis causas probauerit quibus
eum occurrere non potuisse manifestum sit: causae suae dicende intra
alterum mensem integram habeat facultatem, uerum post mensem
secundum tamdiu non communicat donec purgetur.

Eps qui accusatus fuerit accusatus fuerit si ad concilium anniuersarium 135
non uenerit sententia damnationis iudicetur

VII. Si autem nec ad concilium uniuersale anniuersarum occurrere uoluerit: ut uel ibi causa eius terminetur. Ipse in se damnationis sententiam dixisse iudicetur. Tempore sane quo non communicat: nec in sua plebe communicat: accusator autem eius si numquam diebus 140 causae dicendae defuerit: a communione non remoueatur.

Si uero aliquando defuerit restitutio communioni episcopo: ipse remoueatur. Ita tamen ut nec ipsi adematur facultas causae perpagendae si se ad diem occurrere non noluisse: sed non potuisse probauerit sane placuit <quod si aliquas ueras necessitates causas probauerit> illud ut 145 cum agere coeperit in episcoporum iudicio si fuerit accusatoris persona culpabilis ac accusandum uel agendum non admittatur nisi proprias causas non tamen ecclesiasticas dicere uoluerit.

Si prb fuerit accusatus cum quinque collegis ex uicinis episcopus 150 causam suam audiat si diaconus cum duobus

VIII. Si autem presbyteri uel diaconi fuerint accusati adiuncto sibi et uicinis locis legitimo numero collegarum id est in presbyteri nomine quinque et in diaconi duobus et episcopi ipsorum causam discutiant eadem dierum uel dilationum et a communione remotionum et 155 discussione personarum inter accusatores et eos qui accusantur forma seruata reliquorum autem causas: etiam solus episcopus loci cognoscat et fineat.

Si episcopo aut clerico fuerit crimen institutum

IX. Sane quis episcoporum seu clericorum cum in ecclesia ei fuerit 160 crimen institutum uel in ciuilem causam fuerit commota is relicto ecclesiastico iudicio publicis iudiciis purgari uoluerit: etiam si pro illo fuerit prolata sententia locum suum amittat, hoc incriminali iudicio, in ciuili tero perdat quod euicit si locum suum obtinere uoluerit, cui enim ad elegendos iudices undique ecclesiae patet auctoritas: ipse se indignum 165 fraterno consortio iudicat qui de uniuersa ecclesia male sentiendo saeculari de iudicio poscit auxilium cum priuatorum Christianorum causas apostolus ad ecclesiam deferri atque ibi determinari praecipiat.

Can. V titulus apud E, Δ, Munier; Can. VI. titulus apud E, Δ, Munier; Can. VII. titulus apud E, Δ, Munier; 145 <quod si aliquas ueras necessitates causas probauerit> alia manu addit A; Can. VIII. titulus apud E, Δ, Munier.

Vt iudices ecclesiastici ad alios iudices causam non prouocent 170

X. Hoc etiam placuit ut si a quibus cumque iudicibus ecclesiasticis ad alios iudices ecclesiasticos ubi est maior auctoritas fuerit prouocatum: non eis obsit quorum fuerit soluta sententia si conu in ei non potuerit uel inimico animo iudicasse uel aliqua cupiditate uel gratia deprauati 175
Sane si ex consensu partium iudices electi fuerint: etiam a pauciore numero quam constitutum est non liceat preuaricari.

Vt filii clericorum <ex>spectacula non exhibeant

XI. Vt filii episcoporum et clericorum expectacula saecularia non exhibeant nec expectant quando quidem ab expectaculis arceantur . 180

Vt filii episcoporum haereticis non coniungantur

XII. Vt gentilibus uel etiam hereticis et scismaticis filiae episcoporum uel quorum libet clericorum matrimonio non coniugantur.

Vt episcopi et clerici non eiiciant filios suos 185

XIII. Vt episcopi uel clerici filios suos a sua potestate per mancipationem exire non sinant nisi de moribus eorum et de aetate fuerint securi ut possint ad eos iam propria pertinere peccata.

Vt epi et clerici non conferant rerum suarum nisi catholicis

XIV. Vt episcopi uel clerici in eos qui catholici christiani non sunt 190
etiam si consanguinei fuerint nec per donationes nec per testamentum rerum suarum aliquid conferant.

Can. IX. titulus apud E, Δ, Munier; Can. X. titulus apud E, Δ, Munier; Can. XI. titulus apud E, Δ, Munier ; 178 expectacula γ, Δ] spectacula E, ε; Can. XII. titulus apud E, Δ, Munier; Can. XIII. titulus apud E, Δ, Munier, Can. XIV. titulus apud E, Δ, Munier; Can. XV. titulus apud E, Δ, Munier;

Nec eps nec preb aut diac non sint conductores

XV. Vt episcopi presbyteri et diacones non sint conductores aut procuratores priuatorum neque ullo negotio tali uictum querant quo 195 eos peregrina uel ab ecclesiasticis officiis auocari necesse sit.

Vt clericus cum extraneis feminis non habitat

XVI. Vt cum omnibus omnino clericis extranae feminae non cohabitent sed solae matres auiae materterae amitae sorores fratrum aut sororum et quaecumque ex familia necessitate domestica etiam antequam 200 ordinarentur iam cum eis habitant uel filii eorum iam ordinatis parentibus uxores acciperint aut seruis non habentibus in domo quas ducant aliunde ducere necessitas fuerit.

De sacris gradibus

XVII. Vt episcopi presbyteri et diaconi non ordinentur prius quam 205 omnes qui sunt in domo eorum christianos catholicos fecerint.

De lectoribus

XVIII. Vt lectores usque ad annos pubertates legant deinceps autem nisi uxores custodita pudicitia duxerint aut continentiam professi fuerint. Legere non sinantur. 210

Vt clericum alienum nemo reteneat

XIX. Vt clericum alienum nisi concedente eius episcopo nemo audeat uel retinere uel promouere in ecclesia sibi credita; clericorum autem nomen etiam lectores retinent testimonia.

Can. XVI titulus apud E, Δ, Munier; Can. XVII titulus apud E, Δ, Munier; Can. XVIII titulus apud E, Δ, Munier; Can. XIX titulus apud Δ, Munier; .

Vt antequam probatus sit non ordinetur

215

XX. Vt nullus ordinetur nisi probatus uel episcoporum examine uel populi testimonio.

Vt in precibus nec Filius pro Patre nec Pater pro Filio nominetur

XXI. Vt nemo in praecibus uel Patrem pro Filio uel Filium pro Patre 220
nominet et cum altare assistitur semper ad Patrem dirigatur oratio et
quicumque sibi preces aliunde describit non eis utatur nisi prius eas
cum instructionibus fratribus contulerit.

Vt nullus clericus amplius accipiat quam dedit

XXII. Vt nullus clericorum amplius recipiat quam cuiquam 225
cummodauerit siue pecuniam det siue quamlibet speciem.

In sacramentis aliud non offeratur quam panis et uinum aquae
mixtum

XXIII. Vt in sacramentis corporis et sanguinis Domini nihil amplius 230
offerat quam ipse Dominus tradidit hoc est panis et uinum aquae
mixtum primitiae uero seu mel et lac quod uno die sollempnissimo pro
infantum mysterio solet offerri quamuis in altari offeratur suam tamen
habent propriam benedictionem ut a sacramento Dominici corporis
aut sanguinis distinguantur nec amplius de primitiis offeratur quam de 235
uuis et frumentis.

Neque epi neque prbi nec clerici ad uiduas uel uirgines soli non
accedant

*Can. XX titulus apud E, Δ, Munier; Can. XXI titulus apud E, Δ, Munier; Can.
XXII titulus apud E, Δ, Munier; Can. XXIII titulus apud E, Δ, Munier;*

XXIV. Vt clerici continentes ad uiduas uel uirgines nisi ex iussu uel
permissu episcoporum aut presbyterorum non accedant et hoc non
soli faciant sed cum clericis aut cum his cum quibus episcopus aut 240
presbyter iusserit nec ipsi episcopi aut presbyteri soli habeant accessum
ad huius modi feminas sed aut ubi clerici praesentes sunt aut graues
aliqui christiani.

Primae sedis eps princeps sacerdotum non appelletur

XXV. Vt primae sedis episcopus non appelletur princeps sacerdotum 245
aut summus sacerdos aut aliquid huiusmodi sed tantum primae sedis
episcopus.

In taberna nec manducant nec bibant clerici

XXVI. Vt clerici edendi uel bibendi causa tabernas non ingrediantur
nisi peregrinationis necessitate 250

Vt eps trans mare non proficiscatur

XXVII. Vt episcopi trans mare non proficiscantur nisi consulto primae
sedis episcopo suae cuius quae prouintiae ut ab eo praecipue possint
formatas sumere hinc etiam dirigendae litterae concilii ad trans marinos
episcopos . 255

Vt a ieiunis altaris sacramenta celebrentur

XXVIII. Sacramenta altaris non nisi a ieiunis hominibus caelebrentur
excepto die anniuersario quo cena Domini caelebratur nam si
aliquorum pro meridiano tempore defunctorum siue episcoporum siue
clericorum: siue ceterorum commendatio facienda est solis orationibus 260
fiat si illi qui faciunt iam pransi inueniuntur.

*Can. XXIV titulus apud E, Δ, Munier; Can. XXV titulus apud E, Δ, ε, Mu-
nier; Can. XXVI titulus apud E, Δ, ε Munier; Can. XXVII titulus apud E,
Δ, Munier; Can. XXVIII titulus apud E, Δ, ε, Munier.*

Vt in ecclesiis neque episcopus neque clerici conuiuentur

XXIX. Vt nulli episcopi uel clerici in ecclesia conuiuentur nisi forte transeuntes hospitio necessitate illic reficiant populi etiam ab huius modi conuiuuiis quantum potest fieri prohibeantur. 265

Vt prb inconsulto epo non reconciliet penitentem

XXX. Vt paenitentibus secundum differentiam peccatorum episcopi arbitrio paenitentiae tempora decernantur

Et ut presbyteri inconsulto episcopo non reconcilient poenitentes, nisi absentia episcopi et necessitate cogente. Cuiuscunque autem poenitentis publicum et uulgatissimum crimen est, quod uniuersa ecclesia nouerit, ante absidem manus ei imponatur. 270

Vt uirgines a grauioribus feminis commendentur

XXXI. Vt uirgines sacrae, cum parentibus a quibus custodiebantur priuatae fuerint, episcopi uel presbyteri prouidentia grauioribus feminis commendentur; ut simul habitantes inuicem se custodiant: ne passim uagando ecclesiae laedant existimationem. 275

Vt egrotantes baptizentur

XXXII. Vt aegrotantes, si pro se respondere non possint, cum uoluntatis eorum testimonium hi qui sui sunt periculo proprio dixerint, baptizentur. 280

Vt reuersis reconciliatio non negetur 285

XXXIII. Vt scenicis uel apostaticis conuersis uel reuersis ad Deum gratia uel reconciliatio non negetur.

Can. XXIX titulus apud E, Δ, ε, Munier; Can. XXX titulus apud E, Δ, ε Munier; Can. XXXI titulus apud E, Δ, Munier; Can. XXXII titulus apud Δ, Munier; Can. XXXIII titulus apud E, Δ, Munier.

Vt pbr crisma non conficiat

XXXIV. Vt presbyter non consulto episcopo uirgines non consecret
chrisma uero nunquam conficiat.

In aliena ciuitate clerici non morentur

XXXV. Vt clerici in aliena ciuitate non immorentur, nisi causas eorum
iustas episcopus loci uel presbyteri locorum peruiderint. 290

Haec scripturae canonicae qui in ecclesia leguntur praeter illud aliud
non legantur

XXXVI. Vt praeter scripturas canonicas nihil in ecclesia legatur sub
nomine diuinarum scripturarum. Sunt autem canonicae scripturae: 295
Genesis, Exodus, Leuiticus, Numeri, Deuteronomium, Iesu
Naue, Iudicum, Ruth, Regnorum libri quatuor, Paralipomenon libri
duo, Iob, Psalterium Dauidicum. Salomonis libri quinque, duodecim
libri Prophetarum, Esaias, Ieremias, Daniel, Ezechiel, Tobias, Iudith,
Hester, Hēsdrae libri duo, Machabaeorum libri duo noui autem 300
testamenti, euangeliorum libri quatuor, actus apostolorum liber unus,
Pauli apostoli epistolae tredecim, eiusdem ad Hebraeos una, Petri
duae, Ioannis tres, Iacobi una, Iudae una, Apocalypsis Ioannis. Ita ut de
confirmando isto canone transmarina ecclesia consulatur. Liceat etiam
legi passiones martyrum cum anniuersarii dies eorum celebrantur. 305

Vt Donatiste in numero laicorum recipiantur

*Can. XXXIV titulus apud Δ, ε, Munier; Can. XXXV titulus apud ε, Munier;
Can. XXXVI titulus apud ε, Munier praefert uersionem Δ Hec sunt scripturae
canonicae que et reliqua.*

XXXVII. Placuit etiam ut quoniam praecedentibus conciliis statutum est ne quis Donatistarum cum honore suo recipiatur a nobis sed in numero laicorum propter salutem quae nulli deneganda est tantum
autem inopiae clericorum ordinandorum in africa patiuntur ecclesiae
ut quaedam loca omnino deserta sint, seruetur quidem in istis quod iam antea decretum est sed exceptis his quos aut non rebaptizasse constiterit aut qui cum suis plebibus ad communionem catholicam transire uoluerint. Si enim scriptum est: Quod duobus si conuenerint christianis, quidquid petierint impetrabunt, non oportet dubitare quod remoto scandalo dissensionis uniuersae plebis in unitatem pacis redacta concordia idonea sit impetrare de misericordia Domini ut ipsius pacis compensatione et sacrificio charitatis aboleantur peccata quae, maiorum suorum auctoritatem sequentes, repetitione baptismi commiserunt. Sed hanc rem placuit non confirmari priusquam exinde transmarina ecclesia consulatur.

Vt episcopus minus quam a tribus episcopis non ordinetur

<Canones Breuiario additi>

XXXVIII. Honoratus et Vrbanus episcopi dixerunt: Et illud nobis mandatum est: ut quia proxime fratres nostri numidiae episcopi duo ordinare praesumpserunt pontificem non nisi a duodecim censeatis celebrari episcoporum ordinationes.

Can. XXXVII titulus apud E (uestigia tantum tituli), Δ, ε, Munier; Can. XXXVIII titulus apud E (uestigia tantum tituli), Δ, ε, Munier; Titulus <...>: Munier addit P. 45; canones subsequentes a concilio Carthaginensi a. 397 die 28 augusti promulgate sunt c. 49, Hispana c. 39.

Aurelius episcopus dixit: Forma antiqua seruabitur ut non minus quam tres sufficiant qui fuerint destinati ad episcopum ordinandum. Propterea 330
quia et in Tripoli forte et in Arzuge interiacerere uidentur barbarae gentes: nam in Tripoli ut asseritur quinque sunt episcopi tantummodo, et possunt forte de ipso numero uel duo necessitate aliqua occupari, difficile est enim ut de quolibet numero omnes possint occurrere: nunquid debet hoc ipsum impedimento esse ecclesiae utilitati? Nam 335
et in hac ecclesia ad quam dignata est uestra sanctitas conuenire crebro ac pene per omnem diem dominicam ordinandos habemus. Nunquid nam frequenter duodecim, uel decem, uel non multo minus aduocare possum episcopos? Sed facile est mihi duos adiungere meae paruitati uicinos. Quapropter cernit mecum charitas uestra hoc ipsum 340
obseruari non posse. Sed illud est statuendum ut quando ad eligendum episcopum conueniremus, si qua contradictio fuerit oborta quia talia tractata sunt apud nos, non praesumant ad purgandum eum qui ordinandus est, tres iam sed postulentur ad numerum supradictorum unus uel duo, et in eadem plebe cui ordinandus est, discutiantur 345
primo personae contradicentium, postremo etiam illa quae obiiciuntur pertractentur et cum purgatus fuerit sub conspectu publico, ita demum ordinetur. Si hoc cum uestrae sanctitatis animo concordat, roboretur uestrae dignationis responsione. Et ab uniuersis episcopis dictum est: Satis placet. 350

De infantibus qui incerti sunt fuisse baptizatos absque dubitatione baptizentur

XXXIX. Item placuit de infantibus, quoties certissimi testes non inueniuntur qui eos baptizatos esse sine dubitatione testentur, neque 355
ipsi sunt idonei per aetatem de traditis sibi sacramentis respondere, absque ullo scrupulo hos esse baptizandos: ne ista trepidatio eos faciat sacramentorum purgatione priuari. Hinc enim legati maurorum fratres nostri consuluerunt, quia multos tales a barbaris redimunt. 360

Et alia manu. Aurelius episcopus ecclesiae carthaginensis, his placitis, a nobis omnibus confirmatis, exceptis emancipationibus, de quibus consulendum censuimus relectis et agnitis subscripsi. <Ninus eps> Mizonius episcopus, placitis superius comprehensis, emancipatione ad tractatum meliorem dilata, subnotaui, 365

Can. XXXVIII titulus apud E (uestigia tantum tituli) A, Munier; 364 <Ninus eps> error. apud A.

Primae sedis episcopus prouinciae bizacenaе.

Victorianus episcopus plebis massilianensis subscripsi.

Lupianus episcopus plebis tambitanae subscripsi. Ninus episcopus
plebis Iubaltianensis subscripsi.

Philologius episcopus plebis Adrumetinae subscripsi. 370

Ferox episcopus plebis Macrianensis subscripsi.

Hoc modo et omnes subscripserunt qui huic concilio interfuerunt.

Expliciunt canones Carthaginenses

366 Primae sedis episcopus prouinciae bizacenaе *hoc fragmentum titulus est
subscriptionum apud A; 374* Expliciunt canones Carthaginenses **e.**

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЛИТЕРАТУРА

1. *Акопян В.* Армянская книга канонов. Т. I. Ереван, 1964.
2. *Арранц М. А.А.* Дмитриевский: тз рукописного наследия / Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 120–134.
3. *Афанасьев Николай, прот.* Апостол Петр и римский епископ // Православная мысль, вып. 10, 1955.
4. *Афанасьев Николай, прот.* Границы Церкви // Православная мысль. Вып. 7. 1949.
5. *Афанасьев Н.Н.* Две идеи Вселенской церкви // Путь 45 (1934).
6. *Афанасьев Н.Н.* Неизменное и временное в церковных канонах // Живое Предание. Париж, 1937.
7. *Афанасьев Николай, прот.* Церковь Духа Святого. Париж, 1974.
8. *Бенешевич В.Н.* Канонический сборник XIV титулов. СПб., 1903.
9. *Бердяев Н.* Проблема Востока и Запада в религиозном сознании Вл. Соловьева (и далее об историческом и богословском значении различий католической и православной мистики) // <http://www.magister.msk.ru>
10. *Болотов В. В.* Лекции по истории Древней Церкви. М., 1994. Т. I.
11. *Боровой Виталий, прот.* Collectio Avellana как исторический источник (к истории взаимоотношений Востока и Запада в конце V и начале VI вв.) // Богословские труды. Вып. 1. М., 1960. С. 111–139.
12. *Буассье Г* Падение язычества. Исследование последней религиозной борьбы на западе в IV веке. Книги I–III. Т. V. Собрания сочинений. СПб., 1998.
13. *Васильев А. А.* История Византийской Империи. Т. I. Время до Крестовых походов. СПб., 1998.
14. *Герд А.А.* Фотоархив В.Н.Бенешевича / Архивы русских византинистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 381–389.
15. *Герд А.А.* Константинополь и Петербург: церковная политика России на православном Востоке (1878–1898). М., 2006.
16. *Карташев А.В.* Вселенские соборы. СПб., 1998.
17. *Карташев А. В.* Вселенские соборы и соборность // Церковь, История, Россия. Сб. М.
18. *Карташев А.В.* Воссоздание святой Руси. Париж, 1956.
19. *Карташев А.В.* Соединение церквей в свете истории / Церковь, история, Россия. М., 1996. С. 271–302.

20. *Козлов Максим, прот.* О папском примате и папской непогрешимости // Православная беседа. № 3. 1994.
21. Кормчая книга сиречь Номоканон. М., 1650.
22. *Красножен М.* Толкователи канонического кодекса восточной церкви: Аристин, Зонара и Вальсамон. М., 1892.
23. *Курбатов Г. А.* Городские курии и сословия куриалов в ранней Византии (IV–VI вв.). Автореф. ... канд. ист. наук. Л., 1956.
24. *Курбатов Г. А.* История Византии. М., 1984.
25. *Курбатов Г. А., Лебедева Г. Е.* Некоторые вопросы истории византийской Церкви в освещении современной историографии // Феномены истории. Сб. к 70-летию В.А. Керова. М., 1996.
26. *Лебедева Г. Е.* Русская церковная византистика конца XIX — начала XX в. как историографическое явление // <http://www.mitropolia-spb.ru/rus/conf/bolotov2000/dokladi/lebedeva.html>.
27. *Лебедева Г. Е.* Социальная структура ранневизантийского общества по данным кодексов Феодосия и Юстиниана. Л., 1980.
28. *Лебедева Г. Е., Якубский В. А.* Cathedra Medii Aevi. Материалы к истории ленинградской медиевистики. СПб., 2007.
29. *Левченко М. В.* История Византии. М.; Л., 1940.
30. *Левченко М. В.* Церковные имущества V–VII вв. в Восточно-Римской империи // ВВ. Т. II (XVII). М.; Л., 1949.
31. *Лосев А. Ф.* Платон. М., 1993.
32. *Медведев И. П.* В.Н. Бенешевич: судьба ученого, судьба архива / Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995. С. 339–381.
33. *Медведев И. П.* Некоторые размышления о судьбах русского византиноведения // Исторические записки. 3 (121). М., 2000.
34. *Мейендорф Иоанн, протопресв.* История церкви и восточно-христианская мистика. М., 2000.
35. *Митрофанов А. Ю.* История церковных соборов в Италии (IV–V вв.). М., 2006.
36. *Мусин Александр, диак.* Блаженны алчущие // <http://www.krotov.info/spravki/persons/21person/musin.html>.
37. *Мусин Александр, диак.* Церковь, Общество, Власть. Опыт патрологического исследования. СПб.; Петрозаводск, 1997.
38. *Найденова Л. П.* Тема церковного суда в канонической учебной литературе конца XIX — начала XX века // Исторический вестник. Вып. 1 (16). 2002.
39. *Нарбеков В. А.* Номоканон константинопольского патриарха Фотия с толкованием Вальсамона I–II. Казань, 1899.

40. *Никодим (Милаш), епископ.* Правила Православной церкви с толкованиями. СПб., 1911. Т. I, II.
41. *Петр (А'юилье), архиеп.* Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005.
42. *Попов И.В.* Личность и учение блаженного Августина / Труды по патрологии. Сергиев Посад, 2005.
43. *Соловьев В.С.* Народная беда и общественная помощь. — Цит. по: *Трубецкой Е.Н.* Мирозозерцание Владимира Соловьева. М., 1913. Т. II.
44. *Соколов Пл.* Церковно-имущественное право в Греко-Римской Империи. Новгород, 1896.
45. *Солодовников В.В.* Ранние соборы. Мерovingская Галлия VI–VIII вв. М., 2004.
46. *Тахо-Годи А.А.* Аристотель. М., 1993
47. *Томсинов В.А.* Николай Семенович Суворов: Биографический очерк // http://www.krotov.info/history/19/1890_10_2/1848_suvorov.htm
48. *Трубецкой Е.Н.* Мирозозерцание Владимира Соловьева. М., 1913. Т. II.
49. *Трубецкой Е.Н.* Религиозно-общественный идеал западного Христианства. СПб., 2004.
50. *Трубецкой С.Н.* Учение о Логосе в его истории / Сочинения. М., 1994.
51. *Удальцова З.В.* Идеино политическая борьба в Ранней Византии. М., 1974.
52. *Флоровский Георгий, прот.* Восточные отцы IV века. Париж, 1990.
53. *Флоровский Георгий, прот.* Пути русского богословия. Париж, 1988.
54. *Флоровский Георгий, прот.* Соборность Церкви // Вера и Культура. Избранные труды по богословию и философии. Сб. СПб., 2002.
55. *Хоментовская А.И.* Лоренцо Валла — великий итальянский гуманист. Л., 1964.
56. *Шмеман Александр, протопресв.* Исторический путь Православия. Киев, 2003.
57. Anselmi Episcopi Licensis Collect: o canomem unoe cum collectione minore / Fr. Thaner. Onipoente, 1906/1915 (=Aalen, 1965).
58. *Afannasieff N.* L'Eucharistie, principal lien entre les catholique et les Orthodoxes, dans Irenikon. 1965. n 3.
59. *Babut E.* Le Concile de Turin. Paris, 1904.
60. *Babut E.* Priscillien et le priscillianisme. Paris, 1909.
61. *Ballerini G., Ballerini P.* Disquisitiones criticae. Venetiae, 1756–1758. Т. I–III (Переизданы также PL 54–56).

62. *Baluze E.*, L'histoire généalogique de la maison d'Auvergne. Paris, 1708.
63. *Baluzii S.* Nova Collectio Conciliorum sev supplementum ad collectionem Labbei. Parisiis. 1707.
64. *Basdevant-Gaudemet B.* Eglise et Autorités, Etudes d'histoire de droit canonique medieval. Limoges, 2006.
65. *Batiffol P.*, *Cathedra Petri.* Études d'Histoire ancienne de l'Église. Paris, 1938.
66. *Beveregii G.* Συνοδικον sive Pandectae canonum ss. Apostolorum et Conciliorum ab ecclesia graeca receptorum, nec non canonicarum ss. Patrum epistolarum. Oxonii, 1672. T. I, II.
67. *Binii S.* Concilia Generalia et Provincialia, Coloniae Agrippinae. 1606. T. I, II, III.
68. *Brehier L.* Constantin et la fondation de Constantinople // Extrait de la Revue historique. T. 119. Paris, 1915.
69. *Bruno Th.* Canones apostolorum et conciliorum saeculorum IV–VII. Berolini, 1839. T. I, II.
70. *Buenacasa Perez C.* La propiedad ecclesiastica segun el «Codex Theodosianus» // La Hispania de Teodosio (Congreso Internacional Segovia loca. Oct. 1995). Madrid, 1997.
71. *Cabassutii I.* Notitia conciliorum sanctae ecclesiae, in qua elucidantur exactissime tum sacri canones, tum veteres novique ecclesiae ritus, tum praecipue partes ecclesiasticae historiae. Lugduni, 1667.
72. *Cimma M.* L'episcopalis audientia nelle costituzioni imperiali da Costantino a Giustiniano. Torino, 1989.
73. *Clauis partum graecorum* / Ed. M. Geerard (CCh s.l.). Vol. IV. Turnholti, 1980. P. 2–4.
74. *Crabbe P.* Concilia Omnia, tam Generalia, quam Particularia, Coloniae Agrippinae. 1538–1551. T. I, II, III.
75. *Concilia Generalia ecclesiae catholicae Pauli V P.M.* Romae, 1628.
76. *Corpus Iuris canonici a S.P. V Sixto promulgatum.* Romae, 1590. T. I, II.
77. *Corpus Iuris canonici a H. Bohemerio editum.* Berolini, 1746. T. I, II.
78. *Corpus Iuris canonici a E. Friedberg editum.* Lipsiae, 1879–1882. T. I, II (=Graz, 1955).
79. *Corpus iuris civilis a D. Gothogredo editum.* Francofurti ad Moenum, 1583.
80. *Dell'Asta A.* Una memoria sequestrata. La censura della persona e della societa civile // La Nuova Europa. Atti del convegno stato, societa e persona: La Russia e l'Europa di fronte alle svolte epocali del XX e XXI secolo. Seriate 25–26 ottobre 2008. P. 7–16.

81. *Denzinger H* Enchiridion symbolorum, Fribourgi Bregoviae. 1932. P. 391–398.
82. *Destephen S.* Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: III Prosopographie de Dioceses d'Asie. Paris, 2008.
83. *Dobias-Rozdestvenskaya O.* Les Anciens manuscrits latins de la Bibliothèque publique de Leningrad. V–VII siècles. Leningrad, 1929.
84. *Duchesne L.* Le Liber Pontificalis. Paris, 1886. T. I, II.
85. *Duchesne L.* Histoire ancienne de l'Église. T. II. Paris, 1908.
86. *Dvornik F.* Early Christian and Byzantine political philosophy. Origins and background. Washington, 1966. Vol. II.
87. *Dvornik F.* The see of Constantinople in the first Latin collection of canon law // Сборник радова Византологшког Института 8, 1. Белград, 1963. С. 97–101.
88. Empire Chrétien et Église aux IV-e et V-e siècle, Intégration ou «concordat»? Le témoignage du Code Théodosien. Textes rassemblés et éditées par I.-N. Guinot et F. Richard. Paris, 2008.
89. *Erde P.* Introductio in historiam scientiae canonicae, Praenotanda ad Codicem. Roma, 1990.
90. *Erde P.* Storia della scienza del diritto canonico, Una introduzione. Roma, 1999.
91. *Expositiones systematicae iuris canonici hoc tempore deficere vedentur. Erdo P.* Introductio in historiam scientiae canonicae. Praenotanda ad Codicem. Roma, 1990.
92. *Fournier P., Le Bras G.,* Histoire des collections canoniques en Occident depuis les Fausses Décrétales iusqu'au Décret de Gratien. Vol. I, II. Paris, 1931.
93. *Gaudemet I.* Les Canones des conciles merovingiens. SCh Paris, 1989.
94. *Gaudemet I.* Conciles galois du IV siècle, SCh 241. Paris, 1977.
95. *Gaudemet I.* Église et cité, Histoire du droit canonique. Paris, 1994.
96. *Gaudemet I.* Les sources du droit de l'Église en Occident du II-e au VII-e siècle. Paris, 1985.
97. *Gelzer H., Hilgenfeld H., Guntz O.* Patrum Nicaenorum nomina latine, graece, coptice, syriace, arabice, armeniace. Stutgardiae; Lipsiae, 1995.
98. *Gothofredi D.* Authenticae sev Novellae Constitutiones... Francofurti ad Moenum, 1583.
99. *Gothofredi I.* Codex Theodosianus. Francofurti ad Moenum, 1607.
100. *Gryson R.* Scolie arienne sur le concile d'Aquilée. SCh 267. 1980.

101. *Günther O.* Epistolae Imperatorum, Pontificum et aliorum... Auellana quae dicitur collectio / Corpus scriptorum ecclesiasticorum latinorum 35. Vindobonae, 1895–1898. T. I, II; *Silva Tarouca K.* Collectio Thessalonicensis ad fidem Cod. Vat. Lat. 5751, Testi e documenti, Universita Gregoriana I, 23. Roma, 1937.
102. *Güenther O.* Epistulae imperatorum pontificum aliorum inde ab A. CCCLXVII usque ad A. DLIII datae. Auellana quae dicitur collection, CSEL Vol. 35. Vindobonae, 1895. T. I, II.
103. *Harduinii I.* Acta conciliorum et epistolae decretales. Parisii, 1715. T. I–XV.
104. *Hefele K.* Konziliengeschichte. Freiburg, 1855.
105. *Hefele K., Leclercque H.* Histoire des conciles d'après les documents originaux. Paris, 1907–11.
106. *Hemmer H.* Les Pères Apostoliques. T. II. S. Clemens de Rome. Paris, 1909.
107. *Herenei* Lugdunensis Contra Haereseos III.
108. *Claude D.* Die Byzantinische Stadt // BA. 13. München, 1969.
109. *Iaffé Ph.* Regesta pontificum romanorum ad annum 1198. Berolini, 1851.
110. *Ioannou PP* Discipline générale antique (IV–IX s.) / Fonti fasc. IX. (Pontificia commissione per la redazione del codice di diritto canonico orientale). T. 1, 2. Les canons des Synodes Particuliers. Roma, 1962.
111. *Iugie M.* Theologia dogmatica christianorum Orientalium ab Ecclesia Catholica dissidentium. Parisiis, 1930. T. III.
112. *Koch H.* Gelasius im Kirchenpolitischen Dienst seiner Vorgänger Simplicius und Felix III, München, 1935, passim.
113. *Lancel S.* Les Actes de la conférence de Carthage en 411. Texte et traduction de la capitulation générale et des actes de la 1 séance, SCh 194. 1972.
114. *Lelong A.* Les Pères Apostoliques. T. III. S. Ignace d'Antioche. Paris, 1927.
115. *Lizzi Testa R.* Privilegi economici e definizione di status: il caso del vescovo tardoantico // Rendiconti della academia nazionale dei Lincei, classe di scienze morali, storiche e filologiche. S. IX. Vol. XI. Fasc. I. Roma, 2000.
116. *Lizzi Testa R.* Vescovi e strutture ecclesiastiche nella città tardoantica (l'Italia annoraria nel IV–V secolo d. C.). Como New Press, 1989.
117. *Labbei Ph., Cossartii G.* Sacrosancta Concilia ad Regiam Editionem Exacta Lutetiae Parisiorum. 1661–1672. T. I–XI.
118. *Labbei Ph.* Galliae Synodorum conciliorumque brevis et accurate historia. Parisiis, 1661.

119. *Leunclavii I.* Iuris graeco-romani tam canonici quam civilis collectio. Francofurti ad Moenum, 1596. T. I, II.
120. *Lorca B., Garcia Villosada R., Montalban F.I.*, Historia de la Iglesia Catolica. Madrid, 1964. T. I. P. 310.
121. *Lupi Ch.* Synodorum generalium ac provincialium decreta et canones, scholiis, notis ac historica actorum dissertazione illustrate. Lovanii, 1665.
122. *Maasen Fr.* Geschichte der Quellen und der Literatur des canonischen Rechts im Abenlande bis zum Ausgang des Mittelalters. T. I. Graz, 1870.
123. *Magnou-Nortier E.* Le Code Théodosien et sa réception au Moyen Age. Introduction, notes et index // SC 2. Paris, 2002.
124. *Mandouze A.* Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire I: Prosopographie de l'Afrique Chrétienne (303–533). Paris, 1982.
125. *Mansi I. D.* Sacrorum Conciliorum nova et amplissima collectio. Florentiae, 1759–1798. T. I–XXXI.
126. *Martinez Diez G., Rodriguez F.* La Coleccion canonica Hispana. T. I–VI. Madrid, 1966–2002.
127. *Merlini I.* IV Conciliorum Generalium, XLIV Conciliorum Provincialium authenticorum. Coloniae Agrippinae, 1530.
128. *Migne I.P.* Patrologiae cursus completus series Latina. Parisiis, 1844–1856. Vol. 220.
129. *Migne I.P.* Patrologiae cursus completus series graeca. Parisiis, 1857–1866. Vol. 161.
130. *Mommsen Th.* Cassiodori Senatoris Variarum. MGH. T. XII. 1894.
131. *Mommsen Th., Meyer P.M.* Codicis Theodosiani libri XVI cum constitutionibus sirmondianis. Berolini, 1905.
132. *Mommsen Th., Krueger P.* Corpus Iuris civilis. Berolini, 1928.
133. *Mordek H.* Kirchenrecht und Reform in Frankreich. Die Collectio «Vetus Gallica», die älteste systematische Kanonensammlung des frankischen Galliens. Berlin, 1975.
134. *Munier Ch.* Concilia Africae, 345–525, Corpus Christianorum series Latina, 159. Turnholti, 1974.
135. *Munier Ch.* Concilia Galliae, 314–506; Corpus Christianorum series Latina, 148. Turnholti, 1963.
136. *Muratorii L.* Rerum Italicarum Scriptores, Modenae, 1723–1738, Eiusd. Antiquitates Italicae Medii Aevi, Modenae, 1738–1743, et Eiusd. Novum Thesaurum Veterum Inscriptionum, Modenae, 1738–1743.
137. *Ortega y Gasset I.* La rebelion de las masas.
138. *Peitz P. W.M.* Dionysius Exiguus als Kanonist / Schweizer Rundschau, 45 (1945/46). Berlin, 1960. P. 18.

139. *Petri De Marca De Concordia sacerdotii et imperii*. Parisiis, 1642.
140. *Petri De Marca*. De Constantinopolitani Patriarchatus institutione dissertatio sev exercitatio ad clarissimum Calviniani ritus virum scripta. Amstelotami, 1669.
141. *Phillips G*. Du droit ecclésiastique dans ses principes généraux. Paris, 1855. T. II.
142. *Pietri Ch., Pietri L*. Prosopographie Chrétienne du Bas-Empire: II Prosopographie de l'Italie Chrétienne (313–604). Paris, 2000. T. I, II.
143. *Pietri Ch*. *Roma Christiana*. Recherches sur l'Eglise de Rome, son organisation, sa politique, son idéologie de Miltiade à Sixte III (311–440). Roma, 1976. T. II.
144. *Pitra I.B*. *Iuris ecclesiastici graecorum historia et monumenta*. Romae, 1864. T. I; 1868. T. II.
145. *Quesnelli P* *Sancti Leonis Magni Opera Omnia*. Lutetiae Parisiorum, 1675. T. I, II.
146. *Rambaud-Bubot I*. Note sur la collection canonique de Bigot (Bibl. Nat. lat. 2796) // *Revue Moyen Age*, 1946. II.
147. *Rabner H*. L'Eglise et l'Etat dans le christianisme primitif. Paris, 1964.
148. *Rodriguez F*. *Concilio I. de Zaragoza, Texto critico / I Concilio Caesaraugustano*. Zaragoza, 1980.
149. *Sacrorum Conciliorum Editio Regia*. Lutetiae Parisiorum. 1640–1650.
150. *Schwartz E*. *Die Kanonensammlungen der alten Reichskirche // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte, kanonistische Abteilung*, 1936.
151. *Seek O*. *Symmachi Pontificis Maximi Epistolae MGH*. T. VI. 1883.
152. *Schwartz E., cont. Straub E*. *Acta Conciliorum Oecumenicorum*. T. I. Concilium universale Ephesenum. T. II. Berlin; Leipzig, 1925–1926.
153. *Silva Tarouca K*. *Collectio Thessalonicensis ad fidem Cod. Vat. Lat. 5751, Testi e documenti, Universita Gregoriana I, 23*. Roma, 1937.
154. *Stickler A*. *Historia iuris canonici latini, I. Historia fontium, Augustae Taurinorum*, 1950.
155. *Solovieff V*. *La Russie et l'Eglise Universelle*. Bruxelles, 1992.
156. *Staerk A*. *Les manuscrits du V au XIII siècle conservés a la Bibliothèque Imperiale de Saint-Petersbourg. Description, texts inédits, reproductions autotypiques*. Saint-Petersbourg, 1910. T. I.
157. *Surii L*. *Conciliorum Generalium et Provincialium Tomi I, II*. Coloniae Agrippinae, 1565.
158. *Sirmondi I*. *Concilia antiqua Galliae*. Parisiis, 1627.
159. *Turner C.H*. *Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima*. Oxonii, 1899. T. I, 2.

160. *Ullmann W.* Gelasius I (492–496). Das Papsttum an der Wende der Spätantike zum Mittelalter / Päpste und Papsttum 18. Stuttgart, 1981.
161. *Ullmann W.* The Growth of Papal Government in the Middle Ages. London, 1955.
162. *Vives I., Marin T., Martinez Diez G.* Concilios visigoticos e hispanoromanos. Barcelona; Madrid, 1969.
163. *Voelli H., Iustelli Ch.* Bibliotheca iuris canonici veteris. Lutetiae Parisiorum, 1661. T. I.
164. *Wasserschleben F.W.H.* Die Bussordnungen der abenlandischen Kirche. Halle, 1851 (= Graz, 1958).
165. *Zaharie von Lingental K.E.* Innere Geschichte des griechisch-römischen Rechts. Leipzig, 1856.
166. *Zelzer M.* Sancti Ambrosii Opera / CSEL 82. Vindobonae, 1990. T. III. Epistolarum libri X. P. 3–10.

RÉSUMÉ

La présente monographie d'A. Mitrofanoff est consacrée à l'histoire et à la codification du droit de l'Église durant le haut Moyen Age. Les collections canoniques ont été considérées par l'auteur d'après les documents originaux. Comme l'ont montré Jean Gaudemet et Gerard Fransen, l'histoire des textes canoniques reflète le processus du développement institutionnel de l'Église chrétienne. Il appert que la tradition des collections canoniques exprime une évolution de la doctrine ecclésiastique au niveau de la vie quotidienne. Dans une certaine mesure, le droit romain influençait les institutions chrétiennes puisqu'il était le droit de ses fidèles.

En introduction, il est question de la problématique de l'histoire du droit de l'Église. L'auteur explique sa méthodologie et présente le corpus des sources. Le premier chapitre a pour objet les collections canoniques qui ont été créées durant la basse Antiquité et le haut Moyen Age. L'auteur ne mentionne que les collections composées avant le IXe siècle. On peut mentionner la Syntagme d'Antioche, le code *Vetus Romanus*, le bréviaire d'Hippone, les rédactions des traductions latines des *canones* grecs ainsi que la *Collectio Quesnelliana*. Suit une présentation de la tradition historiographique de l'histoire du droit canonique depuis Nicolas de Cues jusqu'à nos jours. Dans le troisième chapitre, l'auteur considère une évolution de la doctrine du pouvoir pontifical aux IVe-Ve siècles d'après les sources canoniques et juridiques qui ont été produites à l'époque, en reprenant le point de vue de Brigitte Badevant-Gaudemet. Au chapitre suivant, l'auteur fait une analyse de la réforme canonique du Pape Gélase et de sa théorie de l'autorité suprême du Siège apostolique contre le patriarche Acacius de Constantinople. Le cinquième chapitre est une présentation de la tradition manuscrite et de la diffusion de la *Collectio Quesnelliana*. L'auteur a eu la possibilité de mener des recherches sur les manuscrits

fondamentaux, parmi lesquels les codes d'Arras 644, d'Einsiedeln 191, de Paris 3848 A, de Paris 1454 ainsi que d'autres copies d'origine franque. Le sixième chapitre aborde la position de l'Église dans les structures de la société romaine à la fin de l'Antiquité. S'ensuit une évolution du droit canonique en Occident à partir de la Collection Hispana jusqu'à la naissance des premiers Décrets. Parmi ces Décrets, il faut mentionner le Recueil de Burchard de Worms et la Collection d'Anselme de Lucques. Dans le dernier chapitre, l'auteur compare les Décrets susdits avec le *Nomokanon* byzantin en quatorze titres, code principal du droit de l'Église de Constantinople. Une présentation des résultats des recherches dans le contexte de l'histoire du Grand Schisme 1054 vient conclure l'ouvrage. On trouve en annexe une édition critique du code *Vetus Romanus* et du bréviaire d'Hippone d'après la tradition manuscrite reconstituée de la version de la *Collectio Quesnelliana*, prenant en compte les recherches de Pierre et Jerome Ballerini et Cutbert Turner.

УКАЗАТЕЛЬ РУССКИХ ИМЕН

- Абгарь, царь Эдесский, 166
Августин А., 281
Августин, блаженный, епископ Гиппонский, 31, 35, 143, 156, 170, 172, 299, 319, 327, 328
Авксентий, епископ Медиоланский, 73, 192
Аврелий, епископ Карфагенский, 44, 59, 80, 173, 174, 315
Адриан, Римский папа, 227, 269, 326
Акакий, патриарх Константинопольский, 55, 75, 205, 208, 246, 262
Акопян В., 68, 212
Аларих, король вестготов, 17, 64, 69, 172, 280
Александр II, император Всероссийский, 127, 142, 155
Александр III (Орландо Бандинелли), Римский папа, 302
Александр (Семенов Тянь-Шанский), епископ Зилонский, 10
Алексий Комнин, Византийский император, 91
Аливизатос Г., 112
Алкуин, 37
Алмазов А.И., 136
Альбов М.П., 131
Амаларик, король вестготов, 83
Амвросий, святитель, епископ Медиоланский, 72, 73, 80, 170, 171, 176, 178, 181, 207, 234, 241, 244, 256, 260, 261, 264, 299, 316, 319
Аммиан Марцеллин, 254
Анастасий Библиотекарь, аббат, 46, 287, 299
Анастасий I, Византийский император, 27, 197, 205, 239, 261, 262, 322, 325, 328
Анастасий I, Римский папа, 56, 74
Анастасия, великомученица, 56
Андреа ди Милано, канонист, 85
Аннулий, префект Африки, 25
Ансельм, епископ Луканский, 12, 18, 38, 40, 41, 126, 240, 274, 279, 280, 281, 282, 283, 284, 285, 286, 287, 288, 289, 290, 291, 292, 293, 294, 295, 296, 297, 298, 299, 300, 301, 302, 311, 313, 314, 315, 316, 322, 323, 326, 330
Антоний (Храповицкий), митрополит Киевский и Галицкий, 6, 127, 170
Апиарий, 115, 174
Арий, 16, 205, 206
Аристакеc, архиепископ, 68
Аристин (Алексей), канонист, 94, 150, 310, 329
Аристотель, философ, 30, 35
Аркадий, Византийский император, 193, 327
Арменопул (Константин), канонист, 92, 311, 330
Арранц М., пресвитер SJ, 152
Асбурнхам, 290
Асканий, епископ Тарраконский, 63, 179
Аттик, архиепископ Константинопольский, 113, 186, 188, 216, 221
Афанасий Великий, святитель, архиепископ Александрийский, 70, 73, 76, 77, 183, 189, 213, 215, 245

- Афанасьев Николай, протопресвитер, 122, 128, 144, 145, 146, 160, 170, 176, 201
- Ахматова А. А., 157, 158
- Бабют Э. 115, 177
- Бавон святой, 233, 241
- Бадеван-Годме Б., 120, 121, 165, 166, 170, 172, 173, 174, 223, 233
- Баллерини Джироламо, 102, 107, 192, 222, 224, 230, 231, 233, 235, 237
- Баллерини Пьетро, 102, 107, 192, 222, 224, 230, 231, 233, 235, 237
- Балюз Э., 97, 98, 102, 105
- Барберини, 47, 291
- Бароний Ц., кардинал S.R.E., 90, 162
- Баттифоль П., аббат, 163
- Бевередж Г., 95, 108, 151, 192
- Бедуэль Г., 28
- Беллармин Р., кардинал S.R.E., 184
- Бенедикт, диакон, 299
- Бенедикт XIV (Просперо Лоренцо Ламбертини), Римский епископ, 102, 235
- Бенешевич А.Ф., 139
- Бенешевич В.Н., 35, 46, 48, 49, 119, 137, 138, 139, 144, 196, 305, 306, 309, 310, 313
- Бердников И.С., 135
- Бердяев Н., 116, 202
- Бернольда Констанцкий, 228
- Биний С., 90
- Блондель Д., 275
- Блок А. А., 157
- Бобринской Борис, протопресвитер, 164
- Болотов В.В., 87, 136, 137, 146, 163
- Бонифоне Сутрийский, 283
- Бонифаций, епископ Карфагенский, 59
- Бонифаций I, Римский папа, 74, 177, 193, 215
- Бонифаций II, Римский папа, 57
- Бонифаций VIII (Бенедетто Каэтани), Римский папа, 85, 89, 135, 330
- Бонос, епископ Наисский, 74, 171, 245
- Боровой Виталий, протопресвитер, 150
- Борщ И. 5, 9.
- Бохемер Г., 89
- Брюнс Т., 105, 112
- Буассье Г., 251, 256
- Буенекасперес К., 30.
- Булгаков Сергей, протоиерей, 144, 157
- Бурхард, епископ Вормсский, 240, 274, 277, 278, 285, 287, 288, 295, 296, 299, 300, 301, 313, 314, 315, 316, 330
- Вайнштейн О.А., 147
- Вала, аббат, 270
- Валентиниан I, Римский император, 27, 259
- Валентиниан III, Римский император, 215, 262
- Валент, епископ Сирмийский, 73
- Валент, Римский император, 16, 181, 190, 259
- Валериан, митрополит Ликаонийский, 45
- Вальсамон (Феодор), канонист, патриарх Антиохийский, 48, 70, 85, 94, 126, 150, 170, 191, 310, 311, 313, 329
- Ван дер Слеетен Й., 54, 220, 221
- Ван Эспен Ц.Б., аббат, 99
- Василий Великий, святитель, епископ Кесарии Каппадокийской, 6, 7, 47, 183, 184, 299, 304, 328
- Василий, патриций, 245
- Василиск, Византийский император, 205

- Васильев А.А., 18, 28, 143, 250, 251, 256
Васильевский В.Г., 135, 154
Ведаст святой, 223, 227, 240
Вер, епископ Вьеннский, 175
Виктриций, епископ Руанский, 215
Вильям (Виальгельм) Малсберийский, 233, 234, 241
Виноградов П.Г., 155
Виоланте Ч., 282, 283, 284
Власий, святой, 53, 62, 266
Властарь (Матфей), канонист, 151
Вольф Х., 99
Врангель П.Н., генерал-лейтенант, 145
Гаар А., 222
Гай, юрист, 70
Галерий, Римский император, 13, 15
Галлагер К., 313
Гамилътон Л., 282
Ганс, святой, 103
Гардуэн Ж., пресвитер SJ, 96, 102, 105, 173
Гарнак А. фон, 163
Гарриг Х.М., пресвитер SJ, 184
Гауденций, епископ, 189
Гауденций, епископ Новарский, 255
Геерард М., 211
Герд Л.А., 149, 153
Геласий, Римский папа, 27, 31, 32, 36, 38, 39, 41, 51, 54, 55, 56, 75, 76, 161, 177, 179, 180, 190, 196, 197, 198, 203, 204, 205, 206, 207, 208, 209, 214, 216, 217, 219, 222, 223, 224, 225, 238, 239, 243, 247, 249, 262, 263, 265, 266, 288, 298, 321, 322, 324, 325, 328, 329
Гельцер Х., 121
Геннадий, епископ Массилийский, 60
Генрих II, император Священно-Римской империи, 283
Генрих IV, император Священно-Римской империи, 85, 279, 283
Гентер О., 111
Герье В.И., 155
Гефеле, К., епископ Роттенбургский, 108, 163, 188, 192, 211
Гидулянов П.В., 130, 133, 134
Гино Ж.Н. 22
Гиппиус З.П., 139, 157
Глебова-Судейкина О.А., 158
Гоар, 143
Годме Ж. 36, 45, 53, 78, 83, 117, 118, 119, 120, 121, 223, 230, 232, 242, 248, 255
Гонорий, Римский император, 74, 261
Гонсалес Т., 308
Гонсалес Ф.А., 105, 107
Гормизд, Римский папа, 55, 56, 63, 65, 75
Горчаков М.И., 130, 155
Готофред Дени, 91, 109
Готофред Жак, 91, 109
Гош, генерал, 103
Грановский Т.Н., 135, 154, 155
Грациан, канонист, 70, 85, 190, 280, 290, 302, 311, 313, 316, 330
Грациан, Римский император, 181, 182, 259, 294
Гревс И.М., 141
Григорий Богослов (Назианзин), святитель, архиепископ Константинопольский, 6, 67, 184, 254, 328
Григорий I Великий (Двоеслов), святитель, Римский папа, 33, 61, 66, 75, 76, 207, 268, 272, 298, 309, 319, 329
Григорий II Младший, Римский папа, 75
Григорий VII (Гильдебрант), Римский папа, 40, 85, 279, 283, 286, 291, 295
Григорий IX (Уголино ди Конти), Римский папа, 89, 151, 302, 330
Григорий XIII (Уго Бонкомпаньи), Римский папа, 88

- Григорий, канонист, пресвитер Римский, 274, 277, 315, 316, 330
- Гризон Р., 117, 119
- Гуйяр Ж., пресвитер SJ, 184
- Гумилев Н.С., 157
- Густав II Адольф, король Швеции, 95
- Гутнова Е.В., 147
- Гюнтц О., 237
- Дагрон Ж. 18, 120, 121
- Дамас, Римский папа, 16, 51, 55, 56, 66, 72, 73, 74, 76, 79, 114, 176, 178, 180, 181, 182, 183, 184, 188, 190, 192, 206, 208, 211, 216, 217, 220, 238, 242, 264, 268, 316, 324
- Дворник Ф., 244
- Де Джованни Л., 256
- Деккер Е., 222
- Децентий, епископ, Губианский, 215
- Дештефен С., 120, 121
- Диаль Ш., 18
- Димитрий Хоматиан, архиепископ Охридский, 126, 170, 311, 329
- Диоклетиан, Римский император, 7
- Дионисий, архиепископ Александрийский, 69, 169
- Дионисий, епископ Медиоланский, 245
- Дионисий Малый, пресвитер Римский, 32, 43, 46, 51, 54, 55, 56, 57, 58, 59, 61, 62, 65, 94, 113, 207, 219, 221, 222, 230, 239, 266, 268, 269, 272, 274, 287, 288, 289, 303, 310, 325, 326
- Диоскор, архиепископ Александрийский, 77, 166, 194, 205
- Дмитриевский А.А., 143
- Добиап-Рождественская О.А., 146
- Довере Е., 26
- Дубровский П., 103
- Дюмурье, генерал, 103
- Дюшен Л., аббат, 111, 113, 163, 222, 224, 256
- Евагрий Схоластик, 84, 194
- Евгений IV (Габриеле Кондуальмер), Римский папа, 194
- Евлалий, антипапа, 74
- Евсевий, святитель, епископ Верцелльский, 245, 255
- Евсевий, епископ Медиоланский, 179
- Евсевий Памфил, епископ Кесарийский, 84, 184, 299, 328
- Евтихий, архимандрит Константинопольский, 77, 205, 206, 207, 215, 216
- Екатерина Сиенская, преподобная, 290
- Епиктет, епископ, 215
- Епифаний, патриарх Константинопольский, 29,
- Ерде П., кардинал S.R.E., 122, 152
- Ермининггеля, мученик, принц вестготов, 33
- Жильсон Э., 116
- Жюжи М., аббат, 127
- Жюстель Анри, 94, 107, 119, 151
- Жюстель Христофор, 51, 58, 94, 107, 108, 151, 312
- Зеек О., 111
- Зенон (Зинон), Византийский император, 17, 246, 261, 262
- Зонар (Иоанн), канонист, 150, 310, 329
- Зосим, Римский папа, 56, 63, 172, 174, 215, 265
- Иаков Алфеев, апостол, 94, 216
- Ивон, епископ Шартрский, 300, 301, 302, 311, 313, 316, 330
- Игнатий, священномученик, епископ Антиохийский, 84, 164, 168, 180, 182, 203
- Идаций Аквафлавийский, 84, 176
- Иероним Стридонский, блаженный, 206, 217, 275, 299
- Иесия, епископ Амьенский, 270

- Иисус Христос, 6, 24, 30, 31, 117, 160, 161, 163, 165, 166, 169, 178, 179, 181, 190, 193, 198, 201, 202, 217, 296, 297, 302, 315
- Икономидис, 151
- Иларий, святитель, епископ Пиктавийский, 81, 176
- Иларий, Римский папа, 63, 75, 76, 177, 179, 298, 325
- Илларион (Троицкий), священноисповедник, архиепископ Верейский, 127, 170
- Имерий, епископ Тараконский, 178, 181, 203, 215, 264, 324
- Ингильрам, 49, 50, 113, 186, 187, 220, 221, 266
- Индия, дева, 74
- Иннокентий I, Римский папа, 50, 51, 56, 63, 74, 172, 177, 188, 193, 195, 196, 212, 215, 224, 240, 264, 265, 298, 332
- Иннокентий IV (Синибальдо деи Фисески), Римский папа, 85, 89, 302, 330
- Иннокентий X (Джамбаттиста Памфили), Римский папа, 92
- Иоанн, апостол и евангелист, 34
- Иоанн, архиепископ Антиохийский, 215
- Иоанн Воин, мученик, 12.
- Иоанн Дамаскин, преподобный, 184
- Иоанн, диакон, 299
- Иоанн Златоуст, святитель, архиепископ Константинопольский, 6, 74, 77, 193, 212
- Иоанн, епископ Китрский, 126, 170, 311, 329
- Иоанн Постник, патриарх Константинопольский, 32
- Иоанн (Салофакиол), архиепископ Александрийский, 205
- Иоанн (Соколов), архимандрит 129
- Иоанн Схоластик, патриарх Константинопольский, 18, 32, 35, 43, 46, 47, 48, 58, 69, 94, 138, 103, 203, 213, 256, 304, 305, 321, 322
- Иоанн XXII (Жак д'Юэз), Римский папа, 89
- Иоанну П., 46, 117, 118, 119, 159, 163, 198, 200, 214
- Иосаф, митрополит Эфесский, 136, 311, 329
- Иосиф, патриарх Московский и всея России, 123
- Ипполит Римский, священномученик, антипапа, 79, 167, 211, 321
- Иракий, Византийский император, 48, 91, 121, 305
- Иринеи, священномученик, епископ Лионский, 82, 175
- Ирнерий, юрист, 280
- Исидор, святитель, епископ Севильский, 65, 268, 301, 308, 319
- Каббасю Ж., 99, 185
- Калашников С.В., 126, 128
- Кальвин (Жан), 95
- Камерон (Ричард), 93,
- Карл Великий, Римский император, 97, 104, 227, 228, 231, 234, 326, 327
- Карл Лысый, Римский император, 230
- Карсавин А.П., 137, 141, 142, 143, 157, 158
- Карташев А.В., 19, 128, 137, 139, 140, 141, 143, 144, 170, 192, 199, 243
- Кассиан, пресвитер Антиохийский, 74
- Кассиодор, 111
- Каталано Дж. 18, 24
- Кашинг К., 282, 284, 287, 289, 291, 292
- Квеснелл Паскалий, ораторианец, 12, 36, 51, 100, 102, 207, 222, 233, 235, 236, 327

- Керов В.А., 255
- Киприан, священномученик, епископ Карфагенский, 48, 68, 80, 126, 168, 169, 170, 244, 299, 319
- Кирилл, святитель, архиепископ Александрийский, 193, 194, 215, 299, 324
- Кирилл III, патриарх Константинопольский, 125, 127, 160, 169
- Клауде А., 258
- Клебер, генерал, 103
- Клерк К. де, 118
- Климент I, священномученик, Римский папа, 165, 168, 180, 182, 203, 216, 275, 321
- Климент III (Гвиберт, архиепископ Равеннский), антипапа, 85, 285, 295
- Климент XI (Джанфранческо Альбани), Римский папа, 100
- Колов Максим, протоиерей, 164
- Колети Н., 101, 173
- Коломбан, святой, 67
- Колосимо Ж.Ф., 164
- Конгалл, 67
- Кондаков Н.П., 144
- Констант, Византийский император, 27
- Константин Кавасила, 311
- Константин, равноапостольный, Римский император, 16, 23, 25, 69, 175, 189, 250, 251, 253, 258, 261, 301
- Констанций, Римский император, 16, 73, 176, 190, 244, 327
- Корекко Э., 72, 152
- Корнелий, епископ, 168
- Коссар П., 93, 97, 102, 173
- Краббе П., пресвитер OFM, 88, 105, 234
- Крайнева Н.И., 158
- Кресконий, канонист, 59, 172, 268, 269
- Кромаций, епископ Аквилейский, 255
- Крумбахер К., 154
- Кузнецов Н.Д., 6.
- Кунстанс (Кустант) П., 222, 233, 241
- Курбатов Г.А., 149, 248, 253, 254, 255, 256
- Курганов Ф.А., 18, 134, 135
- Кус А., 44
- Кюнтц О., 121
- Лаббе Ф., пресвитер SJ, 93, 97, 102, 105, 118, 173
- Лаврентий, антипапа, 75, 262
- Лаврентий, священномученик, архидиакон Римский, 180, 239, 325
- Лампе П., 167
- Ландау П., 117, 281, 285, 287, 289, 290, 293
- Лебедев А.П., 136, 137, 146, 147, 163
- Лебедева Г.Е., 147, 149, 153, 247, 248, 255
- Ле Бра Г., 51, 115
- Лев I Великий, святитель, Римский папа, 32, 55, 63, 74, 75, 100, 102, 177, 178, 179, 188, 194, 195, 196, 198, 216, 218, 220, 235, 260, 262, 265, 280, 298, 316, 324
- Лев III Исаврийский, Византийский император, 71
- Лев VI Мудрый (Философ), Византийский император, 6, 7.
- Лев II, Римский папа, 66
- Лев IV, Римский папа, 310
- Лев IX (Бруно Эгисхьем фон Дарсбург), Римский папа, 198, 284, 323
- Лев X (Джованни Медичи), Римский папа, 86,
- Левченко М.В., 146, 252, 257
- Левон Ж. 212
- Леклерк А. OSB, 108
- Леклерк Ж., 284
- Леонтий Византийский, 30

- Леонтьев К.Н., 154
 Леунклавий И., 91, 108, 151
 Либерий, святитель, Римский папа, 73,
 176, 183, 190, 271, 275
 Лиутпранд, король лангобардов, 71
 Лицци Теста, Р., 248, 249, 255
 Лоренцо Валла, 85, 275
 Лосев А.Ф., 34
 Лосский В.Н., 122
 Лотарь, Римский император, 232
 Луи Филипп, король Франции, 82
 Лука Хрисоверг, патриарх Константи-
 нопольский, 136, 311, 329
 Луций, архиепископ Александрий-
 ский, 73
 Людовик Благочестивый, Римский им-
 ператор, 270, 283
 Людовик XIII, король Франции, 90
 Людовик XIV, король Франции, 92, 96,
 97, 99
 Лютер (Мартин), 86, 95
 Люцифер, епископ Калаританский, 245
 Маасен Ф. 51, 110, 115, 163, 222, 224,
 231, 232, 236
 Мавр, святой, 54, 221, 267
 Маврикий, Византийский император,
 33
 Магн, пресвитер, 168
 Мазарини Дж. Р., кардинал S.R.E., 92,
 101
 Маккароне, 163
 Максимиан, Римский император, 15
 Макарий (Булгаков), митрополит Мос-
 ковский, 5, 136
 Максим, епископ Туринский, 255
 Максим, Римский император, 176
 Максим Исповедник, 28, 184, 199, 318
 Мандельштам О. Э., 141
 Мандуз А., 120
 Манси, Дж. Д., архиепископ Лукан-
 ский, 102, 173
 Манксвелл Э. 234
 Мансфельд, 93
 Мануил Малакса, канонист, 311
 Ману-Нортъе, Е. 21, 120, 260
 Марин, епископ Арльский, 175
 Маритен Ж., 116
 Мария Дева, 50, 112, 171, 228, 240
 Мария Магдалина, 112
 Марк, апостол и евангелист, 183, 292
 Марк, патриарх Александрийский, 86,
 126, 311
 Марка П. де, архиепископ Парижский,
 98, 99, 192
 Маркиан, Византийский император,
 26, 215, 261, 262
 Маркс К., 29
 Мартин, епископ Браганский, 64, 65,
 94, 267, 272
 Мартин, священноисповедник, Римс-
 кий папа, 28, 75
 Мартин, святитель, епископ Турский,
 176
 Марута, епископ Манферкатский, 68
 Матильда, маркграфиня Тосканская,
 279, 282
 Матфей, апостол и евангелист, 217
 Матфей Властарь, канонист, 311, 330
 Медведев И.П., 143, 144, 147, 149, 153,
 154
 Мейендорф Иоанн, протопресвитер,
 122, 128, 144, 196, 197, 262, 309, 310
 Мелетий, архиепископ Антиохийский,
 44, 45, 191, 211, 323
 Мень М., 83
 Мережковский Д.С., 139, 157
 Мерлен Ж., 87, 275, 276
 Месроп Маштоц, 68, 213
 Мильтиад, Римский папа, 72, 175
 Минь Ж., аббат, 107, 108, 276, 312
 Мисен, епископ Куманский, 39, 75, 204,
 206, 209, 217, 218, 219, 238, 245, 246

- Митрофанов А.Ю., 5, 10, 72, 87, 115, 171, 177
- Михаил I Керуларий, патриарх Константинопольский, 199, 323
- Михаил III Анхиал, патриарх Константинопольский, 126, 169
- Мишеле Ж., 106
- Моисей, пророк, 320
- Моммзен Т., 106, 108, 109, 111
- Мордек Х., 230
- Мунье Ш., 12, 60, 117, 118, 119, 232, 237
- Муратори Л., пресвитер SJ, 101, 154, 160
- Мусин Александр, диакон, 150, 159, 244
- Найденова А.П., 131
- Наполеон I, император Франции, 103, 104
- Несторий, архиепископ Константинопольский, 77, 166, 193, 194, 205, 206, 207, 215, 216
- Нетлиш К.Л., 30.
- Никодим (Милаш), архиепископ Далматино-Истрийский, 8, 95, 125, 164, 185, 191, 192, 197, 198, 312, 333
- Николай Кузанский, кардинал S.R.E., 85, 274, 275
- Николай III, патриарх Константинопольский, 329
- Николай I, Римский папа, 37, 198, 273
- Никон Черногорец, канонист, 126, 149, 329
- Новат, пресвитер, 168
- Новатиан, пресвитер, 168
- Нундинарий, епископ Барселонский, 75, 245
- Ольденбург С.Ф., 143
- Ориген, 78, 299
- Ортега и Гассет Х., 116
- Осий, святитель, епископ Кордубский, 171, 184, 189, 190, 256
- Павел, апостол, 159, 164, 320
- Павел V (Камилло Боргезе), Римский папа, 90
- Павел Самосатский, 16
- Павлин (Паулин), архиепископ Антиохийский, 171, 190, 216
- Павлов А.С., 131, 133, 135
- Палладий, епископ Ратианский, 74, 181, 182, 244
- Палладий, митрополит Еленопонтийский, 45
- Паравичини Бальяни А., 234
- Паргуар Ж. 18
- Пастор Е., 282, 283, 284, 285, 287
- Пасхазий Ратберт, 270
- Пасхазин, пресвитер Римский, 187, 220
- Пасхалий II (Раньеро Бьеда), Римский папа, 291
- Паукапалия, канонист, 85
- Пейтц П. 57, 59, 65
- Пелагий, 74, 172
- Перель Е., 283
- Пето Д., пресвитер SJ, 90, 99
- Петолети М., 227, 231, 232, 234, 235
- Петр, апостол, 31, 36, 145, 163, 164, 168, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 193, 195, 198, 199, 204, 217, 227, 228, 262, 296, 297, 317, 320, 322
- Петр, архиепископ Александрийский, 16, 182
- Петр Великий, император Всероссийский, 124
- Петр Веронский, мученик, 308
- Петр Красс, 85
- Петр (Л'Юилье), архиепископ Нью-Йоркский и Нью-Джерсийский, 122, 182, 188, 212
- Петр Монг, патриарх Александрийский, 205, 208

- Пету Ф., 232, 240
 Пигулевская Н.В., 146
 Пий VII (Грегорио, Луиджи, Барнаба Кьярамонти), Римский папа, 104
 Пикассо Дж., 282
 Пилкин К.П., адмирал, 140
 Пинелли Л., 234
 Питра Ж.Б. кардинал S.R.E., 109, 306
 Платон, философ, 34
 Платон (Левшин), митрополит Московский, 128
 Попов И.В., новомученик, 35, 143
 Попов Николай, протодиакон, 7, 9
 Потлис М., 150, 312
 Присциллиан, 81, 83, 176
 Проб, епископ Канусийский, 245
 Прокопьев А.Ю., 92
 Проспер Аквитанский, 84
 Псевдо-Анаклет, 277, 296, 298, 301
 Псевдо-Бардоне, 282, 285
 Псевдо-Дамас, 272
 Псевдо-Еварист, 298
 Псевдо-Зеферин, 298
 Псевдо-Исидор, 42, 271
 Псевдо-Климент, 272, 275, 297, 298
 Псевдо-Мильтиад, 296
 Псевдо-Сильвестр, 272
 Псевдо-Феодор, 298
 Псевдо-Юлий, 272, 298
 Пьетри Л., 120, 206
 Пьетри Ш., 120, 121, 165, 171, 206, 242, 253
 Пульхерия, Византийская императрица, 261
Раев Н.П., 138
 Раллис Г., 150, 312
 Рангерий, епископ Луканский, 286
 Ранер А., 28
 Ранке Л. фон, 106
 Рекаред, король вестготов, 33, 65, 83
 Рец, Ж.Ф.П. де Гонди, кардинал S.R.E., 99
 Ришар Ф., 22, 24, 25
 Ришелье А. дю Плесси, кардинал S.R.E., 92
 Родригес Ф., 119
 Ростовцев М.И., 144
 Руфин, пресвитер Аквилейский, 50, 52, 84, 214, 332
 Руф, епископ Фессалоникийский, 193
 Сахерий Г., 229
 Секундиан, епископ Сингидунский, 74, 181
 Сенека, философ, 235
 Сергей (Страгородский), митрополит Московский, 127, 139, 170
 Сивольд, аббат, 227
 Сикст, нотариус, 217
 Сикст I, Римский папа, 170
 Сикст III, Римский папа, 74,
 Сикст V (Феличи Перетти ди Монтальто), Римский папа, 88
 Сильва Тарука К., 36, 222
 Сильван, епископ Калагурский, 245
 Сильвестр, Римский папа, 86, 184, 229, 301
 Симмах, Римский папа, 56, 75, 111, 206, 239, 243, 262, 299, 325
 Симеон Логофет, 94
 Симпациан, епископ Медноланский, 81, 177
 Симпаций, Римский папа, 55, 63, 203
 Синелл, 67
 Сириций, Римский папа, 56, 63, 74, 80, 170, 176, 178, 181, 188, 190, 195, 196, 197, 198, 203, 212, 215, 220, 260, 261, 264, 271, 272, 298, 324
 Сирмонд Ж., пресвитер SJ, 90, 109, 113, 118, 154, 162
 Скотт Вальтер, 104
 Созомен, 84, 191
 Соколов Пл., 259

- Сократ Схоластик, 84, 191
 Солер Е. 26
 Соловьев В.С., 19, 20, 155, 156, 157, 200, 202, 328
 Соловьев Илья, перей, 10
 Солодовников В.В., 82, 150, 245, 246
 Стефан, архиепископ Фессалоникийский, 54
 Стефан, священномученик, Римский папа, 80, 126, 168, 169, 170
 Стефан Турнэский, канонист, 278
 Суворов Н. В., 7, 130, 131, 132, 133, 134, 135, 214
 Суальпций Север, 84
 Сурий А., 88
 Сцуроми А., 282, 287, 297, 300
 Тавр, префект претория, 244
 Таласий, епископ Анжуйский, 61
 Танер Ф., 281, 282, 289, 295
 Тахо-Годи А.А., 35
 Теодорих, король остготов, 244, 262
 Тертуллиан, 79, 167
 Тимофей Элур, 205
 Томсинов В.А., 130, 131, 132
 Томсон Р.М., 234
 Третьяковский, 124
 Трибониан, 25, 26, 29
 Троянос С., 151, 164
 Трубецкой Е.Н., 34, 156, 157, 158, 159, 200, 201, 202, 250
 Трубецкой С.Н., 34
 Туан, 241
 Тураев Б.А., 157
 Турнер К. Х., 12, 51, 52, 53, 112, 113, 114, 115, 119, 121, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 230, 231, 235, 236, 237, 332
 Туррес Ф., пресвитер SJ, 90
 Уваров С.С., граф, 138
 Угелли Ф., пресвитер OFM, 101
 Угучьо, канонист, 85
 Удальцова З.В., 147, 254
 Ульпиан, юрист, 70
 Унковский А.М., 155
 Урбан, епископ Пармский, 73, 181
 Урбан II (Эд де Шатийон де Лажери), Римский папа, 291
 Урсакий, епископ Сингидунский, 73
 Урсин, антипапа, 73
 Успенский Б.А., 18, 124
 Успенский Ф.И., 153
 Фабиан, епископ, 168
 Фальки Дж. А., 28, 29
 Фаустин, пресвитер, 215
 Фебадий, епископ Агинский, 190
 Федотов Г.П., 116, 143, 157, 158
 Феликс III, Римский папа, 63, 75, 76, 80, 177, 203, 206, 218, 243, 262, 298, 325
 Феодор Студит, преподобный, 11, 184
 Феодора, Византийская императрица, 27
 Феодорит, блаженный, епископ Киррский, 271
 Феодосий I, Римский император, 16, 74, 86, 182, 191, 192
 Феодосий II, Византийский император, 17, 21, 22, 23, 25, 26, 36, 64, 69, 91, 109, 120, 149, 195, 208, 215, 216, 248, 261, 275, 280, 300
 Феодосий, чтец, 115
 Феофил, архиепископ Александрийский, 77, 193
 Фидас В.И., 151, 164
 Филарет (Дроздов), святитель, митрополит Московский, 8, 127, 129
 Филарет (Романов), патриарх Московский и всея России, 160, 169, 170
 Филипп IV Красивый, король Франции, 135
 Филипп, пресвитер Римский, 193
 Филосторгий, 84

- Финниан Клонара, 67
 Фирмилиан, епископ Кесарийский, 169
 Флавиан, архиепископ Антиохийский, 74, 171, 191
 Флиш А., 282
 Флоровский Георгий, протоиерей, 35, 84, 116, 123, 124, 128, 170
 Фока, Византийский император, 33
 Фотий, святитель, патриарх Константинопольский, 37, 46, 48, 94, 273, 306, 311, 312
 Фотин, епископ Сирмийский, 73
 Фоулер-Магерль Л., 289, 290, 293
 Франсен Ж., 117, 284, 285, 286
 Франциск I, король Франции, 87
 Фридберг, Э., 89
 Фронтон Дуцеус, 90
 Фульгенций Ферранда, диакон, 17, 59, 94
 Фурнье П., 51, 115, 281, 287, 289
 Фюстель де Куланж Н.Д., 14, 25, 106
 Хельтенхейм Т.Ф., 113
 Хильгенфельд Х., 121
 Хинкмар, епископ Реймский, 274
 Хинш П., 276
 Хлодвиг, король франков, 82, 97
 Хлотарь II, король франков, 225, 226, 231
 Хлотарь III, король франков, 226
 Хольвег А., 257
 Хоментовская А.И., 85
 Хомяков А.С., 127, 128, 169
 Хуберт святой, 233, 241
 Цахарие фон Лингенталь, К.Э., 109, 154
 Целестий, 74, 172
 Целестин I, Римский папа, 55, 56, 177, 193, 194, 215, 265, 316
 Цехиль-Экес К., 277
 Цецилиан, пресвитер Карфагенский, 113, 186, 187, 220, 221, 222
 Цыпин Владислав, протоиерей, 150, 307
 Чаадаев П.Я., 155
 Чичуров И.С., 149
 Шатобриан Франсуа де, 104
 Шварц Э., 44, 112, 114, 227, 228, 236
 Шилейко В.К., 157
 Шиллер Фридрих, 104
 Шишкин А.Б., 124
 Шмеман Александр, протопресвитер, 20, 116, 144
 Шон К.Г., 277
 Штиклер А., 44, 50, 51, 52, 54, 57, 62, 117, 282
 Штрауб Э., 112
 Щапов Я.Н., 149
 Эбон, епископ Реймский, 270
 Экзуперий, епископ Тулузский, 215
 Экко Умберто, 87
 Эннодий, епископ Тицинский, 299
 Ювиниан, 74, 257, 264
 Юденич Н.Н., генерал от инфантерии, 140
 Юлиан, пресвитер Римский, 56
 Юлиан Отступник, Римский император, 16
 Юлий, Римский папа, 70, 73, 189
 Юстин II, Византийский император, 304
 Юстиниан I, Византийский император, 6, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 26, 27, 29, 30, 32, 36, 39, 45, 47, 58, 69, 78, 91, 112, 149, 196, 246, 248, 267, 275, 280, 300, 303, 304, 305, 309, 314, 315, 321
 Юстиниан II, Византийский император, 48, 126
 Ясперс К., 116
 Яффе Ф., 111

УКАЗАТЕЛЬ ИНОСТРАННЫХ ИМЕН

- Afanasiëff N. 146, 161
Amandus sanctus 62
Amanieu A. 287
Ambrosius, episcopus Mediolanensis,
178, 227, 228, 232, 234
Andreas Mankuswell, 337
Angilramnus, 270
Anselmus Luccensis, episcopus, 13, 240,
270, 281, 282, 283, 284, 288, 289,
291, 292, 295, 297, 317, 336
Apirarius, 58
Atticus, 58
Augustinus Hipponensis episcopus, 215
Aurelius Carthaginensis episcopus, 59
Babut E., 115, 176, 177
Basdevant-Gaudemet B., 121, 170, 173
Ballerini Hieronimus, 102, 222, 235,
240, 288, 299, 326, 334, 336, 338
Ballerini Pertus, 102, 222, 235, 240, 288,
299, 326, 334, 336, 338
Baluze E. (Balusius S.), 97
Basilius, archiepiscopus Caesariensis, 183
Batiffol, 181
Bauo sanctus, 337
Beneschevič V.N., 47, 48, 185, 191, 192,
195, 304, 307, 313, 314, 315, 317, 319
Bernhard J., 278, 334
Bernheim E., 285
Beveregius G., 68, 95
Binus S., 90
Bohemerius H., 89
Bonizo Sutriensis, 283
Brehier L., 250
Bruns Th., 105, 179
Buenacasa Perez C., 259
Burchardus Wormatensis, 278, 295, 296
Cabassutius J., 99, 186
Caecilianus, 58,
Cassiodor, 111
Chateaubriand F. de, 107
Chlodoardus, rex francorum, 335
Cimma M., 260
Claude D., 258
Coleti N., 101
Conde J.F., 84, 308
Constantinus, Romanus imperator, 301
Cossartius G. presbyter SJ, 93
Coustantius, 222, 337
Crabbe, 88, 233, 337, 338
Cresconius, 55, 59, 171, 268
Cushing K.G., 284, 287, 289, 291
Cyprianus, episcopus Carthaginensis, 168
Cyrillus, 58
Dauid, 67
De Clercq C., 81, 118
De Giovanni L., 256
Dekkers E., 207, 222, 223, 335
Dell'Asta A., 117
Denzinger H., 100, 169, 180, 181, 192,
193, 194, 198
Destephen S., 121
Dionysius Exiguus, 57, 59, 65
Dobias-Rozdestvenskaya O., 103
Dominguez del Val U., 308
Duchesne L., 111, 204, 256, 260, 335
Dvornik F., 196, 244
Erdo, 43, 64, 122
Featherstone M., 306
Fliche M., 282
Fonseca C.D., 284
Fornasari M., 269
Fournier, 116, 281, 334
Fowler-Magerl L., 281, 289, 290, 291, 293
Fransen G., 278, 286, 287, 295, 296

Frideberg K., 191, 302
 Fulgentius Ferrandus, diaconus, 17, 59
Gaar A., 207, 222, 223, 335
 Garcia Vollosada R., 168
 Gaudemet J., 42, 46, 49, 51, 53, 54, 58, 59,
 60, 61, 66, 67, 72, 83, 118, 120, 215,
 219, 222, 223, 242, 248, 255, 257, 335
 Geerard M., 211
 Gelasius I, Romanus episcopus, 197, 205,
 207, 217, 222
 Gelzer H., 68, 121
 Gilda, 67
 Gill I., 194
 Gilson E., 116
 Gonzalez F.A., 105
 Gonzalez Novalin J.L., 84, 308
 Gothofredus D., 91
 Gothofredus J., 91
 Gratianus, 89, 99, 116, 284, 302
 Gregorius presbyter, 316
 Gregorius VII, Romanus episcopus, 284, 291
 Grierson Ph., 227
 Gryson R., 119
 Guillelmus Malmesburiensis, 337
 Guinot J.-N., 236
 Günther O., 57, 111, 206, 217, 218, 219
 Guntz O., 68, 121, 237
Harduinius J., 96
 Hartel, 168
 Hefele K., 108
 Hemmer H., 165, 182
 Henricus IV, imperator Romanorum, 85
 Hereneus, episcopus Lugdinensis, 175
 Hilgenfeld H., 68, 121
 Hinschius, 270
 Hohlweg A., 257, 258
 Hurbertus sanctus, 337
Ingilramus, 49
 Iesus Christus, 194, 317
 Ioannes Scholasticus, 47, 304
 Isidorus Hispalensis episcopus, 222
 Ivo, episcopus Carnotensis, 301, 302
Jaffe Ph., 111
 Joannou P.P., 44, 46, 47, 58, 118, 163,
 191, 192, 195, 198, 288
 Jugie M., 128
 Justelle H., 47, 48, 51, 58, 94
 Justinianus I, imperator Romanorum, 112
Koch H., 197
 Kolzer Th., 278, 295, 296
 Krueger, 109
Labbeus Ph. Presbyter SJ, 93, 97
 Landau, 281, 282, 284, 291, 293, 294
 Lansel S., 119
 Le Bras G., 116, 334
 Leclerque H. OSB, 108
 Leclercq J., 284
 Lefebure Ch., 335
 Lelong A., 182
 Leo I, Romanus episcopus, 100, 235, 240,
 299, 326, 334
 Leunclavius I., 92
 Liberius, Romanus episcopus, 56
 Lizzi Testa R., 249, 255, 257
 Lorca B., 168
 Lupus Ch., 99
Maasen F., 53, 110, 214, 215, 223, 228,
 236, 237, 334, 335, 336, 337, 338
 Maccarone M., 297
 Magnou-Nortier E., 21, 120, 259, 260
 Mandouze A., 120
 Mansi I.D., archiepiscopus Luccensis,
 102, 179, 257, 273
 Marca de, 98
 Maria Virgo, 336
 Marin T., 119
 Martinez Diez G., 65, 83, 119
 Martinus Bracarensis episcopus, 64, 267
 Maurus sanctus, 62
 Merlinus I., 87
 Meyer P.M., 109
 Migne J.P., 107, 108

Miltiadis, Romanus episcopus, 80, 171,
 174, 206, 243
 Misenus Cumanus episcopus, 206, 218
 Mommsen Th., 109, 111
 Montalban F.J., 168
 Mordek H., 230, 232, 299
 Munier Ch., 59, 60, 61, 81, 118, 119,
 173, 177, 232, 233, 272, 299, 334,
 336, 337, 338
 Muratori L., presbyter SJ, 101
 Nedungatt G., 306
 Ohme H., 306
 Ortega y Gasset J., 116
 Orti V.C., 84, 308
 Paravicini Bagliani A., 234
 Pasztor E., 282, 285, 287, 297
 Patricus sanctus, 66
 Paulus V, Romanus episcopus, 90
 Peitz P.W.M., 57, 59, 65
 Perels E., 283
 Pettoletti M., 227, 228, 232, 234, 235,
 299, 336, 337, 338
 Petrus apostolus, 180, 181, 193, 317
 Phillips G., 189
 Picasso G., 283
 Pietri Ch., 80, 121, 171, 174, 204, 206,
 217, 243, 253
 Pietri L., 121, 204, 206, 217
 Pinelli L., 234
 Piro R., 101
 Pitra J.B., 109, 306
 Quesnellus, 100, 222, 334, 336, 338
 Rahner H., 260
 Rambaud-Buhot J., 62
 Richard F., 23
 Rodriguez F., 65, 83, 119
 Sammartani, 101
 Sanchis A.M., 84, 308
 Schulz K., 296,
 Schwartz E., 44, 112, 227, 228, 299, 335,
 336, 338
 Seek O., 111
 Seiworld de Bath, 227
 Silva Tarouca K., 57, 219, 335
 Silvester, Romanus episcopus, 56, 301
 Sirmundus J, presbyter SJ, 90
 Sixtus notarius, 217
 Sixtus III, Romanus episcopus, 80, 171,
 174, 243
 Sixtus V, Romanus episcopus, 89
 Solovieff V., 20, 200
 Somerville R., 285
 Staerk A., 103
 Stickler A., 44, 47, 49, 51, 55, 56, 57, 58,
 59, 61, 62, 65, 66, 67, 68, 117, 282
 Straub E., 112
 SURIUS L., 88
 Szuromi S., 240, 270, 284, 287, 288, 297,
 298, 299, 301, 326
 Thaner F., 13, 282, 291, 292, 295, 297
 Theinerius A., 281
 Thomson R.M., 234
 Turner C.H., 49, 50, 51, 52, 53, 58, 114,
 186, 187, 188, 189, 191, 220, 222,
 223, 225, 226, 227, 231, 299, 333,
 334, 335, 336, 337, 338
 Ughelli F., 101
 Ulmann W., 197
 Van der Speeten J., 49, 221, 332, 336, 338
 Vedastus sanctus, 336
 Vinianus, 67
 Violante C., 283, 284, 285, 297
 Vives J., 119
 Voelle G., 47, 48, 51, 58, 94
 Wassersleben F.W.H., 67
 Wibertus, Ravennatus archiepiscopus,
 285
 Wilmans R., 283
 Wurm H., 334, 338
 Zaharie von Lingental K.E., 109
 Zechiel-Eckes K., 268
 Zelzer M., 171, 178

СОДЕРЖАНИЕ

От издательства	5
Предисловие автора	11
Введение	13
Церковно-юридическая (каноническая) литература до «псевдо-исидоровского» периода и динамика ее развития (IV–VIII вв.)	42
Научная традиция изучения церковно-юридической литературы раннего Средневековья	85
Развитие идеи первенства Римского епископа в ранне- византийскую эпоху и «геласиевская» экклесиология ..	162
Папа Геласий (492–496) и проблема рецепции римского церковного права	204
Древнейшие сборники церковного права в ранневизан- тийскую эпоху и «Квеснеллово собрание»	210
Динамика церковно-государственных отношений в IV–V вв. и их значение для «геласиевского возрождения»	242
Влияние «геласиевского возрождения» на эволюцию римского церковного права	264
Итоги кодификации церковного права в постисидоровский период: «Собрание канонов» Ансельма Луканского	279
Римское церковное право и византийский «Номоканон» ..	303
Заключение. Историческое и правовое значение кодифи- кации церковного права в раннее Средневековье	320
Приложение. «Кодекс канонов вселенской церкви» или <i>Collectio Quenelliana</i>	332
Рекомендованная литература	401
Résumé	410
Указатель имен	412